

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

**Тезисы докладов
научной конференции**

(Москва, 15 апреля 2019 г.)

Издательство «Ключ-С»
Москва, 2019

Утверждено к печати
Учёным советом ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Ответственный редактор:
Н.С. Кулешова

Редакционная коллегия:

И.И. Абылгазиев, М.В. Воронцова, Н.В. Громова,
Д.В. Деопик, О.В. Дёмочкина, В.Б. Иванов, С.А. Кириллина,
Н.С. Кулешова, З.Г. Лапина, О.А. Машкина, М.С. Мейер,
Е.А.Оганова, М.Л. Рейснер, А.Л. Сафронова, Ж.С. Сыздыкова,
М.Ю. Ульянов, Н.Ю. Ульченко, Л.А. Фридман.

Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика:
Л175 тезисы докладов научной конференции (Москва, 15 апреля
2019 г.) / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран
Азии и Африки ; [отв. ред. Н. С. Кулешова]. – Москва : Ключ-С,
2019. – 360 с.

ISBN 978-5-6041804-7-1

Предлагаемое издание представляет собой сборник тезисов докладов профессоров, преподавателей и научных сотрудников ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, а также приглашённых специалистов из ряда ведущих академических институтов и общественных организаций РФ.

УДК [008+908](5/6)(082)
ББК 26.89(5+6)я4

ISBN 978-5-6041804-7-1

© ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019
© Оформление. Издательство «Ключ-С», 2019

Содержание

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

<i>Башкеев В.В.</i> Исследование структуры первой главы «Хань-шу» <i>Гао-ди цзи шан</i> («Хроника Гао-ди», часть 1) и ее сравнение с параллельными текстами «Шици»	11
<i>Вигасин А.А.</i> <i>Агуа/āguа</i> и <i>dāsa</i>	13
<i>Грачев М.В.</i> Тюрьма в японской судебной системе эпохи Хэйан	15
<i>Никольская К.Д.</i> О непонятных «дурных браках» в индийской традиции	17
<i>Попова Г.С.</i> О временной атрибуции упомянутых в <i>Шуцзине</i> («Каноне записей») административных должностей	19
<i>Сюннерберг М.А.</i> Государственное регулирование семейно-брачных отношений в Дайвьете в XV веке	21
<i>Трухан Д.В.</i> Японский императорский двор в раннехэйанский период перед лицом стихийных бедствий	24
<i>Ульянов М.Ю.</i> К характеристике социальных и культурных процессов периода Чуныцзо (771–453 гг. до н.э.): от школы «дворцовой» к школе «массовой»	25

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки

<i>Арешидзе Л.Г.</i> Возможны ли сегодня изменения в старой системе императорской власти в Японии	28
<i>Волčkova Е.В.</i> «Чистые воды Цзин, мутные воды Вэй»: моральный урок императора Цяньлуна (1736–1796)	32
<i>Долгов Б.В.</i> Новый этап сирийского кризиса в 2017–2019 гг.	34
<i>Захаров А.И.</i> Отношения Индии и США в 1991–2001 гг.	37
<i>Коняшкина Т.А.</i> К вопросу о легитимации Реза-шаха Пехлеви (по материалам «Сафар-наме-йе Хузистан»)	38
<i>Наливайко О.А.</i> Катэй рёри. Формирование концепции домашней кулинарии в Японии в эпоху Мэйдзи	40
<i>Новаkова О.В.</i> Вьетнам и Китай: морская дипломатия в Тонкинском заливе (1994–2018)	42
<i>Овчинникова Л.В.</i> Первоапрельское движение 1919 г. в Корее и японские реформы «культурного управления». По страницам служебных изданий японского генерал-губернаторства	44
<i>Подоплелов С.А.</i> «Свои» vs «чужие»: бангладешские нелегальные мигранты в Индии (на примере штата Ассам)	46
<i>Сафронова А.Л.</i> «Берлинская стена Азии»: живое наследие раздела Британской Индии 1947 г.	48
<i>Симонова-Гудзенко Е.К.</i> Зарубежные страны на картах Японии Исикава Рюсээн (1661–1720)	50
<i>Смирнов В.Е.</i> Трактат «Сафар-наме» Али Эфенди как источник по изучению военно-политической организации Османского Египта первой половины XVII в.	52

<i>Спектор И.Б.</i> Делийские сикхи: изменение роли общины в политической жизни столицы во второй половине XX – начале XXI вв.	54
<i>Тертицкий К.М.</i> Завещание императора Юнчжэна в русских переводах	56
<i>Филлимонова А.Л.</i> Исламский фактор на парламентских выборах в Пакистане 2018 г.: значение и перспективы	58
<i>Фурсов К.А.</i> Субхас Чандра Бос – могильщик Британской империи?	59
<i>Шалупенко Е.В.</i> Роль женщины в армии Пакистана	61
<i>Шарова А.Б.</i> Описание стран в географической энциклопедии Утида Масао "Ёти Сирыку": Россия в период Токугава (1603–1868)	64
<i>Шлыков В.И.</i> Политико-идеологическая трансформация Турции в период правления Партии справедливости и развития (2000-е и 2010-е гг.)	65
<i>Шлыков П.В.</i> Джемааты в политической истории современной Турции: опыт системного анализа	68
Политология	
<i>Арсанова Т.Е.</i> ЮНЕСКО на Ближнем Востоке	71
<i>Ахтамзян Н.А.</i> Миграционная проблема в Германии: пути решения и последствия	73
<i>Васецова Е.С.</i> Сирийский кризис беженцев как угроза социально-политической стабильности Ливана	77
<i>Кулеишова Н.С.</i> О типологизации современных миграций	79
<i>Кутюбая Е.А.</i> Страны АСЕАН в формате 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН	82
<i>Романова И.А.</i> Роль социокультурных факторов в переговорном процессе с японцами	84
<i>Смирнов Д.А.</i> Азия как объект соперничества между Китаем и Индией	88
<i>Стреловская А.Л.</i> Основные проблемы деятельности СААРК на современном этапе	90
Языкознание	
<i>Аганина Г.Р.</i> К вопросу о выделении группы гласных в традиционной фонетической теории арабов	92
<i>Аскерко Н.А.</i> Ломаное множественное число в трактате Ибн Йа'иша «Шарх ал-Муфассал»	94
<i>Бессонова Е.Ю.</i> Языковые особенности адаптированных информационных текстов в японском Интернет-пространстве	96
<i>Быкова С.А.</i> Вульгаризмы дзокуго в современном японском языке	98
<i>Громова А.В.</i> Именная морфология диалектов Фарса (на примере дашти и лайзангани)	100
<i>Дуалет Ф.Н.</i> Ассоциативный эксперимент как способ выявления роли вербальных значений в механизме функционирования языкового сознания у китайцев: концепт 'лицо'	103

<i>Закрыжевский М.Ш.</i> Концепция «медиа-языка» в Арабском мире	104
<i>Захарьин Б.А.</i> Декаузативы в истории индоарийского	106
<i>Иванов В.Б.</i> Гласные в речи ваханцев Пакистана, Таджикистана и Китая	108
<i>Иванова О.А.</i> Восприятие ценностей немецкой культуры (на примере обращения А.Меркель)	110
<i>Кондрашевский С.А.</i> К этимологии ключевых знаков «человек», «женщина», «ребенок» в китайском языке	113
<i>Крнета Н.Д.</i> Повышенная вежливость женской речи в японском языке и ее причины	114
<i>Курочкин В.Г.</i> О некоторых проблемах эволюции форм вежливости в японском языке новейшего времени	116
<i>Лебедев В.В.</i> Глагольное словоизменение и время глагола в литературном арабском языке (вопросы теории арабской грамматики и практики обучения арабскому языку)	119
<i>Макаева С.М.</i> Оценочная метафора в современном публицистическом тексте	121
<i>Нечаева Л.Т.</i> Союзное слово сорэни в японском языке	123
<i>Саватеева Т.С.</i> О структуре и прагматике пословиц о частях тела на египетском диалекте	126
<i>Уланский Е.А.</i> Правила интерпретации сутр Панини	128
<i>Фролова И.В.</i> «Старое» и «новое» в употреблении и восприятии гендерной лексики в немецком языке	130
<i>Фролова Е.Г.</i> К вопросу о языковых контактах на Филиппинах	131
<i>Хохлова Л.В.</i> Дифференцированное маркирование прямого объекта, выраженного одушевленным существительным, в языке хинди	133
Теория, методика и практика преподавания иностранных языков	
<i>Васильева Л.В.</i> Роль игры как средство для развития коммуникативных навыков и компетенций на занятиях по речевой практике японского языка	137
<i>Вихрова А.Ю.</i> Применение игровых методик в преподавании китайского языка детям дошкольного возраста	139
<i>Волхонский Б.М.</i> Диглоссия: препятствие или стимул для преподавания? (на материале языка синхала, с параллелями в других языках Южной Азии)	141
<i>Дашевская Г.Я., Кондрашевский С.А.</i> Роль учебника «Китайский язык для делового общения» в формировании профессиональных переводческих навыков у студентов-китаистов	143
<i>Гаджиева А.А.</i> Способы семантизации лексики при обучении казахскому языку как иностранному (на примере залоговых форм глагола)	145
<i>Громова А.В.</i> Иранские учебные аудиокурсы в преподавании современного персидского языка	147

<i>Зиза М.В.</i> Метод проектов в изучении английского языка	150
<i>Клюкина Е.В.</i> Способы запоминания лексики (на основе опроса студентов)	153
<i>Кравченко С.Л.</i> Характерные ошибки студентов в амхарском произношении	155
<i>Луо Мэй.</i> К вопросу о начальном этапе преподавания китайского языка	158
<i>Магдалинская Ю.В.</i> Некоторые аспекты семантического анализа правовых текстов в практике преподавания китайского языка на старших курсах и в магистратуре	160
<i>Машикина О.А., Юй Цзе.</i> Формирование лингвострановедческих компетенций студентов-китаистов посредством кросскультурного диалога	162
<i>Мяо Чунь.</i> Практика ведения и активизация лексики у студентов среднего уровня	164
<i>Нечаева Л.Т.</i> Основные направления развития методики обучения японскому языку в настоящее время	165
<i>Оганова Е.А.</i> Мультимедийные технологии в практике преподавания турецкого языка: опыт последних двух лет	168
<i>Панина Е.В.</i> Преподавание восточного языка (хинди) в контексте развития информационных технологий	169
<i>Поспелова М.К., Самохвалова М.А.</i> Проблемы преподавания базового грамматического курса китайского языка	169
<i>Румак Н.Г.</i> Обучение некоторым сложностям употребления японских числительных в различных синтаксических позициях на начальном этапе изучения языка	172
<i>Сергеева А.А., Круглова В.В.</i> Опыт преподавания китайским студентам: вызовы и перспективы интернационализации высшего образования (на примере кафедры китайской филологии ИСАА МГУ)	174
<i>Софронова Л.В.</i> Проект как форма рубежного контроля по иностранному языку в бакалавриате и магистратуре	176
<i>Суетина Ю.Г.</i> О методике работы переводов реалий хауса на начальном этапе обучения языку	179
<i>Троицкий П.В.</i> «Китайский язык в юриспруденции»: общая характеристика спецкурса и особенности его преподавания	181
<i>Шихзаманова Л.Э.</i> К вопросу об интеграции разговорной лексики в общий курс английского языка	183
<i>Шихзаманова Т.Н.</i> К вопросу о гипнопедии	185
<i>Чиврикова А.В.</i> Методика преподавания лексики турецкого языка на начальном этапе ее изучения	187

Литературоведение

<i>Акимушкина Е.О.</i> Циклы стихов о Кашмире в персоязычной поэзии XVI–XVII веков (к проблеме развития жанра шахрашуб)	192
<i>Ардашников А.Н.</i> «Дневник путешествия в Хузестан» Реза-хана – травелог или автобиография?	194

<i>Бакланова Е.А.</i> Развитие женских образов в рассказах тагалоязычных писательниц XX века	196
<i>Барбошкин К.Е.</i> Классика китайской литературы в устах современных политиков (на примере речей Си Цзиньпина)	197
<i>Башелешвили Л.О.</i> Иосиф Прекрасный в облике монаха – страдания Микаила Савваита (грузинская версия)	199
<i>Волкова К.Б.</i> Пьеса короля Вачиравуда «Ной Интхасен» – просветительская комедия нравов	201
<i>Гурия А.Г.</i> Обыгрывание моралистических клише в назидательных вставках литературной джатаки Харибхатты (V в. н.э.)	203
<i>Ершова Ю.С.</i> Несказанные слова любви: сборник рассказов Деви Лестари «С обеих сторон»	204
<i>Караетьянц А.М.</i> Проблемы композиции поэм Бо Цзюйи «Вечная печаль» и «Пипа»	206
<i>Кукушкина Е.С.</i> Шинтская ритуальная драма в зрелищной культуре Малайзии: от городских представлений до современной драматургии	209
<i>Невзорова Д.Н.</i> Особенности метрического строя «непрофессиональной» поэзии на материале плачей из «Жизнеописания посланника Аллаха» Ибн Исхака – Ибн Хишама	211
<i>Никольская С.В.</i> «Молодежная проза» как тематическое и стилевое направление в современной китайской литературе	213
<i>Оганова Е.А.</i> Образ М.К. Ататюрка в произведениях современной турецкой драматургии	214
<i>Осипова К.Т.</i> «Спой нам ещё!»: об арабской музыкальной культуре IX–X вв.	217
<i>Погосян Н.А.</i> Тема «чужбины» в творчестве турецкого писателя Азиза Несина	218
<i>Поспелова М.К.</i> Литература после образования КНР (жанр «саньвэньши»)	219
<i>Рейснер М.Л.</i> Чему учит «Книга руководства» («Дастур-нама») Низари Кухистани (XIII в.)?	221
<i>Репенкова М.М.</i> Поэтологические особенности романа Зольфио Ливанели «Дом Лейлы»	223
<i>Сабокова А.Р.</i> Исторические предания полуострова Идзу	225
<i>Сафронов В.В.</i> Вступление к воспоминаниям магрибинской студентки о годах учебы в Советском Союзе	227
<i>Семененко И.И.</i> Поэтика в рамках комментария	227
<i>Семина А.И.</i> Васф в турецкой поэзии (на материале <i>кыт'а</i> XV–XIX вв.)	230
<i>Стрелкова Г.В.</i> Особенности прозы поэта Кунвара Нараяна	231
<i>Строганова Н.А.</i> Становление эпистолографии в Древнем Китае	233
<i>Фролова М.В.</i> «Тайная сила» яванской мистики в одноимённом романе нидерландского писателя Луи Куперуса (1900 г.)	235

Экология культуры Востока

<i>Ермаков К.В.</i> Корейский конфуцианец Чон Дасан (1762 – 1836) о территориальных притязаниях на Ляодунский полуостров	238
<i>Бессонова Е.Ю.</i> Актуальная тема Олимпиады Токио 2020 в традиционной японской новогодней открытке	240
<i>Зайцев В.Н.</i> Памяти Зинаиды Григорьевны Лапиной.....	242
<i>Машикина О.А.</i> Новые ассоциации и смыслы в китайской политической лексике.....	243
<i>Никитина Л.В.</i> Каким способом японцы сохраняют природный вкус продукта.....	244
<i>Семенов И.И.</i> Концепция нефрита в древнекитайской эстетике	246

Африканистика

<i>Громова Н.В.</i> Выражение плюральности в языках банту	249
<i>Грушина О.А.</i> Лексико-грамматические особенности заголовков экономических медиатекстов на языке суахили	250
<i>Косогорова М.А.</i> Система расстановки ударений в языке пулар	252
<i>Кравченко С.Л.</i> Образование номинации деятеля в амхарском языке.....	254
<i>Милокова О.Э.</i> Социолингвистическая ситуация в Танзании: язык кереве	256
<i>Порхомовский В.Я.</i> Переводы Библии и формирование литературной нормы в языках Нигерии: типологический аспект	258
<i>Суетина Ю.Г.</i> Опыт деятельности издательства «Прогресс» по переводу на язык хауса	260
<i>Урб М.Р.</i> Цветообозначения в языке зулу	262

Экономика стран Азии и Африки

<i>Бойцов В.В.</i> Юго-Восточная Азия и крупные регионы развивающихся стран: динамика, структура и факторы роста.....	265
<i>Бочарова Л.С.</i> Тенденции развития инновационного сектора в ОАЭ	267
<i>Карамурзов Р.Б.</i> Динамика некоторых показателей экономического и социального развития Киргизии (1991–2017 гг.).....	269
<i>Касимовская Е.Н.</i> Загадка Фельдштейна-Хориоки в контексте африканских стран.....	271
<i>Матюнина Л.Х.</i> Глобальная ликвидность и проблема устойчивости финансовых рынков развивающихся стран (2009–2018 гг.).....	273
<i>Мельянцева В.А.</i> Основные параметры экономической модернизации арабских стран (1980–2018 гг.).....	276
<i>Сучкова А.А.</i> Развитие международного туризма в странах Африки и проблема нелегальной торговли дикими животными и растениями	278

<i>Тимошина И.Л.</i> Инновационная политика Японии: университетские венчуры и стартапы.....	281
<i>Ульченко Н.Ю.</i> Вопросы методологии и практики оценки социально-экономического развития Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2017 гг.).....	283
<i>Цветкова Н.Н.</i> К вопросу об оценке уровня развития цифровой экономики в странах Азии и Африки.....	285

Религии, философия и культура на Востоке

<i>Башелевшили Л.О.</i> «Чужие» молитвенники за картли – трансформация доктрины прозелитизма.....	288
<i>Бочковская А.В.</i> Показывать нельзя отменить: фильм «Нанак-шах-факир» и конструирование запретов в современном сикхизме	290
<i>Войтенко А.А.</i> Базовые элементы религиозной самоидентификации этноконфессиональных общин Христианского Востока.....	292
<i>Жантиев Д.Р.</i> Попытки распространения суннитского ислама среди сирийских алавитов (вторая половина XIX в.).....	294
<i>Заболотный Е.А.</i> Чины святости в церкви Востока	296
<i>Захарьин Б.А.</i> Зачатки феминистской идеологии в трудах джайнского схоласта Харибхадра-Сури (VIII в.)	297
<i>Кобищанов Т.Ю.</i> Современная социальная психология о влиянии идей святости и мученичества на самоидентификацию меньшинств	299
<i>Кириллина С.А.</i> Ал-Харам аш-Шариф – третья по значимости мусульманская святыня: визуальная репрезентация.....	300
<i>Краюшкин Н.Р.</i> Каир глазами мусульманских паломников XVII в.	302
<i>Львова Э.С.</i> «Африканские религии» Нового Света	304
<i>Низамутдинова О.В.</i> Революция в исламе: быть или не быть?	307
<i>Орлов В.В.</i> Ислам в колониальной политике Л.-Ю. Лиотэ: опыт становления французского протектората в Марокко (1912–1925 гг.).....	308
<i>Попов И.Н.</i> Первые шаги развития христианской Святой земли в начале IV века глазами Евсевия Памфила и паломника из Бурдигалы	310
<i>Прусская Е.А.</i> Религиозная политика французских властей в Алжире в 1830-х гг.	312
<i>Соловьева Д.В.</i> Легенда о Дар Ибн Маш`ал: неканоническое истолкование джихада в Алаутском Марокко	313
<i>Солодовник Д.М.</i> К вопросу о развитии современного российского исламского образования и его международной составляющей.....	315
<i>Старикова М.Н.</i> Мусульманские традиции vs светское законодательство: дискуссия о легитимности ранних браков (на примере штата Керала)	319

<i>Стрелкова Г.В.</i> Ритуальная еда в культе Виттхала и поэзии общины маратхских варкари	321
<i>Хохлова Л.В.</i> История взаимодействия этнической и конфессиональной составляющей в самосознании панджабцев в 17–20 вв.	323
<i>Якушев М.М.</i> Османская хлеботорговля в описаниях русских паломников и дипломатов XVIII в.	326

Круглый стол «Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа»

<i>Акинина О.Г.</i> Заимствованная лексика хаджжа	329
<i>Гаджиева А.А.</i> Первые миссионерские книги на казахском языке	331
<i>Громатикополо Д.С.</i> Языковая ситуация в странах СНГ	333
<i>Зайцев И.В.</i> Киевская рукопись «Истории и родословной черкесов»	335
<i>Жигульская Д.В.</i> Научная и общественно-политическая деятельность Ахмет-Заки Валиди Тогана в Турции в 1925–1932 гг.	338
<i>Исмайлова Л.Г.</i> Элементы этнокультуры в бытовом дискурсе (на примерах азербайджанских эмотивных фразеологических единиц)	340
<i>Кадырбаев А.Ш.</i> «Тибетская» проблема в международных отношениях в Центральной Азии	343
<i>Караев Т.М.</i> Университетская философия и наука России и «кавказский культурный мир»	345
<i>Кораев Т.К.</i> Центральная Азия в ранней ирано-мусульманской географической традиции: проблема исторической методологии	348
<i>Махаматов Т.М.</i> Просвещение как эволюция национального самосознания	350
<i>Нурулла-Ходжаева Н.Т.</i> Эстетика восстания 1916 г. в Центральной Азии	353
<i>Рахаев Д.Я.</i> И.Г. Чавчавадзе и грузинское национальное движение второй половины XIX – начало XX веков	355
<i>Сыздыкова Ж.С.</i> Великий Шелковый путь – путь взаимодействия культур	358
<i>Хушкдамова Х.О.</i> Женское движение Таджикистана в годы Великой Отечественной войны	360
<i>Шестаков Н.Р.</i> Место и роль партии турецкого меньшинства в Болгарии	361

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

Башкеев В.В.

Исследование структуры первой главы «Хань-шу» Гао-ди цзи шан («Хроника Гао-ди», часть 1) и ее сравнение с параллельными текстами «Шицзи»

Среди источников по истории Западной Хань (202 г. до н.э. – 8 г. н.э.) важнейшие: «Ханьшу» («Книга Хань») и «Шицзи» («Исторические записки»). Наша цель – установить, как они в целом и в каждой из глав соотносятся между собой по времени создания. Одна из задач – установить, был ли один памятник источником сведений для другого или в основе текстов каждого из них лежали и некие третьи источники.

К решению этих задач подходили и ранее, но для каждого памятника отдельно [2]. Будем решать эти задачи в текстологической плоскости, изучая оба памятника одновременно. Изложим результаты исследования структуры глав «Ханьшу» Гао-ди цзи шан 高帝紀上 («Хроника Гао-ди», часть 1) и седьмой и восьмой глав «Шицзи» Сян Юй бэньцзи 項羽本紀 («Основные хроники Сян Юя») и Гао-цзу бэньцзи 高祖本紀 («Основные хроники Гао-цзу»). Глава «Ханьшу» соответствует нескольким главам «Шицзи» – восьмой (в большей степени) и седьмой (в меньшей) и охватывает период 209–203 гг. до н.э. с момента провозглашения государства Западное Чу (209–202 гг. до н.э.) в 209 г. до н.э. и до решающего военного противостояния Сян Юя и Лю Бана в 203 г. до н.э.

Структура текстов древнекитайских исторических сочинений на этапе «критики текста» может быть рассмотрен на трех уровнях: ми-

кро, мезо и макро [1. С. 39–44; 3. С. 43–59]. Лексически-синтаксические структурные элементы микроуровня – «высказывания» и *иероглифы*. Иероглиф – минимальная единица, «высказывания» – некая их совокупность, определяемая наличием субъекта и предиката. На мезоуровне выделяются «синтагмы», состоящие из нескольких «высказываний», которые в двух памятниках, будучи единой синтаксически-лексической общностью либо совпадают, либо нет.

Текст указанной главы «Ханьшу» на макроуровне состоит из трех крупных частей, для каждой из которых характерны свои особенности в передаче имен главного героя и датировок: 1) «Вступление» – текст житийного характера, описывающий Лю Бана; 2) «Пэй-гун» 沛公 («Глава [уезда] Пэй») – хроника действий будущего императора, а тогда военачальника Лю Бана во времена возникшего в период между гибелью Цинь и возникновением Хань государства Западное Чу; 3) «Хань-ван» 漢王 («Ван [владения] Хань») – хроника первых лет управления им империей.

Выделенные части различаются по смысловым и синтаксическим параметрам:

1. Наименования Лю Бана и их смысловая нагрузка. В трех частях оно разное: Гао-цзу 高祖 (посмертный храмовый титул первого императора Хань) во «Вступлении», Пэй-гун – во второй части; Хань-ван – в третьей. Вступление представляет Лю Бана, вторая и третья часть рассказывают о нем как о главе сначала уезда Пэй с титулом *гун*, затем владения Хань с титулом *ван*.

2. Жанровые особенности. Первая часть – это повествование житийного характера с элементами героического мифа и эпоса, последующие две относятся к жанру хроники.

3. Степень совпадения иероглифов и высказываний текста «Ханьшу» с текстом глав «Шицзи». В первой части доля совпадения высока и составляет 96% иероглифов и 54,0% полностью совпадающих высказываний, в последующих частях доли падают (соответственно, 25,0% и 12,0% во второй и третьей частях), что говорит о большей гомогенности вступления по сравнению с остальными частями.

4. Датировка. Во вступлении датировка отсутствует, во второй части проводится по годам правления второго циньского государя Эр-шихуана (210–207 гг. до н.э.), а в самом конце вновь пропадает, появляясь только в третьей части с первого года правления Хань-вана.

Можно утверждать, что текст данной главы «Ханьшу» сложно-составной. Его части имели различную источниковую базу и, очевидно, были созданы в разное время. Первая могла быть написана несколько позже остальных на основе житийной литературы, являясь позднейшим, идеологически окрашенным переосмыслением сакрализованной личности Лю Бана как первого императора. А вторая и третья части сохранили в себе хронику, которая больше отражает историческую реальность времени с 209 по 203 гг. до н.э.

Основания литературы

1. *Башкеев В.В.* Жанровая атрибуция текста второй части первой главы Ханьшу («История Хань»): анализ структуры главы // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Востоковедение. Улан-Удэ, 2011. Вып. 8.
2. *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь – историк. М., 1970.
3. *Ульянов М.Ю.* Текстологические аспекты изучения Чуньцю Цзочжунань: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп. // XLI научная конференция Общество и государство в Китае. Выпуск 3., М., 2011.

Вигасин А.А.

Arya/ārya и dāsa

Племенной мир «Ригведы» состоял из ārya и dāsa – и, в таком случае, dāsa может быть определен как человек неарийского племени. Причем нередко в числе врагов певца и его патрона значатся не только dāsa, но и ārya (VI.22.10; 33.3; 60.6; VIII.51.9; X.38.3; 69.6; 83.1; 102.3). Слово dāsa имеет также социальное значение – «раб». И тогда ārya/aryu следует трактовать как «господин». Певец (VII.86.7) обещает служить богу так же, как раб (dāsa) служит господину. И уже в следующей строке этот бог (Индра) именуется devo aryu, что Т.Я. Елизаренкова переводит как «благородный бог». Но скорее следует думать о том, что речь идет о боге-повелителе, о господине певца, который только что уподобил себя его рабу (ср. X.34.13, где savitāyam aryau переведено как «господин Савитар»). Возможно, так же можно истолковать V.34.6: indro viśvasya damitā vibhīṣaṇo yathāvaśaṃ nayati dāsam āryau. (у Т.Я.Ели-

заренковой: «всеобщий угнетатель, вызывающий страх, Индра – ария ведет дасу куда захочет»). Однако *vaśam nī* имеет значение «подчинять своей власти» (см. X.84.3), ср. *vaśanī* – «подчиняющий своей власти (Gebietet, in seine Gewalt bringend у Г. Грассмана)» (X.16.2). Можно перевести так: «Грозный вседержитель Индра подчиняет своей власти как господин раба» – что соответствует и комментарию Саяны: *āryaḥ svāmī ... dāsam dāsakarmāṇaṃ janam nayati svavaśam*. Ср. VIII.19.36: *aryaḥ satpatiḥ*; X.68.3: *sādhvaryah* (excellent lord у К.Гельднера).

В поздневедийских текстах *ārya* обычно противопоставляется шудре. То есть *ārya* – человек, принадлежащий к одной из трех высших варн, прошедший обряд *упанаяны*, который давал право на участие в ведийском культе. За *ārya* сохраняется значение «господин», что отражено в «Нигханту» (II.22), у Панини (III.1.103) и в последующей лексикографической традиции («Амаракоша» III.146, «Мугдхабодха» XXVI.17, вплоть до словарей типа «Шабдаратнавали» 256). Обычно *ārya* толкуется как *svāmin*, *prabhu* или *tśvara* («хозяин, господин, повелитель»; ср. в словаре санскритских текстов из Турфана: *ārya im Gegensatz zur Dienerschaft auch Herr, Dienstherr*).

В классическом санскрите *ārya* бывает противопоставлен не шудре, а млечхам (например, «Артхашастра» III.13.3–4: рабство подобает лишь млечхам, но не арию). В этом случае понятие *ārya* охватывает не три, а четыре варны, то есть всех, кто принадлежит к индусской социо-культурной общности. Оппозиция *dāsa* – *ārya* нередко должна трактоваться также как «раб – свободный» («Артхашастра» III.13.13; 15; IV.9.24, 26). Удивительно, что словари санскрита (не только старые, но и словарь, подготовленный издателем «Артхашастры» Рихардом Шмидтом) не учитывают этого значения для *ārya*.

Санскритскому *ārya/ārya* соответствуют три палийских слова: *ariya*, *ayu* и (с метатезой) *ayira*. Для *ayu* основным значением становится «свободный». К примеру, «Маджхима-никая» (II.149.6): «у греков только две варны – свободный и раб» (*ayu* *c'eva dāsa*). Этно-лингвистическая характеристика «ариев» вовсе потеряла актуальность. Слово *ariya* широко используется как определение тех понятий, которые имели особую важность в глазах буддистов: «благородные истины» (*ariyasaccāni*), сам Будда («Абхидханачинтамани» 232), монашеская община – «сообщество благородных» (так

и в буддийском санскрите *āryasaṅgha* – «Махавьютпатти» 223.67). Попутно заметим, что соответствующее прапракритское слово *ajja* употреблялось в качестве эпитета Джины Махавиры – и Хемачандра задавался вопросом, не в значении ли «господин» («Дешинамамала» I.5: *svāmiparyāya aryaśabdāsamudbhavo*). Для слова *ayira/ayiraka* основным значением стало «господин». *Ayiro hi dāsassa... issaro* («*ayira* ведь господин над рабом» – «Джатаки» VI.300.2; ср. там же V.257.18; II.349.5; «Дигха-никая» III.191.6). Комментаторы регулярно поясняют его как *sāmika* (санскр. *svāmin*). *Ayiraka* может употребляться и в отношении носителя политической власти («Джатаки» II.313.26: *ayirako no gājā* – «царь – наш повелитель»). Очевидно, этот последний оттенок смысла существовал издавна. Именно этим объясняется появление слова *ayuruta* в Малом наскальном эдикте Ашоки. Арьяпутра здесь не просто «почтенный», как в санскритской литературе (обычно в качестве обращения), а «царевич, сын повелителя» – синоним для *kumāra*.

Можно отметить и употребление слова *ayurputta* как обозначение людей благородного происхождения. В «Дигха-никая» (I.80) говорится: *ayurputtā sakyā bhavanti dāsiputto tvam asi sakyānām* («шакьи – знатного рода, ты же – сын рабыни шакьев»).

Грачев М.В.

Тюрьма в японской судебной системе эпохи Хэйан

Тюрьма, будучи одной из ключевых составляющих системы уголовного правосудия, все еще остается малоисследованной, когда речь идет о раннесредневековой Японии. В отечественном японоведении получила распространение точка зрения, что судебная система, нормы которой нашли отражение в масштабном собрании законов «Тайхо Ёро рё» (нач. VIII в.), практически не изменялась на протяжении эпох Нара (710–794) и Хэйан (794–1185), а прогресс в сфере уголовно-процессуальной деятельности обнаруживается только в период Камакура, не ранее первой трети XIII столетия.

Исторические источники, между тем, свидетельствуют, что право периода Хэйан – динамически развивающийся организм, непосредственно связанный с конкретно-исторической обстановкой

в стране. Порядок судопроизводства не только подробно регламентировался со всей должной строгостью (начиная с проверки наличия оснований для возбуждения дела и завершая рассмотрением дела в суде), но и систематически корректировался на предмет выявления недостатков. «Тайхо Ёро рё» и пространные комментарии этого сложнейшего текста, созданные IX в. усилиями правоведов с целью растолковать истинную суть тех или иных лаконичных и не всегда адекватно интерпретируемых во время практического применения статей, не представлялись хэйанским знатокам законов единственными источниками права. К таковым относились указы государя, распоряжения Большого государственного совета (яп. Дайдзёкан), нормативные акты ведомств, которые регулярно обнаруживались и включались в корпус специальных текстов, а также компоновались в тематические собрания правовых норм (например, «Руйдзю сандай кяку», нач. X в.; «Бэсю фусэн сё», втор. пол. X в.; «Сэйдзи ёряку», перв. пол. XI в.; «Рудзю фусэн сё», кон XI в.; «Хоссо руйрин», сер. XII в.).

Акцентируем внимание на некоторых особенностях функционирования тюремных учреждений в период Нара и Хэйан. XXIX закон «Тайхо Ёро рё», статьи которого носят уголовно-процессуальный характер, дает основания полагать, что законодательство не предусматривало тюремного заключения по суду. Иницируемое только при наличии письменной жалобы судебное дело, открывало широкие возможности применения потенциала тюрьмы. И подозреваемый, и доноситель на время следственных процедур помещались в тюремное присутствие (исключение делалось только для придворных сановников). Если подозрения подтверждались, то доноситель покидал тюрьму, а подозреваемый оставался в тюремном присутствии до вынесения приговора. Формирование полицейского ведомства (яп. Кэбииситё) в IX в. способствовало значимым переменам (см., напр., распоряжения 808, 865 и 896 гг.). Истец, отныне, не был принужден находиться в тюрьме во время следственных действий, контактируя со следователем-чиновником по мере надобности.

Презумпция невиновности – основополагающего принципа современного уголовного судопроизводства – в средневековом японском праве не существовало. Предусмотренные кодексом «Тайхо Ёро рё» попытки представлялись органической частью уголовного следствия, поскольку мыслились инструментом дознания, а не

формой наказания, что, как явствует из актов документации, делало условия нахождения в тюрьме невыносимыми не только для подозреваемых, но и заявителей. По инициативе законовевов во время правления государя Дайго (897–930) была ужесточена ответственность за излишнюю жестокость по отношению к подследственным (включая понижение в должности виновных служащих, привлечение их к уголовной ответственности, а также расширение границ применения правила «возвращения ударов», предусмотренного еще нормативными актами IX в.).

Никольская К.Д.

О непонятных «дурных браках» в индийской традиции

1. В письмах из Индии лютеранский пастор нач. XVIII в. Б. Цигенбалъг пишет о неких дурных браках [üble Ehe], которые иногда вынуждены заключать индийцы. Отметив, что иному молодому человеку порой приходится долго ждать подходящей партии, он пишет: «Потому он выбирает одну или двух женщин невысокого положения и пользуется ими [«braucht sie»] столь долго, пока не увидит возможности жениться в соответствии с надлежащим ему статусом. И тогда это происходит на законных основаниях при содействии жрецов, тогда как первый брак нелегитимен и санкционируется только родителями и близкими друзьями». Именно эти нелегитимные брачные союзы он характеризует вслед за самими индийцами как дурные. Из текста не вполне понятно, какова дальнейшая судьба «женщин невысокого положения», которыми «пользовался» молодой человек? Сохранялся ли такой «нелегитимный брак» после того, как появлялась возможность жениться «в соответствии с надлежащим ему статусом»? И каково было отношение общества к детям от подобных союзов?

2. Общие представления о том, как должен выглядеть идеальный брак, уходят корнями в ранние периоды истории. Уже в Древности нормы, которых придерживались при выборе жены, жестко регламентировались. Так, Ману предлагает нам список из восьми форм брака, из которых четыре одобряются, четыре осуждаются (Ш.21 и далее). Ни одна из этих форм не подходит под описание Циген-

бальга. Пастор указывает: такого рода брачные союзы заключаются вынужденно, когда не представляется возможным найти «подходящую жену». Что мешает нам предполагать, что тот же механизм мог работать не только в самой Индии, но в любом случае, когда правильный брак заключить не представлялось возможным?

3. Очевидно, такие ситуации могли складываться тогда, когда потенциальный жених находится в иноконфессиональной и иноэтнической среде. Именно эти условия делают для индуса нереальным вступление в брак, соответствующий всем требованиям. Примером такой ситуации может служить образ жизни индийских торговцев в астраханской колонии (XVII–XIX вв.). Путешественники, писавшие о ней, единодушны в том, что молодые купцы приезжали на Волгу без женщин. Однако, индийская традиция требует для мужчины обязательного вступления в брак и обзаведения потомством, возводя эти события в разряд религиозного долга. Как решалась эта проблема на чужбине? П.С. Паллас и другие авторы указывают на то, что индийцы заключали браки по контракту с астраханскими татарками. Сохранились выписки из приходных книг, переписи жителей Астрахани и т. п., в которых фигурирует потомство от таких временных браков. Каково было отношение самих индусов к этим детям?

4. Анализ имен и иных данных об образе жизни сыновей астраханских индийцев ясно демонстрирует: купцы их своими законными детьми не считали! Такие дети не наследовали ни имени отца, ни рода его деятельности. Они никогда не проживали совместно со своими отцами, а жили либо «своим домом», либо на особом Агрыжанском дворе. Их не считали ни принадлежащими к той же кастовой группе, ни тем более членами семьи отцов.

5. «Дурные браки», о которых пишет Цигенбальг, и примеры которых нам демонстрируют астраханские документы, на первый взгляд являются ничем иным как элементарным сожителем. Однако сожителем не требует никакого санкционирования и, в определенном смысле, потому и происходит, что подобный союз традицией не одобряется. Но Б.Цигенбальг подчеркнуто называет эти союзы браками, указывая, что и они требуют разрешения родителей и друзей. С родителями ситуация совершенно понятна: всегда роль родителей при заключении индийского брака была необыкновенно велика. Почему в данном контексте кроме родителей упоминаются друзья? Скорее всего, друзьями в данном случае на-

зываются члены той же касты, что и жених. В таком случае, перед нами, в самом деле, не простое сожителем, а именно браки, заключение которых, хоть и идет вразрез с традиционными установлениями, оказывается возможным, но лишь после разрешения, полученного от родителей и от членов касты. Последнее особенно важно для индийцев на Волге: ведь в условиях проживания за пределами родины именно каста оказывается регулирующей инстанцией, которая определяет все стороны жизни индуса.

6. Очевидно, мы имеем дело с ситуацией, намеренно игнорируемой (в силу ее «неправильности») древней дидактической литературой и потому малоизвестной. И у Цигенбальга, и в астраханских источниках речь идет о браках, несоответствующих требованиям кастовой эндогамии. Вероятно, такие союзы, действительно, могли заключаться, но исключительно в тех случаях, когда правильный брак был невозможен. В определенном смысле они казались даже необходимыми, т.к. до некоторой степени перекрывали проблему невыполнения религиозного долга (отсутствие жены и детей). Однако по факту оказывались лишь вынужденной (и временной) заменой правильной семьи.

Попова Г.С.

О временной атрибуции упомянутых в *Шуцзине* («Каноне записей») административных должностей

Шуцзин («Канон записей») – один из центральных памятников конфуцианского канона. Это собрание записей речей, которые приписываются правителям эпох Шан-Инь (ок. 1300–1027 г. до н.э.), Западной и Восточной Чжоу (1027–221 г. до н.э.), а также легендарным и мифическим персонажам [1]. Время записи большинства из них приходится на период Чуньцю (771–453 г. до н.э.). Ответить на вопрос, к каким периодам относятся упомянутые в различных главах названия должностей можно путем сопоставления сообщений *Шуцзина* с надписями на бронзовых сосудах Западного Чжоу и текстами письменных произведений древности.

Описание структуры управления дано в главе 4.20. *Чжоу гуань*, в ней упомянуты три группы должностей: «три гуна» (*саньгун* 三公), «три гу» (*саньгу* 三孤) и «шесть цинов» (*люцин* 六卿).

«Три гуна»: *тайбао* 太保 (великий хранитель), *тайши* 太師 (старший жрец-ши), *тайфу* 太傅 (старший наставник) [2]. В надписях на бронзовых сосудах периода Западного Чжоу встречаются только *тайбао* и *тайши*; все три названия, а также *саньгун* встречаются в произведениях периодов Чуньцю (771–453) и Чжаньго (453–221).

«Три гу»: *шаоши* 少師 (младший жрец-ши), *шаофу* 少傅 (младший наставник), *шаобао* 少保 (младший хранитель). Обобщающее наименование *саньгу* в доимперских произведениях не встречается. Должности *шаоши* и *шаофу* упоминаются в произведениях эпох Чуньцю и Чжаньго (*Лицзи*, *Чуньцю Цзочжуань*, *Ханьфэйцзы*). Название *шаобао* упоминается в сочинениях только имперского периода (*Ханьшу*, *Синьшу* и др.), поэтому можно допустить, что оно было создано искусственно по образцу названия должности *тайбао*.

«Шесть цинов»: *чжунцзай* 冢宰 (великий распорядитель [ритуалов]), *цзунбо* 宗伯 (жрец храма предков), *сыту* 司徒 (блюститель нравов), *сыма* 司馬 (главный военачальник), *сыкун* 司空 (управитель общественных работ), *сыкоу* 司寇 (руководитель судебной системы). В надписях на бронзовых сосудах эпохи Западного Чжоу встречаются должности *сыма*, *сыку*, *сыкун*, *сыкоу*, названия *чжунцзай* и *цзунбо* можно отнести к эпохе Чуньцю; все шесть должностей и их обобщающее название встречаются также в произведениях Чжаньго (*Мэнцзы*, *Лицзи*, *Сюньцзы*, *Моцзы* и др.).

Рассмотрим должности, в названиях которых есть иероглифы *ши* 氏 и *фу* 父:

Инь-ши 尹氏 («чиновник, [отвечающий] за управление»), *шиши* 師氏 («чиновник, [ведающий] войском/жрецами-ши»). Они встречаются в западночжоуских надписях на бронзовых сосудах, *Шицзине* и произведениях Чжаньго, что свидетельствует о их существовании на протяжении всех трех эпох.

Цифу 圻父 («фу, [ведающий] пределами [нравственности]»), *нунфу* 農父 («фу, [ведающий] земледелием»), *хунфу* 宏父 («фу, [заботящийся] о великолепии [правителя]»), *чжэнфу* 正父 («фу, выправляющий [поведение]»). Из них только *цифу* и *чжэнфу* упоминаются в произведениях Чуньцю (*Чуньцю Цзочжуань*) и Чжаньго (*Ичжоушу*, *Чжаньгоцэ*), остальные явно носят искусственный характер.

Приведем некоторые другие упоминаемые в *Шицзине* названия должностей:

Юйши 御事 («ведающие жертвоприношениями»). По нашим данным, ее нет в западночжоуских надписях, но есть в сочинениях периода Чуньцю (*Чуньцю Цзочжуань*) и Чжаньго (*Гоюй*) и ханьского времени (*Ханьшу* и *Кунцзы цзяюй*).

Ялюй 亞旅 («младший командующий») встречается в памятнике периода Чуньцю (*Чуньцю Цзочжуань*).

Обобщенное название бюрократии *байляо* 百僚 («сто служащих») в западночжоуской эпиграфике не встречается, упоминается в *Шицзине* и *Ичжоушу*, а также в памятниках имперского периода (*Ханьшу*, *Хоу Ханьшу* и др.).

Таким образом, в *Шицзине* упомянуты должности, которые уже существовали в период Западного Чжоу: *сыма*, *сыку*, *сыкун*, *сыкоу*, *тайбао*, *тайши*, *иньши*, *шиши*; к периоду Чуньцю и Чжаньго относятся: *тайфу*, *чжунцзай*, *цзунбо*, *шаоши*, *шаофу*, *юйши*, *цифу*, *чжэнфу*, *ялюй*; а названия должностей *нунфу*, *хунфу* и *шаобао*, по-видимому, были созданы искусственно при записи глав *Шицзина*, в которых содержится детализация административной структуры Западного Чжоу.

Основная литература

1. *Попова Г.С., Ульянов М.Ю.* Этапы истории *шу* 書 («Записи [речей государей]») и *ши* 詩 («Песни»): от литургии до канона (XI–III вв. до н.э.) / 48-я научная конференция Общество и государство в Китае. Ученые записки отдела Китая. Выпуск 28. Т. XLVIII. ч.2. М., 2018.
2. *Ульянов М.Ю.* Жрецы-музыканты группы *ши* 師 периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): должностные обязанности и место в культуре // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 16 апреля 2018). М., 2018
3. *Hucker Ch.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford. 1985.

Сюннерберг М.А.

Государственное регулирование семейно-брачных отношений в Дайвьете в XV веке

На государственном уровне особое внимание, выраженное в систематических императорских указах, к гармоничному развитию семейных отношений во Вьетнаме начало уделяться в XV в. с движением в государственной идеологии на передний план кон-

фуцианской этики, согласно которой семья представляет собой государство в миниатюре. Вьетнамский государственный чиновник и летописец Нго Ши Лиен на страницах хроники «Полное собрание исторических записок Дайвьета» очень точно сформулировал отношение конфуцианства к этой сфере: «установленные нормы отношений между мужем и женой занимают главное место».

Задача нашего исследования заключалась в том, чтобы определить (в той степени, в которой это позволяют сделать имеющиеся источники), как именно и в каких формах в Дайвьете проходило государственное регулирование семейной жизни, какие ее аспекты оно затрагивало. Данная тема актуальна не только для изучения истории Вьетнама XV в. – сформированные и распространённые в обществе в этом столетии принципы и нормы семейной жизни стали нравственным ориентиром для вьетнамского социума на последующие столетия, еще даже в начале XX в. воспринимаясь вьетнамцами как базовые ценности и основы собственной культуры.

В качестве источникового материала нами были задействованы официальные хроники, в первую очередь центральный памятник традиционной вьетнамской историографии «Полное собрание исторических записок Дайвьета» (сокр. – Тоан Тхы, ТТ), а также «Кодекс [уголовных] законов династии [Поздние] Ле». Обнаруженные нами в хрониках сведения, так или иначе затрагивающие тему семьи и политики в ее отношении, были сведены в единую таблицу и отсортированы по типу содержащейся в них информации.

О специфике семейных отношений во Вьетнаме в период до XV в. известно совсем немного. К примеру, если не считать сюжеты об императорском гареме, то на период первой длительной династии независимого Вьетнама – Поздние Ли (1010–1225) – в хронике ТТ было обнаружено лишь 4 сообщения на семейную тематику. В ТТ больше информации можно найти в комментариях ее составителей, однако они отражают склад ума человека конфуцианской эпохи, а не мировоззрение людей X–XIII вв. Однако даже из столь малочисленных сообщений видно, что некоторые из получивших особое распространение с XV в. практик имеют давнюю историю. В частности, это касается почитания вдов и «добродетельных женщин». Впервые пожалование «добродетельной женщине» в хронике датируется еще периодом «северной зависимости» – в 767 г. император китайской династии Тан издал указ, отмечающий заслуги добродетельной женщи-

ны из рода Ким. Это сообщение в принципе показательное как одно из немногих свидетельств вхождения территории Северного Вьетнама в единое культурное пространство китайской империи.

В XV в. в качестве символа добродетельности жены в хронике особо отмечена супруга покончившего с собой чиновника Нго Миена, которая в 1407 г. бросилась в воду и погибла. При этом жертвования собственной жизни от вдов не предполагалось – их добродетельность и жертвенность должны были заключаться в отказе от повторного выхода замуж и решении оставаться жить в семье мужа, воспитывая его детей. Взамен такие женщины пользовались государственными привилегиями и всеобщим уважением, что подтверждалось одним из первых указов династии Поздние Ле: «об образцовых сыновьях и добродетельных женах дозволено чиновникам провинций докладывать, чтобы были отмечены наградами» (1428 г.). Впрочем, безусловность такого отношения некоторыми высокопоставленными сановниками ставилась под сомнение – так в хронике за 1435 г. содержится описание дискуссии о нужности для государства таких женщин, в конце которой за вдовами были признаны налоговые привилегии.

Особенно много в плане регламентации семейной жизни было сделано при выдающемся вьетнамском монархе Ле Тхань Тонге (прав. 1460–1497). Согласно концепции сравнивавшим себя с «отцом и матерью народа» монархом праведность в семейной жизни должна была стать условием карьерного продвижения чиновников, что подтверждалось указом от 1469 г., согласно которому при назначении на должность проходит проверка, «соответствует ли этот чиновник требованиям по возрасту, соблюдает ли правила семейной жизни, состоя в браке».

В 1470 г. император издал Указ-поучение из 24 пунктов, регламентирующих семейные и в целом общественные отношения. В нем особенно подчеркивалась роль родителей в воспитании детей и роль главы рода в формировании морального облика своих потомков.

В том же 1470 г. были регламентированы порядки при ношении траура, в 1479 г. были утверждены свадебные церемонии, в 1484 г. были запрещены аборты.

Помимо зафиксированных в хрониках указов и деяний императоров вопросам семьи и брака посвящены некоторые разделы

крупнейшего свода законов того времени – Кодекса [уголовных] законов династии [Поздние] Ле, который открывался описанием родственных связей и установлением различных категорий траура в зависимости от степени родства.

Законодательство феодального Вьетнама носило характер уголовного права – семейные отношения регулировались именно в его рамках. Нарушение установленных предписаний и несоблюдение сопутствующих ритуалов влекло за собой уголовную ответственность, караясь в теории теми же видами наказаний (избиение батогами, понижение в ранге, ссылка, каторга, а зачастую и смертная казнь), что и некоторые более тяжкие, с точки зрения современного человека, преступления. Поскольку правонарушения в сфере родственных взаимоотношений наряду с преступлениями в отношении правителя в то время относились к наиболее тяжким.

Помимо демонстрации государственной воли хроники в некоторой степени проливают свет и на правоприменительную практику. В то же время хроники и кодекс имеют определенные ограничения для исследователя, поскольку многое в них или вообще не прописывалось или делалось это в самом общем виде, видимо, подразумеваясь известным по умолчанию для целевой аудитории данных текстов.

Трухан Д.В.

Японский императорский двор в раннехэйанский период перед лицом стихийных бедствий

Человечеству приходилось сталкиваться со стихийными бедствиями на протяжении всей его истории. Со становлением государственной власти центральное правительство принимало на себя ответственность за минимизирование ущерба после таких событий, а в случае с древней и раннесредневековой Японией оно так же было ответственно и за предсказывание, «контролирование» и предупреждение катаклизмов.

При этом значение стихийных бедствий не ограничивается только лишь вычислением очевидного материального ущерба. Предпринимаемая правительством после крупных катаклизмов совокупность мер, выражавшаяся в серии последовательных дей-

ствий идеологического и практического свойства, была самым непосредственным образом связана с вопросом престижа государственной власти и стабильности страны в целом. Меры по устранению последствий стихийных бедствий включали в себя не только экономическую помощь пострадавшим от стихии (отмена отдельных налогов или существенное уменьшение их объема, выдача продовольствия), но и своеобразные политико-идеологические мероприятия (амнистии, испрашивания мнений божеств, моления и гадания).

Настоящий доклад посвящен рассмотрению комплекса действий, как практико-экономических, так и ритуально-политических, предпринимаемых императорским двором Японии в ответ на возникновение таких потенциально кризисных и сулящих реальную угрозу стабильности ситуаций как стихийные бедствия. Наше внимание акцентируется на событиях IX столетия. Исследование базируется преимущественно на текстах летописных сводов поздней древности и раннего средневековья и включает анализ мер по устранению последствий и предотвращению возможных будущих катаклизмов, принятых императорским двором после ряда разрушительных землетрясений в начале эпохи Хэйан.

Основная литература

1. Митихиса Хотатэ. Рэкиси-но нака-но дайзисиндо: [Великие землетрясения в истории] Токио: Иванами сётэн, 2012.
2. Нихон сандай дзицуроку [Правдивые записи о правлении трёх императоров]. Т. 1–2. Токио, Эбису Косё сёппан, 2009.
3. Ю Хиротанэ. Кю:сэй-но дзисинтайсаку-но хаттэн-ни кансуру киси:тэки кэнкю: [Базовое исследование развития комплекса мер, предпринимаемых после землетрясений в IX в.]///Сидзин [Любители истории] 2018, №7. С 159–179.

Ульянов М.Ю.

К характеристике социальных и культурных процессов периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): от школы «дворцовой» к школе «массовой»

«Исторический процесс» – это совокупность процессов в четырех сферах развития общества: политической, социальной, экономической и культурной. Рассмотрение социальных процессов

в рамках одного исторического периода предполагает выявление социальных групп и анализ социальных действий их представителей, а также изучение связанных с ними общественных институтов. Среди них одним из важнейших являлась «школа».

Термин «школа» понимается нами расширительно – как социальный и культурный институт, а не только как место проведения учебных занятий. Задача «школы» – воспроизводство путем обучения и воспитания представителей какой-либо социальной группы, а также сохранение и передача ее социального опыта и культурного наследия. В них происходило становление социального индивида, обладающего должными знаниями и навыками, а также определенным мировоззрением, набором этических установок, эстетических предпочтений и т.п.

«Школа» как институт связана не только с социальными, но и с культурными процессами. Поэтому будем использовать понятие «культурная среда», которая формируется за счет характерных для определенной эпохи устойчивую совокупность социально-значимых институтов, объединенных общими идеями и ценностями [3].

В период Чуньцю могут быть выделены три среды: *храмовая, дворцовая и общинная* [2. С. 281–283]. Для каждой характерен свой традиционный уклад, набор ценностей, стереотипов социального поведения и т.п. Каждой из них была присуща своя форма «школы» со своими задачами, содержанием и формами обучения, методами подготовки к общественной жизни. Назовем их: *дворцовой, храмовой, общинной*. «Дворцовая» школа носила ярко выраженный элитарный характер, была предназначена для высших социальных групп, «храмовая» – была исключительно специализирована и закрыта, но поскольку храмовая среда пронизывала все общество, то духовенство (жречество) на разных уровнях воспроизводилось, видимо, за счет выходцев из разных социальных групп, а «общинная» была присуща деревенскому обществу (общинам земледельцев-просоводов на севере и рисоводов на юге), а также близко прилегающим к нему ремесленническим и купеческим кругам.

Период Чуньцю, с точки зрения протекания исторических процессов может быть поделен на два этапа: до середины VI в. до н.э. и после [1. С. 173, 248, 263].

Для первого этапа характерны явления, которые восходят к периоду Западного Чжоу. В сфере управления государствами веду-

щую роль играли представители знатных и влиятельных кланов – ответвлений правящей в царстве династии, а затем уже (значительно реже) – членов других родов. Именно они в качестве основных исторических деятелей упомянуты в основных источниках (*Шицзи, Гоюй, Чуньцю Цзочжуань*). Их объединяло принадлежность к высшей родовой знати с ее кодексом аристократического поведения, в рамках которого во главу угла ставилась знатность, родовитость, наследственность и родственные связи. Представители этой социальной группы обучались в «дворцовых» школах или получали домашнее образование, которое основывалось на программе этой школы.

Для второго этапа характерно появление новой социальной группы – служилого сословия, в рамках которого социальное происхождение, знатность и родовитость переставало быть значимым. Оно комплектовалось из числа представителей средней и мелкой знати, а также незнатных слоев населения, которых объединяла учеба в специализированной «массовой» школе. О возникновении таких школ известно из биографий Конфуция и его учеников, сохранившихся в труде Сыма Цяня *Шицзи*. Вместе с этой школой и этой социальной группой формировалась новая культурная среда, назовем ее «интеллектуальной».

Образцом для школы «массовой» в период ее формирования служила школа «дворцовая», но очень быстро она приобрела свои характерные черты, разделившись на две школы: «чиновничью» и «философскую», которые свой завершённый вид примут в период Чжаньго (453–221 гг. до н.э.).

Список литературы

1. *Деопик Д.В.* Количественные методы в изучении исторической информации (проверяемая история). М., 2011.
2. *Ульянов М.Ю.* О понятии «культурная среда» и особенностях создания письменных произведений в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 20 апреля 2015 г.). М., 2015.
3. *Флиер А.Я.* Избранные работы по теории культуры. М., 2014.

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки

Арешидзе Л.Г.

Возможны ли сегодня изменения в старой системе императорской власти в Японии

1. Император Японии – есть символ государства и единства нации Японии, исполняющий функции формальной главы государства. В условиях послевоенной конституционной монархии он выполняет преимущественно представительские функции, имея еще меньше полномочий, чем, например, британская королева. Реальной властью в стране обладает глава кабинета министров – премьер-министр Японии. Титул императора передается по мужской линии. Нынешний Император Японии – Акихито занимает свой престол с 7 января 1989 г.

2. Массовое почитание императора сознательно культивировалось (посредством государственного синтоизма) политиками эпохи Мэйдзи (1868–1912 гг.), усматривавшими в императорском престоле единственно надежную опору своего правления, консолидации нации в условиях отсталости и слабости японской государственности, которой угрожала потеря национальной независимости под внешним давлением сильных Европейских стран. Формируя императорскую правления, официальные японские идеологи искусно вплетали в нее глубоко укоренившиеся в национальной политической культуре догмы синтоизма, принципы конфуцианства и чжуанства.

3. После реставрации императорской системы власти Мэйдзи в 1868 г. император вновь обрел реальную политическую власть, которой он был лишен на протяжении существования трех сёгунатов

(правления военных) в средневековой Японии, начиная с 1185 г. До 1868 г. император обладал неограниченными культовыми полномочиями, но реальной политической власти у него не было. После реставрации императорской системы правления в 1868 г. император вновь стал высшим представителем власти в Японии. После событий периода реставрации императора Мэйдзи постепенно в обществе стали возрождать культ императора, который проявлялся в том, что в школах непременно вывешивались портреты монарха, регулярно зачитывались его указы и все должны были «служить» своему императору. Император Мэйдзи считался отцом всего японского народа и ему «принадлежали» жизни своих подданных. Лояльность императору была основой поведения всех японцев.

4. Политическая роль императора Сёва в ходе Второй мировой войны является достаточно спорной. У историков нет единого мнения о том, какую функцию на самом деле выполнял император Хирохито: был ли он главой государства, то есть неотъемлемой частью машины государственного управления, или же он стоял «над государством» и играл идеологическую роль божественного правителя. Сторонники рассматривать императора, как часть государственной машины, считали, что он был неотъемлемой и зависимой частью системы и никак не мог действовать самостоятельно. Другие же в своих оценках исходили из того, что император был высшим правителем с неограниченной властью, хотя принятие текущих политических решений скорее было вне его компетенции и у императора не было возможности вникать во все детали политической жизни страны того времени.

5. Поражение Японии во второй мировой войне привело к ее капитуляции. Вопрос о будущем императорской системой в послевоенной Японии вначале оказался не определенным. Капитуляция и последовавшая за ней оккупация страны поставили перед Верховным командующим союзническими силами американским генералом Дугласом Макартуром главный вопрос: следует ли оставлять императорскую систему власти в Японии в прежнем виде или необходимо учредить в стране республиканскую форму правления. В случае невозможности доказать свою невиновность императору грозила перспектива отвечать под присягой на вопросы суда, и тогда речь могла бы пойти об утрате императором достоинства и о форме наказания монарха. Члены императорской семьи умоля-

ли Хирохито отречься от престола, чтобы избежать политической ответственности и спасти себя от национального позора. Известные представители интеллигенции страны публично обращались к нему с просьбой уйти из власти и тем самым показать пример высочайшей морали.

6. Встречи с императором Хирохито сразу после капитуляции произвели на Макартура сильное впечатление, и в итоге он склонился к решению о необходимости сохранить институт императорской власти в Японии после войны и таким образом заручиться поддержкой общества к проведению демократических преобразований. Более того, Макартур приложил усилия к тому, чтобы не допустить привлечения императора к судебному процессу над военными преступниками, считая, что это значительно осложнит проведение все тех же демократических реформ в Японии.

7. После длительных консультаций в правящих кругах США госдепартамент принял, наконец, решение сохранить институт императорской власти в послевоенной Японии, но при этом изменить официальный статус императора в соответствующих статьях Конституции, принятой в 1946 г. Так, в частности, в гл. 1 в ст. 1 отмечалось, что «Император является символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть». Однако группа националистических политиков, выступающих сегодня за внесение поправок в Конституцию, считают эти положения не соответствующими текущему моменту. Неудовлетворённость этих политиков вызывает, в частности, ограничение прав и полномочий императора. Их критике подвергается формальное решение о том, что императору непременно требуется подтверждение любого политического решения со стороны кабинета министров. Император не имеет права даже выбирать кандидатуру премьер министра. Премьер выбирается депутатами парламента.

8. В 1947 г., одновременно с принятием Конституции, был принят новый Закон об Императорском доме, определявший порядок престолонаследия в Императорском доме. По этому закону Император выполнял свои обязанности в течение всей жизни, а его преемник избирался среди мужчин по мужской линии.

На официальном уровне в Японии и за рубежом Император выступал, как «глава государства», однако это звание не закреплено

за ним законодательно, так как статус главы государства в тексте Конституции не предусмотрен.

9. Обоснование необходимости сохранения института императорской власти в послевоенной демократической Японии стало одной из наиболее сложных и деликатных задач японской государственной идеологии. Вплоть до кончины Императора Сёва в 1989 г. средства массовой информации были крайне осторожны в освещении данной проблемы, так как тема «императорской системы власти в Японии» была строго табуирована в японских СМИ. Управление императорского двора также старалось отмалчиваться и не вступать в дискуссию по этой проблематике.

10. Болезнь императора в 1988 г. совпала со сложностями внутриполитического и экономического развития Японии в конце «холодной войны». 7 января 1989 г. император скончался. На престол взошел новый император Японии – Акихито и в жизни страны произошла смена исторических эпох. Эра Сёва, которая длилась 62 года, завершилась и Япония вступала в новое время – период Хэйсэй.

11. Наступление эры Хэйсэй привнесло в поведение нового императора некоторые внешние изменения. Они касались языка императора и его поведения. 30 ноября 2011 г. принц Акисино, младший сын императора Акихито, предложил ввести возрастные ограничения для пребывания императоров на престоле. Японские СМИ сообщали тогда, что правительство планировало пересмотреть закон о необходимости женщин-членов императорской семьи отказываться от статуса в случае замужества, если их супруги – лица не монарших кровей. Именно этот закон в 2005 г. вынудил единственную дочь императора уйти из семьи, когда она вышла замуж за простого чиновника Курода Ёсики.

12. Согласно нынешнему закону, японский император находится на престоле пожизненно. Родившись 23 декабря 1933 г., Акихито взошел на престол в 1989 г, в августе 2018 года в обращении к нации Акихито выразил желание отречься от престола в связи с преклонным возрастом. Отречение стало юридически возможным после того, как летом 2018 года в Японии вступил в силу специальный закон, позволяющий императору отказаться от власти впервые за последние 200 лет. Документ будет действовать три года и рассчитан только на ныне действующего монарха.

13. Правительство провело инаугурацию специального подготовительного комитета по изучению процедурных вопросов отречения от власти императора, назначенного на 30 апреля 2019 года. Данная комиссия, возглавляемая Генеральным секретарем кабинета министров Ёсихидэ Суга состоит из семи человек, куда, помимо нескольких заместителей Генерального секретаря кабинета министров, входит и руководитель Агентства императорского двора.

14. Вместе с тем, если признать отречение императора по воле самого Акихито, то статус нового императора померкнет, ведь символом все еще будет оставаться предыдущий император. В результате позиции императора, как символа нации, могут пошатнуться.

15. Не решён также вопрос о том, чтобы право на престол было не только у наследников по мужской линии, но также и по женской (в настоящий момент – последнее запрещено). С таким предложением категорически не согласны Синдзо Абэ и правые ультраконсерваторы. У Нарухито и его супруги Масако есть единственная дочь Айко. Эта реформа могла бы позволить ей взойти на трон, если, конечно, Императорский дом не выберет вместо нее – племянника наследного принца Хисахито.

Волчкова Е.В.

«Чистые воды Цзин, мутные воды Вэй»: моральный урок императора Цяньлуна (1736–1796)

Правление императора Цяньлуна (1736–1796) ознаменовалось рядом политических кампаний, целью которых было искоренение коррупции и укрепление лояльности в среде чиновничества. Император также регулярно издавал принимавшие разные формы увещания, направленные на укрепление моральных устоев поданных и предостережение высшего чиновничества от опрометчивых политических действий. Интересным примером такого увещания может служить история создания свитка «Цзин цин Вэй чжо ту» (Чистые [воды реки] Цзин, мутные [воды реки] Вэй).

Название свитка отсылает к строке из стихотворения «Восточный ветер» раздела «Песни [царства] Бэй» «Ши цзина» (Книга Песен), которую можно перевести как «Цзин мутна [лишь] в слиянии с Вэй». Стихотворение посвящено скорби оставленной мужем

жены, увядание красоты которой заметно лишь в сравнении с молодостью жены новой, подобно тому, как контраст между мутным и чистым потоком ясно виден при слиянии рек Вэйхэ и Цзиншуй. Цитируемая строка в разных вариациях использовалась в средневековых поэтических текстах, и со временем отсылка к рекам Вэй и Цзин приобрела устойчивое значение наличия нравственных ориентиров, четкого различения добра и зла. Однако буквальное прочтение позволяет понимать эту строку двояко: и как «река Цзиншуй чиста и становится мутной, только сливаясь с Вэйхэ», и как «река Цзиншуй мутна, но эта мутность заметна только в слиянии с чистыми водами Вэйхэ». Последний вариант трактовки, в частности, лежит в основе комментария Чжу Си (1130–1200) к соответствующему стихотворению Шицзина.

В третьем месяце пятьдесят пятого года своего правления (1790) император Цяньлун, внимательный ценитель древних канонов и классической поэзии, приказал губернатору провинции Шэньси Цинь Чэньэню провести масштабное обследование рек Цзин и Вэй от истоков до слияния и поставить точку в давнем споре о том, в какой из них вода прозрачна, а в какой мутна. Результатом обследования было создание свитка «Цзин цин Вэй чжо ту» (Чистые [воды реки] Цзин, мутные [воды реки] Вэй), выполненного в технике ткачества кэсы и ручной вышивки. В свиток были включены рассуждение императора Цяньлуна, где он указывал на ошибку Чжу Си, текст доклада об обследовании рек и карта местности с пояснениями, выполненная чиновником и художником Дун Гао.

Император Цяньлун понимал важность составления сводов литературных и поэтических текстов и комментариев к ним и не жалел средств на это, поэтому ему не могла не льстить возможность лично вступить в диалог с таким знатоком канонов, как Чжу Си. Однако объем усилий, затраченных на такое уточнение комментария, заставляет предположить, что за ними стояло более практическое намерение. Действительно, анализ рассуждения императора и приложенных к нему стихотворных текстов дает основание думать, что мораль, выводимая им из комментаторского спора, заключалась в необходимости правильного различения «чистого» и «мутного», должного и недолжного; так, одна из стихотворных строк, заключающих его послание, звучит следующим образом: «Ложная чистота на деле является мутностью; искоренение мут-

ности есть начало истинной чистоты». Содержание свитка было перенесено на каменные пластины, и уже в восьмом месяце того же года император одарил тушевými оттисками, воспроизводившими свиток, представителей маньчжурской аристократии и высших военных и гражданских чиновников как центрального, так и регионального уровня. Такая публичная акция дополнительно подтверждает предположение о том, что свиток «Цзин цин Вэй чжо ту» был исполнен не столько как комплимент самолюбию императора и факт истории литературы, сколько как политический жест и моральный урок. Интересно также отметить, что описываемые события происходили в то время, которое считается периодом расцвета фаворитизма и связанных с ним злоупотреблений.

Основная литература

1. Айсиньцзюэло Хунли. Цзин цин Вэй чжо ши цзи (Достоверная запись о чистых [водах реки] Цзин, мутных [водах реки] Вэй) // Юй чжи вэнь сань цзи (Императорские сочинения. Третий сборник). Цзюань 14 // Chinese Text Project
<<https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=337717&remap=gb>>

Долгов Б.В.

Новый этап сирийского кризиса в 2017–2019 гг.

Развитие сирийского конфликта в 2017–2019 гг. характеризовалось значительными успехами сирийской правительственной армии, поражением ИГИЛ наряду с активизацией действий других участников конфликта и внешних акторов, продвигавших здесь свои интересы.

К 2018 г. сирийская правительственная армия при поддержке российских ВКС провела ряд успешных операций против боевиков ИГИЛ, освободив большую часть важной в экономическом отношении провинции Дейр эз-Зор, районы гг. Хомс, Хама, были также подавлены отряды признанного ООН террористическим исламистского формирования Джабхат ан-Нусра и союзных ему группировок в районе Восточной Гуты, пригороде Дамаска. Осуществлялись наступательные операции в районе гг. Эс-Сувейда и Дараа, прилегающем к сирийско-иорданской границе, а также

г. Кунейтра вблизи Голанских высот, территории, оккупированной Израилем со времен арабо-израильской войны 1967 г. В результате от боевиков был освобожден важный участок сирийско-иорданской границы, что позволило тысячам сирийских беженцев вернуться в места их проживания. В этот период также борющиеся против ИГИЛ курдские подразделения Сил демократической Сирии (СДС) и Отряды народной самообороны (YPG) при поддержке возглавлявшейся США Международной коалиции взяли г. Ракку, провозглашенного ИГИЛ столицей, т.н., «исламского государства». Таким образом, практически вся сирийская территория, контролировавшаяся ИГИЛ, была освобождена, организованное сопротивление ее группировок подавлено, т.н. «исламское государство» было разгромлено. Тем не менее, на территории Сирии продолжали действовать как оставшиеся отдельные отряды ИГИЛ, так и аффилированные с ним группировки, а также вооруженные формирования, т.н. умеренной оппозиции.

В то же время, происходит активизация действий Израиля в сирийском конфликте. Израильские ВВС, которые неоднократно совершали акты агрессии против Сирии, нанесли ряд ударов по объектам на сирийской территории, где дислоцировались, по заявлениям Израиля, «угрожавшие его безопасности» про иранские силы. При этом Израиль требовал «ухода Ирана из Сирии». Иран, продвигая свои интересы в Сирии, тем не менее, оказывает всестороннюю поддержку Сирии в борьбе с террористическими группировками в соответствии с просьбой законного правительства САР. В результате достигнутого соглашения про иранские вооруженные формирования были отведены от района, прилегающего к израильской границы. Тем не менее, действия израильских ВВС продолжались.

Турция также усилила свою активность, а именно, в районе Идлиба, поддерживая лояльные ей исламистские группировки, и введя войска на приграничную с Турцией сирийскую территорию и проводя военные операции против курдских вооруженных формирований. Анкара мотивирует свои действия необходимостью обезопасить территорию Турции от проникновения сил СДС, которую Турция считает террористической организацией. При этом Турция входила в некое противостояние с США, которые исходя из своих глобальных интересов, поддерживали в Сирии формировав-

шие здесь свою автономную структуру курдские силы и создавали в зоне их контроля свои военные объекты.

В декабре 2018 г. президент США Д.Трамп заявил о намерении вывести американские военные формирования из Сирии, так как, по его словам, США «одержали победу над ИГИЛ». Тем не менее, исходя из последующих заявлений руководства США американское влияние и присутствие в Сирии остается. В тоже время США пытаются использовать Турцию для контроля над территорией, из которой планируется вывод войска США. Учитывая то, что совместно с турецкой армией действует ряд поддерживаемых Турцией группировок сирийской вооруженной оппозиции, Турция, скорее всего не будет передавать занимаемые территории под юрисдикцию правительства Сирии. В свою очередь руководство курдских формирований ведет переговоры с правительством Сирии о вводе сирийской правительственной армии в районы, откуда будут выводиться курдские силы. В феврале 2019 г. руководители РФ, Ирана и Турции для координации своих действий по продвижению сирийского урегулирования провели встречу, на которой, в том числе обсуждались вопросы, связанные с предполагаемым выводом войск США, ситуацией в районе Идлиба, работой межсирийского комитета по выработке новой конституции. К 2019 г. большая часть территории Сирии была освобождена от боевиков ИГИЛ и аффилированных с ним группировок, здесь постепенно налаживается нормальная жизнь, начался процесс восстановления социально-экономической инфраструктуры и возвращения беженцев. Складывавшаяся ситуация предоставляла возможность приступить к политическому урегулированию конфликта. Однако действия внешних акторов, использующих для продвижения своих интересов сложную ситуацию в Сирии и наличие здесь различных оппозиционных группировок, значительно затрудняют этот процесс и являются главной причиной продолжения кризиса.

Основная литература

1. Васильев, А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. Институт Африки РАН. Российский университет дружбы народов. – М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2018.
2. Raimbaud, Michel. Tempête sur le grand moyen-orient. Ellipses. Paris, 2015.

3. Усман аль-Усман. Аль-харб аля сурия. Маншурат иттихад аль-куттаб аль-араб. Сильсия ад-дирасат 7 (Усман аль-Усман. Война против Сирии. Публикации Союза арабских писателей. Серия исследований 7). Дамаск, 2013.

Захаров А.И.

Отношения Индии и США в 1991–2001 гг.

В начале 1990-х годов сложился ряд предпосылок для активного развития отношений Индии и США. Основой для увеличения взаимодействия стран были, прежде всего, экономические мотивы. Либерализация индийской экономики, начавшаяся во второй половине 1980-х годов во времена правительства Раджива Ганди и продолженная после прихода к власти в 1991 году кабинета Нарасимхи Рао, способствовала увеличению торгово-экономического сотрудничества Индии и США. Рост интереса США к Южной Азии отразился на структурных изменениях, произошедших в Государственном департаменте в 1992–1993 гг.: в американском внешнеполитическом ведомстве появилось отдельное управление по южноазиатским делам и пост помощника госсекретаря по вопросам, относящимся к данному региону. Наконец, важной предпосылкой для укрепления индийско-американских связей стало увеличение влияния индо-американцев на бизнес-среду и политическую жизнь США. В результате в 1993 году в Конгрессе США был создан специализированный комитет по Индии, благодаря лоббистской деятельности которого во внешней политике США второй половины 1990-х годов начался курс на сближение с Индией.

Период с 1991 по 1997 гг. был отмечен противоречивыми подходами США в отношении региональных проблем, а в частности индийско-пакистанского конфликта. С одной стороны, с начала 1990-х годов Вашингтон начинает призывать Пакистан прекратить поддержку кашмирских и панджабских сепаратистов, тем самым признавая сам факт оказания помощи террористическим группам со стороны Исламабада и поддерживая позицию Нью-Дели. С другой стороны, США оказывали давление на правительство Индии, обвиняя его в нарушении прав человека в Кашмире и Панджабе. Критика, звучавшая в адрес индийских властей со стороны пред-

ставителей администрации Билла Клинтона, вызывала подозрения Нью-Дели в проамериканском курсе США в Южной Азии.

Совершенно иной характер взаимоотношений Индии и США наблюдался в период с 1997 по 2001 год. Выработанная в 1997 году Вашингтоном «политика вовлечения» преследовала целью использование возможностей для продвижения американских интересов в Южной Азии в сферах политики, экономики и безопасности. Новая региональная политика США несла в себе позитивные сдвиги для Индии. Администрация Билла Клинтона начала проводить равноудаленную политику в отношении урегулирования конфликта в Кашмире, что отражалось в сдержанных оценках и отсутствии односторонней трактовки ситуации.

Своеобразной идеологической основой двустороннего сближения на рубеже веков стала идея о «демократической общности» двух стран. Наличие общих, разделяемых обеими странами, демократических ценностей стало причиной переосмысления самой сути отношений Индии и США на рубеже веков.

Немаловажное значение имели договоренности между странами в области ядерного нераспространения, достигнутые в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Именно они заложили основу развития двусторонних связей на долгие годы вперед. Во многом преодоление разногласий по принципиальным вопросам способствовало укреплению доверия и началу расширения индийско-американского сотрудничества в начале XXI века.

Коняшкина Т.А.

К вопросу о легитимации Реза-шаха Пехлеви (по материалам «Сафар-наме-йе Хузистан»)

Династию Пехлеви, правившую Ираном чуть более полувека, вряд ли можно отнести к историческим долгожителям. Но тем не менее исследовательский интерес к этому периоду не угасает. Не в последнюю очередь это касается основателя династии Реза-шаха Пехлеви, фигуры, которая о сих пор привлекает пристальное внимание историков-иранистов. Расхождение мнений здесь весьма значительно. «Беззаконный диктатор», подобно Надиру лишивший трона своего повелителя, или политик, проло-

живший себе путь во власть мирным конституционным путем.. Он – и ставленник внешних сил, каким видят Реза-хана советские исследователи 60–70 гг., и self-made man, сумевший воспользоваться обстоятельствами нового витка англо-российской конкуренции в Иране. Впрочем, иранские историки, не склонны придавать этому факту решающего значения, по умолчанию полагая этот путь наверх единственно возможным для человека, лишенного каких бы то ни было политических связей. Его «Тулоном» стало участие в бескровном перевороте 3 хута 1921 г., успешная борьба с племенной вольницей обеспечила стремительный карьерный рост (военный министр, премьер и главнокомандующий с сохранением руководства военным министерством), а победа над могущественным властелином юга шейхом Мохаммеры Хазалем в 1924 г проложила ему дорогу к иранскому трону. Завершением этого победоносного похода стала подготовка «Дневника путешествий по Хузистану».

У этого источника непростая судьба. Объемное сочинение, написанное от первого лица могущественным премьер-министром, который год спустя, «получив мандат доверия от общества», был коронован как шахиншах Ирана, так и не стало летописью его легендарного броска на юг. Основания для этого есть. Написанный в традиции фахра (самовосхваления) с воспроизведением основных черт героико-эпического канона, Дневник нацелен не на правду факта, а лишь на ее правдоподобное отражение. Выбор жанра в нашем случае определен авторской задачей – представить развернутое обоснование права на власть Реза-хана, выступавшего в роли нового спасителя отечества. Хотя автор Дневника известен (хорошо знакомый с политической кухней Тегерана тех лет Х. Макки уверенно называет одного из выдвинутых премьеров Ф.Бахрами), образ идеального лидера конструировался постепенно, начиная с публикаций эмигрантского журнала «Каве», ставшего рупором иранских националистов. В начале 20-х гг. наиболее значительную роль в пропаганде общественного запроса на вождя нации, которому под силу «привести в движение колесо прогресса» сыграл пришедший ему на смену «Ираншахр» и публикации членов фракции «Таджаддод», поддержавшие Реза-хана в стенах 5 меджлиса. В Дневнике отдается дань и традиционным формам обретения законности: как истинно шиитский

правитель он начинает и завершает свой поход паломничеством в святой Кум и атабат.

Идея харизматического лидерства, образ вождя, обладающего чувством великой миссии, оказались востребованными и спустя несколько десятилетий легли в основу идеологии пехлевизма, разработанного Мохаммадом-Реза Пехлеви.

Основанная литература

1. Сафар-наме-йе Реза-шах-е Пахлави бе Хузестан ва Мазандаран. Katab Corp. USA, 2007.
2. Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Идея халифата в мусульманском мире (конец XIX – начало XX в.): вызовы и региональные отклики // Ислам в современном мире: внутрисударственный и международно-политический аспекты. Т. 14, № 3. С. 133–149.
3. Abrahamian E. Iran between two revolutions, Princeton, 1982.

Наливайко О.А.

Катэй рёри. Формирование концепции домашней кулинарии в Японии в эпоху Мэйдзи

Доклад посвящен одному из аспектов повседневной жизни – культуре питания, а именно – изменению статуса кулинарии в эпоху Мэйдзи и превращение ее в науку, которой должна была овладеть каждая женщина, чтобы стать «хорошей женой и мудрой матерью».

К концу 80-х годов XIX века в Японии окончательно сложилось представление о женщине как о домохозяйке, от которой полностью зависит семейный уют, и о домоводстве как о совокупности знаний, которыми должна овладеть каждая мать семейства. В 90-х годах XIX века в периодической печати, где насаждалась идеология семейной жизни и приводились бесконечные практические советы, как «построить» счастливую семью, все чаще стал появляться термин сюфу – «домохозяйка». К концу XIX века заимствованный из английского языка термин хо:му (от англ. – home), означавший не просто «дом», а, скорее, «семейное гнездо», «очаг», был вытеснен его японским эквивалентом катэй. В известном японском журнале Тайё: в 1896 году даже появилась колонка с советами по ведению домашнего хозяйства – «катэй»,

а несколькими годам ранее, в сентябре 1892 года, вышел первый номер журнала, полностью посвященного проблемам и вопросам семейной жизни, с одноименным названием Катэй Дзасси. Новая идеология семьи также способствовала появлению слогана икка данран – «весело проводить время в кругу семьи». Дом стал восприниматься как место, где каждый из членов семьи мог найти покой, насладиться уютом и укрыться от внешнего мира, то есть от изнурительной работы и стресса. В рамках оформления науки о правильном ведении домашнего хозяйства особое внимание уделялось кулинарному искусству. Японский обычай питаться «вне дома», укоренившийся в эпоху Токугава среди городского населения, в эпоху Мэйдзи был вытеснен культом «домашней еды» – катэй рё:ри.

Отличительной чертой целого ряда кулинарных пособий конца XIX века можно назвать то, что они предназначались исключительно для женской аудитории, то есть для домохозяек (а не для профессиональных поваров), и представляли собой сборники рецептов домашней кухни. Приготовление блюд как японской, так и западной кухни, не должно было занимать у хозяек много времени, так как все ингредиенты были доступны, рецепты – просты, а сами блюда – практичны.

Ярким примером одного из таких кулинарных текстов является гастрономический роман «Наслаждение от приема пищи» (Куи до:раку, 1903), созданный писателем-просветителем эпохи Мэйдзи Гэнсай Мураи (1863–1927). Большое внимание автор романа уделяет домашней кулинарии, приводит различные рецепты блюд для приготовления. Он рассказывает, чем можно заменить редкие и дорогие ингредиенты или как сочетать западные кулинарные компоненты с исконно японскими блюдами, предлагает прагматичный подход к процессу приготовления пищи, характерный для англосаксонской традиции, в основе которой лежал принцип общедоступности кулинарных элементов.

Основная литература

1. Мураи Гэнсай. Куи до:раку (Наслаждение от приёма пищи). Токио: Иванами сётэн, 2005. В 2х тома: 1 том – 590 с., 2 том – 568 с. (на яп.)
2. Cwierka, Katarzyna. The Making of Modern Culinary Tradition in Japan / Ph.D. dissertation, University of Leiden, 1998.

Новакова О.В.

Вьетнам и Китай: морская дипломатия в Тонкинском заливе (1994–2018)

1. Китай слишком большое и могущественное государство, чтобы Вьетнам мог открыто выступать против него. На 12 съезде КПВ (январь 2016 г.) Председатель КНР Си Цзиньпин дал ясно понять вьетнамскому руководству значимость общих интересов для двух сторон, в то время как разногласия вокруг островов Спратли и Парасельских отнюдь не исчерпывают содержание двусторонних отношений и не сводятся к ним.

2. Вьетнам перед лицом китайской «дипломатии периферии». Китайская сторона рассматривает соглашения по Тонкинскому заливу как результат ее новой так называемой «дипломатии периферии», выработанной китайским руководством в 1990-е годы, для вьетнамской же стороны возобновление переговоров с Китаем совпало с выработкой новой морской стратегии Вьетнама.

До недавнего времени Тонкинский залив был зоной второстепенных интересов для Пекина, где обе стороны не имели спорных вопросов, но этот аспект позволял Китаю совершить перебалансировку его морской политики в менее конфликтной зоне, чем та, что расположена в самом центре ЮКМ.

3. Море как новое стратегическое направление во внешней политике Вьетнама.

В течение своей длительной истории Вьетнам никогда не утверждал себя в качестве крупной морской державы. Народ этой страны более известен как возвращающий рис на своих равнинах. Вьетнам был известен как континентальное государство, рассматривающее решение проблем, связанных с морем, как второстепенные (при протяженности морской линии побережья более 1000 км). После провозглашения политики Обновления в 1986 г. морская политика Вьетнама заметно меняется: 4/5 объема внешней торговли отныне используют морские перевозки. Подобное изменение очень сильно сказалось на оборонной политике и на стратегии безопасности Вьетнама.

4. Возобновление переговоров в пограничном вопросе. (1994–2000).

Переговоры длились 5 лет, в результате СРВ отказалась (в режиме секретности) рассматривать Конвенцию 1887 г. в качестве

юридической базы переговоров с Пекином. Китай же принял предложение Вьетнама о разграничении вод залива по меридиану.

Главным для Вьетнама было включить в переговорный процесс о разграничении принадлежность двух наиболее крупных островов залива: Конко на Юге, но особенно Батълонгви, расположенного в 110 км от вьетнамской зоны.

25 декабря 2000 г. было подписано соглашение по разграничению морской границы, дублированное соглашением о рыбной ловле. Условия соглашений: 53,23 % территории Тонкинского залива принадлежат Вьетнаму, а 46,77 % – Китаю.

Это соглашение впервые обозначило морскую границу Китая с Вьетнамом, оно было расценено во Вьетнаме как большая политическая победа.

5. «Мягкая сила» в политике Китая в странах Юго-Восточной Азии.

Руководство Китая уже выдвигает проект включения своего сотрудничества в Тонкинском заливе в более широкий формат проекта «Шелковый путь». Поэтому Ханой опасается, что все это разнообразие многочисленных соглашений с Китаем, где происходит все более широкое включение Вьетнама в систему региональных соглашений, может привести к некоей маргинализации позиции Вьетнама в ущерб его интересам.

Дипломатическая активность, развернутая Китаем в Тонкинском заливе, направлена не только на Вьетнам, но и на все страны АСЕАН с целью удержания своих новых партнеров в орбите влияния Китая при одновременном усилении в одностороннем порядке его позиций в ЮКМ.

Основная литература

1. Ломанов А.В. Китайская мечта как идеологический символ руководства Си Цзиньпина. // 65 лет КНР. КНР: политика, экономика, культура, М. 2014. С.40–56.
2. Никифоров И.А. Сообщество безопасности в Юго-Восточной Азии: столкновение подходов // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том: II. Номер: 3 (40). М., 2018. С. 58–70.
3. Sébastien Colin, «Litiges insulaires et enjeux géopolitiques en mer de Chine du Sud» // Béatrice Giblin (éd.), Les Conflits dans le monde. Approche géopolitique, Paris, Armand Colin, 2016, p. 263–276.

4. Carlyle Thayer, *The Vietnam People's Army under Doi Moi*, Singapore, Institute of Southeast Asian Studies, 1994.

Овчинникова Л.В.

Первомартовское движение 1919 г. в Корее и японские реформы «культурного управления». По страницам служебных изданий японского генерал-губернаторства

Тема колониальной истории Японии и Кореи продолжает оставаться актуальной и в наши дни. В год столетия Первомартовского движения 1919 г. хотелось бы вновь обратиться к ситуации на корейском полуострове в конце 10-х – 20-х гг. XX века. Данную тему автор хотел бы рассмотреть сквозь призму служебных материалов, выпущенных на японском языке в Сеуле в колониальный период японским генерал-губернаторством. Это закрытые материалы полиции, суда, прокуратуры, предназначенные для узкого круга чиновников японской колониальной администрации. Из этих книг исследователи могут почерпнуть сведения о ситуации в Корее, а также о том, что было сделано японской колониальной администрацией.

В рассматриваемый период острого накала достиг протест против национального гнета и социального бесправия, что предопределяло взрыв народного недовольства. Это вылилось в общенациональное, самое крупное в те времена на колониальном Востоке освободительное Первомартовское движение 1919 г., привело к распространению среди корейцев идей национальной независимости и социальной справедливости. Эти выступления были жестоко подавлены. За этим последовали реформы периода «культурного управления», которые, как утверждали чиновники японской колониальной администрации, пришли на смену «сабельному режиму».

Материалы японских изданий могут помочь исследованию политики колониальных властей, их оценки происходящих событий, рассмотрению корейской освободительной борьбы, внешних и внутренних факторов, как стимулировавших, так и ограничивающих эту борьбу. В частности, в издании «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время» говорится о боль-

шом влиянии на Корею революционных событий в России; играли свою роль и соседство стран, наличие в России большого числа корейских отходников, сезонных рабочих, политических эмигрантов, участие корейцев в гражданской войне на Дальнем Востоке. Издания пишут и о воздействии на корейцев «14 пунктов Вильсона». Для значительной части корейского населения, среднего класса, особенно интеллигенции, была характерна ориентация на США, что не мешало ей оставаться на позициях активного патриотизма. Японские источники говорят о тесном переплетении в корейской освободительной борьбе двух внешнеполитических ориентаций, что убедительно засвидетельствовали события 1919 г. Издание штаба японской жандармерии «Беспорядки в Корее» свидетельствует, что выступление это серьезно беспокоило японскую администрацию. Книга «Корейская полиция» также отмечает, что недовольство и движение народных умов возросли после второй русской революции 1917 г., что стало нарастать движение за независимость, разжигаемое корейцами, находящимися за границей. То же издание содержит материал об активизации партизанской и других форм борьбы в период после революционных событий в России. «Словарь тайной полиции» также пишет, что идеи независимости в это время получили распространение среди широких народных масс.

Именно после Первомартовского движения 1919 г. японские власти встали перед необходимостью реформ. Надо сказать, что принципы политики «культурного управления» были сформулированы некоторыми политическими деятелями еще в конце 19-го – начале 20-го века. Говорилось о необходимости поэтапных реформ, «постепенной и умеренной» ассимиляции, «безопасности» и «общественном спокойствии» в колонии, важности «экономического развития колонии, а не ее «экономической эксплуатации». Реформы «культурного управления» показали многоплановость системы мер, предпринятых Японией, маневренность и гибкость ее политики. Так издание штаба японской жандармерии «Беспорядки в Корее» свидетельствует, что старые методы управления в колонии в новых мировых и внутренних условиях требовали значительных изменений, и реформы были проведены. Они охватывали различные области общественной жизни, урезанные, но вместе с тем ощутимые для народа. Наиболее существенным результатом

реформ «культурного управления» было некоторое расширение сфер деятельности корейской буржуазии – укрепление социальной опоры японских властей. В 1920 г. был отменен «Закон о компаниях», существенно ограничивавший возможность создавать компании, торгово-промышленные общества, банки, что дало толчок к росту корейской буржуазии. Реформы коснулись и политической сферы: была создана система «местного самоуправления». В качестве самой радикальной реформы объявлялось предоставление политических свобод. Разрешался выпуск некоторых новых корейских газет, свободу организаций власти пытались свести к созданию спортивных, деловых и научных обществ. Стала возможной, хоть и в ограниченной форме, легальная деятельность организаций и печати. При всей ограниченности курса реформ, они вызвали определенную либерализацию режима, облегчали условия антияпонской борьбы.

Итак, материалы рассматриваемых закрытых изданий японского генерал-губернаторства содержат важный материал для изучения ситуации на Корейском полуострове в конце 10-х и в 20-е гг. XX века. Эти публикации вносят весомый вклад в исследование колониальной истории Кореи и Японии, помогают дальнейшим научным изысканиям.

Подоплелов С.А.

«Свои» vs «чужие»: бангладешские нелегальные мигранты в Индии (на примере штата Ассам)

Нелегальная миграция из Бангладеш в Индию представляет собой особый случай даже на фоне глобальных миграционных вызовов, с которыми столкнулись в последнее десятилетие государства Европы. Непростые географические условия восточных районов Южной Азии (труднопроходимые джунгли и заболоченные долины рек) препятствуют осуществлению адекватного пограничного контроля. Когда нелегалам удается достичь индийских сел и городов, их трудно отличить от коренного населения в силу этнокультурной близости общин, проживающих по разные стороны границы. При этом Бангладеш как государство-донор своих трудовых ресурсов не предпринимает усилий для противодействия оттоку

людей, фактически перекладывая на индийцев ответственность за обеспечение работой и жильем постоянно растущего потока «чужаков». Такое положение дел не может устраивать Индию, и без того вынужденную противостоять внутренним социально-экономическим вызовам.

Первой крупной волной миграции в восточные и северо-восточные штаты Индии стал приток беженцев из Восточного Пакистана в ходе освободительной войны 1971 г. Индийцы поддержали борьбу восточнопакистанских бенгальцев за независимость политическими и военными мерами, а также согласились принять на своей территории 10 млн. беженцев, далеко не все из которых вернулись домой по окончании войны. Энтузиазм, с которым Индия поддерживала движение за образование Бангладеш и выстраивала отношения с новым государством-соседом после войны, резко контрастировал с проблемами рядовых жителей штатов Западная Бенгалия, Ассам, Мегхалая и Трипура, с трудом привыкавших к новым демографическим реалиям.

Накал социальной напряженности достиг наибольшей отметки в Ассаме, где в 1979–1985 гг. развернулось народное антииммигрантское движение. Проблему проникновения чужаков из-за границы ввел в политический дискурс штата Всеассамский студенческий союз (All Assam Students Union), ратовавший за исключение нелегалов из избирательных списков, подготовленных для промежуточных выборов в нижнюю палату федерального парламента в 1978 г. В следующем году агитация против выборов развернулась по всему штату, к декабрю во многом парализовав местную администрацию. Деятельность протестующих в городах была лишь одной стороной антииммигрантского движения; другой стало насилие, охватившее и менее урбанизированные районы. В 1983 г. в преддверии очередных выборов в законодательное собрание штата погромщики совершили в округе Нагаон свою самую крупную акцию, вошедшую в историю как «Nellie Massacre». Огромное количество жертв (более двух тысяч – по правительственным оценкам, более пяти тысяч – по неофициальным свидетельствам) заставило власти в Нью-Дели предпринять более активные действия для разрешения проблемы. В октябре 1983 г. индийский парламент принял закон под названием «Illegal Migrants (Determination by Tribunal) Act». Создавая систему специальных судов для рассмо-

трения дел о депортации нелегальных мигрантов, он в то же время перекладывал на сторону обвинения бремя доказательств незаконности пребывания обвиняемого на территории Индии, фактически вводя в отношении мигрантов презумпцию невиновности. По этой причине закон не нашел большого применения в процессуальной практике, и правительству пришлось искать другой путь смягчения недовольства коренных ассамцев. В 1985 г. оно подписало с Всеассамским студенческим союзом и Всеассамским советом народной борьбы (All Assam Gana Sangram Parishad) соглашение, по которому обязывалось идентифицировать всех нелегалов, проникших в штат с 1966 г., укреплять контроль над границей при помощи стен и других заградительных сооружений, защищать культурную идентичность коренных ассамцев и не предпринимать никаких действий для наказания участников протестного движения, в том числе погромщиков.

Однако даже такая мера не привела к решению проблемы нелегальной миграции, которая продолжает создавать кризисные ситуации. В преддверии всеиндийских выборов в парламент страны в апреле-мае 2019 г. националистическое правительство Бхаратийя джаната парти, пришедшее к власти в Индии в 2014 г., решило пойти на весьма популистскую меру, опубликовав проект списка граждан Индии, проживающих в штате Ассам. Предполагается, что не вошедшие в него лица могут подать апелляцию либо покинуть территорию страны. Шаги правительства вызывают недовольство как среди нелегалов-мусульман, так и в кругах ассамских националистов, недовольных планами Нью-Дели включить в число индийских граждан тех переселенцев из Бангладеш, которые мусульманами не являются. Таким образом, год парламентских выборов обещает стать крайне беспокойным и для мигрантов, и для тех, кто ратует за их выдворение из Ассама.

Сафронова А.Л.

«Берлинская стена Азии»: живое наследие раздела Британской Индии 1947 г.

«Тектонический разлом» субконтинента, «болевая точка» Южной Азии, «южноазиатский холокост» – вот далеко не полный пере-

чень эпитетов, прочно вошедших в обиход индийцев, вновь и вновь возвращающихся к обсуждению темы, ставшей судьбоносной для индийского общества. Дискуссия на тему современного наследия раздела среди индийских историков, политиков, общественных деятелей включает в себя не только анализ последствий расчленения Британской Индии на два доминиона и последующих отношений Индии и Пакистана, но и нахождение типологических черт сходства между подобными явлениями в мировом масштабе, поиск ответа на вопрос о возможности рассматривать индийский вариант раздела как «paradigm case» в мировом геополитическом измерении.

В индийской историографии детально разработана тема последствий раздела как в политическом, так и в социально-экономическом аспектах. Этот комплекс проблем, тем не менее, был в целом преодолен в первые десятилетия после достижения независимости. Актуальным остается изучение социально-психологических последствий раздела, так называемого «раздела в умах» (феномен «групповой фрустрации» в зонах раздела, анатомия индуско-мусульманской розни), который является неотъемлемой чертой современного индийского менталитета, действуя как на уровне обыденного сознания большинства, так и на уровне элитарной рефлексии интеллектуалов.

Раздел является достоянием художественной литературы, изобразительного искусства, кинематографа, средств массовой информации, включая телевидение с многочисленными ток-шоу, посвященными событиям 1947 г., с участием современников тех событий, политических деятелей и экспертов, историков, экономистов, социологов и психологов. Многие фильмы обрели известность и популярность во всем мире: «Train to Pakistan», «Поезд в Пакистан» (1998); «Earth», «Земля» (1998); «Partition», переведенный в российском кинопрокате как «Разлом» (2007); «Midnight's Children», «Дети полуночи» (2012); «Viceroy's House», «Резиденция вице-короля» (2017) и многие другие. Фильмы основаны на популярных романах и эссе, посвященных теме раздела. Особое место занимает фильм «Wagah», «Вагах» /»Вагха» (2016), название которого стало символом, обозначением не только реально существующего пограничного пункта на индийско-пакистанской границе, но и виртуальной границы «в умах» современных индийцев и пакистанцев.

Живым свидетельством коллективной памяти раздела 1947 г. является популярное театрализованное действо, которое можно наблюдать, начиная с 1959 г., на индийско-пакистанской границе в пограничном пункте между двумя странами, в небольшом посёлке Вагха/Вагах (Wagah) в 8 км от Амритсара: церемония закрытия границы между Индией и Пакистаном – спуска флагов и смены караулов с обеих сторон. Вагха расположена на старинном пути, соединяющем Амритсар и Лахор, через этот пункт прошла линия Рэдклиффа в 1947 г., разграничившая Индию и Пакистан. Церемония начинается ежедневно перед заходом солнца и собирает сотни туристов и местных жителей. Под громкую музыку и враждебные друг другу патриотические выкрики с трибун индийские и пакистанские пограничники маршируют, поднимая ноги ко лбу, демонстрируя подошвы сапог и выказывая пренебрежение и неприязнь по отношению к военным по другую сторону границы. Если для туристов это экзотическое экспрессивное шоу, то для собравшихся с обеих сторон «местных» – политизированное соревнование, выражающее нелицеприятные отношения сторон.

Агрессивность действий возрастает в моменты нарастания напряженности между обеими странами. Так, в ноябре 2014 г. в Вагхе был совершён террористический акт – в результате погибло 60 человек, более 100 получили ранения. Однако церемония была возобновлена. Наряду с возведением дополнительных заграждений вдоль границы пристроены были и новые трибуны для зрителей, похожие парады стали проводиться на границе близ Фирозпура. Часть границы вдоль территории штата Пенджаб, проходящую через контрольные пункты с усиленной охраной, журналисты часто называют «Берлинской стеной Азии». Тем же эпитетом в СМИ наделяют и демаркационную линию между Индией и Пакистаном в штате Джамму и Кашмир после сооружения заграждений вдоль линии контроля.

Симонова-Гудзенко Е.К.

Зарубежные страны на картах Японии Исикава Рюсээн (1661–1720)

Исикава Томонобу (Рюсээн) – художник укиё-э был одним из самых популярных японских картографов конца XVII – начала XVIII

вв. Историки японской картографии отмечают, на протяжении более столетия его карты были бестселлером в Японии, а также были одними из наиболее распространенных японских карт в Европе XVIII – начала XIX вв.

Развитие картографии в эпоху Токугава (1603–1868) объясняется несколькими причинами: большим вниманием, которое сёгунат уделял картографированию страны; ростом паломничества и путешествий представителей разных слоев населения; развитием книгопечатания.

Официальное картографирование провинций сёгунат проводил 6 раз, в 1633–1635, 1644–1651, 1669, 1697–1702, 1717–1725 и результатом его было создание карт страны. В провинциях проводились замеры, топографическая съёмка, в основном, соблюдался масштаб изображения 1 ри (3927 см) : 6 сун (18 см), 1 : 21600. Официальные карты были, рукописными, цветными, с пышной отделкой, большого формата. Они являлись символом государственного контроля, хотя иногда использовались при решении территориальных споров.

Широкое публичное распространение картография в Японии получила в результате разрешения бакуфу 1657 г. на издание карты города Эдо после разрушительного пожара годов Мэйрэйки, высокопоставленного чиновника, крупного теоретика военного искусства и топографа Ходзэ Удзинага (1609–70).

Рюсээн сделал несколько вариантов карты Японии, карту Эдо, а также карту мира. Карты Японии различаются названиями, размером, монохромной или полихромной тонировкой, набором и содержанием сопровождающих таблиц, а также текстовой информацией. Основные принципы картографического изображения японских островов, оформившись уже в первых картах Японии Хонтё дзукан комоку (Карту нашей империи, 1687) и Нихон кайсан тёррику дзу (Карту морей, гор, озер и земель Японии, 1689), сохраняются и на изданных впоследствии Нихон дзу (Карта Японии, 1691), Гэнроку нихон дзэн куни дзу (Карта всей страны Японии [периода] Гэнроку, ?) и др. Карты многократно печатали, причем с исправлениями и дополнениями автора. Большинство исследователей полагают, что форма архипелага восходит к самым ранним картам страны, так называемым картам Гёки, оригинал которой не сохранился. Карты этого типа были популярны в Японии в XVII–XVIII вв.

В докладе рассмотрим зарубежные страны, изображенные или отмеченные на картах страны, причем важно помнить, что Япония с 1639 г. пребывала в состоянии «самозакртия».

Рассмотрим изображения зарубежных стран на ранней сохранившейся карте Гёки Сёмёджи-дзу (1305) и карте Рюсэнь Нихон кайсан тёрику дзу (1691). Рюсэнь изображает реальные и вымышленные страны, отмеченные на карте 1305 г., Корею (Тёсэн); острова Рюкю; страну безлюдную Кандо; страну женщин Ракшас. Новым в сравнении с картой 1305 г. является отсутствие Монголии, что вероятно, связано с изменением историко-политической ситуации в регионе; отсутствие графического изображения китайской империи, хотя название и отдельные топонимы упоминаются в таблице расстояний морского пути; наличие изображение северного острова архипелага Эдзо (совр. Хоккайдо), который в XIV в. еще не был освоен японцами. Обращает внимание и изменение иероглифической записи географических объектов на картах Рюсэнь.

На картах Рюсэнь была также сделана таблица с указанием расстояний от порта Нагасаки о. Кюсю до Голландии (12500 ри), а также стран и островов восточной и юго-восточной Азии, Сиам, Джакарты, Тонкина (сев. Вьетнам), о. Лусона, Нанкина и др.

Думается, что карты Японии Исикава Рюсэнь являются примером самобытности, устойчивости японской картографической традиции, представлений об исключительности Японии, потребности общества в сюжетах о чудесах.

Смирнов В.Е.

Трактат «Сафар-наме» Али Эфенди как источник по изучению военно-политической организации Османского Египта первой половины XVII в.

Для углублённого анализа эволюции военно-бюрократических структур Османского Египта несомненный интерес для исследователей представляет один из самых любопытных документов эпистолярного жанра – датированный 1647 г. небольшой по объёму труд «Сефер-наме бе-каниб-и Рум» (Книга анатолийских кампаний). Автор этого довольно необычного для арабо-османской историографической мысли произведения середины XVII в. – Али

Эфенди – профессиональный военный писарь, входивший в круг военно-служилой знати египетского эйалета. В течение довольно продолжительного срока он занимал различные административные посты в размещённых в Египте османских войсковых корпусах (оджаках), дослужился до должности личного секретаря известного египетского санждакбея Салиха Бея. Вместе со своим покровителем в составе египетского контингента принимал участие в нескольких завоевательных походах османской армии.

Работа Али Эфенди написана в качестве отповеди высокопоставленному османскому чиновнику, позволившему себе ряд нелицеприятных высказываний в адрес воинов, проходивших службу в Египте. В ответ на обвинения в изнеженности и нежелании участвовать в военных походах империи Али Эфенди скрупулёзно, со знанием дела перечисляет военные кампании, в которых участвовали египетские воины (миср куллари), отмечает их заслуги в подавлении анатолийских мятежей, перечисляет обязанности оджаков по сбору налоговых платежей в султанскую казну, доставке ежегодной дани в Стамбул и охране караванов с паломниками. Помимо этого, сочинение Али Эфенди содержит ряд ценных сведений о начальном периоде османского правления в Египте, включая довольно подробный рассказ об антиосманских выступлениях мамлюкских эмиров и восстании Ахмада Паши.

Особый интерес вызывают высказывания автора, свидетельствующие в пользу серьёзных изменений, которые претерпевали размещавшиеся в Египте османские войсковые части. Некоторые замечания Али Эфенди явственно указывают на то, что у османских воинов, большая часть которых в исследуемый период располагалась в Египте на постоянной основе, уже сформировались региональное самосознание и региональная самоидентичность, т.е. единое отношение к таким понятиям, как общие традиции, ценности и исторические судьбы. Именно на интересующем нас временном отрезке для обозначения воинов египетского гарнизонного войска в источниках появляется специальный термин «миср куллари».

Небольшой труд, написанный в середине XVII в. одним из миср куллари по имени Али Эфенди, даёт отчётливую картину: несмотря на языковую и этническую идентичность находившие на воинской службе в Египте воины-османы безусловно выделяли себя из

общей массы солдат турецкой армии, чётко ориентируясь в определении «мы – они», «свой – чужой». К моменту выхода в свет трактата размещавшиеся в Египте османские воинские формирования эволюционировали в типичное территориальное войско, преследовавшее собственные корпоративные цели, которые нередко вступали в конфликт с интересами центральных властей.

Разумеется, принадлежность Али Эфенди к категории «аскери» (военных) обусловило жёсткую политическую ангажированность его повествования. В тоже время глубокое знание автором военных реалий своего отечества предоставляет в руки исследователей уникальный материал по организации и прохождению воинской службы в оджаках в первой половине XVII столетия.

Основная литература

1. Alī Efendi. *Sefer-nāme be-cānib-i Rūm* (Anatolian Campaign Book). Translated and published by Winter M. // *Turcica. Revue d'études turques*. – Louvain–Paris–Stasbourg, 15 (1983). – P. 277–293.
2. Мейер М.С. Новые явления в социально-политической жизни Османской империи во второй половине XVII – XVIII вв. // *Османская империя: система государственного управления, социальные и этно-религиозные проблемы*. – М.: Наука, 1986. С. 56–82.

Спектор И.Б.

Делийские сикхи: изменение роли общины в политической жизни столицы во второй половине XX – начале XXI вв.

Сикхская община в Дели занимает третье место по численности после индусов и мусульман, составляя в 2011 году 3,4% населения столицы. Сам Дели имеет ключевое значение для сикхизма и сикхской истории. Вместе с тем, крупная сикхская община возникла в городе сравнительно недавно, в середине XX века. Массовое переселение сикхов в Дели было связано с разделом Британской Индии в 1947 году и последовавшей массовой миграцией немусульманских меньшинств из Пакистана.

Сикхи составляли значительную долю обосновавшихся в Дели беженцев из пакистанской части Пенджаба. В конце 1940-ых – на-

чале 1950-ых гг. интересы общины в городе были прежде всего связаны с решением насущных проблем – получением жилья, созданием собственных органов социального обеспечения. Особое значение приобрёл Делийский комитет по управлению сикхскими храмами – гурудварами, занимавшийся не только контролем за религиозными объектами, но и игравший значительную политическую роль. Комитет координировал общественные кампании, направленные на отстаивание интересов сикхской общины в столице – панджаби был утверждён в качестве четвёртого официального языка в Дели, городские власти признали автономию сикхской общины в образовательной сфере. В некоторых случаях делийская община выступала перед правительством как представитель всех сикхов страны – примером таких действий может служить кампания за создание штата Пенджаб в начале 1960-ых гг.

Ещё с 1940-ых гг. в рамках общины шла борьба между сторонниками партии Акали дал (Союз бессмертных), представлявшей интересы исключительно сикхской общины, и Индийского национального конгресса. Эта борьба велась как на уровне общенациональных выборов, так и в рамках борьбы за контроль над Делийским комитетом по управлению гурудварами. Противостояние различных групп внутри сикхской общины столицы нередко приобретало насильственный характер и приводило к вмешательству государства. Согласно парламентскому «Акту об управлении гурудварами» 1971 года были законодательно разграничены полномочия Делийского комитета и сикхских учреждений в Пенджабе.

Процессы, связанные с активизацией сикхского сепаратистского движения, затронули и делийскую общину. В 1984 году Дели стал основным центром межобщинных столкновений, начавшихся после убийства премьер-министра Индиры Ганди её охранниками-сикхами. В ходе событий 31 октября – 3 ноября 1984 года в столице было убито более двух тысяч сикхов. Неоднозначная роль полиции и городских властей, а также то, что многие участники и организаторы погромов так и не понесли наказания серьёзно испортили отношения между сикхами и Индийским национальным конгрессом.

В настоящее время за поддержку сикхской общины Дели борются различные политические силы – ИНК, Бхаратия джаната парти, Акали дал и возникшая в Дели Партия простых людей

(Ам адми парти). Несмотря на то, что доля сикхов в Дели снижается из-за массовой миграции из других регионов, община продолжает играть заметную роль в политической жизни города.

Основная литература

1. Kaur J. The role of pressure groups in decision-making in India: a study of the Delhi Sikh Gurudwara Management Committee. New Delhi, 1980 (thesis).
2. Singh, S. The Sikhs in History. New Delhi, 2010.

Тертицкий К.М.

Завещание императора Юнчжэна в русских переводах

Перевод «Завещания императора Юнчжэна» (названный «Завещание Юнджэна Китайского Хана к его сыну»), сделанный А.Л. Леонтьевым, – самый известный русский перевод с китайского текста XVIII века. Он пять раз издавался в XVIII веке (сюда следует добавить еще два издания перевода, сделанного другим переводчиком), а затем переиздавался в XIX и XX веках. О нем писали его почти все известные исследователи русской литературы этого столетия (В.П. Семенников, Г.П. Макогоненко, П.Н. Берков, Г.А. Гуковский), упоминания о нем вошли в учебники и справочники.

Такая известность связана, прежде всего, с публикацией этого текста в одном из журналов Н.И. Новикова (втором номере «Пустомели», июль 1770 года), который вскоре после этого был закрыт. Это обстоятельство дало основание считать, что причиной закрытия была одна из публикаций этого номера или несколько опубликованных там текстов. Хотя свидетельств о том, какие именно тексты вызвали неудовольствие Екатерины II, не сохранилось, большинство исследователей склонны считать «Завещание» одним из них.

В результате, в «Завещании» стали находить скрытый призыв к императрице отречься от престола в пользу сына, который как раз достиг совершеннолетия, связывать его с планами Н.И. Панина по ограничению самодержавия. В связи с этим, возникал вопрос о том, насколько точно в переводе был передан текст оригинала,

а также что именно и кем было привнесено в перевод. Со временем взгляды исследователей стали более умеренными, и они перестали связывать публикацию перевода с событиями и настроениями политической жизни того времени.

Вопрос о соотношении оригинала и перевода, однако, оставался без ответа, так как за все это время перевод Леонтьева не был сверен с оригиналом. Сверка же показывает, что текст был переведен, скорее всего, с маньчжурского или с учетом маньчжурского варианта (на это обращали внимание и китайские исследователи), перевод довольно близок к китайскому варианту, хотя там есть места, которые Леонтьев перевел не вполне точно, в нем можно найти переставленную фразу и некоторые добавления, количество которых, впрочем, невелико. Наиболее примечательная ошибка имеется в следующей фразе перевода, где говорится о сановнике Чжан Тинъюе: «Он служит сердцем истинным, много трудился при милосердом государе Шендзуе в сочинении законов, а при мне на сих годах писал именныя мои нравоучительные указы, и мог во оных подданным моим изъяснять мои мысли; словом сказать, его услуг очень много». В оригинале же говорится не о законах и указах, а о подготовке хроник императора Канси («Шенцзуй» – храмовое имя данного императора, в современной транскрипции записывается как «Шэн-цзу»). Эта неточность в переводе, судя по всему, принадлежит Леонтьеву, так сохранилась в последующих переизданиях текста, вышедших уже без участия Новикова. Наиболее заметное добавление – это фраза из обращения к наследнику престола, на которую обратили внимание и отечественные исследователи: «ты мне сын, тебя учинил я наследником престола, тебе вверил я самодержавное правление всего государства, тебя избрал я способнейшим из всех моих сынов утвердить блаженство меж подданными и водворить тот мысленной златой век, которой нашими стихотворцами описывается; даровать им покой и оградить миром и тишиною от соседственных держав». Остальные добавления не столь существенны и включены в предложения оригинала. Автором их мог быть как Новиков (в последующих изданиях переводов Леонтьева они опущены), так и сам Леонтьев, решивший позднее приблизить текст к подлиннику.

В целом, сравнение перевода с оригиналом, с одной стороны, позволяет подтвердить уже высказанные исследователями предпо-

ложения о наличии в тексте дополнений или искажений. С другой стороны, политическая мотивированность их совсем не очевидна. Мы имеем относительно точный и относительно полный перевод китайского или маньчжурского документа. Проведенное сопоставление не дает новых аргументов, подтверждающих работу Новикова над текстом, а предположение (определившее последующий интерес к этой публикации), согласно которому его появление способствовало закрытию журнала, так и остается предположением.

Филимонова А.Л.

Исламский фактор на парламентских выборах в Пакистане 2018 г.: значение и перспективы

Исламистские движения и партии в Пакистане были активны с момента его возникновения. Однако тенденцией последнего десятилетия стало все более широкое вовлечение в политику сил, имеющих тесные связи с радикальными боевыми организациями. Катализатором данного процесса послужило одобрение властных структур: на совещании комитета национальной безопасности в 2016 г. представители правительства приняли предложение военного руководства расширять политическое участие религиозных организаций, исповедующих радикальные взгляды. Целью этого должно было стать смягчение их позиций и искоренение экстремизма. Прямым следствием новой политики стал рост электоральной активности подобного рода организаций. Если на выборах 2013 г. исламистские партии выставили несколько сотен кандидатов, то на последних выборах 2018 г. таковых насчитывалось более полутора тысяч. Некоторые официально запрещенные исламистские движения успешно обошли запрет на участие в выборах, сменив название или выставив своих кандидатов от имени легально существующих организаций – в том числе ведущих пакистанских партий.

При этом риторика религиозных радикалов не претерпела существенных изменений. В частности, суннитская исламистская партия «Тэхрик-и лабек Пакистан» («Пакистанское движение присутствующих», ПДП) построила свою избирательную кампанию на лозунге «смерть богохульникам» (под которыми принимались все представители правящего режима).

Попытки правительства и силовых структур вывести религиозные ультраправые организации в правовое поле привели не столько к смягчению позиций последних, сколько к тому, что ведущие пакистанские партии, отвечая на публичные обвинения исламистов, начали активно перенимать исламистскую риторику. Официально руководство таких флагманов пакистанской политики, как «Пакистан пиплз парти» («Пакистанская народная партия», ПНП), «Пакистан муслим лиг-Наваз» («Пакистанская мусульманская лига – фракция Наваза Шарифа», ПМЛ-Н) и «Пакистан тэхрик-и инсаф» (Пакистанское движение за справедливость», ПДС) продолжает осуждать деятельность радикальных религиозных организации и отказалось от их поддержки на выборах. Тем не менее, отдельные представители вышеуказанных партий в частном порядке публично выражали сочувствие позициям исламистов.

Как показали результаты выборов, количественного успеха религиозным радикалам добиться не удалось. Действующий с 2002 г. альянс исламистских и праворадикальных партий «Мутахида маджлис-и амаль» («Объединенный совет действия», ОСД) получил 4,85% голосов и 12 мест в Национальной ассамблее (15 с учетом зарезервированных мест). Впервые участвовавшее в выборах ПДП получило 4,21% голосов и ни одного места в нижней палате парламента.

Таким образом, расширение допуска исламистов к выборам и увеличение числа такого рода кандидатов не принесло им большого количества мест в парламенте. Тем не менее, предвыборная кампания обеспечила исламистам трибуну для публичного выражения и пропаганды своих взглядов, что для них уже явилось значительным достижением, поскольку способствовало более широкому проникновению исламского радикализма в пакистанский общественно-политический дискурс.

Фурсов К.А.

Субхас Чандра Бос – могильщик Британской империи?

Европейские колониальные империи – слишком сложный феномен, чтобы в их истории можно было выделить одну фигуру, которая возвышалась бы над прочими как основатель или, наобо-

рот, могильщик империи. И всё же в случае Британской империи фигуру могильщика выделить уместно, пусть с оговорками.

В истории Южной Азии и Британской империи Субхас Чандра Бос (Нетаджи, «Вождь») был эпохальной и символической фигурой. Его деятельность как антиколониального политика можно проследить по двум главным линиям – деструктивной и конструктивной. Деструктивные действия Боса были нацелены на демонтаж Раджа. Во-первых, был уникальным его отказ в 1921 г. после успешной сдачи экзаменов поступить на Индийскую гражданскую службу. Во-вторых, было революционным его предложение (вместе с Дж. Неру) на сессии Индийского национального конгресса (ИНК) 1928 г. требовать для Индии полной независимости. В-третьих, обращение Боса в 1941 г. к геополитическим врагам Британии было беспрецедентным для индийского лидера такого уровня.

Параллельно с деструктивной линией деятельности Бос следовал конструктивной. Она была направлена на развитие рождающегося индийского государства. Во-первых, его предложение Ч.Р. Дасу в 1920 г. создать в ИНК постоянную штаб-квартиру и аналитическую структуру содействовало эффективной реформе партии. Во-вторых, служа главным исполнительным чиновником Калькуттской корпорации в 1924 г. и мэром в 1930–31 гг., Бос был среди первых индийских националистов на официальных административных должностях. В-третьих, в бытность председателем ИНК в 1938 г. и в январе – апреле 1939 г. Бос по сути возглавлял альтернативную Раджу организацию.

Две линии сошлись в деятельности Нетаджи в годы Второй мировой войны. Радиопропаганда и формирование Индийского легиона в Германии вместе с реорганизацией Индийской национальной армии (ИНА) в Юго-Восточной Азии были нацелены на разрушение основ Британской Индии. Учреждение в Берлине Центра свободной Индии, а в Сингапуре – Временного правительства свободной Индии виделись как главный шаг к созданию независимого индийского государства.

Нетаджи и ИНА оказались недостаточно сильны, чтобы достичь своих целей прямыми действиями. Тем не менее Бос оказался могильщиком Британской империи. Во-первых, его бесстрашный вызов британцам сам по себе был для них провалом – провалом контролировать умы. Во-вторых, радикализация ИНК и населения

означали, что этот вызов оказал на страну глубокое впечатление. Факт существования в 1943–45 гг. «сетового государства» Свободной Индии с населением, армией и валютой, признанного девятью государствами, было нельзя вычеркнуть из истории. Восстание индийского флота в феврале 1946 г. ясно показало: подгнило что-то в Британской империи. В Индии Бос создал почти предреволюционную ситуацию.

Хотя свои силы Бос переоценил, он видел, что колониальная история Индии подходит к концу. Сам он никогда не пытался умалять роль Ганди, но именно Бос придал национально-освободительному движению небывалое ускорение. Индия была краеугольным камнем империи, и когда она ушла, остальные страны последовали (почти) автоматически. В конечном счёте именно Бос дал решающий импульс, из-за которого началось и не прекращалось складывание имперского здания.

Проблема Боса – во многом проблема соотношения субъекта и системы. Если в относительно спокойные эпохи система, т.е. массовые, объективные процессы, сильнее субъекта, то в эпохи резких изменений (кризисов, революций, мировых войн) грань между «закономерным» и «случайным» стирается. Нетаджи попытался «оседлать» или даже повернуть историю, сделать её объектом.

Шалупенко Е.В.

Роль женщины в армии Пакистана

Исламская республика Пакистан – одна из стран афро-азиатского региона, где армия играет существенную роль в определении внутренней и внешней политики. После раздела Британской Индии в 1947 г. и возникновения Пакистана армия зарекомендовала себя как наиболее сплоченная структура, которая со временем стала настолько могущественной силой, что неоднократно приходила к власти в ходе военных переворотов. Военные режимы характеризовались неограниченными полномочиями власти, сужением конституционных прав и свобод, милитаризацией общественной жизни. Даже не находясь напрямую у власти, военные оказывают непосредственное влияние на все сферы пакистанского общества.

При этом роль ВС в обеспечении внутреннего порядка эффективна. Карьера военного привлекательна из-за возможности повысить свой социальный статус, поэтому многие пакистанцы хотели бы посвятить свою жизнь военной службе. Последние два десятилетия подобная тенденция наблюдается не только среди мужчин, но и женщин.

До 1999 г. женщины служили, в основном, в Медицинском корпусе пакистанской армии. Однако в 1999 г. Мухаммад Рафик Тарар, президент Пакистана (1998–2001 гг.), подписал указ, согласно которому впервые к службе в военно-воздушных войсках (ВВС) допускались 8 женщин [1].

В дальнейшем тенденция привлечения женщин в армию и воензированные структуры сохранилась. Генерал Первез Мушарраф (с 1999–2002 гг. – премьер-министр, 2001–2008 гг. – президент Пакистана), в 1999 г. сосредоточивший в своих руках всю полноту власти в стране, стал инициатором политики, которая подразумевала поворот к умеренному исламу, и также предоставляла женщинам возможность служить в армии и силах гражданской обороны.

В 2001 г. количество женщин в ВВС (не считая Медицинский корпус) составляло всего 12 человек, а в 2018 г. – около 300 [1]. Исходя из данных 2013 г., следует, что всего в армии Пакистана проходили подготовку 4000 женщин (включая тех, кто служил не в боевых подразделениях) [2].

Последовавшее в дальнейшем расширение квоты в армии для женщин подразумевало, что они могли служить в сухопутной армии, в ВВС или на военно-морском флоте (ВМФ) в основном в качестве вспомогательного персонала.

В 2008 г. женщины в провинции Панджаб получили возможность стать частью сил гражданской обороны – рейнджеров, обеспечивающих безопасность на пакистано-индийской границе [2]. А в 2017 г. другая военизированная структура, занимающаяся обеспечением порядка на границе с Афганистаном, – Пограничный корпус Пакистана, впервые завершил подготовку 25 женщин-рекрутов. Принимать участие в боевых операциях женщины не могут.

Вместе с тем положение женщин в пакистанском обществе неоднозначно. Жители этой мусульманской страны преимущественно придерживаются патриархальных устоев, по-прежнему отводя-

щих женщине роль хранительницы домашнего очага. Существенную роль в определении положения женщин в Пакистане играет этнический фактор: обстановка в провинции Панджаб наиболее благоприятна для их профессионального развития, в то время как в племенных провинциях (Хайбер-Пахтунхва, Белуджистан), население которых наиболее консервативно, женщинам особенно сложно реализовать себя вне сферы домашнего хозяйства. Однако роль этнического фактора важна на начальном этапе поступления на военную службу, поскольку в конечном счете принадлежность к армии, т.е. престижной и популярной структуре, фактически «сводит на нет» этнические и гендерные различия военнослужащих: и женщины, и мужчины, служащие в армии, одинаково уважаемы и воспринимаются в пакистанском обществе как настоящие герои.

В армии именно мужчинам отдается предпочтение при отправлении на учебу за границу; высокие воинские звания также присуждаются, в основном, мужчинам.

Тем не менее, военная карьера является привлекательной для пакистанок. Эта тенденция связана с популярностью армии в Пакистане в целом.

Сегодня Пакистан – одна из немногих стран в мусульманском мире, которая предоставляет женщинам возможность реализовать себя в военной сфере, заслужить высокие военные звания и принимать участие в боевых миссиях, например, ВВС.

Положительный опыт служебной деятельности женщин-военнослужащих, постепенное ослабление в пакистанском обществе патриархальных взглядов на женщину и ее социальные функции, а, главное, стремление все более значительной части женщин расширять сферы своих профессиональных интересов, позволяют отметить наличие определенных перспектив дальнейшего увеличения их количества в рядах военнослужащих армии и других военизированных структур.

Основная литературы

1. Why we need women in the military? // Project Syndicate. 5.04.2018 – <https://www.project-syndicate.com> (accessed 12.10.2018)
2. Pakistan's female Rangers: Life on the base // Dawn. 25.03.2013 – www.dawn.com (accessed 12.10.2018)

Шарова А.Б.

**Описание стран в географической энциклопедии
Утида Масао "Ёти Сиряку":
Россия в период Токугава
(1603 – 1868)**

Япония на протяжении долгого времени была закрытой страной и поддерживала торговые отношения лишь с Голландией. Начиная с конца XVIII века Россия неоднократно предпринимала попытки установить дипломатические отношения с Японией. Однако ни экспедиция Павла Лебедева-Ласточкина (1778 – 1779), ни миссии Адама Лаксана (1792) и Н. П. Резанова (1811 – 1813) не принесли желаемого успеха. И лишь миссия Е.В. Путятина (1803 – 1883), завершившаяся подписанием Симодского трактата (1855) и установлением дипломатических и торговых отношений между Российской империей и Японией, стала отправной точкой для развития дальнейших взаимоотношений между двумя странами.

Географическое сочинение Утида Масао (1839 – 1876) «Ёти сиряку» («Краткое описание мира») – это первая обширная энциклопедия по странам мира. Тринадцать томов энциклопедии издавались на протяжении 10 лет (1870–1880) и были призваны познакомить читателей с географией и историей других стран.

Описанию России в географическом сочинении отводится довольно большое место. Оно состоит из двух частей: Европейская часть (22 разворота, включая иллюстрации и карты) включена в раздел «Европа», тогда как Сибирь и Дальний Восток (10 разворотов, включая иллюстрации и карты) – в раздел, посвященный Азии. Вероятно, с момента установления дипломатических и торговых отношений между двумя странами, Япония начала проявлять особый интерес к своему близлежащему соседу.

Описание Европейской части России построено автором по принципу схожему с рассказом о других странах: сперва он знакомит читателей с географией страны, а затем – предлагает краткий исторический экскурс. Утида Масао подчеркивает, что на данном момент Россия еще не достигла уровня просвещенной Европы и находится лишь на пути модернизации.

Основная литература

1. Камэи Ю.: Мэйдзики ни окэру тири но кё:ику. Сё:гакукё:ику о тю:-син ни. [Обучение географии в период Мэйдзи. Фокусируясь на обучении географии в младшей школе]. Бунка ко:сё: [Культурные обсуждения] : Journal of the Graduate School of East Asian Cultures, 4. 2015.
2. Масуно Кэйко. Миэру миндзоку, миэнэй миндзоку. «Ёти сиряку» но сэкайкан [Видимые нации, невидимые нации. Мирозрение «Ёти сиряку»]. Канагава дайгаку нидзю:иссэйки СЕО пурогураму [Программа СЕО двадцать первый век университета Канагава], 2006.

Шлыков В.И.

**Политико-идеологическая трансформация Турции
в период правления Партии справедливости и развития
(2000-е и 2010-е гг.)**

В докладе комплексно анализируется динамика и основные детерминанты идеологической трансформации Турции за 17 лет правления Партии справедливости и развития (ПСР) Реджепа Эрдогана. Установившийся в стране политический режим рассматривается в четырех взаимосвязанных аспектах, составляющих ключевые характеристики «эрдогановской Турции» – электоральный авторитаризм, неопатримониализм, популизм и исламизм.

Среди ключевых тенденций общественно-политического процесса в сегодняшней Турции можно выделить: во-первых, тенденции делиберализации общественной жизни, выражающиеся в системных нарушениях базовых прав и свобод, а также нарастающем гендерном неравенстве; во-вторых, десекуляризация общественной жизни и системы образования; в-третьих, фактическим завершением процесса консолидации власти в форме установления монополии президента Р.Т.Эрдогана на все ветви власти (не только на исполнительную, но также законодательную и судебную) и публичную сферу (жесткий контроль над СМИ и социальными медиа).

Конституционная реформа 2017 г. и досрочные парламентские и президентские выборы 2018 г. заложили фундамент и вопло-

тели в жизнь новую модель политического режима, который условно можно охарактеризовать как супер-президентская система. В рамках этой новой системы упразднен пост премьер-министра (пост главы правительства в том или ином виде существовал не только на протяжении всей республиканской истории, но и в период Османской империи). Вместо премьера – назначаемые президентом заместители (вице-президенты), подотчетные не парламенту, а лично президенту – главе государства и исполнительной власти. При этом в новой системе власти президент наделен также и законодательной инициативой – он может издавать указы в обход парламента (подобная система действовала с момента установления режима чрезвычайного положения после путча 16 июля 2016 г.). Президент – центральная фигура и в судебной власти, так как назначение большинства членов Конституционного суда (12 из 15), а также значительного числа из Совета судей и прокуроров – компетенция президента. Очевидное следствие такой зависимости судебных органов – неизбежная политизация судебных решений и расширение трактовки законодательства в отношении тех лиц, которые в той или иной мере «неудобны» власти.

Таким образом, фактический результат реформ – институционализация авторитарных тенденций. Конституция 2017 г. нарушила логику разделения властей путем создания условий для формальной, а не действительной независимости законодательной власти от исполнительной. Политическая ответственность президента ограничена только выборами, проходящими раз в пять лет. Президент осуществляет исполнительную власть единолично и обладает неограниченным правом назначать министров и других должностных лиц, основываясь на выработанных только им критериях. Президент может назначать вице-президентов, один из которых, не обладая демократической легитимностью или одобрением парламента, может временно исполнять обязанности президента в случае его болезни и т. д. Возможность парламента призвать к ответственности президента, вице-президентов и министров ограничена только процедурой импичмента. При этом президент может распускать парламента по любым основаниям, что принципиально чуждо демократическим президентским системам. Более того, президент

де-факто имеет право на третий срок, если парламента объявит досрочные президентские выборы до истечения второго срока. Фактически создана возможность для пожизненного президентства через формальное снятие конституционного ограничения в два президентских срока. Все это сопряжено с установлением широчайших полномочий по изданию указов без необходимости принятия закона, который можно было бы обжаловать в Конституционном суде. Реформа Совета судей и прокуроров – отражение подчинения судебной системы: шесть из тринадцати членов Совета назначаются президентом, сами судьи – лишены права назначения членов совета.

Установившийся в результате конституционной реформы и досрочных выборов политический режим – итог многолетнего процесса консолидации власти в руках Эрдогана. Направления и измерения процесса консолидации власти в 2010-е гг.: демонтаж внутрипартийного плюрализма и демократии; подчинения сферы СМИ; ликвидация независимости судебной системы; монополизация и подчинение сферы образования; реформирование военно-гражданских отношений.

Среди факторов устойчивости режима Эрдогана можно выделить пять основных: во-первых, установление контроля над всеми сферами общественной жизни; во-вторых, фактическое подчинение всех ветвей власти президенту; в-третьих, санация политической сферы; в-четвертых, ликвидация «опасной» политической оппозиции; в-пятых, монополия на СМИ. Кроме того, растянувшийся на два года режим чрезвычайного положения (2016–2018) позволил в рамках масштабных репрессий нанести удар по политическим оппонентам и части общества, не поддерживавшей политику Эрдогана. При этом власти широко применяют не только негативную, но и позитивную консолидацию общества посредством реализации мега-проектов: Большой стамбульский тоннель (Büyük İstanbul Tüneli) – трехуровневый подводный тоннель под Босфором на глубине 110 м, суточный пассажиропоток – 6,5 млн. человек и 120 тыс. машин (завершение в 2020 г.); Osmangazi Köprüsü – мост в Измирском заливе; Yavuz Selim Köprüsü – третий мост через Босфор (открыт в 2016 г.); Ovit Tüneli – высокоскоростной горный тоннель (открыт 13 июня 2018 г.) и др.

Шлыков П.В.

Джемааты в политической истории современной Турции: опыт системного анализа¹

В докладе представлены результаты анализа специфических черт гражданской активности в Турции на примере деятельности мусульманских общин-джемаатов в широком историческом и проблемно-хронологическом контексте. В фокусе исследования – деятельность крупнейших турецких джемаатов – Джемаат Гюлена (движение Хизмет), Джемаат Сулейманджи, Джемаат Мензиль, Джемаат Эренкёй, Джемаат Искандер-паша, Джемаат Исмаилага. Ключевая исследовательская задача – определить историческую динамику и основные детерминанты социальной активности и гражданской самоорганизации в Турции, а также характер изменения соотношения между формально расширяющимися возможностями для самореализации людей в самых разных областях и сферах и уровнем востребованности и освоения этих возможностей обществом и его отдельными группами и слоями на разных этапах новейшей истории.

Несмотря на существенный интерес к проблематике современного ислама в целом и в Турции в частности, особенно в среде турецких ученых, живущих и работающих в Европе и США, в исследовании джемаатов очень много белых пятен и неразработанных сюжетов. В работах таких известных исламоведов, специализирующихся, в том числе, на турецкой проблематике, как Хакан Явуз, Брайан Сильверштайн, Зеки Сарыгопрак, Шериф Мардин, Хелен Роуз Эбау, Ахмет Юклеен – затрагиваются общие проблемы секуляризации и десекуляризации турецкого общества, освещается специфика турецкого ислама, но проблема джемаатов как социально-политического феномена не затрагивается (исключение – лишь джемаат Фетхуллага Гюлена и его движение Хизмет, которые вызывают повышенный интерес общественности из-за конфликта между главой Турции – Реджепом Эрдоганом и лидером этого движения – Гюленом).

В феномене «джемаатизации» современной Турции (более 6% населения страны, т.е. более 5–6 млн., являются последователями того или иного джемаата) можно увидеть прямое след-

ствие ускоренной урбанизации с середины 1950-х гг., нанесшей серьезную травму турецкому обществу. Массовая миграция из деревень в города, во-первых, серьезным образом изменила облик страны за счет появления городов-спутников в виде трущоб (т.н. геджеконду), во-вторых, – вызвала серьезные социально-экономические и духовно-культурные потрясения, а также формирование новых социальных идентичностей. Традиционные общинные принципы соседства и сродства, взаимопомощи и т.д. оказались не релевантными для новой городской социальной среды. Джемааты не только взялись за заполнение образовавшегося морального вакуума, помогая преодолеть взаимное отчуждение сельских мигрантов и городской среды, но и способствовали формированию новых социальных идентичностей и новых моделей групповой солидарности и взаимопомощи, которые помогли бы преодолеть травмы ускоренной урбанизации. В новых условиях механизмы солидарности стали работать в рамках того или иного джемаата, которые тем самым стали одновременно заполнять моральный вакуум и выполнять функции социального обеспечения для внутренних мигрантов. Благодаря своей активности джемаатам удалось сформировать свою социальную среду, свободную от патерналистских ожиданий и кемалистской модели правильного общества, навязываемой «сверху» еще с 1920-х гг.

Процессы ускоренной урбанизации имели ряд конкретных важных последствий для Турции: во-первых, демографическая карта страны претерпела кардинальные изменения; во-вторых, государство утратило возможность эффективного воздействия на религиозную сферу и использовать ислам в своих политических интересах (что было характерно для всего периода кемалистской Турции с 1920-х гг.); в-третьих, резко увеличилось влияние и востребованность ислама как социокультурной матрицы турецкого общества в условиях паралича традиционных механизмов общинной взаимопомощи; в-четвертых, необходимость социализации в городской среде вызвала трансформацию моделей духовного воспитания и исламских ритуальных практик.

Предварительный анализ позволяет предположить, что причины роста активности джемаатов в Турции могут иметь аналогии и в других регионах Востока, сталкивающихся с быстрыми соци-

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ проект №17-01-00203.

альными изменениями (в частности, речь идет о мусульманских странах Юго-Восточной Азии и странах этого региона со значительными мусульманскими меньшинствами).

Для турецких джемаатов, несмотря на отсутствие у них правового статуса (суфийские тарикаты запрещены в Турции с 1925 г., а понятие джемааты формально применимо только общинам инациональных немусульманских меньшинств, т.е. армянам, грекам, евреям и т. д.) оказались способны: во-первых, заполнить духовно-нравственный вакуум среди «новых горожан» и жителей геджеконду; во-вторых, взять на себя функции социального обеспечения; в-третьих, сформировать гибкие организационные структуры, которые в зависимости от меняющейся внутривосточной конъюнктуры, были способны быстро адаптироваться и модифицироваться вслед за запросами общества; в-четвертых, создать свою социальную среду, свободную от патерналистских ожиданий и кемалистского общественно-политического дискурса; в-пятых, привнести в среду внутренних мигрантов уверенность в способности самостоятельно решать жизненные проблемы.

Общие черты для большинства крупных турецких джемаатов: нацеленность на удовлетворение духовно-религиозных и социальных потребностей; несмотря на обвинения в «реакционности» джемааты зачастую выступают катализатором социальных трансформаций; одна из основных социальных функций джемаатов – помощь в преодолении психологической травмы от столкновения с нормами культуры крупных городов (с нормами капиталистической экономики, приматом индивидуализма и т. д.). Еще одна общая черта турецких джемаатов – приоритет коллективистских принципов общего блага, коллективной поддержки и взаимопомощи, когда в своей деятельности они избегают нацеленности на удовлетворение индивидуальных нужд и потребностей.

Успех модели социально активных джемаатов в Турции вызвал неоднозначную реакцию в обществе, и даже неприятие этого явления со стороны значительной части населения. Широкое распространение и бурное развитие джемаатов в Турции позволило говорить о «эре джемаатов», «джемаатизации турецкого ислама», «джемаатизации турецкого общества» и джемаатах как «главном феномене современной Турции».

Политология

Арсанова Т.Е.

ЮНЕСКО на Ближнем Востоке

Современный этап международных отношений представляет собой сложный процесс. Неоднозначна в современных условиях и роль международных организаций. Однако ЮНЕСКО в современных политических условиях остается одной из ведущих частей системы ООН, сосредоточив свою деятельность на гуманитарной сфере. ЮНЕСКО представляет широкую площадку для взаимодействия государств – членов и имеет богатый исторический опыт сотрудничества по вопросам образования, науки и культуры, что способствует как укреплению мировой политической системы, так и продвижению национальных интересов на мировой арене. Деятельность ЮНЕСКО отличает комплексный подход на основе политического опыта, мониторинга, экспертных оценок, научных исследований, международного диалога и партнерства.

Инструментарий организации следует рассматривать в качестве инструментария «мягкой силы», т.е. стратегии, направленной на использование ненасильственных методов воздействия для достижения своих геостратегических целей. Усилия ЮНЕСКО направлены на привлечение как можно большего числа государств-членов к реализации важнейшей политической задачи современности – предотвращению раскола мира по цивилизационному признаку через диалог между культурами и цивилизациями, а также международное культурное сотрудничество.

Ближневосточный регион вот уже несколько десятилетий остается зоной повышенной конфликтности в религиозном, экономическом, политическом аспектах. Роль региона обусловлена его геостратегическим положением. Факторы политического, военно-стратегического, экономического, демографического содержа-

ния делают Ближний Восток важным элементом в системе международных отношений и значимым направлением во внешней политике мировых акторов.

Важным направлением деятельности являются меры реагирования ЮНЕСКО на конфликтные ситуации в странах Ближнего Востока. В качестве примера можно привести ситуацию в Сирии и ее последствия. Также ЮНЕСКО является активным участником международных усилий по оказанию поддержки Иордании в реагировании на воздействие сирийского конфликта. Меры реагирования ЮНЕСКО сосредоточены на обеспечении доступа к образованию мигрантов, строительстве и восстановлении школ, обеспечении соответствующими образовательными программами и кадрами для реализации.

Следует отметить, координационную деятельность ЮНЕСКО в регионе во взаимодействии с региональными и национальными правительствами и другими международными организациями по разрешению чрезвычайных ситуаций, по обеспечению коммуникации и информации.

Важным направлением деятельности ЮНЕСКО являются теоретические и практические мероприятия, направленные на формирование у молодежи регионов, вовлеченных в зону конфликтов, культуры совместного проживания.

В качестве отдельного направления деятельности ЮНЕСКО выделяется направление борьбы с незаконной торговлей и разграблением памятников культуры Сирии, основу составляет пропагандистская и информационно-разъяснительная работа по сохранению культурного наследия.

Поскольку приоритетной целью любого государства является создание условий его стабильного и безопасного развития трудно переоценить значение мер, направленных на создание качественного человеческого капитала и деятельность ЮНЕСКО в данном аспекте. В этой связи совершенно очевидно значение образования как важнейшего фактора в этом процессе. Понимание и принятие людьми данного тезиса требует определенного образовательного уровня, причем образовательный уровень находится в прямой зависимости с качеством инструмента реализации концепции устойчивого развития в любой сфере жизнедеятельности. Таким образом, образование является механизмом формирования самого

эффективного и мощного ресурса – человеческого капитала, что важно для любой страны.

ЮНЕСКО, сотрудничая с правительственными органами стран-участниц и частным сектором, создает необходимые условия для доступности образования всех социальных групп, вне зависимости от пола, национальности и вероисповедания. На современном этапе развития определены новые цели в образовательной сфере (70-я сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, 2015 г.), сформированные в рамках новой глобальной повестки в области развития «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Эти цели и определяют основные и первоочередные задачи в области развития на период до 2030 г.

Таким образом, анализ основных направлений деятельности ЮНЕСКО на Ближнем Востоке позволяет отметить, что реализуемые организацией программы и проекты в соответствии с Уставом, главным образом, направлены на поддержку культурной, социальной, образовательной сфер жизни обществ стран региона.

Основная литература

1. Инчхонская декларация Образование-2030: обеспечение всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002331/233137r.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).
2. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 10.01.2019).

Ахтамзян Н.А.

Миграционная проблема в Германии: пути решения и последствия

«Кризис беженцев», охвативший в 2015 г. всю Европу, имел особые последствия для Германии. Они продолжают оказывать влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в стране.

«Мы справимся с этим (мы сделаем это)!» – сказала канцлер ФРГ А. Меркель на ежегодной пресс-конференции 31 августа 2015 г. «Кто это “мы” и с чем “с этим?”», – спустя год иронично

спрашивал канцлера ее критик внутри партии ХДС В. Босбахер, требуя согласовать оптимизм с реализмом». Девиз, ставший мемом, не только разнесся по Интернету и был воспринят (интерпретирован) в странах «исхода» как приглашение в Германию всех желающих, но и вызвал полемику в самом германском обществе.

На вопрос «Кто «мы»?» ответ прозвучал еще в речи Меркель, а также в других выступлениях канцлера и ее министров. На второй вопрос – «С чем (и как) справимся?» – ответил своей деятельностью на посту главы Федерального ведомства по миграции Франк-Юрген Вайзе (сентябрь 2015 – январь 2017 гг.).

В своем выступлении 31 августа Меркель постоянно повторяла: «Союз (федерация), земли и коммуны» – т.е. совместные усилия всей страны в преодолении трудностей. Она вспомнила, как Германия справилась с банковским кризисом, атомной проблемой, а еще раньше – с объединением страны: «Мы многое сделали – сделаем и это!». Меркель восхищалась отзывчивостью граждан Германии, их готовностью помочь нуждающимся. На европейской и международной арене А. Меркель взывала к европейской солидарности и рассчитывала на справедливое распределение беженцев по квотам между всеми странами – исходя из экономических возможностей, численности населения и уровня безработицы, а также на совместное решение проблемы – совершенствование законодательства (пересмотр Дублинских соглашений), помощь нуждающимся по месту их происхождения, урегулирование конфликтов в этих странах.

Политическое решение проблемы заключалось в том, чтобы отделить беженцев от трудовых мигрантов, т.е. тех, кто бежит от гражданской войны, преследования и насилия в своих странах (им убежище предоставляется безусловно), от тех, кто ищет лучших условий жизни и работы. К таким «надежным (безопасным) странам происхождения» были отнесены балканские государства, претендующие на вступление в ЕС (в первую очередь – Босния и Герцеговина, Сербия, Македония, Албания, Косово, Черногория) – так называемый «Пакет по убежищу»-I (1.11.2015). Поэтому в 2016–2018 гг. преобладающими беженцами стали сирийцы (266 тыс. в 2016 г.; 49 тыс. в 2017), иракцы (96 тыс. и 22 тыс.) и афганцы (127 тыс. и 16,4 тыс.), а также эритрейцы (18,8 тыс. и 10,2 тыс.) и иранцы (26,4 тыс. и 8,6 тыс.). Минимальное количество отказов в предоставлении убежища – у сирийцев.

Согласно «Второму пакету» (17.03.2016) были созданы пять регистрационных центров для ускоренного (в течение недели) прохождения процедуры: в основном для тех, кто имел мало шансов на получение убежища и для облегчения выдворения преступников и тех, кто препятствовал процедуре (скрывал личность, представлял фальшивые документы). На два года (до 1.08.2018) вводился запрет на воссоединение с семьями тех, кто получил субсидиарную (персональную) защиту в Германии. Законодательство о беженцах было ужесточено 19 мая 2017 г., когда бундестаг принял решение о быстрой высылке «отклоненных» заявителей (просителей): они объявлялись ограниченными в передвижении и должны были оставаться в пунктах первичного приема. «Представляющие угрозу» преступники должны контролироваться ножными браслетами.

По официальным данным, в 2015 г. в Германию прибыло 890 тыс. человек. Свою задачу руководитель ведомства по миграции Ф.-Ю. Вайзе видел в необходимости сократить сроки рассмотрения заявлений (прошений об убежище), ликвидировать старые долги (нерассмотренные ранее прошения – некоторые ожидали решения 8 лет!) и как можно быстрее интегрировать приезжих в жизнь Германии, прежде всего – в рынок труда (раньше беженцы были только получателями пособий – без права трудоустройства в Германии), для этого – направить их на курсы немецкого языка (за первый год было создано 400 новых центров изучения языка).

В первую очередь сотрудники ведомства должны были быстро решить, есть ли у прибывшего шанс на получение убежища, если нет – отправить его обратно в страну происхождения. 64-летний полковник в отставке, возглавивший одновременно два ведомства – не только по миграции и беженцам, но и «свое» родное – по труду и соцзащите, энергично взялся за дело, чем даже вызвал конфликт с Советом по персоналу – из-за повышенной нагрузки на сотрудников. За год работы он увеличил штат сотрудников с 3000 до 9000 человек, включая 6000 постоянных и 3000 делегированных из других ведомств – в т.ч. с почты и из армии), наладил цифровизацию документооборота, в т.ч. с другими службами и судами, сократил сроки рассмотрения заявлений на предоставление убежища с 6–7 месяцев до 1,5 мес. В полиции предстояло за три года создать дополнительно 3 тыс. мест (к 40310 сотрудникам). В стра-

не было создано 150 тыс. зимних пунктов первичного размещения беженцев (к 45 тыс. существовавших прежде); привлечено дополнительно 10 тыс. добровольцев – представителей общественных организаций. Федеральные земли получили от федерального правительства 500 млн. евро на строительство жилья, коммуны – по 670 евро в месяц на устройство каждого принятого беженца.

По оценкам кельнского института немецкой экономики, государственные расходы на беженцев составили: в 2016 г. – 17 млрд. евро – на размещение и 5 млрд. евро – на языковые и интеграционные курсы; в 2017 г. соответственно – 22,6 млрд. и 27,6 млрд. евро. Бюджет ФРГ в 312 млрд. евро (2016 г.) – 333 млрд. евро (2019 г.) позволяет это.

В результате предпринятых мер количество прибывших беженцев в 2016 г. сократилось до 280 тыс., в 2017 г. – до 186 тыс. соискателей. В 2015 г. было подано 476 тыс. прошений об убежище и около 364 тыс. осталось нерассмотренными. В 2016 г. количество поданных заявлений увеличилось до 745 тыс. – за счет тех, кто не успел это сделать в предыдущем году. Было принято 695 тыс. решений (62% из них получили положительный ответ). На начало 2018 г. оставалось нерассмотренными 67 тыс. дел, в т.ч. 45 тыс. тех, кто прибыл в 2017 г. На вопрос, справляемся ли «мы» «с менеджментом по беженцам» (с регулированием потока), Ф.-Ю. Вайзе ответил утвердительно, на второй – об интеграции в немецкий рынок труда: «Мы делаем и кое-что из этого...»!

Общественность и представители различных партий в бундестаге подвергали критике «миграционную политику А. Меркель», требуя ее совершенствования или изменения. Это отразилось на рейтинге самой канцлерин и на результатах выборов 2016–2017 гг. сначала в ландтаги нескольких земель, затем – в сентябре 2017 г. – на результатах выборов в бундестаг (федеральный парламент). Наряду с падением количества голосов, отданных за блок ХДС/ХСС, за социал-демократов и Зелёных, фактом стало появление в земельных и федеральном парламентах праворадикальной партии Альтернатива для Германии и возвращение (вместо Пиратской партии) либеральной партии Свободных демократов.

К сентябрю 2017 г. различия в подходах к миграционной политике оформились в тексты предвыборных партийных программ. Особая позиция лидера ХСС Х. Зеэхофера внесла раскол в Союз

«сестринских» партий и поставила под угрозу формирование коалиционного правительства осенью 2017 г.: он настаивал на «верхнем пределе» для мигрантов в 200 тыс. человек ежегодно. Меркель пришлось пойти на уступку, сохранив право корректировать «цель» выше или ниже обозначенного уровня в зависимости от международных или национальных обстоятельств. Вопреки прогнозам, А. Меркель была избрана канцлером на четвертый срок и после провала переговоров с Зелеными и Свободной демократической партией вновь сформировала правительство Большой коалиции (с СДПГ).

Основная литература

1. Bundesregierung – <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift> (дата обращения: 1.09.2017)
2. Bundeszentrale für politische Bildung – m.bpb.de (дата обращения: 17.02.2018)
3. Landtagswahlen 2017 – <https://bundestagswahl-2017.com/wann> (дата обращения: 3.10.2017)

Васецова Е.С.

Сирийский кризис беженцев как угроза социально-политической стабильности Ливана

1. Сирийский кризис продолжается уже восемь лет, оказывая дестабилизирующее влияние на социально – экономическую обстановку в соседних государствах. Вынужденная миграция в результате сирийского кризиса стала самой масштабной за второе десятилетие XXI в. По данным 2016 г., четверть всех беженцев мира (5,5 млн чел.) являются беженцами из Сирии. Страны региона вынуждены были принять большинство сирийских беженцев. По состоянию на сентябрь 2017 г., более 5,2 миллиона сирийских беженцев проживали в Турции, Ливане, Иордании, Ираке и Египте.

2. Масштабы вынужденной миграции сирийских беженцев в Ливан не имеют точной оценки, что во многом связано с большим количеством лиц, которые не могут получить статуса беженца в связи со спецификой местного законодательства. На фоне продолжающейся вынужденной миграции из Сирии власти Ливана

в 2015 г. приняли решение приостановить регистрацию новых беженцев, что привело к отсутствию в настоящее время их точного учета. По информации Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, на июнь 2017 г. в Ливане нашли приют свыше 1 мил зарегистрированных сирийских беженцев. При этом специальных лагерей для сирийских беженцев на территории Ливана не создается, и большинство из них проживают в городах. Проблема беженцев – одна из самых острых для внутренней политики страны. Ливан занимает лидирующую позицию в мире по процентному соотношению беженцев на душу населения.

3. Положение сирийских беженцев в Ливане плачевно: 70 процентов сирийцев, бежавших в Ливан, живут за чертой крайней нищеты. Для того, чтобы прокормить семью, заплатить за жилье и медицинскую помощь, люди залезают в долги. 90 % сирийцев, нашедших приют в Ливане, оказались в долговой ловушке. Существующие ограничения для сирийцев в Ливане делают невозможным легальное трудоустройство, так как они обязаны продлевать свой статус каждые полгода и при том подписывать заявление о том, что не будут работать. Это значит, что они либо работают нелегально, либо полностью полагаются на гуманитарную помощь. Между тем, из запрошенных ООН 1,87 миллиарда долларов, доноры выделили лишь 49 %, так что рассчитывать на серьезную финансовую поддержку от государственных структур им не приходится.

4. Сирийский кризис значительно осложнил обстановку в Ливане, поставив под угрозу хрупкий мир в стране и усилив существующие противоречия. Влияние сирийского конфликта на Ливан имеет последствия, затрагивающие различные сферы: социально-экономическую, гуманитарную, демографическую, политическую, область безопасности.

5. Экономическая система Ливана находится в крайне сложном состоянии. В стране произошел экономический спад, выросла безработица, особенно среди молодежи. Теневая экономика значительно укрепила свои позиции, во многом из-за усиления нелегального рынка труда.

6. Система социального обеспечения Ливана не справляется с нагрузкой. Спрос на услуги здравоохранения превышает возможности государства. Также государство оказалось не в состоя-

нии обеспечить всех жителей страны питьевой водой надлежащего качества и предоставить доступ к электроэнергии.

7. В результате неспособности властей Ливана своевременно реагировать на проблему беженцев, произошло усиление негосударственных акторов, которые взяли на себя функции государства по реализации задач социальной политики. Прежде всего речь идет о шиитской военно-политической организации «Хезболла», которая признана рядом стран террористической. Несмотря на то, что сирийские беженцы в подавляющем большинстве являются суннитами, в Ливане они расселяются преимущественно в шиитских районах страны. «Хезболла» оказывает помощь как сирийским беженцам, предварительно убедившись, что они не являются сторонниками сирийской оппозиции, так и местным жителям, которые оказались в крайне стесненных условиях из-за резкого роста населения. Представляется, что данная позиция позволила «Хезболле» приобрести большую легитимность, так как она увеличила свое представительство в парламенте Ливана в результате выборов 2018 г.

8. Таким образом, постепенно происходит всё большее втягивание страны в сирийский конфликт, и внутренний раскол в обществе усиливается. «Хезболла» воюет на стороне Президента Сирии Башара Асада, а ливанские суннитские группировки помогают оппозиционной Свободной сирийской армии (ССА).

Основная литература

1. Кузнецов А.А. Политический процесс в Ливане на рубеже XX–XXI веков. – М.: Институт Ближнего Востока, 2017.
2. Achilli L., Yassin N., Erdogan M. M. Neighbouring host-countries' policies for Syrian refugees: the cases of Jordan, Lebanon, and Turkey. – 2017.

Кулешова Н.С.

О типологизации современных миграций

Мировое сообщество рассматривает международную миграцию как одну из основных проблем XXI века. Учеными различных отраслей знания предпринимаются попытки исследовать миграции, выделяя собственное предметное поле. Безусловно, главной

задачей остается управление миграционными процессами, решение которой подразумевает междисциплинарный характер.

Согласно определению Международной организации по миграции, миграция – это «процесс передвижения населения через государственную границу либо в пределах страны. Миграция включает передвижение беженцев, переселение лиц, политических и экономических мигрантов».

Особенностью современных международных миграций является то, что практически все страны мира выступают одновременно странами происхождения, транзита и приема мигрантов. Традиционные тенденции в миграциях дополняются новыми, которые возникают в результате меняющихся экономических, демографических, политических и социальных условий современного проживания населения.

Зарубежными и отечественными исследователями многократно предпринимались попытки теоретического осмысления миграционных процессов и их типологизации. Одним из первых был В. Зомбарт, он изучил типологические подходы к историческим формам миграции и выявил связь между мигрантами и развитием капиталистических отношений в стране приема, выделил единичные и массовые типы переселения.

Существующие различные подходы к анализу миграций и их типологизации позволяют утверждать, что миграционный процесс рассматривается современными исследователями как сложный общественный разнонаправленный процесс, общественное явление, которое связывает разноуровневые социальные изменения (П. Штомпка).

Следует согласиться с мнением Л.Л. Рыбаковского, что миграционный поток – это не только совокупное число мигрантов (или миграций), имеющих общие районы прибытия и выбытия в течение данного отрезка времени, но и совокупности переселенцев, определяемых по полу, возрасту, национальности, образованию и т.д. Это также один из показателей направления миграции.

Ряд исследователей предлагают миграционный процесс разделить на следующие этапы: стадия потенциальной миграции, стадия непосредственного акта миграции, стадия, характеризующая последствия самих миграционных процессов.

Также важна концепция Л.Л. Рыбаковского, который сформулировал принципы трехстадийности миграционного процесса: исходная или подготовительная стадия (на этой стадии формируется территориальная подвижность населения); основная стадия (процесс переселения); заключительная стадия (процесс приживаемости мигрантов в новом регионе).

Западный исследователь Ф. Дювель предлагает восьмифазовую модель миграционного процесса, которая включает в себя: мнение, решение, подготовку, организацию, миграцию, прибытие, пребывание, проживание.

Следует отметить и активно критикуемую в отечественной литературе типологию американского ученого Г. Фаирчилда, который в ее основу заложил различие в уровне культур, связь культур с типами миграции, с такими как вторжение, завоевание, колонизация.

Американский исследователь Н. Гонзалес предложил выделить 5 типов миграций: сезонные; в отличие от сезонных, временные; текущие; продолжительные; постоянные, что заменило ранее принятую концепцию, основанную на эмиграционных и иммиграционных процессах.

Таким образом, представленные концепции зарубежных и отечественных исследователей показывают многообразие подходов к изучению миграционных процессов и их типологизации: исторический, демографический, социокультурный, правовой и т.д. Проведенный анализ демонстрирует, что существуют различные критерии, на которых основаны типологии миграционных процессов. Многие авторы подчеркивают значительную роль междисциплинарного и системного подходов в связи со сложностью исследования миграционных процессов.

Основная литература

1. Дювель Ф. Пространственная мобильность населения: индикаторы, категории и типологии // Методология и методы изучения миграционных процессов / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – М., 2007. – С. 71–95.
2. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). – М.: Наука, 2001. – 114 с.
3. Fairchild H.P. Immigration: A World Movement and Its American Significance. Rev. edition. N.Y.: Macmillan, 1925. 520 p.

Кутовая Е.А.

Страны АСЕАН в формате 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН

Настоящее исследование посвящено участию стран-членов АСЕАН в работе 73-й сессии Генассамблеи ООН.

Во-первых, весьма показательно, что работа делегаций стран АСЕАН на 73-й сессии Генассамблеи ООН протекала на этапе существенно осложнившейся мировой обстановки и нарастания конфликтного потенциала, обусловленных односторонними действиями американского правительства, направленными на слом важнейших международно-правовых инструментов обеспечения устойчивости стратегической стабильности.

Во-вторых, с учётом этих факторов деятельность делегаций стран-членов Ассоциации в ходе текущей сессии ГА ООН характеризовалась гораздо большей активностью, чем на предыдущих сессиях, интенсивностью их участия как в работе главных органов, так и в рабочих комитетах.

В-третьих, проведённый анализ результатов голосования делегаций государств-участников АСЕАН в 2018 г. по резолюциям в Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности ООН свидетельствует о том, что рассмотрение внесённых Россией (самостоятельно или в соавторстве) резолюций, в частности, о борьбе с героизацией нацизма, о неразмещении первыми оружия в космосе и обеспечении международной информационной безопасности пользовались поддержкой всех государств АСЕАН. В то же время при голосовании в ГА ООН антироссийских резолюций, в частности, по проблеме милитаризации Крыма и г. Севастополя, о положении в области прав человека в Крыму, о выводе иностранных вооружённых сил с территории Республики Молдова подавляющее большинство делегаций государств-членов АСЕАН либо голосовало против этих резолюций, либо не принимало участия в голосовании.

Впечатляет весомость проблем, которые были выдвинуты и активно продвигались делегациями стран Ассоциации в ходе 73-й сессии ГА ООН. Это прежде всего их совместные усилия в области превентивной дипломатии и предотвращения конфликтов, это продолжение борьбы с терроризмом, а также транснациональной организованной преступностью. Это, безусловно, весомость

вклада членов АСЕАН в миротворческие операции ООН : 27 000 военнослужащих и полицейских Таиланда участвовали в более чем 20 миротворческих операциях или связанных с ними миссиях. Солидным стал индонезийский вклад в миротворческие операции ООН, свыше 3 500 военнослужащих Индонезии участвовали в девяти миротворческих миссиях ООН. По словам индонезийского вице-президента Юсуфа Калла, его страна в 2019 году будет готова направить свыше 4 000 своих граждан, включая женщин, для участия в миротворческих операциях ООН. Вьетнам оказал помощь ООН в создании полевого госпиталя в Южном Судане.

Привлекает внимание активность стран АСЕАН в вопросах ограничения вооружений и предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве. Индонезия поддержала создание в рамках Конференции ООН по разоружению дополнительного органа по предотвращению гонки вооружений в космосе. В целом эти страны выступили в пользу исключительно мирного использования космического пространства. В Первом комитете Генассамблеи представители Вьетнама и некоторых других стран АСЕАН активно выступили в отношении владения, экспорта и импорта обычных вооружений в целях обеспечения безопасности государств.

Проблема Южно-Китайского моря была рассмотрена премьер-министром Вьетнама Нгуен Суан Фуком. По его мнению, конфликт в Южно-Китайском море подлежит решению на основе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а также принципа охраны морской безопасности и навигации. С вьетнамской стороны было выражено сожаление, что до сих пор не удаётся подписать Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море. В перспективе соединённые силы стран АСЕАН на основе консенсуса вполне могут и в состоянии найти компромиссные решения по проблеме ЮКМ, но только при исключении внешнего диктата.

В выступлениях представителей Филиппин, Индонезии, Лаоса, Малайзии, Таиланда была затронута проблема прав человека, доступа граждан к природным ресурсам. Значительное внимание было уделено вопросам нарушения прав человека, острой проблеме рохинджа в Мьянме, а также необходимости реализации Конвенции АСЕАН против торговли людьми.

Одна из тем вступительного доклада Генсекретаря ООН А. Гуттериша -изменение климата на планете– получила отражение в вы-

ступлениях большинства делегаций стран-членов Ассоциации, которые высказались в поддержку основных положений Парижского соглашения о климате.

На проведенной в кулуарах Генассамблеи в Нью-Йорке встрече АСЕАН-ООН стороны подтвердили важность укрепления Всеобъемлющего партнерства по реализации Видения Сообщества АСЕАН 2025 и Повестки дня ООН в области устойчивого развития до 2030 г. Отдельная тема, которая обсуждалась на встрече-инновации и новые технологии, направленные на улучшение качества жизни людей, в этой связи была одобрена инициатива АСЕАН по созданию сети «умных городов», которая впоследствии была принята государствами-участниками Восточно-Азиатского саммита (ВАС) на саммите в ноябре 2018 г.

Растущая активность государств-членов АСЕАН в работе Генассамблеи и Совета Безопасности ООН открывает хорошую перспективу для налаживания более эффективного сотрудничества Российской Федерации с этими странами. Этой цели отвечало бы расширение взаимодействия по дипломатическим каналам.

Романова И.А.

Роль социокультурных факторов в переговорном процессе с японцами

В настоящее время мы являемся свидетелями активного политического диалога, который ведется между Россией и Японией по вопросу подписания мирного договора, в основе которого находится проблема территориального размежевания между государствами. Последние несколько лет переговоры по вопросу заключения мирного договора между странами ведутся чрезвычайно активно. Представляется, что одним из факторов успешного ведения переговоров с японскими партнерами по вопросу является в целом знание и понимание российской стороной социокультурных ценностей японского общества.

Среди японских социокультурных ценностей в контексте исследуемой темы интерес представляют следующие: опора на группу, подчеркнутая иерархия, потребность в вертикальной соподчи-

ненности, достижение целей с помощью других, подчеркивание незначительности самого себя, ответственность за других, почтительность и вежливость, упор на компромисс, точные правила поведения и «ситуационную этику».

Рассмотрим наиболее значимые из них. Прежде всего, следует иметь в виду, что групповая ориентация – сюдан исики – является для японцев значительно более важной, чем индивидуализм. Принадлежность к группе для японца очень важна. Они в первую очередь ориентируются на интересы группы и уделяют групповой гармонии гораздо большее внимание, чем индивидуальным устремлениям. Умаление своего «я» находит, в частности, свое выражение и в японском языке. Термин дзибун, который переводится с японского языка как «я», «сам», «свой», означает, по смыслу, «часть целого». А принцип авасэру – «приспособиться, приноровиться» – определяет поведение японца в группе.

При этом группа и групповые отношения опираются на иерархическую структуру – влияние заимствованного из Китая в VI в. конфуцианства. Иными словами, взаимоотношения строятся в группах по вертикали, т.е. по иерархическому принципу. Положение японца в группе определяет его социальный статус/ранг: более высокий или более низкий. Традиционно это выражается понятием оябун-кобун, или ояката-кокато, то есть, отношения между «старшими» и «младшими», как по социальному положению, так и по возрасту.

Внутри иерархического общества – благодаря его замкнутости и высокой однородности населения – преобладают такие ценности и взаимоотношения, которые образуют гармонию (ва), вертикальную соподчиненность (амаэ) и строгую гражданскую структурированность (хоннэ-татэмаэ).

Видный японский политолог Мусякодзи Кинхидэ полагает, что одним из фундаментальных философских различий между представителями Запада и японцами является то, как они относятся к взаимоотношению людей с окружающей их средой. Он сопоставляет, к примеру, американский метод «выбора» и японский метод «согласования». Американский стиль – избирательный, деловой, манипуляционный – базируется на убеждении, что человек может свободно управлять окружением в своих целях. Японский

стиль – адаптивный – отрицает мысль о том, что человек может управлять средой, и предполагает, что вместо этого он приспосабливается к ней. Еще в древности, выживая в трудных условиях, японцы понимали, что разумнее быть в контакте с природой, а не в конфликте с ней, что лучше адаптироваться и приспосабливаться к окружающей среде, а не разрушать ее, переделывая под себя. Такое мировоззрение гармонировало и с синтоистским мироощущением японцев. Необходимость в установлении согласованных, гармоничных отношениях с природой и друг с другом привела к созданию принципа общности, всеобщего согласия и солидарности, иными словами, «гармонии» – ва.

Понятие амаэ было разработано в 70-е годы прошлого столетия известным японским психоаналитиком Дои Такэо. Он пришел к выводу, что амаэ является одним из ключевых понятий для понимания структуры японской личности. Чувство амаэ есть не что иное, как стремление «зависеть от других и рассчитывать на их благожелательность». Оно обнаруживает себя в японском обществе, в частности, во множестве социальных компромиссов. Амаэ тесно связано и с коммуникационными моделями. По мнению Дои, межличностное общение между японцами в своем эмоциональном подтексте содержит амаэ, и многие короткие перерывы в беседе японцев могут быть объяснены как стремление почувствовать партнера и оценить ситуацию. Дои пришел к выводу, что «важнейшей для японцев при любых обстоятельствах является уверенность в наличии с партнером взаимозависимости, основанной на доброжелательности».

Важной для понимания намерений японцев является дуалистическая установка хоннэ/ татэмаэ. Хоннэ означает «истинный мотив», татэмаэ – «заданную установку». Хоннэ – это чей-то личный, глубокий мотив, или намерение, в то время как татэмаэ – относится к мотивам или намерениям, социально, или группистски, ориентированным, которые создаются и поощряются волеизъявлением большинства. Именно к татэмаэ прибегают во время деловых официальных встреч, поскольку оно согласуется с общепринятыми стандартами и, таким образом, помогает достигнуть консенсуса в группе. Нужно отметить, правда, что установка хоннэ/ татэмаэ создает определенные проблемы в процессе переговоров. Иностранные коллеги далеко не всегда могут правильно понять

и истолковать для себя мотивы поведения своих японских коллег, что нередко ведет к отсутствию взаимопонимания.

Вышеуказанные социокультурные характеристики определяют особенности моделей поведения и общения японцев. Среди этих особенностей можно назвать «неполемический» и «непрямолинейный» стиль коммуникации; стремление использовать посредников; желание избежать конфликта; стиль общения, при котором «так или иначе скрываются эмоции»; предпочтение заранее установленной повестки дня перед свободной формой взаимодействия и т.п. При общении японские собеседники склонны проявлять недосказанность, предпочитают косвенные формы выражения мысли, нередко прибегают к самоуничижению, чаще всего предпочитают не вступать в концептуальные дебаты, избегают словесных нападок и полемики. Общаясь, японцы предпочитают расплывчатые фразы и формулировки. Японцам в целом не свойственно говорить «нет». Японский исследователь Уэда Кэйко приводит 16 способов, с помощью которых японцы избегают говорить «нет»: неопределенное «нет»; неопределенное и неотчетливое «да» или «нет»; молчание; контр-вопрос; уклончивый ответ; критика предложенного подхода к вопросу как таковому; «да, но...»; откладывание ответа (например: «Мы напишем Вам об этом в письме»); внутреннее «нет» при внешнем «да»; «это будет сделать сложно» и пр.

При оценке в целом японского стиля переговоров, нужно иметь в виду следующее. Ряд японских социологов определяют японскую культуру в целом как культуру «переговоров», ориентированную скорее на сами переговоры, чем на их результат – «договор». «Договор» предполагает обязательность некоторого абстрактного «долгосрочного» принципа, в то время как переговоры – большую заинтересованность в немедленном взаимодействии, к которому субъект переговоров приспосабливается для снижения напряженности во взаимоотношениях и решения краткосрочных задач.

Итак, подводя итог вышесказанному, нужно отметить, что роль социокультурных факторов в коммуникационном пространстве японского общества высока. Они, таким образом, во многом определяют коммуникационные модели и специфическое поведение японцев в ходе переговоров.

Основная литература

1. Рут Бенедикт. Хризантема и меч: модели японской культуры. М., 2004
2. Takeo Doi. The anatomy of dependence: the key analysis of Japanese behavior. Т., 2006
3. Наканэ Тиз. Татэсякай-но нингэн канкэй (Межличностные отношения в обществе с вертикальными связями). Т., 1981

Смирнов Д.А.

**Азия как объект соперничества
между Китаем и Индией**

До XX в. между Китаем и Индией фактически не было противоречий, пока в начале XX в. британские власти Индии не обозначили границу между ними, которую Китай не признал. Территориальная проблема стала важнейшим фактором, определяющим взаимоотношения двух стран. Попытки её решить как путем переговоров, так и военными средствами не привели к реальным качественным сдвигам, перспективы её решения весьма неопределённые и потенциально взрывоопасные.

В конце XX в. происходит резкое усиление Китая, а затем наступает и быстрый подъем Индии как важных глобальных экономических и геополитических субъектов, нуждающихся во всё большем объёме ресурсов и в растущих рынках сбыта. Это расширяет поле соперничества между ними, прежде всего в Азии, где задачи расширения ими экономического сотрудничества/экспансии переплетаются с задачами изменения геополитического баланса сил в свою пользу.

Ситуация осложняется наращиванием обеими сторонами военного потенциала, включая ракетно-ядерный, на фоне существующих между ними противоречий по ряду международных проблем, прежде всего в связи с поддержкой Китаем Пакистана. Проблема усугубляется созданием в рамках осуществляемого КНР мегапроекта «Один пояс, один путь» китайско-пакистанского экономического коридора. Поскольку он проходит по занятой Пакистаном части Кашмира, целиком рассматриваемого Индией в качестве своей территории, создание этого коридора представляется неприемлемым для Индии по политическим причинам.

Растёт соперничество Китая и Индии в Индийском океане, являющимся важнейшей транспортной артерией для поставок в Китай основной части энергоносителей и других видов сырья и поставок китайской продукции на рынки Европы и других регионов. Китай приступил к реализации плана строительства Морского Шёлкового пути, призванного обеспечить долгосрочную стабильность экспортно-импортных поставок и расширить торгово-экономическое и политическое сотрудничество со странами бассейна Индийского океана. Вместе с тем это сопровождается наращиванием Китаем своего военного присутствия в Индийском океане, что воспринимается Индией в качестве угрозы своей безопасности и своему положению региональной державы, требующей принятия соответствующих мер по поддержанию баланса сил в регионе.

В то же время Индия имеет собственные планы развития регионального сотрудничества в Азии. Проводится в жизнь стратегия «Действия на Востоке» (Act East), направленная на вывод на новый качественный уровень присутствия Индии в Юго-Восточной Азии с целью освоения огромного перспективного рынка этого региона, реализации там совместных экономических проектов, развития военного сотрудничества. Фактически эта стратегия выступает в качестве противовеса растущему влиянию Китая в регионе. В Западной Азии осуществляется проект по созданию международного торгово-транзитного коридора «Север – Юг», инициированный в 2000 г. Индией, Ираном и Россией. В бассейне Индийского океана реализуется и ряд других индийских проектов.

Во взаимоотношениях между Китаем и Индией сосуществуют две тенденции. С одной стороны, между ними расширяются торгово-экономические и политические отношения: быстро растёт взаимная торговля; Индия, наряду с Пакистаном, вошла в состав ШОС. Индия в принципе имеет возможность стать важным звеном создаваемого Китаем нового Шёлкового пути. С другой стороны, в силу экономической и геополитической конкуренции неизбежно растёт соперничество между двумя азиатскими гигантами, прежде всего в Азии, чему будет способствовать втягивание в него других держав, в первую очередь США и Японии.

Стремовская А.Л.

Основные проблемы деятельности СААРК на современном этапе

Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) была создана в 1985 году. В нее входят восемь государств: Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивская Республика, Непал, Пакистан и Шри-Ланка [2]. Среди наблюдателей: «Австралия, Китай, Иран, Япония, США, Мьянма, Маврикий», Республика Корея и ЕС [4; 333 – 334].

Деятельность ассоциации призвана способствовать региональному сотрудничеству и региональной интеграции [6], повышению качества жизни населения Южной Азии, экономическому росту и процветанию, социальному прогрессу и культурному развитию региона [2]. В ассоциации допускается только единогласное принятие решений [2].

В настоящее время многие исследователи отмечают недостаточную эффективность данной организации. В качестве главной проблемы ассоциации называют напряженные отношения Индии и Пакистана. Как пишет А. Маджид, если проблемы взаимоотношений этих двух государств «будут решены, СААРК может стать более активной организацией» [6; 185].

Изначально планировалось, что саммиты СААРК на уровне глав государств и правительств будут проходить ежегодно [4], но в действительности это оказалось невозможным и последний саммит СААРК прошел в 2014 году. Запланированный на 2016 г. саммит в Исламабаде не состоялся ввиду отказа Индии, Бангладеша, Бутана и Афганистана принимать в нем участие. В качестве причины страны назвали «высокий уровень террористической угрозы, исходящей от Пакистана» [3]. Перед этим произошло нападение террористов на индийскую военную базу в штате Джамму и Кашмир, после чего Индия «заявила о невозможности участия» в саммите. За ее решением последовали три другие страны [5]. При этом Пакистан тогда отрицал обвинения МИД Индии в причастности к нападению [1].

Как отмечают Т. Ашраф, М. Насрудин и М. Ахир, «СААРК была хорошим началом регионального экономического сотрудничества, но с очень амбициозными целями» [4; 334]. Ассоциация «реали-

зовала несколько инициатив и заключила разные соглашения» [4; 334]. Среди важных инициатив с целью экономической интеграции – подписание в 1993 г. Соглашения о преференциальной торговле в Южной Азии, а в 2004 г. – Соглашения о создании зоны свободной торговли в Южной Азии. Однако, «сдерживающие геополитические факторы ...не позволили» ассоциации достичь желаемых результатов [4; 334].

Среди других проблем СААРК исследователи называют дисбаланс сил стран-участников [6; 185] и ограниченность исполнительных полномочий генерального секретаря из-за его подчинения Постоянному комитету [4; 337].

В заключение следует отметить, что без решения существующих проблем и, прежде всего, улучшения отношений между Индией и Пакистаном, возрастание роли СААРК в Южной Азии представляется маловероятным.

Основная литература

1. Кашмирский конфликт отложил саммит СААРК. 30.09.2016. URL:<https://regnum.ru/news/2187252.html> (Дата обращения: 18.02.2019).
2. Официальный сайт секретариата СААРК. URL:<http://saarc-sec.org/about-saarc> (Дата обращения: 18.02.2019).
3. Саммит СААРК отменён. 29.09.16. URL:<https://www.geopolitica.ru/agenda/sammit-saarc-otmenyon> (Дата обращения: 18.02.2019).
4. Ashraf T., Nasrudin M., Akhir M. Revisiting SAARC: A Perspective from Pakistan // South Asian Studies: A Research Journal of South Asian Studies. Vol. 32, No. 2, July – December 2017.
5. If Trump and Kim Can Meet, Why Not Other Countries: Nepal on Stalled SAARC Summit. 11.01.2019. https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/if-trump-and-kim-can-meet-why-not-other-countries-nepal-on-stalled-saarc-summit/articleshow/67484096.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst
6. Majid A. SAARC Prospects and Challenges // South Asian Studies: A Research Journal of South Asian Studies. Vol. 33, No. 1, January – June 2018.

Языкознание

Аганина Г.Р.

К вопросу о выделении группы гласных в традиционной фонетической теории арабов

1. Вопрос о выделении в традиционном арабском звукоучении категории гласных нуждается в дополнительном освещении, поскольку не получил адекватного отражения в арабистике и в работах по истории лингвистических учений.

2. Назовем три причины, которые могут объяснить подобное положение вещей:

– проблема истолкования термина «харф», используемого в традиционной науке о языке для обозначения минимальной единицы в фонетике (фонологии), просодии, морфологии и графике арабского языка;

– интерпретация морфологической структуры арабского слова с фонологической точки зрения, согласно которой корневая основа передается согласными, а краткие гласные, выражающие грамматические отношения, носят подчиненный характер по отношению к согласным;

– мнение о «консонантном» характере арабского письма.

3. Использование одного и того же термина применительно к разным уровням АЯ опирается на представление об общем для них базовом элементе строения слова во всех его вариантах с точки зрения звуковой сущности и его письменного отражения. Это – комплекс согласного с кратким гласным компонентом (*ḥarf mutaḥarrik*), согласный без гласного компонента (*ḥarf sākin*) и часть долгого гласного (*ḥarf sākin*). Эквивалентным понятием для фонетики может выступать фонема и ее аллофоны, для просодии – мора, для графики – отражающая мору графема.

4. Традиционный подход рассмотрения морфологической проблематики совершенно очевидно указывает на связь морфологического и просодического уровней языка, где единицей анализа выступает харф как мора, а не фонема, в которой существенным является просодически значимый вариант харфа, а не его звуковая манифестация.

5. Арабское письмо носит морный характер и потому графически фиксируются те гласные, которые называют «долгими», являющимися по существу геминатами кратких гласных.

6. Общеизвестно признание высокого уровня развития фонетики в традиционной арабской грамматике (ТАГ). В качестве единицы анализа всегда выступает харф как мора в варианте отсутствия одного из его компонентов, т. е. *ḥarf sākin*. Именно поэтому круг рассматриваемых первичных фонетических единиц охватывает согласные и так называемые «долгие гласные».

7. Однако с самого раннего периода письменной истории ТАГ арабские ученые, характеризуя звуковой состав АЯ, выделяли и краткие гласные как самостоятельные сущности. Сошлемся в этой связи на три авторитетных сочинения.

8. Первый – это словарь «Китаб ал-‘айн» Ал-Халила ибн Ахмада (791), в котором содержащаяся в нем классификация по месту образования харфов носит подчиненный характер к основной задаче. Из общего числа двадцати девяти первичных единиц артикуляции двадцати пяти он связывает с преодолением преграды воздушной струей в трех областях речевого аппарата и определяет, как «*ṣiḥāḥ*» (букв. правильные). Остальные четыре *alif*, *wāw*, *yā’* и *hamza* он характеризует как те, что нельзя отнести ни к одной области и не нуждающихся в преодолении преграды. Он объединяет их двумя терминами, первый из которых связан с местом артикуляции «*(jawfiyya)*» (букв. харфы, артикулируемые в свободной полости), а второй указывает на характер прохождения воздушной струи «*(hāwiyya)*» (букв. воздушные). Тем самым он явно выделяет две группы звуков: согласные (*ṣiḥāḥ*) и гласные (*(jawfiyya)* или *(hāwiyya)*). Включение в этот ряд харфа *hamza* (гортанная смычка) объясняется широко распространенным в классическом арабском языке редуцированным вариантом ее артикуляции, приближающим ее к кратким гласным, соответствующим ее вокалическому компоненту, что имплицитно указывает на при-

знание им трех симметричных пар гласных, отличных по признаку длительности.

9. Второй источник – это «Китаб» Сибавайхи (796). При классификации фонетических единиц по месту артикуляции Сибавайхи рассматривает харфы *alif*, *wāw yā'* и *hamza* в системе консонантизма. При этом в классификации по «способу», в широком понимании этого понятия, он выделяет *alif*, *yā'* и *wāw* в особую группу, объединяя их общей характеристикой «наиболее широкого раствора речевых органов» (*ittisā' makhrajihā*) и передает уже известным термином «*hāwīyuu*», т.е. гласные. Кроме того, веляризованный и палатализованный *alif* фигурируют в списке шести нормативных вариантов фонем как его варианты, а в связи с вокализацией протетической хамзы отмечено явление ассимиляции кратких гласных [i] и [u].

10. Третий источник – это сочинение Ибн Джинни (932–1002) «Сирр сина' ат ал-и' раб», посвященный вопросам фонотактики в корневой основе арабского слова. В нем он, наряду с качественными характеристиками харфов, отдельно касается их количественного аспекта. Три долгих и кратких гласных противопоставляются в терминах *ḥarakāt* и *ḥurūf al-madd wal-l-īn* соответственно. Кроме того, аллофоны долгих гласных распространяются и на краткие.

Аскерко Н.А.

Ломаное множественное число в трактате Ибн Йа'иша «Шарх ал-Муфассал»

Грамматическая категория числа в литературном арабском языке представлена сложной системой форм и значений, включающей единственное (*al-mufrad*), двойственное (*al-muthannā*) и различные типы множественного числа (*al-jam'*).

Одним из типов множественного числа, которому уделяется наибольшее внимание в работах арабских грамматистов, является ломаное множественное (*jam' mukassar*). Название этого типа множественного числа отражает его способ образования: основа единственного числа меняется различными способами (наращение основы, переогласовка, усечение), то есть «ломается», и такие изменения диктуются так называемой «моделью» – схематическим изображением корневых и добавочных харфов слова. Опи-

сание формообразования ломаного множественного числа представляет собой более сложную задачу, чем описание образования форм двойственного или правильного множественного числа, так как моделей ломаного множественного значительно больше (более 30), и часто нельзя однозначно вычислить, какая из них соответствует той или иной форме единственного.

Трактат «Шарх ал-Муфассал» известного арабского грамматиста Ибн Йа'иша (XIII в.), на примере которого нами рассматривается проблематика описания ломаного множественного числа в ТАГ, представляет собой зрелый этап развития грамматической науки. «Шарх ал-Муфассал» является комментарием к одному из самых известных средневековых трактатов знатока Корана, грамматики и риторики Абу-л-Касима Махмуда аз-Замахшари (ум. 1143-4) – «ал-Муфассал» («[Грамматика] в тезисах»).

Проблематика разделов, посвященных ломаному множественному числу в трактате, охватывает широкий круг вопросов. В рамках данной темы Ибн Йа'иш решает следующие задачи:

1. Задается общий принцип образования ломаного множественного числа.

Выделяются способы образования ломаного множественного – добавление харфов (*ziyāda*) к основе единственного числа, ее переогласовка или усечение харфов. Основным (*aṣl*) словообразовательным методом при этом названо наращение основы.

2. Отмечается омонимия форм единственного и множественного чисел.

Многие именные модели могут использоваться и в значении единственного, и в значении множественного числа. Все зависит от места в числовой парадигме.

3. Определяется семантика моделей ломаного множественного числа.

Четыре формы (*af'ulun*, *af'ālun*, *fi'latun*, *af'ilatun*) указывают на малое количество обозначаемых объектов – от трех до десяти, остальные модели – на большое (более десяти объектов).

4. Выстраивается алгоритм выбора модели ломаного множественного числа для той или иной формы единственного.

При этом учитываются следующие параметры производящей основы: структура модели единственного числа (количество и качество корневых и добавочных харфов), функциональная и родо-

вая принадлежность имени, признак разумности/неразумности денотатов.

5. Выстраивается иерархия частотности моделей ломаного множественного числа для каждой отдельно взятой формы единственного числа или группы имен в целом.

6. Фиксируются формы, которые выходят за рамки общего словообразовательного алгоритма, в частности, рассматривается образование множественного числа от множественного.

Основная литература

1. Аз-Замахшари. Ал-Муфассал фи 'илм ал-'арабийа. Дар 'Умар, Амман, 2003.
2. Ибн Йа'иш. Шарх ал-Муфассаль ли-з-Замахшари. Дар ал-кутуб ал-'илмийа, Бейрут, 2001. Т. 1, 3.

Бессонова Е.Ю.

Языковые особенности адаптированных информационных текстов в японском Интернет-пространстве

В японском Интернет-пространстве широко представлены адаптированные новостные и информационные тексты. Авторами текстов на основании анализа интересов, языковых компетенций и фоновых знаний потенциальной аудитории создается вторичный текст, заметно измененный в языковом и формальном отношении. В текстах наблюдается с одной стороны упрощение, с другой стороны появляются разъясняющие вставки и гиперссылки, цель которых растолковать слова или дать дополнительные знания. Особый интерес для анализа представляют тексты новостного портала японской компании NHK[1], где для многих исходных новостных текстов пишут вторичные тексты, размещаемые на сайте адаптированных новостей NHK News Web Easy[2], при этом переход от основного сайта к адаптированной новости максимально упрощен. Наличие исходного и вторичного текста единого содержания позволяет провести детальный сопоставительный анализ обоих текстов и выделить языковые особенности адаптированного текста. В ходе анализа был использован прием выделения лексических единиц в сопостав-

ляемых текстах, при этом особое внимание уделялось ключевым словам, определен характер лексических замен, проводилось выявление и сравнение грамматических конструкций. В анализируемых текстах основные изменения выражены на лексическом и грамматическом уровне, что связано с языковой и коммуникативной компетенцией аудитории. Например, в адаптированных новостных текстах NHK выявлена частая замена канго на ваго (лексический уровень), чрезмерное употребление грамматических конструкций на «тари/дари» и «кото га дэкимасу» (грамматический уровень), которые в первичных текстах наоборот практически не представлены. Иероглифы в адаптированных текстах всегда сопровождаются фуриганой. При разном объеме текста и различающихся способах языкового оформления единство тематики и сюжетной основы сохраняет связь между исходными и вторичными текстами. Изучаемые адаптированные тексты Интернет-ресурсов созданы авторами с целью расширения целевой аудитории и носят информационный характер[3]. Изначально новостные адаптированные тексты функционируют как информационные, а не учебные, поэтому изучение их языковых особенностей имеет практическое значение, позволяет определить соответствие адаптированного текста уровню языковой компетенции студентов того или иного учебного заведения, дает возможность разработать рекомендации для введения в процесс обучения японскому языку адаптированного Интернет-ресурса в качестве дополнительного образовательного материала.

Интернет-ресурсы на японском языке – многогранный материал, который помогает осваивать разные аспекты японского языка. Анализ языковых особенностей адаптированных новостных и информационных текстов различных Интернет-ресурсов является актуальной задачей, направленной на рациональное использование таких материалов в процессе обучения японскому языку. Сопоставление используемых в адаптированных текстах лексических единиц и грамматических конструкций с содержанием учебной программы позволяет предоставить студентам дополнительный актуальный языковой материал.

Основная литература

1. NHK Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/> Дата обращения 10 февраля 2019 г.

2. NHK News Web Easy [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/easy/> Дата обращения 10 февраля 2019 г.
3. Бессонова Е.Ю. К вопросу взаимодействия с аудиторией японских средств массовой информации // Сборник «Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции» (Москва, 16 апреля 2018 г.), – М.: ТЕЗАУРУС, Языки Народов Мира, 2018, сс. 337–339.
4. Бессонова Е.Ю. Об изучении характерных особенностей текстов онлайн-новостей на японском языке, представленных в Интернет пространстве // Сборник «Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции» (Москва, 15 апреля 2013 г.), серия «Востоковедение и африканистика». – М.: ИД «Ключ-С», 2013, сс. 60–62.

Быкова С.А.

Вульгаризмы дзокуго в современном японском языке

Термин дзокуго в отечественной лингвистике принято переводить на русский язык как «просторечие; вульгаризм». При этом на ранних этапах формирования современного стандартного японского языка этим термином обозначали разговорный язык в противоположность письменному.

В японском языкознании в категорию единиц дзокуго включают различные слова и словосочетания, используемые в процессе устной коммуникации в неформальной обстановке, но не употребляющиеся в официальной (формальной) ситуации общения. Семантика этих единиц, их форма, спряжение (в случае глаголов и предикативных прилагательных) и особенности присоединения к ним служебных формантов, этимология, само по себе их функционирование в японской языковой системе воспринимаются носителями языка как «легковесные», носящие «грубоватый» и вульгарный характер, а также нарушающие правила и нормы стандартного языка. Однако, несмотря на эту в целом негативную оценку дзокуго в японском обществе, они употребляются в процессе коммуникации достаточно активно различными слоями населения. Наиболее широко те или иные дзокуго используют коллективы или группы, объединённые прежде всего осознанием принадлежности к данной общности входящих в них индивидуумов. Помимо дзокуго,

употребляемых только в определённых социальных группах, существует большое количество этих единиц, которые используются практически всеми социальными и возрастными группами населения Японии. Кроме того, современный японский язык характеризуется тенденцией к постоянным изменениям, появлению неологизмов, в т.ч. и в категории дзокуго. Всё это делает достаточно сложным подсчёт общего количества дзокуго в японском языке наших дней. Однако, без сомнения, количество употребляемых всем населением страны единиц этой лексической категории довольно значительно. Так, в «Большом японском словаре вульгаризмов» (Нихон дзокуго дайзитэн) Ёнэкава Акихито представлено более 6300 подобных единиц, а количество примеров их употребления превышает 12000.

Как правило для большинства дзокуго находятся синонимы в стандартном японском языке. Некоторые дзокуго представляют собой на первый взгляд самые обычные свободные словосочетания, состоящие из компонентов-лексических единиц нейтрально-вежливого стиля речи. Однако, употребляясь в качестве дзокуго, эти словосочетания обретают коннотативную семантику, не вытекающую из прямых номинативных или окказиональных значений компонентов. Употребление различных единиц с нарушением норм стандартного языка, в т.ч. лексической сочетаемости, также может служить фактором появления дзокуго. Так, слово дзэндзэн «совсем; полностью» в стандартном языке употребляется в сочетании с глаголами или прилагательными в отрицательной форме. Однако молодое поколение носителей языка употребляет эту лексическую единицу с глаголами и прилагательными в утвердительной форме.

Некоторые разряды дзокуго воспринимаются как вульгаризмы лишь на том основании, что их употребляют только социальные группы, пользующиеся дурной репутацией в обществе, например, якудза. Никаких других причин и формальных обоснований отнесённости подобных единиц к дзокуго не находится. Анализ распространённости употребления дзокуго, проводимый японскими лингвистами, показывает, что большинство единиц этой категории функционирует в языке молодёжи.

К дзокуго относят также многие из модных слов рю:ко:го, используемых или придуманных шоуменами в развлекательных пе-

редачах японского телевидения, аргю, употребляемые определёнными социальными группами с целью сокрытия содержания своих бесед от окружающих.

Одна из разновидностей дзокуго, получившая широкое распространение в современной японской языковой системе, является результатом изменения фонетической формы слова стандартного японского языка с целью придания большей выразительности сказанному, т.е. усиления эмфатичности высказывания. Однако не следует полагать, что вульгаризмы характерны прежде всего для языка молодёжи. Многие единицы, относящиеся к категории дзокуго, употребительны среди всех возрастных и социальных групп населения Японии и именуются иппан хидзокуго «общие (общеупотребительные) дзокуго». Одним из разрядов этих общеупотребительных вульгаризмов являются единицы, зафиксированные ещё в эпоху Эдо, но продолжающие употребляться в современном японском языке.

Громова А.В.

Именная морфология диалектов Фарса (на примере дашти и лайзангани)

Целью данного доклада является краткое описание именной морфологии языковых разновидностей лайзангани (далее – ДЛ) и дашти (далее – ДД), представляющих лурский и ларестанский диалектный континуум и локализуемых в селениях Лайзанган (округ Ростаг, шахрестан Дараб) и Дашти (округ Сахра-йе баг, шахрестан Ларестан) в остане Фарс. Их население, согласно национальной переписи 2016 г., проведённой Центром статистики Ирана в 2016 г. составляло 1999 и 1522 человек соответственно [1]. В условиях все большего доминирования персидского в иранских СМИ и системе образования оба диалекта можно отнести к исчезающим языкам.

ДЛ в последние годы неоднократно становился предметом диалектологических исследований, в статьях Х. Ранджбара анализировались садоводческая, пчеловодческая, животноводческая терминология, соматическая лексика, редко используемые глаголы, отдельные словообразовательные аффиксы, рассматривались отдельные вопросы этимологии и особенности фонетической си-

стемы, отдельное внимание уделялось пословицам и поговоркам, а также местной поэзии. Описание многих работ представлены на сайтах <http://www.layzangan.ir/> и <http://layzanganfolklore.ir/>, созданных с целью документирования и ревитализации ДЛ. ДД, насколько нам известно, еще не становился предметом специального изучения, как и именная морфология ДЛ.

Актуальность данного исследования связана не только с необходимостью анализа ранее не исследованного «сырого материала», опубликованного А. Салами в «Диалектологической сокровищнице Фарса» [3], но и попытка оценить репрезентативность лексикографического и грамматического материала «Руководства для сбора языковых разновидностей Ирана» [2], ведь подготовленная А. Салами схема описания, в рамках проекта Академии персидского языка и литературы, использовалась для описания лингвистического многообразия не только Фарса, но и Керманшаха, Исфохана и других останов Ирана.

Как и в персидском языке, именные части речи иногда слабо разграничены между собой. См. ДЛ *kēcel-e gotu*, ДД *kilik-e gotu* ‘большой палец’; ДЛ *akvar a: siyāvaš gottar-e*, ДД *akbar az siyāvaš gapter-en* ‘Акбар старше Сияваша’; ДЛ *bāya a-harf-e gotta:tā guš bokoni*, ДД *ba:t gap-e gaptariyā a-goš bokonam* ‘следует слушать слова старших’. В последнем примере о субстантивации прилагательного (ДЛ *got*, ДД *got/gap* ‘большой’) свидетельствует оформление показателем множественного числа. Прилагательное в положительной или сравнительной степени (единственная категория, характерная качественным прилагательным), будучи синтаксически связано с глаголом, может использоваться в адвербиальной функции, см. ДЛ *zi* ДД *ja:xā* ‘быстрый, ранний’ в контексте ДЛ *zi xasta iši*, ДД *ja:xā xassem baši* ‘Ты быстро устаешь’; ДЛ *zi vāš melki-t a-pā ko*, ДД *jutiniyā ja:xāter a-pā ko* ‘Быстрее обувайся’.

Род выражен лексически: ДЛ, ДД *xogus* ‘петух’, ДЛ, ДД *moru* ‘курица’.

Показатель множественного числа в ДЛ *-ā* (может переходить в *-ō*, если дальше идет сочинительный союз *-o(-u)*), в ДД *-iyā* (может переходить в *-iye*, если дальше следует изафетный показатель *-(ye)*). Ср. ДЛ *i mard kī-ye?* ДД *e mardi ke-n?* ‘Кто этот человек?’ и ДЛ *u mardō za:nā xuv-en*, ДД *on mardiyā xoy zeniya xuv essen* ‘Те мужчины и женщины хорошие’.

По согласованию по числу (или его отсутствию) подлежащего и сказуемого можно проследить одушевленность. Ср. ДЛ -en и ДД -essen (быть.PRS.3PL) в последнем примере и ДЛ -e ДД -en (быть.PRS.3SG) в ДЛ *i sanduqo-y çuüi ey unou-e* ДД *en sandukiye-y taxteyi mor-e une-yen* 'Эти деревянные сундуки принадлежат им' и ДЛ *i mard a: u mard javuntar-e* ДД *e mardi az o mardi gaštar-en* 'Этот человек моложе того'.

Определенность выражается указательными местоимениями ДЛ *u* ДД *o(n)* 'тот' ДЛ *i* ДД *e(n)* 'этот', который может сочетаться с показателем детерминации ДЛ *-u* ДД *-i*, например, ДЛ *u mardu* 'тот человек' ДД *e aspi* 'эта лошадь'. Неопределенность выражается постпозитивным артиклем ДЛ *bašče-y* ДД *beč-i* 'некий ребенок'. Не отмечено случаев сочетания показателя детерминации с показателем множественного числа (см. примеры выше), с поссессивными энклитическими местоимениями ДЛ *bača-t* ДД *pos-ot* 'твой сын/ребенок' vs. ДЛ *bašče-y got-u* 'старший ребенок' и ДД *dot-e kčeku* 'младшая дочь'. Не получает морфологического оформления специфический по контексту объект, не выявлено случаев дифференцированного маркирования прямого объекта, см. ДЛ *dar navan* ДД *dar mahāvand* 'не закрывай дверь'.

Как видно из ряда приведенных выше примеров, как и в персидском языке, связи в рамках именной группы выражаются, прежде всего, изафетной конструкцией, в которой определяемой (вершина) оформляется изафетным показателем, а зависимые (аттритивные признаки, отношения принадлежности, части и целого) стоят в постпозиции.

В целом можно сказать, что при всей своей лаконичности материал, представленный в [2], оказывается достаточным для исследования оппозиций по основным именным грамматическим категориям.

Основная литература

1. Natāyej-e saršomāri. Jam'iyat be tafkik-e taqsimāt-e kešvari. Ostān-e Fārs. URL: https://www.amar.org.ir/Portals/0/census/1395/results/abadi/CN95_HouseholdPopulationVillage_07_r.xlsx (accessed on 15.02.2019).
2. Rāhnamā-ye gerd'āvāri-ye guyešhā. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1391 (2012).
3. Salāmi A. Ganjine-ye guyeššenāsi-ye Fārs. D. 6. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1390 (2011).

Дуалет Ф.Н.

Ассоциативный эксперимент как способ выявления роли вербальных значений в механизме функционирования языкового сознания у китайцев: концепт 'лицо'

Общеизвестно, что одним из ключевых инструментов в исследовании языкового сознания является ассоциативный эксперимент, причем под «языковым сознанием» понимается языковая картина мира той или иной культуры, «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» (Ковшова 2013). Образ сознания, ассоциированный со словом, утверждает Уфимцева, – это одна из главных попыток описания знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений.

В данном исследовании ассоциативный эксперимент проводится по схеме, предложенной В.Ф. Петренко: испытуемым предъявляется слово-стимул и требуется дать первые пришедшие на ум ассоциации. При этом информант не будет ограничен в выборе возможных ассоциации и направлений. По нашему мнению, слова-ассоциации участвуют в «расшифровке» национально-культурных кодов, не всегда постижимыми обычными лексикографическими исследованиями. Поскольку, «слово – это особая форма отражения действительности» (Лурия 1979) и словом стоит совокупный общественный опыт, фиксированный и крастиллизованный в значениях (Леонтьев, 1981).

Результаты эксперимента показали, что «лицо» является ключевым концептом современной китайской этнокультуры и у носителей китайского языка в основном ассоциируется: с честью и достоинством, тщеславием, потерей лица, авторитетом, репутацией, благоприятным внешним видом и манерами, престижем, общественным положением и статусом, уважением и самоуважением, стыдом, успехом, финансовым благополучием, полезными связями, совестью, силой и славой. При этом, согласно данных ассоциативного эксперимента, наиболее актуальными для носителей языка являются дефиниций, связанные с честью и достоинством (17%), тщеславием и мнимым образом (14%) и потерей лица (12%).

Результаты ассоциативного исследования позволяют нам утверждать, что концепт «лицо» является ключевым ментальным образованием китайской лингвокультуры, содержание которого выражает социальные нормы поведения современных китайцев, которого можно рассмотреть как индикатора эпохи в целом. Результаты исследования наглядно демонстрируют, что концепт «лицо», как ключевая единица соматического кода китайской этнокультуры не только обладает общекультурными, но и общезычковыми свойствами, которые в лексико-семантической системе китайского языка закреплены символическими значениями. Результаты ассоциативного эксперимента демонстрируют, что концепт «лицо» не только универсален, но и культурно обусловлен: знания, закрепленные в словах, фразеологии, паремии, афоризмах и др. лексических единицах национального языка накладывают отпечаток на восприятие мира носителей китайского языка.

Основная литература

1. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 456 с.
2. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Издательство МГУ, 1979. – 320 с.
3. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Издательство Московского университета, 1981. – 584 с.
4. Yang De Feng. Nanyu yu wenhua jiaoji. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2012 (in Chinese). 280 p.

Закрыжевский М.Ш.

Концепция «медиа-языка» в Арабском мире

Первостепенный вопрос, который возникает при изучении языковой ситуации в медиа-пространстве арабских стран, – что можно считать языком арабских СМИ? Когда мы говорим о языке в целом мы подразумеваем то, как люди общаются друг с другом. Причем этот язык необязательно должен быть вербальным, есть язык тела, язык жестов (в том числе язык глухонемых). Однако не все формы коммуникации можно считать языком, пиктограммы, которые мы видим повсюду, такие как дорожные знаки, знаки в аэропортах, на вокзалах, автобусных остановках и других местах массового скопления людей – знаки, которые понимают носители разных язы-

ков, не считаются медиа-языком. Однако они служат эффективным средством коммуникации в среде гетерогенных масс людей.

Очевидно, что под медиа-языком должен пониматься язык, охватывающий и письменную, и устную сферы коммуникации. Между языком и СМИ всегда есть прочная связь: оба являются инструментом доведения информации до человека или группы людей, но и такая концепция не совсем ясна. Ведь авторы художественных произведений и научных трудов тоже с помощью языка апеллируют к большим группам людей.

Язык, задействованный этими видами СМИ, и можно считать медиа-языком.

Говоря о медиа-языке применительно к арабским странам, в первую очередь стоит сказать о языке печатных СМИ, о письменном медиа-языке, которому проще дать определение. Газеты пишутся ограниченным кругом авторов, это либо профессиональные журналисты, либо колумнисты, и в том, и в другом случае речь идет об интеллектуалах, которые не только имеют полное высшее образование, но и являются достаточно компетентными в сфере журналистики. То же можно сказать и о той части читательской аудитории, которая пишет письма в газеты, выражая свое мнение для публикации. У этих людей тоже, как правило, есть высшее образование. К тому же в трудовом коллективе каждой газеты есть несколько редакторов, а весь материал перед публикацией проходит верстку и редактирование. Таким образом можно сказать, что тот язык, который встречается в печатных СМИ, гораздо более выверенный и подготовленный, чем язык устных медиа.

Устный арабский язык медиа охватывает весь спектр средств, задействованных в устных СМИ. Одно из основных отличий устных арабских медиа от письменных заключается в том, что устные СМИ гораздо менее однородны с точки зрения языковых навыков и умений у людей, задействованных в их производстве. В работе устных СМИ принимают участие представители разных социальных слоев, имеющие разный уровень образования и компетенции. В этой связи можно говорить о двух моделях языковых отношений в производстве СМИ: «сверху вниз» и «снизу вверх».

Первая модель предполагает отношение образованных профессионалов и широкой аудитории, довольно значительная часть которой не имеет достаточно высокого уровня образования. Под

эту модель попадает, например, ситуация, когда шейх академии Аль-Азхар в своих интервью задействует элементы разговорного диалекта, ориентируясь на менее образованных адресатов его слов.

В устных медиа гораздо чаще встречается модель «снизу-вверх» т.к. этот вид СМИ дает больше возможностей для взаимодействия менее образованных слоев с профессионалами. Отсюда гораздо более значительное присутствие разговорного диалекта на телевидении и радио.

Основная литература

1. Myers-Scotton, Carol, Social motivations for codeswitching. Evidence from Africa. Oxford: Clarendon, 1993
2. Stadlbauer, Susanne, Language Ideologies in the Arabic Diglossia of Egypt; University of Colorado at Boulder, 2008

Захарьин Б.А.

Декаузативы в истории индоарийского

Декаузация – это предполагающая интранзитивное употребление исходного переходного глагола семантическая деривация, при которой агент устраняется из ситуации; последняя соответственно трансформируется из «действия» в «происшествие» [Падучева 2009:338]. В индоарийских языках такая деривация нередко выражается морфо-синтаксически, что и позволяет говорить о декаузативах как отдельном подклассе в классе «глагол» этих языков.

И в древнем (ДИА), и в новом (НИА) индоарийском декаузативы активно взаимодействуют с пассивами. В ДИА это хорошо проявлялось в формах презенса, образуемых лабильными корнями IV класса: от них порождались и декаузативы с акцентуированным корнем (на \acute{V} -ya-) и пассивы с ударным суффиксом (на V-yá-). – Сравни ведийские конструкции с гаṇ- (IV) «удовлетворять(ся)»: ámar-ty-o havu-á ... gāṇ-ya-ti (RV V.18.1) «Бессмертный ... удовлетворяется (декаузатив) жертвенными возлияниями» – yá-bhīr ... mánas-ā ni-ṛaṇ-yá-thas (RV I.112.18) «С помощью которых ... (выдвое) душою удовлетворяетесь (= «делаетесь удовлетворенными» – пассив)» (примеры из [Елизаренкова 1982: 349]).

Подобное, семантически обусловленное варьирование в ранневедийскую эпоху предполагало и регулярное формальное выраже-

ние (за счет контраста \acute{V} -ya- ↔ V-yá). Имелось однако и небольшое число корней IV класса, медийные презенсы от которых, имея подвижную акцентуацию вида \acute{V} -ya-/V-yá-, подразумевали не грамматическое противостояние декаузативов и пассивов, а распределение семантически однородных (медиопассивных) форм по стилистически разным текстам ДИА. Именно эти глаголы, возводимые к их более ранним, еще доведийским, прототипам с акцентом на корне, послужили основанием для образования и последовавшей экспансии пассивов, со временем полностью оттеснивших медий на периферию – см. [Kulikov and Lavidas 2017: 300-302].

Стабилизация в грамматике оппозиции транзитивности и экспансия пассива ускорили разрушение системы морфологического использования акцентуации и качественных чередований гласных в глагольных корнях позднейшего ДИА. Этот процесс продолжился и в среднем индоарийском (СИА); в результате морфологически значимые альтернативы в производных основах утратили регулярность, и формы декаузативов и пассивов оказалась во многих случаях идентичными. – Ср., например, палийские цепочки: raccati «готовиться, вариться» (декауз.) и «делаться приготовленным, сваренным» (пасс.) – от racati «готовить, варить»; jāyati «рождаться, появляться» (декауз.) и «становиться рожденным» (пасс.) – от janati «рождать, производить»; vijjati «обнаруживаться» (декауз.) и «становиться обнаруженным» (пасс.) – от vi(n)dati «обнаруживать» и т.п.

В новом индоарийском (НИА) сохранились лишь немногочисленные и формально нерегулярные декаузативы, нередко семантически совмещенные с пассивами, которые в норме строятся по иным, регулярным (часто аналитическим), моделям. – Ср., напр., хинди: khul- «открываться» (декауз.) и «быть открытым» (пасс.) – от khol- «открывать», регулярный пассив khol-ā/i/e jā- «делаться открытым». Агентно-ориентированная интенция – вне зависимости от того, выражен ли агент формально или нет – предполагает обязательное употребление аналитического пассива, тогда как декаузатив/пассив имплицитно подразумевает двойную трактовку высказывания: darvāzā kholā jātā hai «Дверь открывается» (только «кем-то») ↔ darvāzā khultā hai и «Дверь открывается (сама по себе или от ветра и т. п.)», и «Дверь открывается (кем-то)». При этом важно различать подлинные декаузативы/пассивы (типа khul-) от служащих «заместителями» аналитических построений кваздекаузативов (типа lad- «грузиться» от lād- «грузить»).

Основная литература

1. Елизаренкова 1982 – Грамматика ведийского языка, М.: Наука.
2. Падучева 2009 – Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Падучева Е.В. Статьи разных лет, М.: Языки славянских культур, сс.338 – 360.
3. Kulikov and Lavidas 2017 – Leonid Kulikov and Nikolaos Lavidas, Between Passive and Middle // Contrastive Studies in Verbal Valency, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017, pp. 298 – 325.

Иванов В.Б.

Гласные в речи ваханцев Пакистана, Таджикистана и Китая

В иранистической литературе отмечается, что ваханский язык сравнительно однороден и что имеющиеся говорные различия невелики. Однако в нашем материале мы с первых же образцов записанной речи столкнулись с высокой вариативностью гласных. Записи были сделаны в Таджикистане в 2008 г. (4 информанта), в Китае в 2010 г. (14 информантов) и в Пакистане в 2011 г. (27 информантов). Ранее инструментально анализировалась речь только ваханцев Таджикистана, речь ваханцев из Пакистана и Китая экспериментально не исследовалась.

Согласно некоторым точкам зрения ваханские гласные противопоставлены по долготе. Наблюдения авторов исследования (Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Ваханский язык 1976: 13) не подтвердили наличия фонологической долготы у ваханских гласных. Также не имеет смысла делить их на устойчивые и неустойчивые.

На рис. 1 слева изображён состав ваханского вокализма по данным работы (Соколова В.С. Очерки по фонетике иранских языков, т. 2, 1953: 210). Данная система обладает двумя особенностями:

а) асимметрией (в переднем ряду всего один гласный, остальные пять находятся в среднем и заднем ряду). Тем самым в переднем ряду создаётся «простор» для миграций гласных и образования их произносительных вариантов.

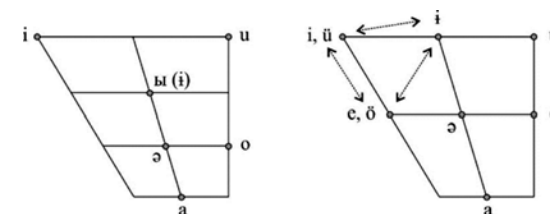

Рис. 1. Традиционный (слева) и исправленный (справа) вокализм в речи ваханцев Таджикистана

б) неравномерностью контраста (противопоставленности), между гласными а, о, э контраст слабый, они скучены в задней и нижней части трапеции; между остальными гласными контраст выше. Обычно для поддержания разборчивости речи в языке гласные располагаются симметрично и более или менее равномерно по всему артикуляторному пространству, обеспечивая максимальный контраст.

Кроме шести гласных, представленных на рис. 1 слева, в таджикских заимствованиях встречается гласный е (напр., deqon крестьянин, deg котёл, likbez ликбез), который вводится нами в систему (рис 1 справа).

В нашем эксперименте мы получили большее разнообразие гласных (рис. 1 справа). Здесь асимметрию традиционно выделяемых шести гласных исправляет встречающийся в таджикских заимствованиях седьмой гласный е. Созданный в переднем ряду «простор» позволяет видоизменяться гласному i. Он может приобретать огубленность и сдвигаться вперёд до звуков ü и ö, которые отдельными фонемами не являются, а представляют собой варианты фонемы i (на рис 1 справа эти мутации показаны стрелочками). Таким образом, вокализм таджикского варианта ваханского языка насчитывает девять гласных звуков, из которых семь представляют собой отдельные фонемы, из которых в свою очередь гласный е является признаком таджикской лексики.

Системы гласных фонем в речи ваханцев Пакистана (слева) и Китая (справа) по слуховым оценкам представлены на рис. 2. Китайский вариант отличается наличием сдвинутого к заднему ряду долгого ā и отсутствием гласного i. Пакистанский вариант наиболее симметричен. В остальном все три системы вокализма (таджикский, пакистанский и китайский) очень схожи.

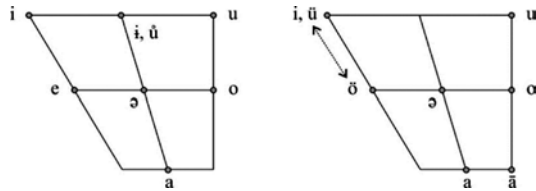

Рис. 2. Система гласных фонем в речи ваханцев Пакистана (слева) и Китая (справа)

Хотя долгота гласных не является фонологическим признаком, каждый из гласных реализуется в определённых временных пределах. Ранее для описания этого явления оперировали понятием типовая длительность, определения которому не давали. Мы для его описания пользуемся общеизвестным статистическим понятием доверительный интервал. 95%-ные доверительные интервалы относительной длительности гласных в речи ваханцев Таджикистана представлены на рис. 3.

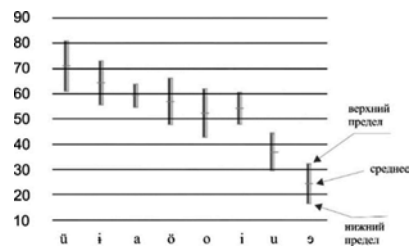

Рис. 3. Средние и доверительные интервалы длительностей ваханских гласных в %% по отношению к наиболее долговому гласному в речи каждого информанта

Иванова О.А.

Восприятие ценностей немецкой культуры (на примере обращения А.Меркель)

Знаки естественного языка выступают в качестве знаков языка культуры. Зоной пересечения языка и культуры является лингвокультура. Она представляет собой лингво-когнитивный феномен, формируемый культурными смыслами (а не языковыми единицами как в случае языковой картины мира) и «находящимися с ними

в отношениях взаимосвязанности образами сознания в их вербальных одеждах» [Красных, 2016: 115]. Некоторые ученые подчеркивают необходимость при исследовании лингвокультурного пространства социума уделить особое внимание тем ориентирам, которые являются базовыми для актуализации основных ценностных смыслов [Вишнякова, 2015].

Вслед за Красновой В.В., Карасиком В.И. мы рассматриваем ценность как основу нравственных принципов, фундамент каждой культуры, высшие ориентиры и нормы поведения. Собственная система ценностей принимается за подлинную, за культурную норму, которая задаёт образцы поведения. В конечном итоге, через систему ценностей и норм регулируется человеческая деятельность. Ценности присущи всем сообществам, но конфигурация ценностной системы у каждой культуры своя [Красных, 2016]. Вместе с тем, ценности могут меняться и отличаться, их можно формировать и на них можно влиять.

Страх перед изменениями в разных сферах жизни Германии в связи с большим числом беженцев и мигрантов, трудности интеграции людей с другим языком и культурой, рост преступности, агрессия трансформируют взгляды и поведение людей. В связи с этим в прессе регулярно появляются статьи, анализирующие социальные изменения, подтверждающие или опровергающие эти страхи, поднимается вопрос культурной идентификации, культурных ценностей. Одной из таких статей стало обращение к читателям на страницах газеты *das Bild* Федерального канцлера Германии А.Меркель с вопросом *Was ist deutsch?*, в котором она излагает свой выбор ответов под заголовком *Mein Deutschland von A bis Z* 'Моя Германия от А до Я' [Bild, 22.06.2017]. Анализ ассоциаций А. Меркель, связанных с Германией и распределённых ею по алфавиту, с целью выявления ценностных ориентиров канцлера, взгляды которого транслируются всему немецкому обществу, является целью данного исследования.

Список перечислений, расположенных в алфавитном порядке, представляет собой с лингвистической точки зрения метонимические переносы с части на целое: Германия – это 1 статья 1 абзаца Основного Закона о неприкосновенности достоинства человека; это родина, это порядок, праздник пива *Oktoberfest*, экономическое чудо 4.0, мусульмане, люди с миграционным про-

шлым, помощь беженцам, Библия Лютера, рулады с красной капустой и др. Вместе с тем, это понятия, за которыми стоят ментальные структуры, сформированные опытом человека, несущие вместе с тем эмоциональную составляющую – гордость за свою страну, которая выражается, например, включением в список vierter Stern ‘четвертой звезды’ победителя в чемпионате мира по футболу; Nationalmannschaft ‘национальной сборной’; страны Exportweltmeister ‘экспортера, занимающего лидирующие позиции’ и пр. Понятия не имеют оценочности. Оценочность – конституент другого порядка ментальной системы – концептов. Оценочность обусловлена определенными ценностями культуры [Карасик, 2009], что позволяет говорить об представленных именованных как о вербальных репрезентантах концептов, наделенных ценностной составляющей.

Из 122 ассоциаций большую часть (74) составляют именованная, указывающие на жизненные ценности и блага (перечисление старых и новых традиций немцев, семья, быт, преемственность). Вторую позицию (34) занимают названия, репрезентирующие концепты «закон» и «право». Они относятся к сфере духовных ценностей, как и Реформация, Библия, Экуменическое единство и др. Далее по численности (14) идут репрезентанты концептов deutsche Qualität ‘немецкое качество’, deutsche Ordnung ‘немецкий порядок’, der deutsche Charakter ‘немецкий характер’, der deutsche Stolz ‘немецкая гордость’, несущие ценности морально-личностной сферы.

Как следует из анализа, Германия ассоциируется для канцлера А.Меркель с семьей, домом, традициями, преемственностью. Именованная, репрезентирующие эту группу общечеловеческих ценностей, составляют большинство. Немаловажную роль играет закон и право. Размышления о немецкой идентичности, ответы на мучительные вопросы, одновременно и гордость быть немцем, и сомнение, ответственность за Холокост – все приведенные перечисления являются определяющими для культурной среды немецкого социума с позиций канцлера, позволяют систематизировать и описать на основе языковых репрезентантов некоторые ценностные аспекты, транслируемые в немецкую лингвокультуру. Определить самую значимую ценность в данной иерархии не представляется возможным из-за алфавитного расположения перечислений.

Основная литература

1. Вишнякова О.Д. Концептуальный анализ и его роль в процессе преподавания языков. // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. Пльзень, 2015. – с. 39–46.
2. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
3. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. – М.: Гнозис, 2016. – 496 с.
4. Merkel, A. Was ist deutsch? [эл.ресурс: <https://www.bild.de/news/topics/65-jahre-bild/was-ist-deutsch-52174512.bild.html> дата обращения: 17.02.2019]

Кондрашевский С.А.

К этимологии ключевых знаков «человек», «женщина», «ребенок» в китайском языке

Из всех наиболее известных нам систем иероглифического письма, к которым можно отнести древне-египетское, протоиндийское, эламское, шумерское и письмо майя, именно китайское дошло до наших дней, при этом сохранив свойство понятийного письма. Уникальным стало и то, что китайская иероглифика, как правило, не нуждается в специфической дешифровке, поскольку базовые свойства ее элементов сохранились практически неизменными вплоть до 21 века, а сформировавшийся ещё в 1 веке н.э. стиль письма «кайшу» и по сей день является наиболее употребимым.

В попытках понять механизмы синтагматизации иероглифов как в современных, так и в древних литературных источниках, отечественные и зарубежные китаисты изучают закономерности и развитие связей внутри иероглифических знаков. При этом понимание истинной этимологии современных китайских иероглифов, обладающих универсальной языковой природой и широко используемых в ряде стран юго-восточной Азии, является важнейшим инструментом на пути знакомства с картиной мира данных регионов, помогает лучше оценить скрытые механизмы взаимодействия языка и общества, знаков письменности и мышления людей древности, раскрывает сложные связи между сложившейся письменностью и различными социальными факторами, сопровождавшими ее формирование.

Сегодня, в преподавании китайского языка в высшей школе, независимо от программы и выбранных учебных пособий, учащиеся знакомят с системой ключевых знаков китайской иероглифики. Общее количество так называемых «ключей» в различных словарях и стандартах образования в КНР различается, однако как правило не превышает 250 знаков (в настоящее время как в КНР так и в России в образовании используется система 214 ключей, позволяющая работать с иероглификой как в новом так и в старом написании). Как правило ключ не указывает на значение иероглифа, а лишь относит его к той или иной сфере понятий. При этом студенты часто сталкиваются с непониманием того факта, что названия ключей на русском языке в целом ряде случаев не совпадают с этимологией этих знаков. В отдельном пояснении нуждается понятие «человек», отнюдь не являющееся гендерно-нейтральным, его семантическое отличие от ключа «женщина». Не очевидным зачастую является значение ключа «ребёнок» в составе сложных иероглифов, особенно в тех случаях, когда для поиска в структуре знака данного компонента бывает необходимо обратиться к этимологическому словарю, приводящему графику данного знака, существовавшую на более древнем этапе. Для многих не очевидным является отнесение ключа «труп» к семантической группе человек, а также его присутствие в иероглифах, описывающих физиологические процессы, свойственные миру живых. Такое поверхностное восприятие семантики ключевых знаков китайской письменности не только не облегчает понимание многих незнакомых лексических единиц, но может даже вводить в заблуждение. Данная тема по-прежнему остается актуальной и дискуссионной в современной лингвистике.

Крнета Н.Д.

Повышенная вежливость женской речи в японском языке и ее причины

Гипотеза о повышенной вежливости речи женщин существует и находит подтверждение даже в языках, в которых женская речь не настолько развита и отлична от мужской, чтобы ее можно было выделить в отдельную подсистему языка. В японском языке речь

женщин уже в древности обладала некоторыми отличительными чертами, которые были зафиксированы в древнейших памятниках литературы, таких как «Манъёсю» и «Макура но соси». С временем, разрозненные элементы языка, присущие исключительно речи женщин, приобретали все более систематичны характер, и уже к XV в. возникает понятие *нё:бо* котаба «дамская речь», «речь дам». Как видно из самого названия, это была речь преимущественно представительниц высших сословий, которая как престижная подсистема языка впоследствии получила распространение и среди других слоев населения. Поскольку речь простого люда почти не находила отражения в письменных памятниках до XVII в., то судить о ранних этапах становления подсистемы женской речи можно исключительно на ограниченном материале. Таким образом, существующие гипотезы о причинах возникновения и становления особенностей женской речи не могут претендовать на комплексность и полноту.

Отличия между мужской и женской речью в японском языке имеют как качественный, так и количественный характер. Качественные особенности – это особые формы и конструкции, присущие исключительно одной либо другой подсистеме. Количественные различия проявляются в разнице частотности использования тех или иных форм, слов, конструкций. Различия в выражении вежливости в японском языке у мужчин и женщин носят преимущественно количественный характер. Женщины используют некоторые высоко вежливые конструкции и формы, которые в подсистеме мужской речи занимают периферийное положение и встречаются крайне редко, только в высоко формальных ситуациях, либо как индивидуальная особенность речи. Женщины в среднем чаще используют префиксы вежливости *о-* / *го-*, нейтрально-вежливое местоимение *ватаси* и вежливое *ватакуси*, женщины в целом более вежливы к более широкому кругу собеседников. Подобная тенденция к более высокому уровню вежливости речи женщин прослеживается на протяжении истории, и встает вопрос о причинах возникновения этого явления.

В.М. Алпатов выдвигает гипотезу, что оппозиция мужских и женских вариантов существовала уже на ранних этапах развития человечества и была связана с разделением труда между полами. [1, 58]. Мужчинам и женщинам приходилось опериро-

вать разными терминами, связанными с их повседневной работой и бытом. Помимо разделения труда важными факторами в функционировании языка в обществе являются религиозные и социальные факторы, такие как общественный статус, демографические особенности и поддержка со стороны общественных институтов. Дифференциация общественных ролей и областей деятельности у мужчин и женщин привела к тому, что они получили неравноправный доступ к «власти». Поскольку женщины занимали более низкое положение в обществе и были материально зависимыми, у них не было возможности мужчин сказать то, что они хотят, когда и где хотят, так как формы, которыми они должны были пользоваться, были созданы мужчинами как доминантной общественной группой. Преимущество мужчин на общественном уровне соответствовало и их доминантности в языке. В разговоре с мужчинами женщины должны были использовать язык с позиции «слабых», «подчиненных» членов общества. Им приходилось использовать языковые формы, близкие к нормам стандартного языка и повышенной вежливости для повышения своего «статуса». Это объясняет повышенный уровень вежливости женской речи, меньшую категоричность высказывания.

Основная литература

1. Алпатов В. М., Крючкова Т.Б., О мужском и женском вариантах японского языка // сб. Вопросы языкознания №3, «Наука», М: 1980. с. 58–68
2. Brown P., Levinson S., Politeness: Some universals in language usage, Cambridge University Press, Cambridge: 1987. 345 с.

Куручкин В.Г.

О некоторых проблемах эволюции форм вежливости в японском языке новейшего времени

Ещё Сэй-Сёнагон в начале одиннадцатого века писала в «Записках у изголовья»:

«Если человек хорошо знает, что данное словечко ошибочно или вульгарно, и все же сознательно вставит его в разговор, то в этом

нет еще ничего страшного. А вот когда он сам на свой лад, без всякого зазрения совести, коверкает слова и искажает их смысл – это отвратительно!»

Также: «Неприятно, когда почтенный старец или сановный господин (от кого, казалось бы, никак нельзя этого ожидать) вдруг по какой-то прихоти начинает отпускать слова самого дурного деревенского пошиба. Когда придворные дамы зрелых лет употребляют неверные или пошлые слова, то молодые дамы, вполне естественно, слушают их с чувством неловкости. Дурная привычка произвольно выбрасывать слова, нужные для связи. Например: "запаздывая приездом, известите меня"... Это плохо в разговоре и еще хуже в письмах».

Сэй-Сёнагон, отмечает и основной принцип изменения языка, с которым сложно не согласиться и в наше время. Это 失ひ (совр. «усинаи»), что означает «утрата», «редукция», «опрошение». Разумеется, что современной лингвистике эти термины имеют сформировавшееся точное определение и понятную сферу употребления, в отличие понятийного аппарата японского языка одиннадцатого века. Важно, что лингвист, в отличие от пользователя, не вовлекается в эмоциональную оценку языковых процессов, а выступает наблюдателем и фиксатором тех или иных изменений «id quod est». Поиск же эталонов – всегда эмоциональная попытка задержаться в комфортной языковой среде с минимальными рисками не понять или остаться непонятым.

Хорошо описано явление «исчезающего Ра», при котором в потенциальной форме глагола слог Ра не проговаривается. Например, «табэрэру» (мочь есть), «мирэру» (мочь видеть), «корэру» (в состоянии прийти). Однако современные японские лингвисты выработали следующее отношение к данному явлению. Для различения грамматических форм, при передаче собственно страдательного залога и форм вежливости считается уместным сохранять слог Ра в структуре, а при передаче значения возможности совершения действия допустимо слог Ра исключить. Например, потенц.: «Аната ва нанко табэрэру?» (Сколько ты можешь съесть?). Вежл.: «Сэнсэй ва мо: корарэма-ситака» (Учитель уже пришёл?). Дифференциация в употреблении данных форм уже отражена в системе умного ввода японского шрифта АТОК.

В употреблении форм вежливости обращают на себя внимание т.н. «двойные формы», дублирующие основное значение. Например: 先生が来るようにとおっしゃられました。(Сэнсэй га куру ё:ни то оссярарэмасита). И 先生が来るようにと申されました。(Сэнсэй га куру ё:ни то мо:сарэмасита). Недопустимость употребления «двойных форм» стала подчёркиваться уже в послевоенное время, когда Япония начала строить общество равных гражданских прав. В начале двадцатого века на это явление никто не обращал внимания.

Современный «вежливый» язык, который традиционно классифицировался на собственно «вежливые» глаголы (напр. ирассяру), «скромные» глаголы (напр. укагау) и «нейтрально-вежливые» (напр. икимацу), включает т.н. 丁寧語 (тэйдзю:го – подчёркнуто вежливый язык). Например: わたしが先生のところに参ります。(Ватаси ва сэнсэй но токоро ни маиримасу). Сравним теперь с формой обычной вежливости: わたしが先生のところに伺います。(Ватаси ва сэнсэй но токоро ни укагаимасу). Употребление маиру в данном предложении указывает на особое скромное положение говорящего.

Ещё один класс форм вежливости – «эстетизированный» язык, характерный для сферы торговли и характеризуемый избыточностью средств относительно исходного значения. Например, お席のほうにご案内します (Ср. с お席にご案内します。). メニューになります。(Ср. с メニューでございます。). 500円からお預かりします。(Ср. с 500円をお預かりします。).

Слова ほう (方) из первого примера употребляется при указании на направление или при выборе одного объекта из ряда других, поэтому нет необходимости употреблять в значении букв. «проводить в сторону места», потому как падеж направления に уже выражает данное значение.

Основная литература

1. Сэй-Сэнагон. Записки у изголовья. Пер. со старояпонского Веры Марковой. Предисл. и коммент. В. Марковой., «Худож. лит.», 1975. 368 с.
2. «Дзё:рю: но нихонго». Автор: Хонго Ё:дзи. «Асахи», 2015. 215 с.

Лебедев В.В.

Глагольное словоизменение и время глагола в литературном арабском языке (вопросы теории арабской грамматики и практики обучения арабскому языку)

1. Арабский глагол fi'1 (АГ) как часть речи представлен глагольной основой, конечным сегментом ḥarf которой является последний корневой, а начальным – первый аффиксальный сегмент. 1.2. В пределах АГ получают свое выражение значения действия/ процессуального признака и времени, а также грамматические значения залога, рода и словоизменения. Других значений у АГ нет. 1.3. Глагольных основ две: первая – глаголы типа gasama 'рисовал', вторая – глаголы типа yarsumu 'рисует'.

2. Значения времени zaman и словоизменения 'i'gāb для арабского глагола фундаментальны. 2.1. Арабская языковедческая традиция, адекватно отражающая устройство и функционирование арабской языковой системы, фиксирует эту фундаментальность в названии глагольных основ. 2.2. Первая называется в соответствии с выражаемым ею значением времени: глагол прошедший fi'1 māḍin. 2.2. Вторая называется по ее сходству с именным классом слов в плане наличия словоизменения: глагол подобный fi'1 muḍāri'.

3. Словоизменением обладает только вторая глагольная основа. Она имеет три словоизменительные формы, выражаемые флексией своего последнего сегмента/харфа: прямую maḡfū' типа yarsumurисует и две косвенные maṣṣūb и maḡzūm типа yarsuma/yarsum0.

4. Время арабского глагола и словоизменение второй глагольной основы тесно взаимосвязаны. 4.1. Прямая форма «самодостаточна» (Г.М. Габучан): она в своих собственных пределах выражает значения действия и времени. Ее временное значение определено: одновременность/настоящее. 4.2. Косвенные словоизменительные формы в их обособленном виде передают только значение действия. Их временное значение неопределенно. Конкретное значение времени они способны выразить только в сочетании с другими словами, относящимися к классу частиц, т.е. только через контекст. 4.3. Каждая частица обеспечивает косвенной форме свое

конкретное временное значение. Кроме того, она придают глаголу дополнительное модальное значение. Отдельные частицы закрепляют за косвенной глагольной словоформой значение временной неопределенности, образуя вместе с нею инфинитив. 4.3.1. Словоизменительная форма *manṣūb* типа *yarsuma* вместе с частицей *lan* (*la + n*) выражают значения отрицания и будущего времени: *lan yarsuma* 'Он не нарисует'. 4.3.2. Словоизменительная форма *majzūm* типа *yarsum0* вместе с частицей *lam* (*la + m*) выражают значения отрицания и прошедшего времени: *lam yarsum0* 'Он не рисовал'. 4.3.3. Словоизменительная форма *manṣūb* типа *yarsuma* вместе с частицей 'an выражают значение инфинитива: 'an yarsuma 'букв: рисовать-он', семантическое содержание которого тождественно семантике имени действия *maṣdar* с определенным артиклем 'al: 'uṛīdu 'an 'arsuma = 'uṛīdu 'al-rasma букв: хочет-я рисовать-я 'Я хочу рисовать'.

5. Взаимосвязанность времени и словоизменения в арабском глаголе приобретает новое измерение в присущем арабской речи процессе синтаксической субституции, когда глагол (= глагольное предложение: глагол-сказуемое = имя-субъект) замещает собой ту или иную синтаксическую позицию, каждая из которых характеризуется собственным словоизменительным значением. 5.1. При этом все замещаемые им синтаксические позиции атемпоральны: не они определяют временное значение всего высказывания. 5.2. Временное значение замещающего глагола оказывается для замещаемой позиции избыточным. Оно вынужденно «умалывается» и как бы переходит «в спящий режим», уступая место таким качествам глагола, как его признаковость *ṣifa*. 5.3 На передний план выступают здесь видовые значения глагола, которые находятся в нерасчлененном единстве со временем. 5.4. В речи АГ функционирует едва ли не чаще в качестве субститута, нежели в составе предикативного ядра высказывания. 5.5. Аспект взаимодействия арабского словоизменения и времени в процессе транспозиции нуждается в самостоятельном рассмотрении.

6. Качество усвоения арабского глагола во многом определяет качество владения арабским языком в целом. Нами разработаны, апробированы и предложены новые практики предъявления, объяснения, закрепления и контроля учебного материала, касающегося морфологии, синтаксиса и функционирования арабского глаго-

ла (= глагольного предложения). Они содержатся в нашем учебнике: В.В. Лебедев «Полный курс литературного арабского языка. Начальный этап» ВКН, Москва 2017. Большое внимание уделяется в нем совместному изучению двух основных глагольных форм; типовому гласному и вариантам их соотношений в двух основных глагольных формах; гласному префиксального сегмента/харфа второй глагольной основы с учетом особенностей 3-х, 4-х, 5-ти с начальным Т и без него и 6-ти «буквенных глаголов»; словоизменительным формам второй глагольной основы; приглагольным частицам, глаголу и его субъекту действия, как неместоименному, так и местоименному; глагольному предложению в противопоставлении именному; глаголу в единственной темпоральной позиции – сказуемого глагольного предложения *fī* и глаголу в нетемпоральных синтаксических позициях; а также морфологическим и семантическим аспектам глагольной словообразовательной системы (породам).

Макаева С.М.

Оценочная метафора в современном публицистическом тексте

Вряд ли кто-либо станет спорить с тем, что основная задача СМИ – не только информирование, но и влияние на общественное мнение. Способ подачи информации, использование определенной лексики позволяет решить эту задачу. Вполне невинно звучащие фразы не напрямую, но тонко и незаметно влияют на читательскую аудиторию, навязывая определенное отношение к проблеме или явлению. Одним из наиболее ярких и действенных средств такого воздействия в публицистическом стиле является метафора. Подборка метафор при комментарии актуальных и постоянно обсуждаемых, злободневных проблем, может быть очень интересна.

Проблема нелегальных мигрантов в Европе и США – одна из самых обсуждаемых в СМИ. Метафоры, используемые в статьях на эту тему, нередко вызывают у читателя негативные ассоциации. Например, имеет место частое сравнение прибывающих в Европу мигрантов с чем-то стихийным, неуправляемым и разрушительным:

– «This tidal wave (‘цунами’) of migrants can be the biggest threat to Europe since war.» (The Daily Mail).

– «There is no ‘us’ any more, as a tidal wave of immigrants sweeps away (‘уносит’, как поток или эпидемия) what’s left of our national identity.» (The Observer)

– «Tidal Wave of Immigrants on Our Doorstep» (The Northern Star)

– «The Deadly Cost of Turning Back the Immigration Tide (‘прилив’)» (The Daily Beast)

– «Illegal Immigration Influx (‘приток’, ‘наплыв’) Counties – 50,000 Attempt Border Crossing for Second Straight Month» (townhall.com)

– «More than three years after Europe’s influx of migrants and refugees since the second world war, ...» (The Guardian)

– «Trump’s Wall Isn’t Going to Stem the Flow (‘волна’ или даже ‘потоп’) of Undocumented Immigrants» (Newsweek)

– «Immigration Crisis: Official: ‘A tsunami (‘цунами’) of people crossing the border’» (Fox News)

– «Australia is being swamp (‘затоплять’ или даже ‘засасывать’, как болото) by non-English-speaking immigrants who refuse to assimilate and accept our values.» (The Daily Telegraph)

– «Immigration Boiled Over (‘выкипать’, ‘переливаться через край’) Last Week. Here is What Congress Did – and Why.» (The Washington Post)

BBC, The Daily Express и другие издания регулярно употребляют слова ‘flood’ и ‘stream’ (‘поток’), говоря о мигрантах. Нередка также метафора ‘swarm of migrants’ (‘рой’, ‘туча’, ‘скопление’ (насекомых)), употребленная, например, в своей речи Дэвидом Кэмероном: «swarm of migrants, coming across the Mediterranean». Употребление этих слов сразу придает высказыванию негативный оттенок, определенную негативную ассоциацию: ведь скопления насекомых уничтожают посевы, провоцируют голод, а лавины и цунами несут разрушение и хаос, в волнах и потоках воды тонут люди.

Угрожающие ассоциации у читателя вызывают также метафоры, имеющие милитаристский характер, например:

– «British towns are being ‘swamped’ (‘наводнены’, ‘затоплены’) by immigrants, and their residents are ‘under siege’ (‘взяты в заложники’), Michael Fallon, the UK defence secretary, said on Sunday.» (The Financial Times)

– «A town at the front lines (‘на передовой’) of the migrant crisis: we can’t let them die.» (the Los Angeles Times)

«Авторские» метафоры, удобные для оценки и комментария, берутся на вооружение другими авторами и быстро превращаются в клише и штампы. Например, глагол ‘to infest’ (‘наводнять’, ‘осаждать’, ‘нападать’, ‘кишеть’, ‘заполнять’, ‘паразитировать’, ‘заражать’) имеет уже свою историю употребления. Джош Маршалл, американский журналист и блогер, утверждает, что глагол ‘to infest’ употреблялся изначально нацистами и антисемитами, говорившими о еврейской угрозе, потом – в американских СМИ применительно к китайцам, а также к цыганам в Европе. Теперь дошла очередь и до современных проблем с иностранными мигрантами: «Democrats are the problem. They don’t care about crime and want illegal immigrants, no matter how bad they can be, to pour into and to infest our country, like MS-13. They can’t win on their terrible policies, so they view them as potential voters!» – цитирует Дональда Трампа The New Yorker Magazine.

Образность – неотъемлемая часть человеческого мышления и выработки новых понятий. Таким образом, употребление метафор, воздействующих своей образностью на читателя и влияющих на восприятие и оценку предложенной информации, несомненно является весьма действенным способом манипуляции человеческим сознанием через формирования у читательской аудитории нужного автору отношения к проблеме.

Основная литература

1. Ковалевская Е.В. «Метафора и сравнение в публицистическом тексте». // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, т. 15, №3, 2009.

2. Metaphors in American Politics [Электронный ресурс] – 2018. – Режим доступа: <https://www.politicalmetaphors.com>

3. The Guardian [Электронный ресурс] – 2018. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com>

Нечаева Л.Т.

Союзное слово сорэни в японском языке

Союзное слово сорэни имеет значение «в добавок», «сверх того», «кроме того», оно синонимично союзным словам сикамо,

соно уэ, соситэ, мата, но каждое из союзных слов имеет свои особенности употребления.

Считается, что союзные слова сикамо, соно уэ употребляются в более вежливой речи. [2: 177]

Сорэни имеет более сильное значение «добавления», чем, например, соситэ «и», но менее слабое, чем соно уэ «кроме того, сверх того».

При соединении членов предложения, выраженных существительными, союзное слово сорэни не может быть заменено на союзные слова сикамо, соно уэ, но может быть заменено этими союзными словами при соединении двух сказуемых или двух предложений [1: 57].

Союзное слово сорэни обычно употребляется в разговорной речи, оно соединяет слова, обозначающие сравнительно одинаковые предметы, явления.

Предложения или части предложений, соединяемые сорэни, связаны по смыслу или основаны на содержании предыдущего предложения или его части, например: Нантэн ва кидзуцукисуй кото, сорэни сан-ни ёвай кото дэатта. «Проблемы были в том, что этим легко пораниться, и к тому же оно подвержено воздействию кислоты.»

Киннэн-ни наттэ мо, цума ва игаку-ни цуйтэ ватаси-ни сицу-мон-суру. Сорэни хотондо ватаси ва катаэрэрэнай. «В последнее время жена задаёт мне много вопросов по медицине. И я на них никак не могу ответить.»

Союзное слово сорэни может связывать вопросительные предложения или присоединять вопросительное предложение к повествовательному, например:

Яхари, такаракудзи ва, ёку атару ттэ тою: уриба-дэ кагта хо-га ий но ка? Сорэни, такаракудзи-ни ва атариясуй банго: тока атариникуй банго: нантэ ару но кана? «Лучше покупать лотерейные билеты там, где они часто бывают выигрышными? И бывают номера, которые легко выигрывают, или же номера, которые с трудом выигрывают?»

При соединении двух предложений союзное слово сорэни может употребляться после союза си, например:

Сорэ идзэн-ни синамоно-га хосий кара ракусацу-сита вакэ дэсу си. Сорэни сайсё-но сицумон-дэ сюппинся-ни ю:ри-но маэ-ни «ик-

кэн» тою: котоба мо цукэтэмасу га. «Раньше, когда хочешь купить какую-то вещь, то торгуешься. И к первому вопросу продавцу добавляешь: «на вид не очень стояще».

Союзное слово сорэни при соединении однородных членов в предложении может употребляться после союза оёби, например:

Кю: сорэн, тю: то:о:коку-но гэнсирёку сисэцу-но андзэнсэй-но ко:дзё: оёби сорэни тадзусавару хитобито-но сэйфути карутюа-но дзё:сэй-ни цунагару кото-га китай-сарэтэ иру. «Надеялись, что в бывшем СССР, Китае, Восточной Европе повысится безопасность атомных станций, и это приведёт к появлению культуры безопасности у людей, работающих на этих АЭС.»

Союзное слово сорэни может соединять в предложении различные однородные члены, например:

а) подлежащие:

Кадзоку ва наннин ка, надо то кийта расий. Софубу то рё:син, сорэни анэ то ото:то-га иру то сё:дзё ва катаэта. «У неё спросили, сколько человек в семье. Она ответила – бабушка, бабушка и родители, а также старшая сестра и младший брат.»

б) сказуемые, выраженные глаголами:

Арабаго-ни хонъяку-сасэтэ ита га, сорэ бакари-дэ наку карэра ва, корэра-но тэкисуто-о кэнкю:-си, сорэни тю:сяку-о куваэтэ ита. «Их заставляли переводить на арабский язык, и не только это. Они эти тексты изучали и добавляли комментарии.»

Союзное слово сорэни может соединять сочинённые предложения, употребляясь после деепричастной формы на тэ/дэ или 2-й основы глагола, например:

Суйро-но мавари дакэ ёси-га сигэттэ сорэни тори-га суму. «Только вокруг фарватера рос камыш, и гнездились птицы.»

Союзное слово сорэни, являясь разговорным словом, может употребляться с восклицательными частицами, а также соединять предложения, завершающиеся частицами, например:

Нингэн, о-тагаи-ни тасукэау-н да кара... Сорэни нэ. Биби-тян ва кавайи моно. «Люди все помогают друг другу, поэтому ... К тому же! Биби-тян очень симпатичная.»

Делая вывод по употреблению союза сорэни, можно сказать следующее.

1. Союзное слово сорэни имеет значение соединения.

2. Союзное слово сорэни употребляется в основном в разговорной речи.

3. Союзное слово сорэни может соединять члены предложения, выраженные глаголами, существительными.

Основная литература

- Итикава Ясуко. Дзоку нихонго гоё:рэй бунсё: дзитэн. «Исэбу», Токио, 2000
- Сунагава Ю., Симода М., Цуцуи С., Бекеш А., Комада А., Судзуки С., Моримото Д. Нихонго бункэй дзитэн. «Куросио», Токио, 1998

Савватеева Т.С.

О структуре и прагматике пословиц о частях тела на египетском диалекте

В настоящее время в лингвистической науке все больше внимания уделяется говорящему субъекту как участнику речевого акта. Исследователи отмечают, что смысловое содержание – «внутреннее» устройство – высказывания намного сложнее поддается строгому описанию, чем его «внешний» (структурно-синтаксический), или «номинативный» аспект [Арутюнова: 293]. Одной из составляющих семантики высказывания, наряду с соотношением с определенной внеязыковой ситуацией (референцией), является коммуникативное или, как его еще называют, прагматическое значение высказывания – избранный говорящим способ изложения этой ситуации.

Исследование «семантико-прагматического представления высказывания» [Падучева: 30] особо актуально применительно к арабским диалектам, в частности, египетскому. Как обиходно-разговорный язык, он демонстрирует структурные различия с литературным арабским языком (ЛАЯ), обслуживающим формальные сферы общения. Показательным языковым материалом по теме являются паремии – пословично-поговорочные речения – на египетском диалекте. Обладая такими свойствами как регулярность и воспроизводимость, они позволяют выявить способы формального и коммуникативного выражения типических значений высказываний на египетском диалекте.

Так, интерес представляет анализ паремий о частях тела человека со следующими значениями:

а) внутренняя и внешняя характеристика человека
 ‘ala gaas- u giša Он думает, что лучше всех.

На голове-его перо.

Ср. У него корона на голове.

damm-u hafif

Кровь-его легкая.

У него хорошее чувство юмора.

б) действия человека

ḥaaTiT wišš- u fi-l-’arD Ему стыдно.

Опускает лицо-его (свое) к земле.

Ср. Со стыда голова гинет.

ḥalli ‘een- ik fi-wiST gaas- ik

Держи глаз-твой(ж.р.) в центре головы-твоей (ж.р.).

Будь начеку.

Ср. Держи ухо остро.

в) «взаимодействия людей»

bauyaD wišš-i

Обелил лицо-мое. = Он заставил меня гордиться.

‘aamla gaas- ha b-raas- i

Равняет-она голову-ее с головой-моей.

Она ведет себя, как будто она со мной на равных.

Человек в таких паремиях находится «внутри» описываемой ситуации, вследствие чего является объектом лингвистического анализа, но одновременно выступает и как говорящий субъект, определяющий способ выражения того или иного типического значения (положительная/отрицательная характеристика внутренних качеств; поведение в той или иной ситуации, совет, наставление; отношения между людьми, социальное положение/неравенство и др.)

Дальнейший анализ примеров египетских паремий о частях тела показывает важность выбора определенной формальной структуры для эффективного выражения содержания высказывания и реализации его коммуникативной функции.

Основная литература

- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.

2. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 2010.
3. Badawi, El-Said. Hinds, Martin. A Dictionary of Egyptian Arabic. Arabic-English. Beirut, 1986.
4. Taymour, A. Al-'amāl al-'āmmiyya. Al-Qāhira, 1986.

Уланский Е.А.

Правила интерпретации сутр Панини

Фундаментальным текстом индийской грамматической традиции является «Аштадхьяи» (aṣṭādhyāyī «восемь уроков») – составленный Панини (pāṇini, ≈V в. до н.э.) трактат из почти 4000 морфологических, фонетических и синтаксических правил. Сутры Панини представляют из себя предельно компактные афоризмы, удобные не только для удерживания в памяти, но и для организации самого текста. В формулировках сутр используется множество специальных терминов и сокращений, обладающих функциональным значением (см. [Волошина 2016]). Это позволяет говорить о разработке Панини метаязыка, обладающего собственными правилами – метаправилами, или парибхашами (paribhāṣā). Они уточняют область применения сутр, устраняют конфликты между ними, помогают правильному прочтению сутр и т.д. В зависимости от способа, которым устанавливается необходимость существования парибхаш, они подразделяются комментаторами-панинистами на несколько категорий. Изложению данной классификации и посвящён доклад.

Парибхаша, необходимость существования которых устанавливается с помощью общего правила мироустройства или логического рассуждения, обозначаются терминами *lokanyāyasiddhā* (от *loka* «мир» и *nyāya* «общее правило») и *nyāyasiddhā* соответственно. Ярким примером для первой категории служит обоснование парибхаша 37 (нумерация по [Kielhorn, 1868])

ekadeśavikṛtamananyavat «претерпевшее изменение в одной из своих частей не (рассматривается как) ставшее чем-то другим».

В качестве подтверждения комментатор Нагджихатта (*Nāgojībhaṭṭa*, ≈ 1670–1750 гг.) приводит наблюдение, что собака не перестаёт называться собакой, даже если ей отрубят хвост. К категории *nyāyasiddhā* относится парибхаша 118

ekasyā ākrteṣcartiḥ prayogo dvitīyasyātrītyasyāśca na bhaviṣyati «когда использована одна форма, то вторая или третья форма (другого вида) не может быть использована (в том же назначении)».

Этот запрет помогает избежать очевидных затруднений, когда форма другого вида может быть воспринята как имеющая другое назначение.

Термином *jñāpakasiddhā* обозначаются парибхаша, устанавливаемые с помощью признаков (*jñāpaka*), обнаруживаемых в самих сутрах Панини. Это должен быть элемент, правило или процедура в «Аштадхьяи», которые при простом прочтении оказывались бы избыточными, что недопустимо, учитывая стремление к максимальной краткости изложения трактата. Однако, если допустить, что рассматриваемая парибхаша принималась во внимание Панини, то присутствие такого *jñāpaka* становится необходимым. Парибхаша 27

saṃjñāvidhau pratyayagrahane tadantagrahaṇam nāsti «суффикс в формулировке правила, касающегося технического термина, не означает форму, оканчивающуюся данным суффиксом»

является ограничением парибхаша 23, в которой говорится, что суффикс в формулировке правил означает форму, оканчивающуюся данным суффиксом. Признак того, что Панини принимал в расчёт парибхашу 27, обнаруживается в сутре 1.4.14 (нумерация по [Renou 1966])

suptiṅantaṃ padam «(форма,) оканчивающаяся на *sup* или *tiṅ*, (носит имя) *pada*».

Слово «оканчивающаяся» (*antaṃ*) в свете парибхаша 23 было бы избыточным, если бы не существовала парибхаша 27.

Основная литература

1. Волошина 2016 2) Волошина О. А. Шива-сутры как важнейший элемент метаязыка грамматики Панини // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. С. 473–497.
2. Kielhorn 1868 4) Kielhorn F. The Paribhāṣenduṣekhara of Nāgojībhaṭṭa. Part I. // Bombay. Indu-Prakash press. 1868.
3. Renou 1966 6) Renou L. La grammaire de Pāṇini // Paris. Ecole française d'extrême-orient. 1966.

Фролова И.В.

«Старое» и «новое» в употреблении и восприятии гендерной лексики в немецком языке

Как гендер представляет собой весомый социальный элемент, так и гендерная лексика отражает значимые стороны общественной жизни, не исключая идеологию, политику, политику в педагогике, гендерные исследования в лингвистике.

Ранее значительно реже встречавшееся слово «гендеризм» (к которому прибегали при переводе слова «сексизм» на русский язык), сейчас встречается в общественно-социальной лексике часто и замещается контекстуальным синонимом «гендер-мейнстрим» (GM). Если раньше в основном дискутировался вопрос об андроцентричности немецкого языка и явлении неспецифического мужского рода (*jeder, mancher, niemand* и т.д.), которое является типичным для индоевропейских языков, то последнее время шквал новообразований в гендерной лексике отвечает во многом проводимой официальной политике «создания GM- человека» (Йозеф Краус, президент Немецкого Союза учителей). Наиболее известный пример дискуссии – употребление местоимения *man*. Его замену на *frau* в определенных ситуациях можно считать состоявшейся и по мнению некоторых лингвистов «почти исторической константой». В текстах разной жанровой и стилистической направленности встречается *frau* вместо *man* в основном в двух случаях. Первый – когда по объективным причинам невозможно употребить *man*, так как это местоимение будет противоречить смыслу и логике всего высказывания. Например, если речь идет о женском здоровье, гинекологии или юридических вопросах в семейном праве, касающихся сугубо женщин. Второй тип употребления *frau* вместо *man* – иронический.

Много юмора в отношении употребления/предложений к употреблению таких курьезных новообразований как *wex/wea* (для гендерной замены *wer*), *Zwitter* (для обозначения лиц, неопределившихся с сексуальной ориентацией/идентификацией), *Geehrxt Doktox* (в обращении), *Bäkenden-Handwerk* (вместо *Bäker-Handwerk*), *Lautsprecha* (феминистичность).

Не столь ироничными воспринимаются многими представителями педагогического сообщества гендерные лексические но-

вообразования в школах (включая начальную школу) – *sich outen, Zwangsheterosexualität*, которые носят характер навязывания соответствующих понятий. Родители собирают подписи против и не желают называться предложенным «гендеристами» новообразованием *Elterx* (*Elter 1, Elter 2*).

Обращения, относящиеся к нейтральной лексике, давно имеют устоявшиеся формы. Наряду с принятым *Leserinnen und Leser* могут встречаться так называемый

Gender Gap (нижнее подчеркивание пропуска между суффиксами мужского и женского рода) и *Gendersternchen* (звездочка вместо суффиксов), а также *Binnen I* (I вместо суффиксов). При опросе людей на улице, знают ли они, что это такое, практически все ответили отрицательно или же заявили, что им все равно. В Баден-Бадене не заменили указатель «*Fussgängerzone*» на «*Fussgehendenzone*», а в ресторане «*Zum Deutschen Haus*» во Фрайбурге по-прежнему стоят таблички на столиках с обращением «*Liebe Gäste!*» – неспецифический мужской род пока сохраняется.

Основная литература

1. Harald Weinrich *Sprache, das heißt Sprachen. Mit einem vollständigen Schriftenverzeichnis des Autors* (1956–2001), Tübingen, Narr Verlag, 2001.
2. Опрос *Morgenmagazin* URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/zdf-morgenmagazin/kennen-sie-das-gendersternchen-100.html>

Фролова Е.Г.

К вопросу о языковых контактах на Филиппинах

На Филиппинах насчитывается 187 языков (включая 4 мертвых), из которых 175 являются автохтонными, а 8 импортированными. Такое разнообразие приводит к активным языковым контактам и представляет обширное поле для исследования разных типов языковой интерференции как между автохтонными, так и автохтонными и импортированными языками. Так влияние испанского и английского вызвало появлению большого числа лексических заимствований из них в автохтонных языках, что привело к интерференции в основном на уровне фонетики и лексики. При этом

взаимовлияние автохтонных языков вызывает значительные изменения на всех языковых уровнях.

Например, описание языка худхудов на тували ифугао, амганад ифугао, келей-и и йаттука показало, что между этими идиомами существует лексическая и грамматическая интерференция. В частности в грамматике языка йаттука отмечаются следующие заимствованные элементы: префиксы из тагальского, вопросительные местоимения из тагальского и илокано (регионального лингва франка на севере Лусона), тагальская категория вежливого императива. Кроме того, в йаттука встречаются некоторые синтаксические конструкции, пришедшие из тагальского, ряд служебных слов из илокано, а также союзы из английского, тагальского и илокано.

Описание идиома, функционирующего на островах Камотес, показало, что под влиянием себуано (региональный лингва франка на Висайских островах) он превратился в его диалект, сохранив только отдельные черты своей грамматики.

Особый интерес для анализа языковых контактов на Филиппинах представляет идиом филипино, который, функционируя как язык межнационального общения почти по всей стране, контактирует с большинством автохтонных и импортированных языков на архипелаге. Филипино оказался не слишком проницаем для лексики из других филиппинских языков, хотя на уровне морфологии их влияние вполне заметно.

На всех языковых уровнях интерференция филипино с другими автохтонными языками проявляется в этнолектах филипино, например, в форме недодифференциации фонем, недодифференциации признаков аффиксов и реинтерпретации их значений. При этом наибольшее влияние на филипино оказывают региональные языки-посредники (илокано на севере, себуано на юге архипелага).

Можно предположить, что филипино является проницаемым для других филиппинских языков на всех языковых уровнях из-за близкой родственности их грамматического устройства и большого количества общей лексики.

Таким образом, автохтонные языки Филиппин, в отличие от импортированных, в большей степени влияют на грамматику родственных им языков, чем на их лексику. При этом самое значительное влияние оказывают региональные посредники (илокано, себуано, тагальский), а не языки соседних регионов. Часто это

приводит к серьезным изменениям в грамматике автохтонных языков, а иногда и к их исчезновению.

Основная литература

1. Клименко С. Б. Категория залога в филиппинских языках (на материале языка йаттука). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2017.
2. Klimentko, S. B., Stanyukovich, M. V. Yattuka and Tuwali Ifugao Hudhud: Yattuka, Keley-I, and Tuwali Ifugao Interference // Acta Linguistica Petropolitana. Vol. 14, N 20. 2018. Pp. 585 – 636.
3. Wolff J. U. History of the dialect of the Camotes Islands, Philippines, and the spread of Cebuano Bisayan // Oceanic Linguistics. Vol. VI. No 2. 1967. P. 63–79.

Хохлова Л.В.

Дифференцированное маркирование прямого объекта, выраженного одушевленным существительным, в языке хинди

В любых грамматиках хинди общим местом считается утверждение о том, что прямой объект, выраженный одушевленным существительным, как правило, оформляется аккузативным послелогом *ko*, неодушевленный объект маркируется послелогом только в случае определенного референта. Однако в современном хинди довольно часто можно встретить неоформленный прямой объект, выраженный одушевленным существительным. В данной работе делается попытка проанализировать ситуации, в которых возможно опущение послелога, маркирующего прямой объект, соотнесенный с одушевленным референтом. На основе предложений, услышанных в разговорной речи делейцев, а также по радио и телевидению были составлены анкеты, которые предлагались 10 студентам делейского университета и 10 студентам университета им. Дж. Неру, родным языком которых является хинди. Ниже в скобках приводятся их ответы: слева – количество отдавших предпочтение неоформленному, справа – оформленному аккузативным послелогом прямому объекту. Письменные тексты и корпуса не привлекались в качестве материала исследования, так как опущение аккуза-

тивного послелого наблюдается преимущественно в устной речи. Можно предположить, что на следующем этапе развития языка опущение послелого станет фактом письменной речи и формально-го дискурса, причем в этом процессе сыграют значительную роль средства массовой информации. Например, в настоящее время они тиражируют один из лозунгов премьер-министра Нарендры Моды:

(1)
beṭī bacā-o beṭī paṛhā-o
 дочьспасать-Imperg дочь учить-Imperg
 'Спасите дочь, учите дочь.'

Для лозунгов и газетных заголовков характерно опущение аккумулятивного послелого, однако немаркированный прямой объект наблюдается и в других рассмотренных ниже ситуациях. Отсутствие послелого предсказуемо наблюдается в предложениях, содержащих «общие истины»:

(2)
laṛkī cūmnā acchā lagtā hai
 девочка целовать нравиться. Pres.M/Sg
 'Приятно поцеловать девушку'. (10:10)

Среди «общих истин» статистически преобладают предложения, описывающие семейные отношения, наиболее часто послелог опускается со словом *baccā* «ребенок»:

(3)
apn-e bacc-e sambhālnā har ādmī kā farz bantā hai
 свой-M/PL ребенок-M/PL поддерживать каждый человек Gen долг становится. Pres.M/Sg
 'Поддерживать своих детей – долг каждого человека.' (15:5)

Предложения с конкретным референтом принимаются без аккумулятивного послелого в ситуациях, описывающих включение нового участника ситуации (4):

(4)
pradhān mantri cun-n-e ke bād bahut log paresān ho ga-y-e:
 премьер-министр выбирать-Inf-Obl после много люди обеспокоенный быть идти-Pst-M/PL

are, ham ne kaise ādmī ko voṭ di-y-e
 h-aiⁿ?
 Emph мы Erg какой человек Acc голос д а в а т ь –
 PP-M/PI быть-Pres/3/PI
 'После избрания премьер-министра многие забеспокоились: 'Кому мы отдали свои голоса?' (19:1).

Можно предположить, что существует семантическая связь между включением нового референта в описываемую ситуацию и значением некоторых глаголов, охотно допускающих немаркированный прямой объект, например, глагола «рожать» (5):

(5)
sītā ne laṛkī paidā k-ī
 Сита Erg девочка.F рожденный д е л а т ь –
 Past/F/Sg
 'Сита родила девочку'. (19:1)

Глагол *māgnā* «убивать» и его квазисинонимы, напротив, имплицитно, как правило, маркированный прямой объект, так как уничтожать можно только что-то уже существующее:

(6)
rām ne apn-e dushman ko mār
ḍāl-ā
 Рам Erg свой-M/Obl/Sg враг Acc убивать
 бросать-Past/M/Sg
 'Рам убил своего врага'. (0:20)

Аккумулятивный послелог обязателен, если референт упоминался в предыдущем контексте:

(7)
āj pulis ne kisī aparādhī ko nahīṅ pakṛ-ā
 сегодня полиция Erg какой-то преступник Acc Neg л о -
 вить-Past/M/Sg
 'Сегодня полиция не поймала ни одного преступника.' (предполагалось, что будут пойманы определенные преступники (0:20).

Ср. с (8), где такое же по составу предложение означает просто плохую работу полиции:

(8)

āj pulis ne koī aparādhī nahīⁿ pakṛ-ā
сегодня полиция Erg какой-то преступник Neg л о -
вить-Past/M/Sg

‘Сегодня полиция не ловила никаких преступников’ (ничего не делала). (19:1)

Прямой объект обычно не маркирован в позиции топика и маркирован в позиции фокуса. Ср. типичный для топика клефт в (9) и характерную для фокуса поствербальную позицию прямого объекта в (10):

(9)

pati to us ne ḍhⁿūdⁿh li-y-ā ab koī pareśānī nahīⁿ
муж Emph она.Obl Erg находить брать-Pst/M/Sg теперь ка-
кой-то беспокойство Neg

‘Мужа-то она нашла, теперь не о чем беспокоиться’. (20:0)

(10)

ḍhⁿūdⁿh li-y-ā us-ne pati ko?
находить брать-Pst-M/Sg она-Erg муж Acc

‘Нашла она мужа?’ (0:20)

В докладе предполагается также проанализировать оформление прямого объекта, референтом которого являются дикие и домашние животные.

Теория, методика и практика преподавания иностранных языков

Васильева Л.В.

Ролевые игры как средство для развития коммуникативных навыков и компетенций на занятиях по речевой практике японского языка

Среди множества существующих методов формирования и развития навыков устной речи и переводческих компетенций в различных ситуациях ролевые игры являются одним из важных элементов обучения.

Ролевые игры, а именно проигрывание приближенных к реальным ситуаций практического применения приобретенных навыков устной речи в различных жизненных обстоятельствах, являются полезной формой закрепления усвоенных студентами знаний на занятиях по практике речевого общения. Сюжеты и содержание ролевых игр можно подобрать практически для каждого этапа изучения языка, начиная с самого элементарного. Начиная со средних семестров, их можно максимально наполнять тем содержанием, которое может сориентировать будущих молодых специалистов в сферах предстоящей им трудовой деятельности. О важности и практической пользе ролевых (деловых) игр в обучении японскому языку и в приобретении и закреплении навыков двустороннего последовательного перевода в условиях, приближенных к реальным, подробно говорилось в докладе на конференции по методике преподавания японского языка и последующей публикации С.А. Быковой [1].

В рамках преподавания основ устного перевода на средних семестрах в ИСАА МГУ большое внимание уделяется, в частности, умению использовать в диалоге соответствующие моменту

конструкции и клише почтительных и скромных форм вежливого стиля речи в японском языке. Для отработки навыков их практического применения очень удобно использовать именно формат ролевой игры. В предлагаемых студентам условиях таких ролевых игр можно четко обозначить социальные и возрастные категории, к которым принадлежат участники беседы, соотнося их также с понятием «свой-чужой», что позволяет участникам разыгрываемой ситуации научиться, не задумываясь, выбирать и использовать в речи необходимые грамматические формы и речевые клише.

Ролевые игры можно использовать для закрепления пройденного материала по каждой из тем, изучаемых в курсе основ устного перевода: встреча и сопровождение официальных делегаций, работа с туристами, проведение и переводческое сопровождение конференций, круглых столов, дискуссий или переговоров. После подробной проработки каждого из разделов курса в рамках ролевых игр можно воссоздавать ситуации, подобные тем, которые использованы в учебнике, чтобы актуализировать новую лексику. В случае, когда участники разыгрывают двусторонние или многосторонние беседы в заданной ситуации на японском языке без перевода, тренируется умение вести диалог или участвовать в обсуждении актуальных вопросов с несколькими собеседниками, четко формулировать и отстаивать свою точку зрения, задавать вопросы, отвечать на них и давать комментарии. Для отработки навыков двустороннего перевода в сценарии ролевых игр может быть включена роль переводчика.

Следует отметить, что активно разрабатываемые и распространяемые в последние годы Японским Фондом стандарты обучения японскому языку (англ. Japan Foundation Standards, JFS), которые, в свою очередь, опираются на признанные в Европейском Союзе Общеευропейские компетенции владения иностранным языком (англ. Common European Framework of Reference, CEFR), используют ролевые игры как на этапе обучения языку, так и в рамках оценки приобретенных обучающимся навыков и компетенций. Разрабатываемые Японским Фондом варианты ролевых игр позволяют достаточно четко соотнести их с уровнями владения языком от начального A1 до максимального C2, сопоставимого с уровнем высокообразованного носителя (по шкале, одинаковой для стандартов JFS и CEFR), и на этапе проверки знаний дать объектив-

ную оценку степени владения языком обучающегося. Несмотря на то, что традиции преподавания японского языка для использования в сфере профессиональной коммуникации в России и в ИСАА МГУ как ведущем высшем образовательном учреждении этого профиля далеко не во всем совпадают со стандартами обучения японскому языку Японского Фонда, пользу и эффективность применения ролевых игр для приобретения практических навыков владения языком признают в рамках обоих подходов к обучению.

Таким образом, использование ролевых игр на всех этапах обучения устной речи для формирования репродуктивных навыков (связанных как с необходимостью говорения на языке в разных ситуациях, так и с необходимостью двустороннего последовательного перевода) оказывается весьма полезным и заслуживающим широкого применения методом.

Основная литература

1. Быкова С.А. Роль деловых игр и импровизации в обучении устному переводу // Японский язык в ВУЗе: актуальные проблемы преподавания, вып. 16. М.: «Ключ-С», 2017. С.44–48
2. JF日本語教育スタンダード2010 [第三版] 独立行政法人国際交流基金、2010

Вихрова А.Ю.

Применение игровых методик в преподавании китайского языка детям дошкольного возраста

В последнее время преподавание китайского языка как иностранного набирает обороты. Связано это с неизменным ростом присутствия Китая на международной арене и в России в частности. Развивается взаимодействие России и Китая во многих сферах: это и торговля, и строительство, и энергетика, и, конечно, образование. Многочисленные программы по обмену в сфере образования дают возможность школьникам и студентам обеих стран получить прекрасный опыт языковой практики в стране изучаемого региона, познакомиться с культурой и обычаями носителей языка. Но что же делать, если возможности посетить страну изучаемого языка нет, а желание говорить и думать на языке есть? На помощь

могут прийти преподаватели китайского языка, которые погрузят детей в языковые реалии изучаемой страны.

Изучение любого предмета (иностранный язык в особенности) детьми дошкольного возраста (4–6 лет) предполагает понимание учителем особенностей детской психологии. В этом возрасте происходит становление личности ребенка. Ребенок постоянно общается не только с родителями и другими членами семьи, но и со сверстниками в детском саду и во дворе, с ребятами постарше и помладше. Иногда в процессе общения возникают различные сложности, вызванные неумением слушать других людей или отстаивать свое мнение. Ведущая деятельность детей этого возраста – игра.

Проблема обучения иностранным языкам – это проблема не только и не столько педагогическая и лингвистическая, но и, в первую очередь, психологическая. Следовательно, преподаватель, который берется за работу с дошкольниками, должен быть психологом и даже немного психотерапевтом. Попробуем разобраться, почему игру называют одной из наиболее распространенных методик обучения иностранным языкам детей дошкольного возраста. Во-первых, все любят играть. Это утверждение применимо не только к детям, но и к взрослым. С возрастом меняются игры, усложняются их правила, но стремление к ним не пропадает до старости. Во время игры ее участники вынуждены коммуницировать друг с другом, в противном случае, играть просто не получится, следовательно, играя на китайском, дети используют китайские слова и выражения, не боясь допустить ошибку, ведь игра – это не урок, где ты отвечаешь у доски, это их естественная среда, в которой язык – это не предмет изучения, а инструмент достижения цели. Таким примером может служить игра «Угадай, кто» (请你猜猜我是谁). Ее правила предельно просты: один игрок загадывает слово (это может быть животное, профессия, вид транспорта, еда – в зависимости от того, что в данный момент ребенок изучает на уроке), остальные игроки должны угадать, что загадал первый игрок. Они могут задавать вопросы на китайском языке, на которые первый игрок может ответить утвердительно (是, 对, 有) или отрицательно (不, 没有).

Во-вторых, игры формируют позитивное отношение к языку, показывая ребенку, что изучать язык весело. В частности, игры вносят большой вклад в изучение иероглифики китайского языка. Напри-

мер, игра «Memory» (记忆) дает возможность детям не только познакомиться с иероглифами, но и запомнить их структуру, выучить основные составляющие иероглифов – графемы. Эта игра представляет из себя набор карточек, основанных на методе изучения китайского языка Chineasy, где каждой графеме и иероглифу добавляется некая картинка, которая предположительно должна помочь ассоциативно запомнить значение иероглифа (так, например, графеме «человек» 人 добавили изображение головы и ног, тем самым сделав ее похожей на изображение человека). Задача детей – найти пары карточек: одна с картинкой, одна без. Как показала практика, запоминание графем таким образом происходит гораздо быстрее не только у детей, но и у взрослых, в частности студентов.

Подводя итог, можно классифицировать игры следующим образом: подвижные, логически, ассоциативные, групповые, индивидуальные, игра-рассказ, рисование или раскрашивание, игры с использованием карточек. Стоит добавить, что игровые методики должны быть включены в уроки китайского языка не только в дошкольных группах, но и в школьных, студенческих, даже в группах, где изучается китайский язык делового общения. Игры делают процесс изучения языка более интересным, динамичным, увлекательным, заставляют участников процесса лучше включаться в урок, раскрыть свой потенциал, убирают скованность и стеснение, развивают все аспекты изучения языка: чтение, говорение, слушание и письмо.

Основная литературы

1. «Начальный курс китайского языка. Том 1» Т.П. Задоевко, Хуан Шуин.
2. «Психология речи и лингвопедагогическая психология» И.М. Румянцева.

Волхонский Б.М.

Диглоссия: препятствие или стимул для преподавания? (на материале языка синхала, с параллелями в других языках Южной Азии)

Стилевое варьирование характерно для многих языков Южной Азии, имеющих литературную традицию, и вызвано различными

факторами, связанными с разными источниками формирования лексики, наличием социальных и территориальных диалектов, ролью конкретного языка как языка межнационального или регионального общения и др.

В сингальском языке (языке синхала) различие литературного и разговорного вариантов настолько велико, что позволяет говорить о ситуации диглоссии – сосуществования двух стандартов – литературного (ЛС) и разговорного (РС), различающихся на всех уровнях языковой системы (при том что диалектное варьирование РС ярко не выражено). Эти различия не сводятся к обычному для большинства литературных языков стилевому варьированию (в духе, например, учения Ломоносова о "трёх штилях"), а носят системный характер: в каждом из двух стандартов свой набор фонем и передающих их графем; различны правила сочетания согласных внутри слова; различаются набор и способы выражения грамматических категорий как имени, так и особенно глагола; различны принципы построения структур предложений и словосочетаний. В лексике ЛС широко распространены прямые заимствования из санскрита (слова *татсама*), которые в РС заменяются синонимами, представляющими собой либо слова собственно сингальские (*тадбхава*), либо санскритские заимствования, но адаптированные к нормам сингальской фонетики (*ардха-татсама*), либо заимствования из английского языка (*видеши*).

Различаются и сферы употребления двух вариантов, хотя жёсткой границы между ними не существует. Так, например, газетный стиль в основном следует нормам литературного языка, тогда как текст на ту же тему, озвученный на телевидении, будет следовать нормам разговорной грамматики при сохранении литературного характера лексики. То же можно отнести, например, к учебным письменным текстам и университетским лекциям на ту же тему.

В истории преподавания языка синхала в СССР/России (оно началось в 60-е гг. XX в. в МГИМО и ИВЯ при МГУ) изначально преподавался литературный стандарт. В итоге первые выпускники, попадая в языковую среду Цейлона/Шри-Ланки, могли легко понимать письменные тексты, но имели серьёзные трудности в устном общении с носителями языка. Последующие поколения преподавателей (по крайней мере, в ИСАА) пытались усилить разговорный компонент в процессе изучения языка, посвящая первый

год практически исключительно разговорному варианту, а начиная со второго года обучения, вводя нормы литературного стандарта.

Естественно, подобная ситуация создаёт определённые трудности для изучения языка. Едва усвоив один стандарт, они вынуждены на достаточно ранней стадии обучения переключаться на иной, т.е. фактически учить новый язык – причём задача стоит не только в том, чтобы выучить параллельно сосуществующие языковые формы и конструкции, но и в том, чтобы научиться правильно их использовать в конкретных речевых ситуациях.

Вместе с тем параллельное усвоение двух стандартов несёт в себе и определённые плюсы. В условиях множественности языков, диалектов и стилевых вариантов в Южной Азии не менее (если не более) важной задачей представляется не только глубокое знание одного конкретного языка, но и способность легко переключаться с кода на код. Ситуации диглоссии в языке синхала являет собой крайний случай подобного варьирования, однако она не уникальна.

Так, например, в Индии нередко можно столкнуться с ситуацией, когда говорящий на хинди позиционирует себя как носитель «чистого хинди» (*шуддха хинди*, т.е. санскритизированного стиля языка, практически исключая употребление более приближенных к разговорному стилю слов арабо-персидского происхождения), но в середине своего выступления переходит на английский язык, оставляя от хинди только служебные слова и некоторые местоимения.

Таким образом, диглоссия и вызванное этим фактическое усвоение двух языков (хотя номинально и имеющих одно общее наименование) – это фактор, не только усложняющий преподавание, но и создающий предпосылки для более комфортного бытования выпускников в языковой среде южноазиатского субконтинента.

Дашевская Г.Я., Кондрашевский С.А.

Роль учебника «Китайский язык для делового общения» в формировании профессиональных переводческих навыков у студентов-китаистов

Развитие рыночной экономики и расширение торгово-экономических связей с зарубежными странами, в том числе с Китаем, тре-

буют от российских языковых вузов подготовки не только ученых, но и специалистов-практиков, владеющих современной профессионально ориентированной лексикой, а также обладающих практическими навыками, необходимыми для обеспечения деловых контактов. Очевидно, что в процессе обучения для достижения риторической эффективности при речевом межличностном взаимодействии недостаточно заниматься исключительно коммуникативной компетенцией, понимаемой как комплекс знаний, умений и навыков. Сегодня перед высшей школой стоит трудная задача воспитать у студентов культурологическую, а порой даже психологическую готовность к результативному общению с иноязычными партнерами.

Для решения данной задачи авторским коллективом в составе Дашевской Г.Я. и Кондрашевского А.Ф. в 1996 году был подготовлен и издан учебник «Китайский язык для делового общения», предназначенный для студентов языковых специальностей, а также специалистов-практиков, желающих повысить свои знания в профессиональной сфере.

За 20 лет учебник неоднократно исправлялся и дополнялся, девятое издание состоялось в 2016-м году. За эти годы он приобрёл широкую аудиторию и географию, став программным учебником в большинстве языковых вузов России, а также «настольной книгой» для практикующих переводчиков в области российско-китайских деловых переговоров. Всё это свидетельствует о высоком качестве, востребованности и актуальности. Важно и то, что данный учебник активно используется в ряде вузов, расположенных на Северо-востоке Китая, а определенными наработками воспользовались и китайские авторы при написании своих разговорников (俄语交际口语 автор 杨春宇 2004 год).

Практика показала, что учебник позволяет решить следующие задачи:

Получить базовые знания по ключевым темам в сфере коммерции от этапа знакомства до заключения контракта.

Овладеть наиболее употребительной и всегда актуальной лексикой

На основе структурного построения уроков изучить и овладеть не только разговорными формами, но и познакомиться с оригинальными образцами письменной речи.

Благодаря последовательности тем и оригинальности сюжетов понять внутреннюю логику переговорного процесса, снять психологические барьеры и страхи, связанные с участием переводчика в деловых переговорах.

Путем тренинга перевода с русского языка на китайский освоить профессиональную речь на родном языке: обычно в силу возраста и отсутствия соответствующего опыта это представляет для студентов отдельную трудность. Данный аспект тем более актуален для студентов-иностранцев, в том числе из Китая.

На основе материала «приложений» (тексты протоколов, соглашений, контрактов) познакомить со структурой и особенностями оформления соответствующих документов, изучить дискурсивные клише, характерные для подобных текстов.

Получить из дополнительного материала, основанного на китайских источниках, полезную информацию о практике ведения переговоров, глубже понять позиции, системы коммуникативных стратегий и тактик партнера.

Гаджиева А.А.

Способы семантизации лексики при обучении казахскому языку как иностранному (на примере залоговых форм глагола)

Формирование лексических компетенций у студентов, изучающих казахский язык – сложный процесс, охватывающий различные способы введения и овладения иноязычной лексикой. В формировании лексических компетенций у студентов, изучающих казахский язык, немаловажную роль играет понимание взаимосвязи корня слова с его производными. Работа над словообразованием важный момент в обучении. Так как понимание структуры слова, умение извлекать значение из его элементов делает изучение словарного состава языка более осознанным, устраняет механическое запоминание.

При изучении залоговых форм казахского глагола студенты сталкиваются с проблемой дифференциации их значений. Известно, что залоговые формы как форма словообразования, представляют собой характеристику действия не только с точки зрения отношения

субъекта и объекта к действию, но и с точки зрения отношения самого действия к субъекту и объекту. В казахском языке значения залога заключены в корне или основе глагола до перехода его в ту или другую функциональную форму. Не всякий глагол может принимать те или иные залоговые формы, так как для казахского глагола характерна как зависимость значения, так и возможность образования залоговой формы от семантики данного глагола. Таким образом, образование залоговых форм глагола зависят от функции в предложении основного глагола, от которого они образуются и от реальной семантики действия.

Очень часто студенты ошибочно употребляют одну и ту же залоговую форму в разных контекстах. Например, глаголы *үйрену* (основн. залог) – ‘учиться, научиться, обучиться’; *үйрету* (понудит. залог) – ‘учить, обучать, научить’; *үйретілу* (страд. залог) – ‘быть обученным’ студенты переводят в разных контекстах как ‘*учиться, научиться*’. Как в таком случае помочь учащимся избежать затруднений в подборе необходимого глагола? Прежде всего студенты должны разбираться в строении слова и уметь выводить значение из входящих в слово элементов. Когда учащийся может различать структурные элементы слова (корень, аффикс), выделять конкретность или абстрактность понятия, совпадения или несовпадения объемов значения слова в иностранном и родном языке, он сможет правильно выбрать ту или иную форму глагола для различных контекстов. В процессе введения лексики можно, например, предложить студентам выдвигать свои предположения и догадки по определению значений залоговых форм в различных контекстах. Этот прием развивает способность к языковой догадке, помогает в усвоении и расширении словарного запаса.

Еще одна проблема при освоении залоговых форм казахского глагола – сложные залоговые конструкции, которые образуются путем наслоения нескольких залоговых аффиксов. При наслоении аффиксов различных залогов значение глагола определяется последним аффиксом, при этом глагол приобретает оттенки значения других залоговых форм или иное лексическое значение. Задача преподавателя при работе с залоговыми формами глагола помочь учащемуся выявить второй слой семантики слова. Эта работа ведется в процессе введения лексики.

В казахском языке также имеет место такое явление как лексикализация залоговых форм глагола. Нередко залоговые аффиксы придают исходным глаголам новое лексическое значение. Например: *сүю* ‘целовать, любить, ласкать’ – *сүйсіну* ‘радоваться, восторгаться’; *түсу* ‘спускаться’ – *түсіну* ‘усвоить, осмыслить’, *келу* ‘приходить’ – *келісу* ‘договориться, соглашаться’, *болу* ‘быть’ – *болысу* ‘помогать’. Такие залоговые формы, отличающиеся лексическим значением от исходных глаголов, обычно помещаются в двуязычных словарях (русско-казахском и казахско-русском) как реестровые слова. В данном случае полезно возвращаться к различным значениям одного и того же глагола, не ограничиваясь одним контекстом.

Основная литература

1. Айғабылов А. Қазақ тілінің лексикологиясы. Алматы: Зият Пресс, 2004. 64 б.
2. Акишина А.А., О.Е.Каган. Учимся учить. М.: Русский язык. Курсы, 2002. 256 с.
3. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. Ч.1. М.: Академия наук СССР, 1952, 544 с.
4. Қазақша-орысша сөздік. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 962 б

Громова А.В.

Иранские учебные аудиокурсы в преподавании современного персидского языка

Счет учебников по персидскому языку идет уже не на десятки, а на сотни. В обзоре дидактических материалов по персидскому языку [1], подготовленном под эгидой Фонда Саади, пять лет назад взявшего на себя функции координирования процесса преподавания персидского и популяризации иранской культуры во всем мире, перечисляется 289 книг, изданных в Иране с 1954 по 2014 г. С этого момента арсенал учебных материалов успел снова обновиться, предлагаются все более современные сюжеты и используются передовые методы лингводидактики, которым посвящен, в частности, специализированный журнал «Преподавание персидского языка как иностранного» (<http://jtpsol.journals.ikiu>).

ас.ir/). С учетом специфики языков, носителями которых являются учащиеся, здесь обсуждаются различные аспекты обучения языку: лексика, грамматика, письмо, стилистика, композиция. Отдельное внимание уделяется совершенствованию навыков устной речи и владения обоими регистрами персидского: официальным (литературным) и живым разговорным, в основе которого лежит тегеранский диалект.

На первых порах обучения, в нелегком деле освоения азов фонетики и персидской графики большое значение имеет аудиоматериал. На настоящий момент в работе со студентами первого курса эффективным оказалось использование учебников серии «Чтение» [2], подготовленной Иранским лингвистическим центром для иностранных учащихся начального и среднего уровня. Каждый урок состоит из небольшого текста, вопросов на понимание, грамматических и лексических упражнений. Широко применяются визуальные средства работы с материалом, например, нужно выбрать отражающие содержание текста картинки и объяснить, почему одна из них ему не соответствует, что позволяет тренировать навыки аргументирования собственной позиции. Отдельное задание касается поиска соответствия изображённых объектов словам определённого семантического поля: продукты, кулинария, сервировка стола, одежда, городские объекты, магазины, покупки, праздники, терминология родства, учёба в университете, спорт, путешествия, география, грамматическая терминология. Часто вместо предметного ряда даются действия, связанные, например, с домашними делами или учёбой. Упражнения на соотнесение термина и дефиниции, на заполнение пропусков активной лексикой изучаемого урока легко дополняются просьбой составить историю с использованием этих глаголов.

Для освоения лексики эффективными оказываются пересказ текста от лица заданного персонажа или простое интервью с описываемым персонажем без зрительной опоры на текст, что помогает постепенно готовить оперативную память будущих переводчиков, со всем вниманием к претенциозной информации, к умению вычленивать сведения первостепенной важности и, при необходимости, ориентироваться в деталях.

Однако основным этапом работы – что вполне реализуемо уже в первом семестре первого курса – становится запись аудиофраг-

мента (хронометраж – около 2 минут), который выбирается в рамках пройденной грамматики и в соответствии с параллельно изучаемыми по другим учебникам сюжетами. Алгоритм работы варьируется от разбора и перевода аудиозаписи в классе с последующей письменной фиксацией дома до самостоятельной расшифровки текста с последующим обсуждением в классе. В любом случае, изначально у студентов в распоряжении есть только аудиофайлы, работа с которыми происходит без опоры на текст.

Это необходимо не столько для тренировки скорости письма, закрепления пройденного и освоения нового лексического материала, сколько для чёткого осознания разницы между непривычными русскому уху звуками персидского языка, прежде всего, контраст между **ā** дальнего ряда и **a** переднего, увулярным **x** и фарингальным **h**. На вопрос: "А как пишется такое-то слово?" лучшим ответом оказывается: "Обратите внимание, что вы слышите? **ā** или **a**?" Как правило, при повторном послушании этот вопрос снимается сам собой.

В страноведческом плане большой интерес, по сравнению с «экспортным вариантом» персидского языка в учебниках для иностранцев, вызывают аутентичные учебники по персидскому языку, подготовленные Организацией по изучению и планированию образовательного процесса при Министерстве образования и воспитания ИРИ (<http://www.chap.sch.ir>) и особенно онлайн-компаньон к ним «Говорящая книга», доступный на сайте Национальной школьной сети (<http://www.roshd.ir>). Неизменное любопытство вызывают уроки, посвященные правилам социального поведения в современном иранском обществе и нормам общежития, которым учат школьников. Обсуждаются социальная значимость и престиж спорта и науки, необходимость взаимовыручки и готовности к сотрудничеству и коллективному решению всевозможных проблем, важность бережного отношения к природным ресурсам и историко-культурному наследию страны.

Тут снова встречаются бытовые сюжеты: покупки, прогулка в парке, поход в горы, уроки природоведения; рассказывается о новой современной иранской школе с цифровым оборудованием, о флаге, о гимне, о достопримечательностях и красотах Ирана, о праздниках. Постоянно присутствует проблематика быстрой адаптации к новым условиям, например, после переезда. Так, в но-

вой школе для встречи новой ученицы учитель и одноклассницы готовят на интерактивной доске музыкальную презентацию, мальчикам найти новых друзей помогает футбол.

В изобилии представлены стихи и сказки о животных: «Лев и мышь», «Царь зверей», «Как Мишка с микробами воевал». Со смехом слушаются, с удовольствием читаются и легко затем учатся «Ворона и лисица» и «Благословенная свекла» (аналог нашей «Сказки про репку»). Все это позволяет лучше почувствовать разное звучание среднего и литературного регистров персидского и потренироваться в декламации стихов, что исключительно важно для точной артикуляции и орфоэпии (с учетом противопоставления гласных по долготе), а также в целом для дальнейшей подготовки будущего ираниста.

Основная литература

1. Qaregazi M. Manābe'-e āmuzeš-e zabān-e fārsi be qeyr-e fārsizabānān. URL: <https://saadifoundation.ir/Files/%D9%88%D8%A8%DA%AF%D8%A7%D9%87.pdf> (Accessed on 17.02.2019)
2. Tajeddin Z. Xāndan. Sath-e moqaddamāti. Tehrān: Kānun-e zabān-e Irān, 1383 (2004).

Зиза М.В.

Метод проектов в изучении английского языка

В наши дни потребность в специалистах, адекватно владеющих иностранным языком и участвующих в дискурсе в своей определенной сфере деятельности, выходит на первый план. Для английского языка данная тенденция еще более характерна, т.к. он является одним из основных средств межкультурной коммуникации

Поскольку «деятельность» в определенной профессии конечная цель обучения, постольку «целью обучения является не столько вооружение учащегося знаниями, сколько формирование у него умений действовать со знанием дела – компетентно. Соответственно знания должны быть средством обучения действиям» (Ступницкая М.А.(2010)).

Принцип «обучения посредством действия» лежит в основе «проектного» метода, который подразумевает, что учащиеся овла-

девают знаниями через активный вид деятельности – опыт (Dewey J. (1916)). Помимо приобретения знаний, прививается навык нахождения и переработки информации, его оценка и осмысление результата деятельности. Данный метод нашел широкое применение при обучении иностранному языку, т.к. он способствует развитию коммуникативной компетенции, многократно увеличивает объем языковой среды для практики языковых навыков, повышает мотивацию при выполнении учащимися заданий. Одним из важнейших преимуществ метода является самостоятельно распланированная работа по решению определенной проблемы, т.е. созданию языкового продукта. Это дает возможность использования различных методов и средств обучения, интегрирования знаний из других дисциплин.

В целях реализации задачи формирования межкультурной и коммуникативной компетенции у студентов ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова на занятиях по английскому языку представляется уместным использовать формат «проектов» в качестве одной из форм отчетности пройденного материала.

Имеется положительный опыт, подтверждающий продуктивность такого метода во время проведения мини проектов по отработке грамматических правил:

- сослагательное наклонение
- модальные глаголы
- артикли

По мере прохождения материала, студенты 2го курса, распределенные на группы, занимались исследованием и сбором информации о типичных и нетипичных формах использования данных грамматических явлений. На завершающем занятии они самостоятельно рассказывали об особенностях употребления определенного грамматического раздела; представляли упражнения для тренировки; небольшие диалоги и сценки. Результатом работы была таблица случаев употребления данного грамматического явления (сослагательное наклонение), или схема (модальные глаголы и артикли).

К мини проекту также можно отнести исследовательскую работу студентов 2го курса по сбору заголовков из газетных материалов американоязычной, англоязычной и газет на английском языке, выходящих в Индии (по желанию студентов, изучающих данный

регион). Как известно, язык заголовков имеет свою специфику. Часто общеупотребимые слова имеют переносное значение, используются специфические аббревиатуры, метафоры и т.д. Студентами был собран интересный материал, с которым они знакомили группу на протяжении примерно трех занятий. На последнем занятии был устроен опрос с разбором некоторых интересных заголовков, проведены сравнения, сделаны выводы.

Такая форма работы «раскрепощает» студентов, организует, мобилизует на продуктивную работу. Они «поворачивают» материал в интересную для себя сторону, что способствует более крепкому его усвоению и запоминанию.

Более продолжительный по времени проектный метод был использован с группой студентов 3-го курса во время чтения и обсуждения книги И. Шоу «Ночной портье». Студенты, распределенные по группам, собирали лексические средства описания двух основных героев. Им было предложено сделать личностный портрет героев в различных жизненных ситуациях, используя собранный материал и факты. На последнем занятии в результате сопоставлений и сравнений были созданы собирательные портреты героев. Самостоятельно выбирая лексический материал, пропуская его через себя, студенты получали эмоциональный заряд. Им было важно нарисовать увиденный ими образ адекватными средствами, поэтому, даже слабые студенты готовы смелее участвовать в обсуждении, доказывая свою точку зрения.

Проектный метод обучения иностранным языкам отличается высокой коммуникативной направленностью и активным вовлечением студентов в образовательный процесс, что вызывает у них чувство удовлетворения.

Основная литература

1. Ступницкая М.А. Что такое учебный проект? / М. А. Ступницкая. – М.: Первое сентября, 2010.
https://nsportal.ru/sites/default/files/2013/12/06/chto_takoe_uchebnyy_proekt.pdf С.4 (дата обращения 29.01.219).
2. Dewey J. «Democracy and education: An introduction to the philosophy of education», Academia PH, New York: Macmillan. Retrieved – via Internet Archive, 1916, P. 455–457

Клюкина Е.В.

Способы запоминания лексики (на основе опроса студентов)

Расширение лексического запаса студентов является одной из важнейших задач преподавания и обучения на любом этапе изучения иностранного языка. Важность вокабуляра подчеркивается многими исследователями и комментаторами. Как сказал Уилкинс (1972), «... while **without grammar very little can** be conveyed, **without vocabulary nothing can** be conveyed» (pp. 111–112). Изучение и запоминание лексики важны и на начальном этапе, когда только формируются речевые компетенции, и на уровне Intermediate, когда у многих изучающих иностранный язык есть риск застрять на так называемом Intermediate plateau. Как считают лингвисты и педагоги, именно гораздо более обширный словарный запас отличает уровень Advanced от уровня Intermediate, при этом беглость речи придают не столько отдельные слова, сколько коллокации, сочетания слов с различной степенью фиксированности. Именно большое, даже огромное количество этих устойчивых или привычных выражений, как бы заранее сформированных в языке, и придает беглость носителям языка.

Был проведен опрос среди студентов (53 респондента) на тему «Что помогает вам запоминать лексику?» Большинство респондентов ответили, что это многократное повторение/постоянное употребление в речи/на занятиях – 49%. Надо отметить, что карточки или мобильные приложения для запоминания слов и выражений фигурировали в незначительном числе ответов. Были и экзотические варианты типа «услышать необычное использование, само запоминается, составление предложений о себе, если звучит дословно необычно на русском», но все это были единичные ответы. Не сильно помогают студентам и визуальные ассоциации и выписывание слова в словарик, хотя здесь речь может идти об индивидуальных особенностях.

Какие же типы заданий помогают студентам запоминать лексику? И здесь абсолютное большинство студентов ответили, что это либо работа с контекстом (42%), либо многократное употребление слова/выражения (92%). У значительной части респондентов (49%) перевод на русский также является важным видом работы, помо-

гающим им удерживать лексику в памяти. Хотя не стоит забывать и о такой мотивации, как написание теста или получение хорошей оценки на экзамене – 43% респондентов отметили эти виды деятельности как стимулирующие заучивание лексики. Но насколько такое запоминание долгосрочно, не было выявлено.

Стоит отметить, что две трети респондентов легче запоминают словосочетания, а не отдельные слова.

Ответы студентов на данный опрос согласуются с такими теориями как теория лексического подхода М.Льюис [2], и теория лексического прайминга М. Хоуи [1]. Согласно первой теории, лексика первична над грамматикой и преподавание лексики должно вестись в виде обучения студентов типичным, широко употребляемым, характерным коллокациям. Чем больше они будут знать уже существующих в языке фраз и сочетаний, тем более естественной и беглой будет их речь.

Согласно теории лексического прайминга, знать слово, значит знать типичные сочетания и типичные контексты, в которых оно употребляется. М. Хоуи также пишет о важности многократной встречи со словом, прежде чем оно действительно запомнится. Опрос студентов согласуется с этой идеей.

Респонденты также подчеркнули важность повторений лексики как в течение урока (до 5 раз, по мнению большинства), так и с течением времени. Большая часть респондентов (41%) полагают, что им нужно встретить слово 5–10 раз, чтобы оно запомнилось. Что касается эффективности запоминания и удержания лексики в памяти, то здесь картина не так ясна и очевидна. Респонденты не очень оптимистичны при ответе на вопрос: «Сколько словарных единиц вы можете встретить и употребить через месяц?» Большая часть ответила, что 15–25%.

Выводы, которые можно сделать по результатам этого опроса:

– важность контекста, работы с контекстом для запоминания лексики;

– важность повторения для закрепления лексики не только в краткосрочной перспективе (для подготовки к тесту или экзамену), но и с тем, чтобы слово, а лучше словосочетание, осталось в долгосрочном активном запасе;

– учет индивидуальных особенностей студентов, их памяти, реакции.

– необходимость повышать осознание студентами важности лексики, широкого словарного запаса для достижения высокого уровня владения языком.

Основная литература

1. Hoyer, M. *Lexical priming. A new theory of words and language.* Routledge, 2005. 202 p.
2. Lewis, M. *The Lexical Approach. The State of ELT and a Way Forward.* Language Teaching Publications, 1993.

Кравченко С.Л.

Характерные ошибки студентов в амхарском произношении

Переключение с родного произношения на иностранное является сложным психологическим и физиологически процессом. Органы речи получают новую работу, привыкают к непривычным укладам для образования новой артикуляционной базы. Переключение на новую фонетическую систему влечет за собой появление значительного количества больших и малых фонетических ошибок, которыми, особенно на начальной стадии обучения, изобилует процесс овладения иностранным произношением. Искажение произношения представляет разные степени отклонения от нормы. Искажения ведут к фактическому непониманию, превращают речевые высказывания в труднопонимаемые, ведут к тому, что искаженные высказывания не достигают своей цели.

Однако, при условии применения совершенной методики обучения произношению, искажения и нарушения нормы произношения изучаемого языка, могут быть сведены к минимуму.

Некоторые ученые считают, искажение произношения – явление более отрицательное, чем допущение грамматических ошибок, потому что искажение произношения мешают осуществлению основной цели языка – коммуникации.

Характерными ошибками студентов на начальном этапе овладения языком являются: оглушение конечных звонких согласных; ненатянутая артикуляция; неправильное ударение; неправиль-

ное произношение эйективных согласных, удвоенных согласных, гласных фонем.

Разберем некоторые из перечисленных ошибок.

Оглушение конечных звонких согласных. Одной из наиболее устойчивых ошибок у студентов при овладении амхарским произношением является оглушение конечных звонких согласных. Это отклонение от норм амхарского языка является недопустимым, потому что очень часто ведет к искажению смысла высказывания. Противопоставление таких слов как amäd ‘пепел, зола’ и amät ‘год’; särg ‘всегда’ и särk ‘свадьба’ показывают, какую важную роль имеют звонкие и глухие конечные согласные для различения амхарских слов. Поскольку для русского языка закономерно полное оглушение звонких согласных д, г, з, студенты пользуются нормой произношения, которая существует в русском языке, и, как правило, оглушают амхарские конечные согласные: däbub ‘юг’; and ‘один’; bälg ‘осень’, wänz ‘река, поток’.

Следует подчеркнуть, что эти ошибки связаны со слабой напряженностью определенных органов (губ, языка) при артикуляции амхарских звонких согласных. Это объясняется тем, что русская артикуляционная база не рассчитана на энергичное воспроизведение ряда фонем, существующих в амхарском языке. Как видно из приведенных примеров, наличие или отсутствие напряженной работы органов речи в ряде случаев имеет решающее значение при коммуникации. Поэтому первоочередная задача, особенно на начальном этапе изучения амхарского языка, предупреждение этих ошибок.

Неправильное ударение. Ударение в амхарском языке слабое. Неударные слоги произносятся так же четко, как и ударные. Однако, несмотря на относительную равноударность слова, несмотря на то, что ударение не имеет строго фиксированного места, существуют определенные правила, в соответствии с которыми слово приобретает легкое, но четкое ударение.

Ударение может передвигаться на суффикс множественного числа, притяжательный суффикс, вспомогательный глагол и т.д., напр.: tämarí ‘ученик’ – tämaríwóčč ‘ученики’; ännát ‘мать’ – ännatáčən ‘наша мать’; hédä ‘он пошел’ – hedoál ‘он уже ушел’.

Неправильное произношение эйективных согласных. В амхарском языке звонкие согласные, с одной стороны, противостоят глу-

хим, а с другой стороны, звонким и глухим согласным противоплагаются специфичные для амхарского языка и не существующие в русском языке эйективные согласные: **č**, **q**, **ĭ**. При произнесении этих согласных воздух выбрасывается толчком, в результате слышен ярко выраженный шелкающий звук. По своему акустическому эффекту эйективные **č**, **q**, **ĭ** близки к русским **т**, **к**, **ч**, однако приближение их произношение в какой-то мере к соответствующим русским звукам вносит значительные изменения в содержание высказывания. Ошибки студентов в произнесении эйективных согласных относятся к характерным и часто приводит к нарушению коммуникативной функции речи, так как произнесение эйективных согласных имеет смысловозначительную функцию: mäta ‘бить, ударять’ – mäčča ‘приходить прибывать’; mət ‘удар’ – məč ‘родовые схватки’; näkka ‘трогать, касаться’ – näqqa ‘пробуждаться, бодрствовать’; dənq ‘карлик’ – dənq ‘удивительный, изумительный’; wəčča ‘только, лишь’ – wəĭa ‘желтый’.

Нарушение в произношении удвоенных согласных. В фонетической системе амхарского языка имеются удвоенные согласные. Удвоение согласных в амхарском языке выполняют смысловозначительную (wana ‘плавание’ – wanna ‘главный’; alä ‘говорить, сказать’ – allä ‘иметься, находиться’; bəg ‘стебель’ – bəgg ‘серебро, быпр (эфиопский доллар)’ и форморазличительную функции. (mämäzğäb ‘записывать’ – mämmäzğäb ‘быть записанным’; mäsäbsäbiya ‘то, с помощью чего собирают урожай’ (säbäsäbä ‘сбирать’) – mässäbsäbiya ‘место сбора, сборный пункт’ (täsäbäsäbä ‘собирается’).

Особенно часто удвоенные согласные встречаются в глагольных и отглагольных формах. И если в именах существительных удвоенные согласные можно определить с помощью словаря, то в глагольных формах только знание грамматики дает возможность распознать, где согласные удваиваются, а где нет.

Таким образом, геминация, во-первых, имеет важное значение для структуры слога в слове, так как произношение согласных без удвоения нарушает структурные особенности слога. Во-вторых, вносит семантическое различие и приводит к изменению грамматического значения слова.

Известно, что основной причиной, вызывающей ошибки у студентов, является физиологическая разница между артикуляцион-

ной базой русского и амхарского языков. Поскольку дело касается физиологии, то для того, чтобы создать амхарскую артикуляционную базу, необходима перестройка артикуляционной базы родного языка для воспроизведения амхарских фонем. Эта перестройка является основой всего процесса обучения амхарскому произношению. Артикуляционной базе присущи общие особенности, которые характерны для всего фонетического строя амхарского языка (степень напряженности артикуляции, специфичность определенных укладов и т.д.). Эти особенности определяют специфику артикуляций, которые необходимы студентам для повышения качества отдельных фонем. Они придают нужный акцент и становятся составной частью произносительных навыков у овладевающего амхарским произношением.

Следует отметить, что рассмотренные ошибки характерны не только для начального периода обучения произношения амхарского языка, но и для старших ступеней. Поскольку эти ошибки проявляются на всех этапах изучения амхарского языка, их следует предупреждать в первую очередь.

Луо Мэй

К вопросу о начальном этапе преподавания китайского языка

1. При преподавании китайского языка необходимо учитывать особенности, отличающие его от западных языков. В первую очередь это наличие в нём тонов, не привычных для студентов. Поэтому для заложения произносительной базы важны дикция и эталонное произношение у преподавателя. Только в этом случае у студентов может быть заложена правильная произносительная база.

Для ее последующего укрепления студентам необходимы упражнения по воспроизводству речи, постоянное прослушивание записей, тренировка чтения вслух текстов, диалоги. Только в этом случае возможна выработка не только правильного воспроизведения, но и правильного различения звучаний, в том числе и тех же тонов.

2. Важнейшей частью обучения является чтение текстов вслух, их пересказ, тренировка диалогов. Порядок работы с новым тек-

стом можно определить, как прослушивание чтения преподавателем, совместное аудиторное чтение, а затем индивидуальная работа. При этом не только закрепляется произносительная база и правильное интонирование, но и сокращается число ошибок при построении последующих вопросов и ответов на них.

3. При пересказе текстов преподавателю следует постоянно обращать внимание на специфику мышления китайцев. Например, на особенности обозначения времени и дат, названий учебных заведений и учреждений. Внимание к подобным вопросам вырабатывает у студентов речевой этикет.

4. Важен и культурологический аспект изучения языка. В частности, студентам следует привыкать к таким фразеологизмам, как четырехслоги (чэньюи) или предложения. Здесь также необходим подход от простого к сложному.

5. По мере накопления словарного запаса студентами, приобретает значимость контроль над полнотой использования лексики. Для этого применяются работы с сочинениями, сначала на простые темы, с постепенным переходом к более обширным рассуждениям.

Перед написанием подобных сочинений следует провести обсуждение с преподавателем пройденных текстов, в которых содержится языковой материал, связанный с темой сочинения, а также привлечение внимания студентов к языковой специфике. Ведь поскольку написанное запоминается, надо делать все возможное, чтобы студенты сразу писали правильно. Также целесообразно обсуждение работ, наиболее удачных с точки зрения грамматической правильности и логичности изложения, и типичных ошибок в сочинениях.

6. Такую составляющую как восприятие на слух, можно обеспечить, например, работой с микротекстами. В этом случае преподаватель читает текст вслух, происходит работа в формате «вопрос-ответ», и затем пересказ. В результате у студентов вырабатываются навыки концентрации внимания, быстроты реакции, улучшаются способности к запоминанию.

7. Реализация письменного аспекта, происходит с помощью слуховых диктантов. Они важны для любого языка, а для китайского в особенности. На каждом уроке следует проводить диктант в объеме двухсот-трехсот иероглифов. Он должен охваты-

вать лексику, как текущего урока, так и нескольких предыдущих, обеспечивая, таким образом, необходимую повторяемость. Это также позволяет максимально снизить процент ошибочных написаний иероглифов.

8. Все вышеизложенное основано на моем многолетнем опыте преподавания китайского языка. Я глубоко убеждена в том, что предлагаемые замечания полезны для обучения китайскому языку, и я делюсь ими с коллегами, в том числе, с надеждой услышать более совершенные предложения.

Магдалинская Ю.В.

Некоторые аспекты семантического анализа правовых текстов в практике преподавания китайского языка на старших курсах и в магистратуре

Давно известно, что язык может быть средством и орудием совершения целого класса преступлений. В современной практике проведения следственных действий и судебных разбирательств анализ языковой формы выражения действий и намерений их совершения приобрел совершенно новое значение. Улики и свидетельства, связанные с различными языковыми проявлениями, получили статус языковых доказательств. Языковые доказательства, ставшие объектом судебной лингвистической экспертизы, обладают своей спецификой, следствием чего является возникновение противоречивости как самого предмета судебной лингвистической экспертизы, так и используемых методов и ее содержания. С этим же связаны многочисленные споры и разногласия в процессе судебного разбирательства и интерпретации этих самых неоднозначных для восприятия и оценки улик и свидетельств.

Особое значение приобретает выработка и освоение критериев семантического анализа текста и его фрагментов. При этом часто в процессе этого весьма специфичного лингвистического анализа приходится иметь дело не всегда с целостным и образцово организованным фрагментом текста. Не редко приходится сталкиваться с такими устными свидетельствами, как высказывания сторон, свидетельские показания, а также письменные материалы различного качества исполнения. В современных судебных процессах

большое место заняли записи телефонных разговоров, СМС-сообщения и материалы электронной почты подозреваемых. Именно в этих языковых фрагментах, понимание которых напрямую связано с проникновением в контекст высказывания и восстановлением утраченных фрагментов текста, возможно возникновение существенных расхождений в понимании семантики языковых свидетельств.

Осознание необходимости избежать судебные споры, связанные с неоднозначностью и сложностью оценивания языковых свидетельств, ведет к пониманию необходимости подготовки лингвистов, чей уровень подготовки позволит им успешно проводить анализ семантики вещественных доказательств.

Это ставит перед преподаванием на старших курсах и в магистратуре ряд новых задач в сфере овладения студентами основами семантического анализа как юридического текста со свойственной ему терминологической спецификой, так и неюридического текста в юридических целях (прежде всего, именно к этой группе текстов относятся разного рода языковые свидетельства).

Перед преподавателем стоит задача подвести учащихся к пониманию содержания и внедрить в проводимый ими анализ текста таких методов семантического анализа, как наблюдение, количественно-статистический анализ, моделирование, эксперимент, сравнительно-сопоставительный анализ. Знание этих методов и умение ими пользоваться позволит в будущем достаточно глубоко анализировать семантическую и грамматическую ткань текста. Тем более важным представляется развитие навыка исследовать семантику слова в контексте в сочетании с интуитивными приемами анализа содержания и формы.

Особенно эта проблематика актуальна для языков, обладающих громадным лексическим массивом. На примере материалов конкретного судебного разбирательства автор иллюстрирует трудности лингвистического анализа и вынесения судебного решения на основе языковых свидетельств.

Поэтому перед лингвистикой как наукой и методологией языковой подготовки будущих лингвистов-экспертов, призванных оказать содействие в достижении судебной справедливости, поставлена задача предложить выработанные и применимые научные критерии семантического анализа текста.

Машкина О.А., Юй Цзе

Формирование лингвострановедческих компетенций студентов-китаистов посредством кросскультурного диалога

В современном мире, для которого характерно тесное взаимодействие носителей разных языков и культур, обучение общению на иностранном языке в контексте диалога культур приобретает особую актуальность. Формирование лингвострановедческой компетенции выступает в качестве базы, обеспечивающей готовность личности к приобщению к иноязычной культуре. Этот процесс, на наш взгляд, проходит более эффективно на основе материалов страноведческого содержания, знакомящих одновременно с историей, культурой, современной жизнью родной страны и страны изучаемого языка. В этом случае наряду с развитием языковой компетенции также решается ряд других педагогических задач: повышение учебной мотивации, углубление эрудиции учащихся, воспитание толерантности и уважение к другим нациям.

В рамках этой проблематики идет поиск путей интеграции социокультурного компонента в учебные пособия по китайскому языку. Практика свидетельствует, что изучающие китайский язык студенты заинтересованы в получении тех знаний и навыков, которые позволят им найти интересную и хорошо оплачиваемую работу. Необходимо также учитывать и запросы рынка труда. В настоящее время быстрыми темпами растет поток китайских и тайваньских туристов из КНР, что обуславливает рост потребности в специалистах, которые могли бы сопровождать туристов в период их пребывания в стране, решая оперативно возникающие у них социально-бытовые проблемы и культурные запросы. Для того, чтобы у приезжающих из Китая туристов и бизнесменов сложилось хорошее впечатление о нашей стране, требуются профессионалы, владеющие не только китайским языком, но и способные увлекательно рассказать о прошлом и настоящем России, дать анализ отдельным событиям, представить свою точку зрения, а при необходимости сравнить культурно-исторические и социально-экономические реалии двух стран. Учитывая возрастающие потребности в квалифицированных кадрах, коллектив преподавателей кафедры китайского языка ИСАА готовит пособие в помощь начинающим гидам-переводчикам.

Основными компонентами содержания создаваемого учебного пособия являются страноведческие знания о России (историко-культурологической и искусствоведческой направленности), ситуации общения, языковые навыки, речевые умения. Учебный материал систематизирован по тематическому принципу и излагается главным образом в форме диалога носителей двух культур. Для большей наглядности семантические комментарии сопровождаются примерами-штампами (например, формами речевого этикета, фразами для типичных ситуаций, пословицами, поговорками, крылатыми выражениями) или мини-текстами. Грамматические комментарии сведены к минимуму, поскольку учебный материал адресован студентам 3–4 курса, овладевшими базовым лексико-грамматическим уровнем. Учебник имеет следующую структуру: основной диалог; словарь; наиболее часто встречаемые в аналогичных ситуациях предложения (типовые фразы); объяснение применения некоторых лексико-грамматических единиц; упражнения на закрепление пройденного материала; справочные материалы, связанные с основной темой урока, а также материалы о национальной специфике Китая.

Целью упражнений монологического характера является закрепление умений обучающихся высказываться в связи с изученной тематикой, проблематикой прочитанного текста, излагать ключевые факты. Одновременно обучающиеся учатся работать с дополнительными источниками, которые позволяют им расширить и обогатить содержание собственного высказывания. Коммуникативные навыки закрепляются в игровых ситуациях и интерактивных занятиях. Благодаря своей русско-китайской диалогической форме пособие может быть также использовано для развития навыков разговорной русской речи у китайских студентов, обучающихся как в России, так и за рубежом.

Основная литература

1. Abū l-Faraj ‘Alī ibn al-Ḥusayn al-Isbahānī, *Kitāb al-Aghānī*, 24 vols., Cairo 1927-74.
2. al-Ḥasan ibn Aḥmad ibn ‘Alī al-Kātib, *Kamāl adab al-ghina’*, ed. Ch. A. Khashaba, Cairo 1975.
3. Aḥmad ibn Aḥmad al-Maqqarī, *Nafḥ al-ṭib min ghusn al-Andalus al-raṭīb*, 2 vols., Leiden 1855-61.

Мяо Чунь

Практика ведения и активизация лексики у студентов среднего уровня

Преподавание разговорного китайского языка студентам среднего уровня должно осуществляться с учетом особенностей языковой среды. Основная цель обучения устному китайскому языку на этом уровне заключается не только в увеличении словарного запаса, но и в понимание нюансов в употреблении слов различных речевых ситуациях. Эффективным является использование методов лингвистической прагматики.

В устной речи важно не только понимание словарного значения слова, большую роль играет и понимание конкретной языковой обстановки. Поэтому при преподавании устной речи важное значение приобретает создание определенной языковой обстановки или среды. Так на занятиях по устной речи целесообразно смоделировать диалоги, в которых были бы понятны различия употребления данных слов.

Например, в ходе учебного процесса во многих материалах используется распространенное местоимение 人家. Оно может иметь несколько значений: местоимение 别人 «другие»; личное местоимение третьего лица (他 «он», 她 «она», 他们 «они»). Кроме того, 人家 может употребляться как личное местоимение первого лица (我 «я»). После 人家 может стоять имена собственные, повторно указывая на него.

Рассмотрим несколько диалогов, в которых реализуются разные варианты употребление этого местоимения.

Диалог «Свидание восемь месяцев спустя» 八个月以后的约会
女: 你怎么才来? 人家都等得急死了。

男: 对不起, 对不起。现在到处堵车, 着急也没用。哎!

女: 知道堵车, 还不早点儿出来。让人家等了这么长时间。

В этом диалоге 人家 указывает на говорящего, в данном случае, на молодую девушку. Это эквивалентно «я», только в мягкой формулировке. Такой способ нередко используется молодыми девушками в Китае. Помимо создания атмосферы близкого родства, здесь присутствует оттенок упрека и порицания, а также выражение каприза или кокетства.

Диалог «Обучение за границей» 出国留学

妻子: 隔壁老李的孩子要去英国留学了。

丈夫: 是吗? 你是怎么知道的?

妻子: 人家(A)都这样说。

丈夫: 但是, 我知道, 你们公司王经理的千金已经去澳大利亚上学了。

妻子: 对, 人家王经理(B)一年前就开始给女儿办留学手续了。

丈夫: 我也想让咱们小美出国留学。

孩子小美: 人家(C)还有一年的时间呢, 着什么急。你们就别替人家(C)操心了。

Здесь «人家» имеет несколько вариантов словоупотребления:

(а) Указывает на третье лицо и здесь значение «другие люди» (别人).

(б) «人家» указывает на имя собственное, которое стоит перед ним.

(с) «人家» означает первое лицо, «я» в мягкой форме, в данном контексте, в ситуации, когда ребенок заискивает к родителям.

Такого рода диалоги способствуют активизации лексики, помогают правильному пониманию, применению и закреплению лексики студентами в реальной коммуникативной ситуации.

Основная литература

1. Демина Н.А. Методика преподавания практического китайского языка китайский язык и китайская письменность. М., 2006.
2. Хэ Цзыжань. Введение в лингвистической прагматике (何自然. 语用学概论.). Чанша, 2006.

Нечаева Л.Т.

Основные направления развития методики обучения японскому языку в настоящее время

До 90-х годов прошлого столетия преподаватели японского языка уделяли внимание созданию учебников и учебных пособий, а работ, посвященных раскрытию каких-либо специальных вопросов методики, не было. Главным методическим материалом для всех преподавателей японского языка служил учебник под редакцией И.В. Головнина, который, как и любой другой учеб-

ник по языку, являлся отражением определенной методической школы.

С 1994 г. В ИСАА начали проводиться конференции по вопросам преподавания японского языка в Москве. Сначала обсуждали состояние дел в преподавании японского языка в отдельной стране, городе, вузе, затем с увеличением вузов, где преподают японский язык, постепенно перешли к выступлениям по лингвистическим и методическим вопросам, но в последнее время все больше внимания уделяется именно методике преподавания японского языка. Организаторы этих конференций – Ассоциация преподавателей японского языка, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Японский Фонд МИД Японии.

За это время на конференциях были сделаны доклады на самые разнообразные темы – от общих проблем: программы и учебники, использование ПО и ИТ в процессе обучения японскому языку до конкретных приёмов обучения различным аспектам языка. В своих выступлениях преподаватели затрагивали также вопросы воспитания и психологические проблемы обучения японскому языку.

Большое значение имеет и выпуск сборников по материалам конференций, который начался в 2008 г. На сегодняшний день выпущено 18 сборников.

С 2000 г. защищено 11 диссертаций по методике обучения японскому языку. Можно сказать, что наши преподаватели создали новое направление в методике преподавания иностранных языков – методику преподавания восточных, точнее, японского языка.

Если рассмотреть темы, которые поднимались на конференциях 2016–2018 гг., то можно выделить следующие направления методических интересов преподавателей.

Большое внимание уделяется преподаванию различных аспектов японского языка, например: «Аспект домашнего чтения и его роль в учебном процессе» (Быкова С.А.), «О преподавании разговорного аспекта» (Корчагина Т.И.).

Японский язык – иероглифический, поэтому преподаватели рассказывают о новых методиках в обучении иероглифике, например: «Методика обучения иероглифической письменности: преодоление графической трудности» (Сергеева А.И.), «Изуче-

ние иероглифических ключей при обучении японской письменности» (Бессонова Е.Ю.), «Практические аспекты преподавания иероглифики в контексте формирования профессиональных компетенций» (Кудряшова А.В.), «Методика языковой подготовки студентов в рамках учебной дисциплины “Иероглифика”» (Шаламова О.О.).

Одним из трудных аспектов в преподавании японского языка является аудирование, о способах улучшения обучения этому аспекту рассказывалось в выступлениях преподавателей: «Некоторые приёмы развития навыков аудирования на средних семестрах» (Кириллова О.Б.), «Роль активного слушания в процессе обучения японскому языку в вузе» (Москвина О.В.), «Организация занятий по аудированию на начальном этапе обучения» (Власова Н.В.).

Касались преподаватели и обучению грамматике, лексике: «Глагольные формы на *тэ иру* на начальном этапе обучения» (Бессонова Е.Ю.), «Начальный этап обучения – «падежные показатели» (Корчагина Т.И.), «Из практики обучения студентов правильному употреблению *ва* и *га*» (Лихачёва Т.Н.), «Изучение ономапоэтической лексики на основе системы синонимических и антонимических отношений» (Румак Н.Г.), «Личные местоимения японского языка на начальном этапе обучения» (Власова Н.В.).

Современное обучение иностранному языку связано с использованием электронной среды. И об этом тоже говорят преподаватели. «О способах оптимизации учебно-методической деятельности преподавателя на основе использования электронных баз данных» (Кузнецова С.М.), «К вопросу об электронной информационно-образовательной среде при обучении японскому языку» (Савинская А.В.), «Комплексное использование Интернет-ресурсов в рамках проведения тематических занятий по японскому языку» (Бессонова Е.Ю.), «Новые направления использования Интернет-ресурсов в преподавании японского языка» (Раздорская Н.В.), «Интерактивные приемы обучения иероглифам японского языка» (Савинская А.В.).

Кроме конкретных направлений, разбирались общие вопросы преподавания, например:

«Что такое хороший урок японского языка?» (Нечаева Л.Т.), «О повышении профессионального уровня преподавателей японского языка» (Нечаева Л.Т.).

Статьи по выступлениям на конференции можно прочитать в сборниках «Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания».

Основная литература

1. Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 16, М., 2017
2. Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 17, М., 2018
3. Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 18, М., 2019

Оганова Е.А.

Мультимедийные технологии в практике преподавания турецкого языка: опыт последних двух лет

В докладе резюмируется опыт и результаты использования новых технологий в преподавании турецкого языка, внедренных за последние два года ведения занятий в Институте стран Азии и Африки, а именно включение в образовательный процесс видеолекций по грамматике турецкого языка, размещенных на канале Youtube, и расширение лингвострановедческих компетенций студентов при помощи мультимедийных средств в условиях нехватки аудиторного времени.

1. На примере одной из видеолекций (Перифрастические формы глагола в турецком языке) поэтапно рассматривается технология создания данного образовательного формата, предлагаются способы введения и закрепления грамматического материала на основе синтеза аудиторных и самостоятельных занятий с привлечением Интернета.

2. На примере лингвострановедческого комментария к Учебно-методическому комплексу «Турецкий язык: Работа с художественными текстами» (авторы Оганова Е.А., Коломойцева А.Ю.М., МБА, 2016), размещенного на электронном ресурсе (www.elenaoganova.ru) доказываем эффективность использования мультимедиа в повышении лингвострановедческой подготовки студентов языковых вузов.

Панина Е.В.

Преподавание восточного языка (хинди) в контексте развития информационных технологий

Потребности современности – включая и молодежь XXI века – формируют необходимость преобразования традиционных методов преподавания языков и адаптации их к изменившимся запросам, а также знаниям, умениям и навыкам студентов, впервые начинающих изучать в ВУЗе восточные языки.

Эти потребности обусловлены: 1) проблемами, которые возникают в процессе преподавания (необходимость наличия учебников, удовлетворяющих современным требованиям; специфика восприятия мира и, в некоторых случаях, тенденция к облегчению академической нагрузки в работе и др.); 2) запросами со стороны студентов на использование информационно-коммуникативных технологий и электронных ресурсов в реальном времени; 3) необходимостью развития определенных профессиональных навыков, отвечающих потребностям, с одной стороны, академичности в образовании, с другой – конкурентоспособности выпускаемых специалистов и требованиям рынка.

Важность умения самостоятельно работать, в том числе со словарями (не только электронными, но и бумажными), развитие способности собирать и анализировать информацию на языке, необходимость введения культурологической и страноведческой информации начального уровня на самых ранних этапах обучения – лишь некоторые из задач, актуальность которых подтверждает практика преподавания.

Поспелова М.К., Самохвалова М.А.

Проблемы преподавания базового грамматического курса китайского языка

Согласно морфологической классификации, современный китайский язык *путунхуа* является языком преимущественно изолирующим, в нем различные отношения внутри того или иного пред-

ложения передаются не с помощью привычных носителям большинства европейских языков форм (падежа, числа, рода и т.д.), а с помощью порядка слов, немногочисленные аффиксы играют здесь скорее контекстуальную роль. [2]

В специальной литературе говорится о том, что согласно классификации по субъект-объектному следованию, китайский язык отвечает привычной структуре S-V-O, однако, авторы не делают оговорки о том, что в определенных контекстуальных условиях (главным образом, исходя из требований тема-рематических отношений) можно столкнуться как с конструкцией S-O-V, свойственной, например, японскому языку, так и с конструкцией O-S-V, где происходит инверсия объекта-дополнения в самое начало фразы.

Немаловажным аспектом для верной подачи грамматического материала с одной стороны и его правильного усвоения с другой, являются и типы словообразования. Уже на базовом уровне учащийся должен иметь представление о специфике морфологического строения лексической единицы, чтобы верно использовать ее в рамках той или иной грамматической конструкции.

Перечисленные особенности китайского языка зачастую затрудняют как объяснение грамматического материала учащимся, так и восприятие ими этого материала, приводя к типичным ошибкам при выполнении переводов в рамках освоения начального курса китайского языка. Например, одну из основных проблем для понимания учащихся представляет контекстуальность многих грамматических явлений (например, аффиксов типа 了, 过), употребление которых зачастую является факультативным, а в рамках живой разговорной речи периодически совершенно не отвечает изложенным в учебных пособиях правилам. Вызывает трудности и лингвистическая относительность (см. гипотезу Сэпира-Уорфа). Сюда можно отнести необязательность грамматического выражения времени, широкое употребление счетных слов, глагольные модификаторы, отчасти результативные морфемы. Каждая из этих тем требует пристального внимания преподавателя и подробного разбора на занятиях.

Также трудность для учащихся представляют и упомянутые случаи отхода от привычной схемы субъект-объектных отношений S-V-O. В частности, случаи инверсии дополнения в начало фразы. В таких ситуациях учащийся зачастую не может справиться с вос-

приятием той или иной фразы не только на слух, но и при работе с текстом. Примером является фраза, которая традиционно вызывает трудности при устном переводе:

参观访问的问题我们谈了 (...). Об экскурсиях мы уже поговорили (...).

Студенты, на занятиях в основном имея дело с фразами привычного строя, оказываются зачастую не в силах распознать дополнение в непривычном для него месте – начале фразы, где должно быть подлежащее. Отсутствие какой-либо маркировки при таком дополнении также сбивает многих с толку, и сочетание «参观访问» («экскурсии») воспринимается ими как субъект действия, что и приводит к неверному переводу. Возможным решением проблемы можно считать большее вовлечение языкового материала, отвечающего современному состоянию языка, в котором подобный инверсивный порядок отнюдь не является чем-то из ряда вон выходящим.

По нашему мнению, трудность правильного использования грамматических конструкций из-за особенностей строения входящих в них лексических единиц требует постоянного контроля преподавателя над тем, как учащиеся воспринимают новую лексику. Так, например, правильное освоение темы «дополнение оценки и результата» и верное использование этой конструкции зависит от того, воспринимает ли студент лексические единицы типа 睡觉 (спать), 洗澡 (мыться) и т.п. как образования «глагол+объект» (иными словами, глагол с пустым дополнением), требующие в условиях конструкции дополнения оценки и результата рефрен глагольной части (в случае прямого порядка слов) [1, том 1, с. 482–485].

Еще одной вызывающей затруднение темой является управление китайских глаголов. Проблема, во-первых, в том, что многие глаголы в китайском языке не совпадают по управлению с русским языком (напр. 给谁照相), а во-вторых, в том, что в учебниках обычно не дается управление глаголов, поэтому преподаватель должен обращать внимание студентов на то, с помощью каких предлогов формируются грамматически верные предложения. Решением проблемы является проработка большого количества примеров из живого языка, а также грамматические упражнения на правильную постановку предлога.

Основная литература

1. Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г. Практический курс китайского языка. В 2 томах. М. 2010
2. Курдюмов В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. М. 2006

Румак Н.Г.

Обучение некоторым сложностям употребления японских числительных в различных синтаксических позициях на начальном этапе изучения языка

И. В. Головнин в «Грамматике современного японского языка» [2, с. 105–106] рассматривает такие синтаксические функции японских числительных, как присубстантивное определение, приакцидентное определение, подлежащее, дополнение, сказуемое (последние, очевидно – случаи конверсии). На начальном этапе обучения студенты обычно изучают первые два случая, которые рассматриваются также в [1, с. 91–101]: а) *сан-нин но гакусэй га хон о катта*, б) *гакусэй га саннин хон о катта*, а также примеры так называемых морфологических единств: в) *саннин гакусэй га хон о катта*, г) *гакусэй саннин га хон о катта* «Три студента купили книги» (чаще в форме г)).

Концепция числительного как определения, оформленного падежным показателем *но*, студентами воспринимается сравнительно легко, однако необходимо обращать их внимание на сходные конструкции с другими словами (наречиями), обозначающими количество: *такусан*, *сукоси*, *сукунай*, *оой* (последние два в лексикализованной форме *сукунаку-но* и *ооку-но*) и др.: *саннин-но гакусэй-га хон-о катта* «Три студента купили книги»; *такусан-но гакусэй-га хон-о катта* «Многие студенты купили книги».

При употреблении этой конструкции также необходимо указывать на появляющийся нюанс: данная конструкция, как правило, подразумевает «из имеющихся» (имеется некоторое количество студентов, трое (многие) из которых купили книги) («подчёркивает индивидуальность вводимых объектов» – [3, р. 78]). Это важное замечание, т.к. оно позволяет не допустить ошибок в употреблении.

Конструкция б) вызывает гораздо больше сложностей. Во-первых, необходимо обращать студентов на то, что эта конструкция возможна только «при именных группах, маркированных первичными падежными послелогом, а именно номинативом и аккумулятивом» [1, с. 93]: *гакусэй-га гонин кита* «Пришло пять студентов» (показатель именительного падежа *га*), но * *э-о гакусэй-ни гонин мисэта* «Показал пяти студентам» (показатель дательного падежа *ни*). Так же ведут себя уже указанные выше наречия с количественным значением: *кэ:ки о ицуцу табэта* «съел пять пирожных»; *кэ:ки о такусан табэта* «съел много пирожных».

Во-вторых, студенты нередко забывают об обстоятельственном характере числительных и слов с количественным значением в этой конструкции и пытаются оформить числительное каким-нибудь падежным показателем. Особенно часто это проявляется в тех случаях, когда существительное именной группы отсутствует: *аса гокиро хаситта* «Утром пробежал пять километров».

Третий же тип конструкций – морфологическое единство или сложное слово – только упоминается, но не описывается подробно в упомянутых работах, однако его стоит изучать даже на начальном этапе, например, для употребления в конструкциях перечисления: *мисэ дэ эмпицу-гохон (то) но:то-нимай (то) кэсигому-санко о катта* «в магазине купил пять карандашей, две тетради и три ластика», где числительное вместе с существительным, к которому оно относится, входит в состав сцепления. Конструкции перечисления можно также образовывать с использованием обстоятельственных конструкций: *мисэ дэ эмпицу о гохон (то) но:то о нимай (то) кэсигому о санко катта* «в магазине купил пять карандашей, две тетради и три ластика».

Сложность в употреблении подобных конструкций с перечислением состоит в правильном оформлении падежными показателями: недопустимо смешивать употребление составных конструкций (сцеплений) с конструкциями, в которых числительные играют роль обстоятельств (синтаксически сближаясь с наречиями).

В учебнике Л. Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих» (т. 1, 2) описываются все три конструкции с достаточным количеством примеров и упражнений для закрепления, однако на некоторые упомянутые нюансы употребления конструкций преподавателям стоит обращать внимание учащихся отдельно.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Теоретическая грамматика японского языка в 2 т. Т. 2 / В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлесская – М.: Наталис, 2008. – 448 с.
2. Головнин И.В. Грамматика современного японского языка / И. В. Головнин. – М.: Издательство Московского университета, 1986. – 316 с.
3. Downing P. Pragmatic and Semantic Constraints on Numeral Quantifier Position in Japanese // Journal of Linguistics. – 1993. – Vol. 29, No1 (March, 1993). – P. 65–93.

Сергеева А.А., Круглова В.В.

**Опыт преподавания китайским студентам:
вызовы и перспективы интернационализации
высшего образования (на примере кафедры китайской
филологии ИСАА МГУ)**

Современные российско-китайские отношения в образовательной сфере характеризуются динамичным и устойчивым развитием. В свете растущей интернационализации рынка образовательных услуг необходимо активно использовать ряд преимуществ отечественных ВУЗов для обучения студентов из Китая. К ним относятся сравнительная территориальная близость, высокий уровень качества образования, невысокая стоимость (по сравнению с западными странами) образовательных услуг и проживания в России, несложные вступительные экзамены, возможность трудоустройства в связи с интенсификацией торгово-экономических отношений двух стран, позитивный образ России, нашедший свое отражение в китайских СМИ и др.

В последние годы на учебу в МГУ им. М.В. Ломоносова было принято большое число китайских бакалавров, магистрантов и аспирантов на различные факультеты, в том числе в Институт стран Азии и Африки. Преподаватели принимающих факультетов сталкиваются с рядом практических системных вызовов и вопросов. В частности практика принятия вступительных экзаменов свидетельствует о низкой языковой подготовленности китайских студентов для поступления в российский ВУЗ, что связано не столько с трудностями в усвоении русского языка, сколько с недостаточностью по времени проведения предварительных языковых курсов (примерно около года).

Китайские аспиранты и стажеры обучались в ИСАА и ранее, но массированный характер этот процесс приобрел в последние 3–4 года. По данным иностранного отдела ИСАА на данный момент в институте насчитывается 67 учащихся из Китая. В связи со значительным увеличением китайских студентов, расширился диапазон образовательных целей и задач, стоящих перед принимающими студентов кафедрами. В настоящее время большая дополнительная нагрузка легла на кафедру китайской филологии ИСАА МГУ.

Обобщая существующий на кафедре опыт обучения китайских студентов, можно сказать, что основной проблемой стал вопрос адаптации и выработки новой образовательной программы, которая бы включала в себя различные аспекты обучения иностранному языку. Прежде всего, это двусторонний устный и письменный перевод на темы, связанные с историей и культурой, а также общественно-политическим и экономическим развитием России и Китая.

Практика показала, что наиболее эффективным для китайских студентов является использование двуязычных лингвострановедческих мультимедийных курсов, посвященных географии, истории, литературе, административно-территориальному делению, современной политической ситуации в России. Данный курс отличается тщательной подборкой тем, множеством фотографий и фрагментов из кинофильмов. Также особенный интерес среди китайских студентов вызвали интерактивные семинары по истории русского языка и литературы с последующим посещением Государственного литературного музея. По результатам впечатлений от посещения музея студенты с интересом писали эссе на русском языке на заданную тему. Студентами-магистрантами были подготовлены доклады на основе личных впечатлений и прослушанной ознакомительной лекции после посещения выставок В.В. Верещагина и А.И. Куинджи. Основной упор в работе с китайскими студентами делается на приобретении навыка устного перевода с китайского на русский язык, и в меньшей степени с русского на китайский язык. При обучении студентов-бакалавров особое внимание уделяется общей, бытовой лексике. На этапе обучения в магистратуре упор делается на введении общественно-политической лексики и терминологии по культуре, экономике, истории, науке.

Предусматриваются итоговые контрольные работы после прохождения каждой темы в устной и письменной формах.

Отдельно стоит отметить сложности психологической адаптации китайских студентов. Преподавателям кафедры, владеющим китайским языком, в процессе обучения приходится выполнять роль наставников и отчасти воспитателей, объясняя (как на русском, так и на китайском языках) новые нормы и особенности социального поведения, культуры и традиций принимающей страны. Психологическая закрытость, связанная, прежде всего, с пребыванием в иноязычной среде, препятствует активному взаимодействию китайских студентов с преподавателями и русскими однокурсниками. Более эффективному контакту способствует выстраивание не нейтральной среды, а более индивидуальных доверительных отношений с элементами дополнительного поощрения. Таким образом, учет национальных особенностей помогает повысить эффективность общения и обучения китайских студентов, проанализировать их реакцию на ту или иную образовательную методику, повысить их мотивацию и облегчить адаптацию к новой социальной и культурной среде.

Основная литература

1. Сайт Министерства образования КНР: <http://www.moe.edu.cn/>
2. *Машкина О.А.* Китайские студенты и магистранты в ВУЗах РФ: проблемы социальной, культурной и языковой адаптации // *Цивилизация знаний. Проблемы модернизации России. Труды 11-й международной научной конференции.* Москва. 2010.
3. Россия-мультимедийный курс (на русском и китайском языках). Под ред. Ли Иннань. Издательство «Обучение иностранным языкам». Пекин. 2018.

Софронова Л.В.

Проект как форма рубежного контроля по иностранному языку в бакалавриате и магистратуре

В методике преподавания иностранных языков в последнее время все чаще поднимается тема проектной деятельности как формы текущего контроля в бакалавриате и магистратуре. Опубликован ряд статей, рассматривающих классификацию проектов, цели и задачи проектной деятельности, поэтапное планирование и ор-

ганизацию командной работы [1; 2; 3]. Что касается конкретных рекомендаций по подбору тем проектов, в частности в гуманитарной области, и описания опыта их реализации, такие статьи весьма малочисленны.

В нашем докладе излагается алгоритм осуществления проекта под условным названием «Прием на работу» в группе факультета мировой экономики Дипломатической академии МИД России, изучающей турецкий язык в качестве основного. По имеющейся классификации он относится к групповым практико-ориентированным проектам. Тема была выбрана, исходя из уровня владения турецким языком, которым обладали студенты группы второго курса в четвертом семестре, находившиеся на переходном этапе от изучения языка для общих целей к изучению языка профессиональной деятельности. С одной стороны, данный проект не подразумевал владение большим экономическим вокабуляром и мог быть реализован на базе разговорного языка с введением некоторого объема лексем из коммерческого словаря, к тому же не содержал материалы большого объема со сложными грамматико-синтаксическими конструкциями. С другой стороны, он был ориентирован на овладение умением вести беседу на иностранном языке в конкретной практической ситуации и формирование общих навыков, необходимых каждому специалисту, выходящему на свободный рынок труда. В ходе реализации проекта студенты получили навыки практической деятельности, осуществляемой на иностранном языке в рамках поставленной задачи, а именно: составления резюме, подбора вакансий, соответствующих условно обозначенному уровню образования и опыта, познакомились с методикой проведения собеседования и усвоили определенные уроки поведения во время него.

Настоящий проект включает в себя и элементы презентации, и элементы деловой игры. Изначально преподаватель ставит отдельные задачи перед двумя командами участников: соискателей должности (С) и менеджеров по персоналу (М). Первая группа С должна составить резюме молодого специалиста, выпускника их ВУЗа, найдя актуальный шаблон резюме в интернете. Другой группе М необходимо отобрать подходящие объявления о вакансиях, соответствующих их будущей специальности, на этой основе определить сферу деятельности компании, кото-

рую они будут представлять, подобрать по названию искомую должность и составить объявление о вакансии. Во время аудиторного занятия обсуждается выполненное, вносятся коррективы в направление самостоятельной работы, формируется терминологический словарь данного проекта. Наряду с этим изучаются материалы кадровых агентств Турции, в которых содержатся рекомендации соискателям и перечень типичных вопросов на собеседовании.

На втором этапе продолжается изучение рекомендаций и ставятся следующие задачи: для группы С – подготовка ответов на типичные вопросы менеджера по персоналу, а перед группой М – задача формирования своего перечня вопросов, исходя из интересов компании, которую представляет менеджер. Помимо вопросов к соискателю группа М должна составить краткий профиль компании, чтобы ответить на встречные вопросы соискателя о ее деятельности и конкретных должностных обязанностях в рамках данной вакансии. Трудоемкость проекта в аудиторных часах составляет в среднем 12 часов и подразумевает такой же объем самостоятельной работы.

Целесообразно организовать публичную защиту проекта с приглашением студентов из других групп, изучающих тот же язык. Для подготовки целевой аудитории к активному участию в проекте раздается составленный в ходе работы над проектом терминологический словарь. Аудитория побуждается к постановке вопросов участникам собеседования.

Основная литература

1. Евдокимова М.Г. Предметный и социокультурный контексты профессии как источник развития иноязычного образования в неязыковом ВУЗе // Вестник МГЛУ. Серия: Образование и педагогические науки. – 2017. – Выпуск 4 (775). – С. 20–32.
2. Костоварова В.В. Метод проектов как инновационная технология преподавания профессионального иностранного языка в неязыковом ВУЗе // Сервис в России и за рубежом. – 2014. – № 7(54). – С. 211–218.
3. Чарская Т.К. Метод проектов и использование его принципов в преподавании иностранных языков // Научно-технический вестник СПбГУ информационных технологий, механики и оптики. – 2006. – №24. – С. 257–260.

Суетина Ю.Г.

О методике работы переводов реалий хауса на начальном этапе обучения языку

Начиная изучать хауса, да и любой восточный язык, учащиеся сталкиваются с большим количеством чуждых им реалий, без правильного восприятия которых невозможно владение языком. В первую очередь это касается традиционных формул вежливости, без произнесения которых невозможно начать беседу. Имеющиеся словари языка хауса мало чем могут помочь, так как даже те слова, употребляемые в приветствии, которые учащиеся могут найти в словарях, не передают все тонкости их значения, особенно применительно к приветствиям. Так, традиционный вопрос *Ina lafiya?*, задаваемый при встрече, звучит на русском языке так: ‘Где усталость?’, а ответ на него: ‘Нет усталости’. Преподаватель обязан объяснить, что речь вовсе не идет о физическом состоянии спрашиваемого, а о его делах. Так же и вопрос *Ina lafiya?* ‘Где здоровье?’ имеет в виду общее положение дел спрашиваемого, а не его физическое состояние. Следует помнить, что на каждый вопрос традиционного приветствия должен быть дан конкретный ответ, причем замена одного ответа другим невозможна.

Таким образом, в течение длительного периода занятия по языку хауса начинаются с проговаривания всех формул традиционных приветствий. В первое время приветствия произносятся преподавателем, студенты должны дать правильный ответ. Приблизительно через две-три недели учащиеся уже достаточно хорошо ориентируются как в вопросах, так и в ответах, поэтому работа продолжается в парах. Одновременно вводятся новые типы приветственных фраз, которые уже зависят от времени, когда происходит беседа, от того занятия, во время которого состоялась встреча двух людей и т.д. Одновременно студенты должны запомнить, что не все приветствия могут быть употреблены при обращении женщины к мужчине или мужчины к женщине. Как показывает опыт работы на начальном этапе, проходит не менее трех месяцев, прежде чем студенты начинают свободно употреблять эти приветствия. Выпускники нашей кафедры, работавшие в Нигерии, рассказывали, что именно употреблений традиционных приветствий хауса, а не прекрасное знание английского язы-

ка помогало им установить контакты с нигерийскими должностными лицами.

Другая проблема, с которой приходится сталкиваться на начальном этапе обучения, связана с психологией носителей языка. Так, для европейца вполне естественно, показав на здание, сказать: «Это мой дом» или студентам написать сочинение на тему «Мой город». Хауса никогда не употребляют в подобной ситуации притяжательное местоимение «мой». И в доме, и в городе живет множество людей, поэтому для хауса естественно сказать «наш дом», «наш город». Таких примеров можно привести множество и на первый взгляд кажется, что выработка у студентов навыка правильного говорения не так уж сложна. Но, как показала практика, приходится разрабатывать дополнительные упражнения, чтобы закрепить привычку говорить ‘наш дом’, ‘их дом’, ‘ваш дом’ и т.д.

Возьмем, к примеру, личное самостоятельное местоимение мн.ч. *su* ‘они’. Это местоимение может употребляться либо в качестве субъекта в именных предложениях, либо в качестве дополнения после некоторых предлогов. Но есть еще один случай использования этого местоимения, а именно постановка его перед именем человека, например, *su Musa*. В таком случае оно будет обозначать либо семью Мусы, либо друзей, либо коллег и т.д. Как раз в марте студенты I курса читали отрывок из одного романа на хауса, где на одной странице это местоимение, поставленное перед именем людей, должно было переводиться пятью разными способами. А *cikin makarantar su Farida...* ‘В колледже, где учились *su Farida...*’, «*Mota ta tsaya a kofar gidan su Farida*» ‘Машина остановилась у дверей дома *su Farida*’, «*Su Ammar suka fito daga cikin mota...*» ‘*Su Ammar* вышли из машины...’, *Direba ya nufi unguwar su Aisha...* ‘Водитель направился в квартал *su Aisha*’, «*Su Aisha sun fita sun gaisa Farida.*» ‘*Su Aisha* вышли поздороваться с Фаридой». В первом случае *su Farida* обозначает Фариду и ее подруг по колледжу. Во втором это младший брат Фариды Аммар и младшая сестра Джамиля, в третьем – дом, где живет семья Фариды. В четвертом случае имеется в виду квартал, в котором находится дом Айши. И в пятом – это родные Айши.

Другим сложным случаем для перевода с хауса является система родства. Все сестры матери будут для ребенка мамами, а все

братья отца – папами. Тетей может называться только сестра отца, а дядей соответственно брат матери. С этой проблемой столкнулись студенты 3 курса при переводе отрывков из романа нигерийской писательницы Хафсату Абдульвахид «Любовь – рай земной». Девушка обращается за советом к старшей сестре матери, называя ее ‘мамочкой’. А чуть дальше, из ответа старой женщины мы узнаем, что мать девушки умерла. Этот момент вызвал споры среди студентов, как правильно перевести этот диалог. Сошлись на том, что в подстрочнике надо дать пояснение.

Конечно, учитывая тот факт, что перевод предназначен для читателей нашей страны, можно было бы назвать эту женщину тетей. Но тогда теряется африканский колорит. Вероятно, может показаться, что это все мелочи, а главное – это знание фонетики, грамматики и лексики изучаемого восточного языка. Но подобно тому, как ‘аксессуары создают женщину’, по словам Кристиана Диора, так и знание подобных «мелочей» показывает истинное владение языком.

Трощинский П.В.

«Китайский язык в юриспруденции»: общая характеристика спецкурса и особенности его преподавания

Отечественное китаеведение добилось выдающихся результатов в исследовании Древнего и современного Китая. В России глубоко изучаются китайская история, экономика, политология, философия, литература, искусство. В большинстве случаев, исследователи на достаточном уровне владеют китайским языком, что позволяет им работать с материалом на языке оригинала, делать выводы и прогнозы основываясь на первоисточниках.

Несмотря на чрезвычайно высокий уровень развития российской синологической науки, особняком в ней стоят исследования права Китая. Этому есть объективные причины: до настоящего времени специалистов, владеющих на высоком уровне китайским языком и обладающих юридическим образованием было крайне мало. Возьмем, к примеру, советский период. Право Китая, в основном, изучалось либо китаистами-историками (напр.:

Н.Х. Ахметшин (1953–2008); Кычанов Е.И. (1932–2013)) либо авторитетными учеными-юристами, не владеющими китайским языком (напр.: Е.В. Куманин (1952–2017)). Лишь единицы советских ученых владели китайским языком и имели высшее юридическое образование (напр.: Л.М. Гудошников (1929–2014); К.А. Егоров (1949 г.р.); Э.З. Имамов (1949 г.р.;)).

Однако изучение Китая, особенностей его экономического, политического, исторического, культурного развития не может происходить в отрыве от исследования его права и действующего законодательства. Высококвалифицированный китаист обязан знать законы Китая, должен понимать специфику китайского права, уметь читать и анализировать содержание китайской правовой нормы, соответствующей юридической литературы, судебных решений на языке оригинала.

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости широкого внедрения специального курса «китайский язык в юриспруденции» («юридический китайский») («право Китая») в стенах образовательных учреждений, профессионально занимающихся подготовкой китаистов в Российской Федерации.

Китайский юридический язык чрезвычайно сложен. Кроме того, адекватный, правильный перевод китайских юридических терминов невозможен без понимания особенностей российской юридической терминологии. В этом плане преподаватель, в идеале, должен хорошо знать общую теорию государства и права, чему учат лишь в юридических институтах. Вместе с этим, как преподавателю, так и студенту, важно знать общую историю Китая, а также понимать особенности эволюции китайской правовой системы в контексте общего исторического развития страны.

Таким образом, наилучшим путем внедрения данного курса в отечественную образовательную среду является совмещение изучения китайской юридической терминологии с преподаванием основ китайского права. Это возможно лишь тогда, когда на занятиях со студентами, на достаточном уровне владеющих китайским языком, преподаватель читает и изучает тексты китайских законов на языке оригинала. Кроме этого, в учебный процесс обязательно должны включаться тексты толкований Верховного народного суда КНР, решений и определений низовых судов по уголовным, гражданским, административным делам, монографий и статей

по китайскому праву известных китайских специалистов разного периода. Важным вспомогательным материалом также служат видеофильмы юридического содержания (художественные, документальные, онлайн судебные процессы).

Несмотря на известные сложности в преподавании данного спецкурса, его нужно активно внедрять уже сейчас в рамках системы МГУ для повышения качества китаеведческого образования, повышения конкурентоспособности российских специалистов на международном рынке труда.

Список литературы

1. Трощинский П.В. Право Китая в зеркале российской науки // Государство и право. 2018. №1. С. 82–95. ISSN 0132-0769
2. Трощинский П.В. Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР). М.: Издательский дом ВКН, 2018. ISBN 978-5-907086-12-8

Шихзаманова Л.Э.

К вопросу об интеграции разговорной лексики в общий курс английского языка

Необходимость изучения современного английского языка, включая его неформальную сторону и сленг, обусловлена особенностями современной жизни. Английский язык активно используется в интернете, социальных сетях, и, являясь языком международного общения, связывает миллиарды людей. Изучая язык в аудитории исключительно с позиции академического подхода, студенты остаются частично оторванными от реальности, когда вступают в живое общение с носителями. У англичан по этому поводу даже есть выражение ‘to speak/sound like a coursebook’, которое в полной мере отражает проблему: студенты зачастую изучают исключительно формальную сторону языка и далее используют данную лексику и грамматику также и в разговорной речи. Но ни для кого не секрет, что существует огромная разница между разговорной и письменной речью, формальным и неформальным стилем. И когда дело доходит до просмотра сериалов, переписки с друзьями в мессенджерах и соцсетях и просмотра ленты ново-

стей в фейсбуке, даже студенты-отличники часто бывают озадачены: «как это сказать» и «что это значит». Таким образом, возникает вопрос: стоит ли преподавать живой, неформальный язык в аудитории и как его инкорпорировать в аудиторные занятия в университете.

Необходимость преподавания сленга и неформального стиля подтверждается повышенным интересом студентов (опрос студентов 1–2 курсов университета), однако, имея главной целью академический язык, формальный и нейтральный стили, мы не можем уделять данной стороне языка много времени. Тем не менее, возможны некоторые способы введения практики разговорного языка в общий курс английского языка:

1. Ряд фраз, которые англичане используют, чтобы вступить в беседу, может быть использован вместо поднятой руки, когда студент хочет ответить.

2. Фразы, позволяющие выразить своё мнение в определённой ситуации (например, ‘I’m not being funny but...’ – выражение, предваряющее критическое замечание или спорное мнение) также могут быть представлены студентам в подходящем контексте.

3. Как согласиться и не согласиться с собеседником. Учитывая особенность британского менталитета, нужно объяснить студентам, что у англичан не принято открыто выражать своё несогласие, и вместо ‘I disagree’ стоит сказать ‘It’s a bit of a controversial topic’/ ‘I see you point of view but as for me...’ Также актуальна практика фраз, выражающих согласие говорящего («Я думаю так же», «все уже сказано» и т.п.)

4. Что касается сленговых фраз, они могут быть даны во время warm up в определённом контексте, с оговоркой особенности их использования. В качестве альтернативы, в виде 5 слов и выражений в начале или в конце урока, с последующим практическим заданием.

Задачи, стоящие перед преподавателем:

– Сформировать у студентов вкус в выборе источников языка.

– Рассказать о разнице британского и американского английского, показать примеры наиболее интересных и полезных для развития навыка владения языком шоу и сериалов, примеры блоггеров youtube, рассказывающих об особенностях современного языка. (Также можно рассмотреть полезные мобильные приложения).

– Мотивировать обмен идеями и источниками внутри группы (пятиминутное отступление в начале или конце занятия, когда студенты делятся друг с другом тем, что они видели, что понравилось и было полезным).

Данный подход позволяет также повысить интерес обучающихся к самостоятельному освоению языка и его использованию вне аудиторных занятий, что необходимо для лучшего усвоения материала. Так студенты получают дополнительную практику аудирования, чтения, а в некоторых случаях письма и говорения.

Шихзаманова Т.Н.

К вопросу о гипнопедии

Гипнопедия – методика обучения во время естественного сна (от греч. *hypnos*-сон и *paideia*-обучение) – пришла к нам из Древней Индии, где её практиковали йоги и буддийские монахи, но лишь в XX веке были сделаны попытки применения этой методики в рамках классической научной школы.

Наибольшую известность своими исследованиями в этой области в начале столетия получил Алоиз Бенджамин Салигер, который в 1927 году изобрёл психо-телефон для изучения сна, полагая, что естественный сон идентичен гипнотическому и в бессознательном состоянии человек восприимчив к внушениям.

В 1956 году американские учёные Уильям Эммонс и Чарльз Саймон, используя электроэнцефалографию, подтвердили факт запоминания, но не в фазе глубокого сна, а в полудрёме и пришли к выводу, что обучение во сне «непрактично и, вероятно, невозможно».

В СССР изысканиями в этой области занимался известный специалист в области психиатрии профессор А.М. Свядощ, защитивший в 1940 году диссертацию на тему «Восприятие речи во время естественного сна».

Проблемами гипнопедии занимался также учёный-филолог, заведующий лабораторией экспериментальной фонетики Института языкознания АН УССР Л.А. Близначенко. Его исследования основывались на том факте, что человек реагирует на звуки даже в стадии глубокого сна. В своей монографии «Ввод и за-

крепление информации в памяти человека во время естественного сна» Л.А. Близниченко рассматривает состояние и перспективы развития гипнопедии за рубежом и в отечественной науке. Опираясь на его исследования, в 70-е гг. учёные создали экспериментальный класс в Киевском высшем инженерном радиотехническом училище. Результаты показали существенное улучшение в области фонетики и способности усваивать слова и выражения.

Большой вклад в популяризацию гипнопедии внесли литература и кинематография. Достаточно назвать романы Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» и Роберта Хайнлайна «Звёздный десант», повесть братьев Стругацких «Гадкие лебеди» и советский сериал «Большая перемена».

В настоящее время исследования в этой области продолжают. В 2012 г. учёные из израильского Института Вейцмана доказали, что люди во время сна могут закрепить уже полученную информацию, правда, лишь некоторых типов. В августе 2017 г. в журнале 'Natur' была опубликована статья французских психологов, которые подтвердили, что человек способен запоминать звуки, услышанные в спящем состоянии. Испытуемые смогли впоследствии идентифицировать эти звуки, хотя и не осознавали, что слышали их ранее.

Следует отметить, что учёные едины во мнении, что ни о каком чистом обучении во сне речи быть не может. Не стоит серьёзно относиться к рекламе аудиозаписей и электронных приложений, которые обещают, что можно выучить иностранный язык во сне. Гипнопедия – не метод изучения иностранных языков сам по себе, но её можно использовать как вспомогательный метод при осознанном активном комплексном изучении иностранного языка во время бодрствования.

В каком виде можно использовать этот метод? В качестве аудирования перед и во время сна. Так как успешность этой методики зависит от слишком большого количества факторов – типа информации, особенностей памяти, возраста обучаемого, наличия соответствующих условий и т.д., ни о каком массовом применении речи идти не может. Повысить эффективность можно за счёт увеличения количества и продолжительности сеансов, изменения интонации и т.д.

Чиврикова А.В.

Методика преподавания лексики турецкого языка на начальном этапе ее изучения

Изучение любого иностранного языка начинается с освоения его лексики и влечёт за собой проблемы по её запоминанию. На начальном этапе обучения русскоязычные студенты сталкиваются с целым рядом сложностей: 1. Непривычные звуковые сочетания турецких слов; 2. Огромный лексический состав турецкого языка, который содержит массу заимствований не только из европейских языков, но также из арабского и персидского; 3. Невозможность использования таких аудиовизуальных средств, как просмотр художественных фильмов, телевизионных передач, чтение газет, книг и т.д. на турецком языке; 4. Сложная грамматическая система языка и т.п.

Запоминание лексики напрямую зависит от индивидуальных особенностей студентов, поэтому на занятиях применяются различные методы, как традиционные, так и обусловленные особенностями словообразования и грамматики турецкого языка. Многолетний опыт преподавания на 1-м курсе позволяет утверждать, что именно агглютинативный строй турецкого языка, а именно образование новых слов путём присоединения к основе слова определённых аффиксов, значительно облегчает изучение новой лексики. Другой особенностью грамматического строя турецкого языка являются изафеты, то есть определительные конструкции, состоящие из двух существительных. Существует очень много случаев перевода таких конструкций на русский язык с помощью одной лексической единицы. Представляется довольно продуктивным постоянный перевод каждого члена изафета для лучшего запоминания обозначаемых ими предметов или явлений, а также использование данных существительных в других изафетах с целью расширения лексического запаса.

В данной работе описываются и другие методы использования особенностей турецкого языка, которые позволяют намного быстрее не только запомнить, но и правильно использовать в речи лексические единицы и словосочетания.

Литературоведение

Акимушкина Е.О.

Циклы стихов о Кашмире в персоязычной поэзии XVI–XVII веков (к проблеме развития жанра шахрашуб)

В персоязычной поэзии классического периода (X–XV вв.) Кашмир чаще всего упоминается в любовной лирике (многочисленные образы «кашмирских красавиц» в произведениях поэтов Газнавидской, Закавказской, Исфаханской, Ширазской и других поэтических школ), значительно реже встречается мотив Кашмира как объекта завоевания (см., например, касыды Фаррухи Систани (ум. 1037/38) и Унсури Балхи (970/980–1039/1050)); в произведениях поэтов-мистиков Фарид ад-Дина Атгара (ум. 1230) и Джалал ад-Дина Руми (1207–1273) можно обнаружить мотив Кашмира как средоточия волшебства.

В постклассической персидской поэзии (XVI–XVII вв.) на первый план выходит тема красоты Кашмира, что, безусловно, связано с развитием персоязычной литературы Индии: так, в творчестве, по меньшей мере, трех поэтов – Калима Хамадани (ок. 1593–1650), Кудси Машхади (ум. 1646 г.) и Саиба Табризи (1601–1677) можно выделить циклы стихов, описывающих Кашмир.

Наиболее представительный «кашмирский» цикл, включающий в себя 15 бессюжетных поэм-*маснави*, принадлежит Кудси Машхади, придворному поэту могольского императора Шах-Джахана (1627–1658). Творчество Кудси Машхади практически не изучено в иранистике, его Диван, снабженный предисловием М. Кахрамана, впервые был издан только в конце XX века. В основе описания Кашмира в произведениях Кудси лежит мифологема «града обетованного»: Кашмир изображается

как благословенный край, «рай на земле», причем используется прижившийся в персидской классической поэзии образ, совмещающий черты мусульманского и зороастрийскогорая (см. об этом работы М.Л. Рейснер). Описывается красота природы (гор и долин, рек и озер, лесов и садов), рассказывается о произрастающих в Кашмире породах деревьев, сортах цветов и плодов. Иными словами, Кудси составляет своеобразный «каталог» красот Кашмира, которым активно пользуются поэты XVIII–XIX вв. (см., например, произведения Каани Ширази (1808–1854)). Описание Кашмира в поэзии Кудси формируется на основе мотивов календарной, гедонической и любовной лирики, которые переносятся (прием транспозиции – *накл*) в регистр восхваления. Интересно, что сам поэт использует по отношению к стихам, восхваляющим Кашмир, термин *мадх*, обычно применяемый к панегирику, адресованному некоему лицу. Подчеркнем, что ни в одном стихотворении о Кашмире не встречается описания представителей профессий, характерных для городской и сельской местности того времени. Можно сказать, что в произведениях Кудси Машхади представлены мотивы «местного патриотизма» (термин З. Н. Ворожейкиной), которые входят в жанр *шахрашуб* и находят впоследствии отражение в персидской гражданской лирике.

В творчестве Саиба Табризи мотивы, описывающие Кашмир, кроме содержательной, выполняют также формообразующую функцию: среди его газелей можно выделить определенное количество стихотворений, последний бейт которых содержит рассматриваемые мотивы, т. е. реализуется фигура «красота концовки» (*хусн ал-макта*). Такой прием не является новацией Саиба, аналогичным образом поступает при оформлении концовки Хаджу Кермани (1281–1352/1361), благодаря чему в творчестве последнего можно выделить т. н. «керманский» цикл газелей.

В заключение отметим, что в персоязычной поэзии прослеживается тенденция к формированию стихотворных циклов: помимо вышеупомянутых случаев, достаточно вспомнить о циклах произведений в жанре *шахрашуб*, представленных, например, в творчестве Масуда Сада Салмана (1046–1121) и Махсати Ганджави (XII в.).

Ардашникова А.Н.

«Дневник путешествия в Хузестан» Реза-хана – травелог или автобиография?

«Дневник путешествия в Хузестан» был написан Реза-ханом в 1924 г., когда он, возглавляя кабинет министров при Ахмад-шахе Каджаре, в ходе масштабной военной операции подавил вооруженное выступление могущественного правителя юго-западного региона Ирана шейха Хазала.

Путевые дневники Реза-хана не привлекали к себе внимания ни отечественных, ни зарубежных иранистов-литературоведов, которые, вероятно, не рассчитывали обнаружить в этом сочинении какие-либо формальные или содержательные особенности, выделявшие бы его в ряду достаточно многочисленных произведений этого жанра. В иранистике сложилось устойчивое представление о жанрообразующих аспектах *сафар-наме* – это маршрут как тематический и структурный стержень текста, написанного от первого лица, обязательная датировка записей, отражение впечатлений путешественника о постигаемом им, чаще всего, «чужом» пространстве. Последняя – наиболее интересная и для читателя, и для исследователя – составляющая путевых дневников в арабо-иранской традиции носит название чуда или диковинки стран. Именно ее содержание отличает средневековые сочинения в этом жанре (например, «Сафар-наме» Насир-и Хосрова, XI в.) от дневников путешествий Нового времени: *сафар-наме* Мирзы Абу Хасан-хана Ширази в Россию в ходе визита иранской делегации в 1814–1818 гг. для рассмотрения условий и подписания Гюлистанского мирного договора; «Рузнама-йе сафар бе Петербург» кадjarского принца Хосрова-мирзы, прибывшего в Россию в 1829 г. в составе искупительной миссии после убийства Грибоедова, дневники путешествий кадjarского шаха Насер ад-Дина по России и Европе в 1873 и 1878 гг. и др. В фокусе внимания средневекового путешественника лежат особенности чужого мира, неизвестные потенциальному читателю его записок на родине – растения и животные, особым образом возведенные строения, святыни, посещаемые во время паломничества, путешественники же Нового времени обращают внимание на зримые доказательства технического и культурного

прогресса – заводы и фабрики, железные дороги и телеграфные линии, порты и казармы, а также школы, библиотеки и театры.

Вместе с тем обращение к тексту *сафар-наме* Реза-хана, записанному во время действительно предпринятой премьер-министром поездки к театру боевых действий, позволяет сделать вывод о том, что жанр дневника путешествия в данном случае используется лишь как средство для рассказа о себе и превращается в автобиографию. При сохранении таких жанровых признаков путевых дневников, как датировка, указание маршрута и средств передвижения, главный объект описания переносится с внешнего мира на самого автора, образ которого абсолютизирован как усмиритель непокорных, верный слуга отечества, заботящийся о том, чтобы война не уносила жизни его сограждан, которых он именует братьями и сыновьями, как военный министр, закупающий для армии новейшее вооружение – танки, самолеты, корабли, как премьер, вспоминающий былое величие могущественных древних империй и ставящий перед собой цель проведения важных модернизационных мероприятий.

Помимо примет внешней обстановки за рамками описания остаются операции, предпринятые в течение военной кампании, что объясняет отсутствие обращения к дневнику Реза-хана как к историческому источнику (за исключением большого количества приведенных телеграмм, адресованных парламенту и иностранным дипломатам). Цель *сафар-наме* Реза-хана – манифестация своего права на власть (в следующем году он и будет коронован как новый шах). Для создания образа харизматичного национального лидера используется традиционное самовосхваление (*фахр*), приемы героико-эпического происхождения (богатырь, в одиночку противостоящий врагам), мотивы *тарджома* – лестные отзывы о себе, в данном случае благодарственные речи во время многочисленных встреч на обратном пути после одержанной победы.

Основная литература

1. Сафар-наме-йе Реза-шах-е Пахлави бе Хузестан ва Мазандаран. Ketab Corp. USA, 2007 (на перс.яз.).
2. Middle Eastern Lives: The Practice of Biography and Self-Narrative (Contemporary Issues in the Middle East) / ed. By M. Kramer. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1991.

Бакланова Е.А.

Развитие женских образов в рассказах тагалоязычных писательниц XX века

В литературе Филиппин, до к. XIX в. формировавшейся под контролем испанских монахов, женские голоса зазвучали только с нач. XX в. Американский неокOLONиализм обеспечил доступ филиппинок к образованию и профессиональной деятельности, что способствовало развитию в их творчестве личностного начала, пересмотру роли женщины в социуме, а также трансформации образа главной героини.

С 1920-х гг. начинается генезис современной филиппинской прозы, развивается новеллистика. Произведения дидактичны, персонажи одноплановы и лишены психологизма. Три типа героинь, выделяемых С. Рейес в тагальской прозе первой пол. XX в. в целом, характерны и для творчества Н. Базнс дель Росарио, И. Лабог, Р. Агинальдо, Ф. Альканар и др.: 1) идеальная жена, дочь, мать, преодолевающая тяготы и награждаемая Провидением; 2) «падшая женщина с золотым сердцем»; 3) распутная красавица, получающая по заслугам. Типы (1) и (2) – положительные персонажи, олицетворяющие добродетельную филиппинку: целомудренную девушку, послушную дочь, скромную жену-домохозяйку, любящую мать. Тип (3) – антигероиня, носительница пагубных для филиппинки черт (самоуверенность, распущенность, неуважение к традициям). Особняком стоят рассказы И. Лабог, героини которых социально активны («Репортер»), а мнимое «падение» женщины оказывается актом самопожертвования («Украшение дома»). Добавим тип (4) – образ наставницы героини как хранительницы традиционных ценностей (мать, родственница).

С 1930–40-х гг. под влиянием западной словесности, а также благодаря усилиям общества «Литература», особое внимание стало уделяться художественному уровню произведений. Женские образы в это время обретают разноплановость: так, у К. Херреры мать – плохая советчица («Маскарад»), героиня И. Лабог – сильная духом осужденная («Заклоченная Итанг»), у Л. Флор образ беременной не клиширован по модели «счастливой матери», а отражает и отрицательные эмоции («Иса изменилась»). Разрушается антитеза герой/антигерой, развивается психологизм, диалектич-

ность характеров («Иссохшая земля жаждет» Л. Арсео, «Восьми лет отроду» Х. Эдрасы Матуте).

В к. 1940–50-е гг. авторы осмысливают тяжелый опыт войны и японской оккупации. Герои идеализированы – воительница; самоотверженная мать семейства; хранительница очага и духовная опора мужчины (рассказы Р. де Гусман Лингат, Х.Э. Матуте, Г. Вильярасы Гусман и др.). Объемнее и сложнее женские образы семейно-бытовой тематики, в т.ч. данные в восприятии ребенка («Рассказ Хорошей» Х.Э. Матуте).

1960–70-е – годы борьбы против диктатуры Ф. Маркоса. Одной из основных становится тема общественной роли женщины (рассказы Т. Капили, Ф. Гарсии, Л. Киндосы Сантьяго и др.). Сильные духом активистки противопоставлены слабым мужчинам («Женщина» Х.Э. Матуте). В рассказах о любви чувства героини диалектичны («Я, а не моя любовь» Л. Баутисты).

Литература 1980–90-х открыта для любых тем. В рассказах Л. Арсео, Л. Баутисты, Ф. Гарсии, Л. К. Сантьяго, Р. Крус Люсера, Х.Э. Матуте, Ф. Медины и др. представлены образы филиппинок из различных слоев – дочь помещика и бедная пенсионерка; потерявшая ребенка жена и проститутка, толкаемая на аборт; иммигрантка и сумасшедшая, погибающая от людской жестокости. Рассказы отображают восприятие женщинами вопросов семьи, женской физиологии, места в обществе, а также патриотизма, гражданских свобод, добра и зла и др.

Основная литература

1. Reyes, Soledad. Ang Maikling Kuwentong Tagalog (1926–1938) // Malay. – Т. II, б. 1, 1982. – Maynila: DLSU Press. – Pp. 1–21.
2. Ang Silid na Mahiwaga / Soledad Reyes, ed. – Manila: Anvil Pub., 2003.

Барaboшкин К.Е.

Классика китайской литературы в устах современных политиков (на примере речей Си Цзиньпина)

В III в. н.э. Цао Пи в главе «Рассуждение об изящной словесности» (*луньвэнь*) трактата «Рассуждение о классическом» (*дяньлунь*), сформулировал тезис, которого за прошедшие тыся-

челетия придерживались многие правители Китая – литература (*вэнь*) – великое дело в управлении государством. Сегодня данный тезис опять актуален – Си Цзиньпин требует от чиновников знания истории, традиции и литературной классики. Интересными с данной точки зрения представляются как письменные речи председателя, так и устные его выступления. Вторых существует великое множество, а в качестве примера первых стоит привести сборник статей «Новые речи Чжэцзяна» (*Чжицзян синьюй* – в транскрипции не опечатка, в названии обыгрывается излучина реки в форме иероглифа *чжи*), который создавался с 2003 по 2007-е года. В нём Си Цзиньпин в форме кратких эссе даёт свое видение политики Китая. Не случайно и название *Синьюй* – с одной стороны Си подчёркивает новизну данных речей, «новый стиль», которому должна следовать партия, с другой – здесь прослеживается параллель с Лу Цзя (II в. до н.э.), который так и назвал свой труд (*Синьюй*), написанный им, в свою очередь, в подражание *Луньюю* Конфуция, для недавно взошедшего на престол правителя новой династии. Си видит себя, с одной стороны, преемником внутри уже сложившейся системы, с другой стороны – человеком, который переосмысляет дошедшую до него традицию госуправления и пытается изменить её, в попытке привести общество к процветанию (вообще иероглиф *синь*-новый окружает правление председателя Си).

Большинство из тех произведений, на которые ссылается автор в вышеназванном труде, будут мелькать далее в его публичных выступлениях. Структурно же подобные тексты напоминают классическую композицию философских памятников древнего Китая – наиболее частым аргументом в речах председателя становится апелляция к традиции и авторитету в форме прямого или скрытого цитирования классики. Так, Си Цзиньпин, формулируя основную задачу партии, прибегает к хорошо знакомым цитатам из *Луньюя*: «Правление есть исправление, кто же посмеет не исправиться, когда исправитесь вы сами?!», «когда правитель правилен, за ним пойдут и без приказа; когда же он неправилен, его не послушают, хотя он и прикажет», потом говорит о необходимости сближения чиновников и народа и ищет подтверждение своим словам уже у Сыма Цяня и т.д. Каждый тезис зачастую подкрепляется цитатой из философской классики, причем не только конфуцианской (*Шуцзин*, *Ицзин*, *Луньюй*, *Мэнцзы*, *Сюньцзы*), но и даосской

(*Лаоцзы*, *Чжуанцзы*), привлекаются отрывки и из исторических сочинений (*Люйши чунью*, *Цзочжуань*, *Ши Цзи* Сыма Цяня), из поэзии (стихов Ду Фу, Су Дунпо, Оу Янсю, а также их эссеистики) и других произведений, начиная с раннежоуских трудов, заканчивая позднецинскими.

На всем протяжении истории Китая отношение к классике менялось – и если в двадцатом веке предпринимались попытки уйти от неё и даже уничтожить, то теперь её знание всячески поощряется – как ни парадоксально, теперь даже «линия масс», которая играла важную роль в политике КПК во времена Культурной революции, переосмыслена и доказательства её необходимости ищут и находят в классической литературе древности.

Основная литература

1. *Семенов И.И.* Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй». «Мэнцзы». – Москва: Издательство восточной литературы, 2016. – 375 с.

Башелеишвили Л.О.

Иосиф Прекрасный в облике монаха – страдания Микаила Савваита (грузинская версия)

Изучение средневековой литературы, в том числе и агиографии, идеологической основой которой является христианство, нуждается в комплексном подходе. Поскольку в духовной литературе происходит «полная проекция средневековой культуры» [1], агиографию нельзя рассматривать с помощью методологии, применяемой к современной литературе, ибо она не является литературой самовыражения.

Библия и библейские аллюзии, которые часто встречаются в любом агиографическом повествовании, можно понять и без ссылок. К этому дидактическому методу часто прибегают духовные писатели, когда отсылают читателя к Писанию. Отсылки к Библии и «привлечение библейских стихов со всеми их ассоциациями даст новую жизнь стихотворению: раздвинет его границы... Читатель поступит правильно, если не удовлетворится тем, что заметит указание на отдельное библейское место, но воспримет это как руководство для дальнейшего поиска языковых связей в библейском

контексте» [2]. Любовные искушения, описанные в «Мученичестве Микаила Сабаминдэли (Савваита), который был в лавре великого отца нашего святого Саввы» (IX) и подвижничал во время правления халифа Абдал-Малика (685–705), восходят к библейской истории Иосифа Прекрасного и жены египтянина Потифара (Бытие. 39) и дают воистину новую жизнь ветхозаветным стихам уже в христианском облачении. «Искушения Иосифа» в монашеской литературе приобретают новые ракурсы и дополняются несколькими топосами:

- Любовный соблазн и нарушение (ненарушение) обета девственности монахом;
- Аскетический подвиг будущего святого в момент искушения и новые грани в домостроительстве девства;
- Топос суда;
- Мотив публичного исповедания Христа и мученическая кончина монаха;
- Полемика против иноверцев.

В сочинениях такого рода неизменными величинами остаются красота и притягательность главного героя. Донос отвергнутой им домогательницы приобретает религиозную окраску, и кульминацией становится публичная полемика, устроенная мужем-правителем против христианства, вообще, и главного героя, в частности.

На грузинском языке сохранились две редакции этого душещипательного романа, рассказанного епископом Фёдором Харанским (780–790), т.н. Аббу-Куррой (Отцом Утешения) монахам Лавры св. Саввы. Эту историю записал авва этой же лавры Василий Эмесский. Научное издание грузинских редакций этого сочинения осуществил в своё время акад. К. Кекелидзе, а перевод с грузинского на латинский – известный болландист Р. Peeters. Относительно генезиса поэмы существуют две противоположные гипотезы.

В X столетии текст перевода мученичество Микаила Савваита получил Эптвимэ Атонэли (955–1028), предводитель грузинского монастыря Иверон, который и перевёл его уже с грузинского языка на греческий в целях восполнения лакуны как в византийской агиографии, так и в литургической практике. Арабский оригинал данного сочинения был утерян. Вторую редакцию т.н. «Абукурры», которая занесена в «Житие Феодора Эдесского», перевёл с греческого на грузинский язык известный грузинский духовный писа-

тель с Чёрной Горы, предводитель монастыря Кастаны – Эфрэм Мцире (XI век). Со временем топос Иосифа Прекрасного будет трансформирован в самостоятельную грузинскую версию персидской поэмы «Йусуф и Зулейха» под названием «Иосебзилиханияни».

Основная литература

1. Брагинский В.И. Проблемы типологии средневековых литератур Востока. М., 1991. С. 20.
2. Meur Vayc. Библия и современное литературоведение. Метод целостной интерпретации. Гешарим Иерусалим 5762. Мосты культуры. Москва. 2001. С. 105.

Волкова К.Б.

Пьеса короля Вачиравуда «Ной Интхасен» – просветительская комедия нравов

Время правления Рамы VI Вачиравуда (1910–1925 гг.) вошло в историю как «золотой век» тайской драматургии, а самого короля в Таиланде считают основоположником нового театра европейского типа. Перу монарха принадлежит около 180 пьес, 143 из которых написаны на тайском языке и 37 на английском.

Благодаря творчеству Рамы VI, драма приобрела новые функции: образовательные, социальные, а главное, политические. Возникает новая доктрина театра – общественное и нравственное воспитание зрителя.

Первым оригинальным сочинением короля стала комедия-фарс «Ной Интхасен» (1917 г.). В отличие от других произведений драматурга с доминирующей общественно-политической тематикой, эта пьеса предназначена для массового театра: она носит развлекательный характер, построена на любовной интриге и понятна простому зрителю. В то же время и в этой пьесе автор стремился нравственно воспитывать зрителя с учетом социального контекста.

Решению этой творческой задачи хорошо соответствовал жанр комедии нравов с элементами семейной драмы эпохи Просвещения.

Тип культурного сознания эпохи Просвещения существенно повлиял на творчество Вачиравуда, так как в Сиаме в конце XIX –

начале XX в. происходили процессы, аналогичные тем, что имели место в общественной жизни Европы XVIII в. Страна открылась западному влиянию, изменившему мировоззрение тайцев.

«Ной Интхасен» – просветительская комедия нравов, содержание которой во многом отразило мышление и мирозерцание западного человека эпохи Просвещения. Европейское искусство XVIII в. привнесло идеал «естественного человека», который руководствуется влечением сердца, а не сословными и материальными предрассудками. Основной конфликт в таких произведениях строился на социальных различиях, отстаивалось нравственное равенство всех людей. Именно с этих позиций комедия Вачиравуда сатирически представляет тайское светское общество начала XX в.

С культурой Просвещения «Интхасен» связан, прежде всего, тематически. В комедии Вачиравуда те же топоры и объекты осмеяния, что в европейской просветительской драме: обличение праздной аристократии, нравственное равенство людей, вне зависимости от сословий и состояний, преклонение перед иностранным. Последняя тема особенно характерна для литератур ускоренного развития – славянских, закавказских, азиатских и др.

Интрига пьесы ориентирована на просветительский сюжет о безродном слуге – умном, сметливом, часто образованном, даже талантливым человеке, который не раз оказывается сообразительнее своих господ.

В фокусе сюжетной линии два конфликта – любовный и общественный, однако социальная линия доминирует, что позволяет автору высмеять пороки современного ему тайского общества. Драматург не скрывает своей неприязни к старой аристократии и испытывает явную симпатию к зарождающемуся классу нового дворянства, которое можно сравнить с европейской буржуазией. Основная цель пьесы – разоблачение старого уклада жизни. Автор обличает образ жизни тайского высшего общества, ничтожность его интересов, расточительность, лживость и аморальность.

Жанр комедии позволил королю-драматургу высветить проблемы тайского общества начала XX в. и высмеять его пороки. Рама VI показал в своей комедии противоречия между новой тайской аристократией и старой знатью. Художественными средствами драматург выражал протест нового, передового поколения против отсталости и косности элиты прошлого. Изобразив в пьесе общественный

конфликт, уже тогда наметившийся в тайском обществе, Вачиравуд предсказал его результат – государственный переворот 1932 г.

Гурия А.Г.

Обыгрывание моралистических клише в назидательных вставках литературной джатаки Харибхатты (V в. н.э.)

«Гирлянда джатак» Харибхатты (V в.) – памятник буддийской литературы на санскрите. Несмотря на преобладание художественных задач над назидательными, текст содержит много нравоучительных вставок. По-видимому, дидактические стихи были одним из поджанров поэзии малой формы в санскритской литературе Древности. При этом одна магистральная линия назидательной лирики описывала реалии жизни в миру (царя, ученого мужа, царедворца, домохозяина, бедняка), а другая касалась жизни отшельников (буддийских и других бродячих аскетов). В составе городских повествовательных сборников и тем более в эпосе или палийских джатаках дидактический материал безыскусен и часто выглядит пресным. Напротив, в высокой придворной литературе (*кавья*), которой явно принадлежат «Гирлянды джатак», моралистические стихи (круг тем которых ограничен и общеизвестен) становятся объектом сознательного обыгрывания, изысканной художественной обработки. Буддийские авторы прибегали к тому же в качестве своего рода начинки горького лекарства, принимаемого с медом, стремясь заставить своего читателя воспринять элементы буддийского учения. Интеграция буддийски заряженных элементов в занимательный сюжет чрезвычайно заметна именно во вкраплениях дидактической направленности, разрывающих ход повествования. Текст содержит много таких элементов, как объемных – до 15–20 строф (проповеди общежитийского плана и специфически буддийские), так и одиночных или парных строф, вкрапленных в нарратив или описания.

Судя по эпическим поэмам, высокая санскритская словесность ценила назидательную поэзию, но в умеренных количествах, обычно в виде кратких вкраплений, украшающих речь персонажей или повествователя. Пространные моралистические пассажи

эпоса придворной литературе скорее чужды (исключение – речи в составе диспутов); этот элемент наследуют (из эпоса либо из джатак) городские повествовательные сборники («Панчатантра», «Жизнь Викрамы»). Жанр *чампу* (смесь стиха и прозы), к которому принадлежит «Гирлянда джатак», любопытен тем, что совмещает в себе некоторые черты придворной поэмы-*махакавьи* и многие особенности городских жанров – повествовательного сборника и романа. Так, из городской литературы вошли в него развернутые проповеди и назидательные рассуждения. Но при этом Харибхатта пытается каждую из входящих в эти блоки строф решить так, как это делает придворная высокая поэма. Каждая назидательная строфа строится на каком-либо поэтическом украшении, причем внутри пассажа украшения варьируют. Почти каждая строфа содержит остроумный образ, иллюстрирующий доносимую мысль. Простых синтаксических параллелизмов эпоса уже недостаточно. Арсенал поэтических украшений, которые использует Харибхатта, довольно широк: помимо сравнений и метафор, это фантастическое предположение, гипербола, а также ряд фигур, обыгрывающих любимые индийцами логические конструкции; таковы, в частности, подтверждение (частного общим) и пример. Широко используются у Харибхатты аллитерации и игра слов. Дополнительную выстроенность назидательным пассажам придают смысловые и синтаксические переклички строф между собой.

Основная литература

1. *Hahn, Michael*. Poetical Visions of the Buddha's former Lives: Seventeen Legends from Haribhatta's Jatakamala. New Delhi: Aditya Prakashan, 2011.
2. *Haribhatta*. Once a Peacock, Once an Actress. Twenty-Four Lives of the Bodhisattva from Haribhatta's Jatakamala. Translated by Peter Khoroch. The University of Chicago Press. Chicago&London, 2018.

Ершова Ю.С.

Несказанные слова любви: сборник рассказов Деви Лестари «С обеих сторон»

Современная индонезийская женская проза *састра ванги* («ароматная» или даже «парфюмерная» литература) стала заметным

явлением в конце XX в. и продолжает свое развитие в настоящее время. Несмотря на свое название, она не следует классическим канонам дамского любовного романа и не является копией чиклита (англ. *chick-lit*) – молодежной женской прозы с любовной тематикой, раскрываемой с большой долей юмора и иронии. Творчество писательниц, создающих свои произведения в рамках *састра ванги*, намного шире этого. Они пишут на любые темы, от положения женщины в обществе, семейных и любовных отношений до проблем насилия, психических отклонений и их восприятия обществом, вопросов религии и морали. Примером прозы *састра ванги* может служить сборник рассказов Деви Лестари «С обеих сторон» (*Rectoverso*), опубликованный и экранизированный в 2013 году.

Во всех рассказах главной выступает любовная линия, однако любовь героев носит странный, иногда мистический характер. Кроме того, в любовную канву искусно вплетены многие актуальные для *састра ванги* проблемы, отмеченные ранее. Ни у одной истории нет счастливого конца.

В рассказе "Открой мне душу, друг" (*Curhat untuk Sahabat*) главным героем становится мужчина, влюбленный в свою подругу. Он выслушивает ее исповеди о переживаниях из-за неудачных романов, утешает и всегда оказывается рядом в сложные моменты, но девушка не замечает этого. По словам героя, она вечно в поиске кого-то, кто принесет стакан воды, тогда как перед ней целая бутылка дорогого вина, которую она не видит.

В рассказе под названием "Ангелы тоже знают" (*Malaikat Juga Tahu*) в центре повествования тоже мужчина: страдающий аутизмом Абанг влюбляется в девушку, снимающую комнату в доме его матери. Она единственная, кто относится к нему хорошо и не сторонится из-за его недуга. Когда становится известно, что она собирается замуж за младшего брата Абанга, эта новость совершенно лишает героя душевного равновесия.

В рассказе "Ящерица на стене" (*Cecak di Dinding*) начинающий художник влюбляется в девушку довольно свободных нравов. У нее есть татуировка в виде ящерицы, что становится своеобразным символом любви для героя. Девушка выходит замуж за лучшего друга художника. В качестве свадебного подарка художник разрисовывает стену в ее квартире узором из маленьких ящериц: он хочет, чтобы они оберегали его возлюбленную.

Главная героиня «Предчувствия» (*Firasat*) рассказывает о неком клубе, на собраниях которого участники делятся своими предчувствиями. Девушка присоединяется к этим встречам по двум причинам: она страдает от того, что подсознательно чувствует скорую смерть близких людей, а кроме того, она влюблена в руководителя клуба. В какой-то момент они сближаются, но это не приносит ей счастья: ее ужасное предчувствие в отношении возлюбленного сбывается.

Рассказ «Всего лишь намек» (*Hanya Isyarat*) рисует мистическую атмосферу. Это история о случайно встретившихся пяти путешественников. Среди них только одна девушка, влюбленная в одного из этих молодых мужчин. Но она узнает, что из-за сложных жизненных обстоятельств герой ее мечтаний не может быть с ней. Главная его цель – постичь божественную любовь, и это единственная любовь, которая ему нужна. Кроме того, рассказы «Всего лишь намек» и «Предчувствие» наполнены рассуждениями о вселенной, ее законах и знаках, которые она нам посылает. Эта тема встречается и во многих других произведениях писательницы.

Деви Лестари стала одной из зачинательниц течения *састра ванги*. Сборник «С обеих сторон» отражает многие из актуальных для этой литературы темы (любовь, свободные отношения, поиски божественного начала, рассуждения о вселенной и месте человека в ней, положение в обществе людей с психическими отклонениями и др.). Освещение подобной проблематики женщинами-писательницами нашло отклик среди читателей обоих полов, оживило литературу Индонезии и придало ей новый «аромат».

Каранетьянци А.М.

Проблемы композиции поэм Бо Цзюйи «Вечная печаль» и «Пипа»

1. Основу классического китайского стихотворного текста составляют двустрочия (Дв) – пары строк, сопоставленных по семантике знаков и чередованию тонов. Строки обычно состоят из 5 или 7 знаков, последние три из которых отделены цезурой. Такие двустрочия в случае зарифмованности образуют двустистишия (Д) или

соединяются в четверостишия (Ч). В последнем случае образуется наиболее короткий вид стихотворения *цзюэ цзюй* («оборванные строфы»). Два Ч образуют восьмистишие (В), которое называется *люй ши* «уставной стих». В обоих видах стихотворений рифмуются концы двустрочий, рифмовка может распространяться и на первую строку. Первый вид рифмовки назовем *обычной*, второй – *инициальной*. Более длинные произведения, состоящие из Д и Ч, обычно называют *хэ син* («поэмы»); в случае совпадения рифм соседних Д и Ч в них могут образовываться шестишия (Ш) и восьмистишия (В), совпадающие с «уставными стихами». Классическое стихосложение предполагает деление по четырем классическим тонам (ровный, восходящий, уходящий и входящий, первый из них противопоставляется остальным как неровным), чередование которых соответствует нашему размеру, и рифмовку по 106 рифмам (классическая рифмовка), однако есть и более дробная идеальная система 206 рифм (рифмы Гуаньюня).

2. Ниже рассматривается организация двух знаменитых поэм Бо Цзюйи (772–846) «Вечная печаль» *Чан хэн гэ* (ЧХГ) и «Пипа» (название щипкового инструмента вроде лютни) *Пипа син* (ППС). Первая поэма была создана в 806 г., вторая лет десять спустя. В ЧХГ описываются переживания монарха, которому пришлось убить любимую наложницу Гуй-фэй; в ППС находящийся в изгнании поэт слушает игру на лютне бывшей столичной куртизанки. ЧХГ состоит из 60 Дв (840 иероглифов), ППС из 44 Дв (616 иероглифов); Дв в блестящих переводах Л.З.Эйдлина передаются четырехстрочными строфами. Обе поэмы имеют 7-значную строку и по названиям соотнесены с двумя жанрами – *син* и *гэ* («песня»), однако существенных различий в их организации не прослеживается.

3. Строфы отчетливо выделяются рифмами. Ч и Ш бывают двух видов: обычные (Чо, Шо) и с инициальной рифмовкой 1-й строки (Чи, Ши). Текст в целом представляет собой чередование Д и Ч, в двух случаях в ППС имеются и Ш. В ЧХГ в начале и в конце можно видеть восьмистишия (т.е. *люй ши*), поскольку рифмы двух Ч совпадают. ППС, по-видимому, состоит из 5 частей, каждая из которых, за исключением концовки, подразделяется на эпизоды. В ЧХГ можно выделить 7 частей, концовка в ней интегрирована в последнюю часть, а части 1, 3 и 6 на эпизоды не разделяются.

4. Полные сведения об этих произведениях приведены в двух сопровождающих схемах, в которых строки, соответствующие частям, выделены курсивом. В схемах указано содержание подразделений, количество Дв, количество строф (Сф) и обозначена их последовательность в эпизоде (части). Перед обозначением строфы (Д и Ч) указывается ее порядковый номер (левый верхний индекс), после – тон рифмы: 2 – восходящий, 3 – уходящий, 4 – входящий (правый верхний индекс), ровный тон не обозначается. Кроме того в схеме ППС указывается номер строфы в переводе Ю.К.Щуцкого (строфы были пронумерованы самим переводчиком) в том случае, если ее начало совпадает с началом эпизода (с началами частей они совпадают всегда).

5. Обозначения строф подчеркнуты в тех случаях, когда их рифмовки отвечают «идеальным» 206 рифмам Гуаньюня. В ЧХГ их 19 (58%), в ППС – 15 (60%). Рифмам, согласующимся со стандартной поэтической нормой, в ЧХГ дополнительно отвечают 9 строф: ⁰¹Чи⁴, ⁰³Чи, ¹⁸Чи, ²²Чи⁴, ²⁶Чи, ²⁹Чи, ³¹Чи⁴, и образующие восьмистишие ³²Чи с ³³Чо (интересно, что подобная рифмовка характерна для речи Гуй-фэй), а в ППС 4 строфы: ⁰²Чо⁴, ⁰⁵Д, ¹²Чи, ¹⁵Чи³. Это доводит число строф с точной рифмой в обеих поэмах до 47 (81%).

6. Таким образом, неточно рифмуется существенная пятая часть всех строф. Эти неточные рифмы объясняются, прежде всего, переходом низкой разновидности восходящего тона в уходящий (правый индекс 23): ЧХГ – ⁰⁵Д, ⁰⁷Чо, ¹⁷Д; ППС – ¹⁵Чи, ¹⁸Чо. Это всего 5 случаев (9% строф), на которые приходится почти половина случаев неточной рифмовки. Такое явление зафиксировано только в северных диалектах три века спустя (рифмы жанра 曲 цюй). Остальные случаи связаны с неразличением гласных, свойственных опять же северу XIII в. и отраженных также в современной произносительной норме. Особенно важным в этом отношении представляется первое Д в ППС, которое задает тон всей поэме и не может не рифмоваться. Оно рифмуется только в современном произношении (кэ4 и сэ4), поскольку игнорирует различия в конечных импловивах и типах основных гласных

Выводы.

1. Деление текста на строфы совпадает с делением сюжета на части и эпизоды; в первой половине ППС начала эпизодов еще и отмечены двустихиями (по крайней мере, в 7 случаях из 8).

В ЧХГ Д встречаются всего 5 раз, во всех случаях в начале эпизодов, и тоже концентрируются в первой части, но не столь отчетливо.

2. Неточные рифмы свидетельствуют о возможности ориентации на упрощенное северное произношение. В этом обстоятельстве можно видеть подтверждение неопределенности, расплывчатости чтений иероглифов и условности исторической трактовки их изменений.

Кукушкина Е.С.

Шиитская ритуальная драма в зрелищной культуре Малайзии: от городских представлений до современной драматургии

В XX–XXI веках многие инокультурные явления пришли в малайский мир через космополитический порт на острове Пинанг. Так, из Индии сюда прибывали суда с каторжанами, наемными рабочими, сипаями. Именно индийцы-мусульмане в 1870-х годах привезли на Пинанг шиитское ритуальное представление *тазия* (перс. *тазийе*) в память о мученической гибели внука пророка Мухаммада имама Хусейна. На местной почве характер *тазии* начал эволюционировать.

В своем исходном виде *тазия* вызывала у зрителей глубокую скорбь. Однако на Пинанге действо стало приобретать карнавално-бурлескные черты, и в результате зародилась новая зрелищная форма под названием *бориа*. Представления *бориа* утратили трагическую окраску и более не ориентировались на священные для мусульман эпизоды истории и атмосферу покаяния. Напротив, их доминантой стали клоунада, пародийность и коммерческая развлекательность. Юмористические скетчи на злобу дня снискали *бориа* большое признание. Порой комикование и острая злободневность представлений заставляли колониальные власти запрещать *бориа*.

Наряду с комическими сценками, представления включали песенные номера в исполнении солиста и танцующего хора. Солист, как правило, также выступал в качестве композитора и постановщика. Расцвет *бориа* пришелся на первую половину XX столетия.

Со временем едкие импровизации комиков сменились использованием стандартного набора сценок. После Второй мировой во-

йны *бориа* пришла в упадок, не выдержав конкуренции с кинематографом. Однако в последние десятилетия это зрелище вновь заявило о себе, не столько как самостоятельное явление, сколько как важный элемент композиции пьес. Возродил поэтику *бориа* мэтр национальной драматургии Нурдин Хассан (род. 1929).

В 1970-х годах Нурдин выступил новатором национальной сцены, став в оппозицию реализму, прежде царившему на подмостках Малайзии. Отказ от реалистического метода сочетался у него со стремлением работать в русле исламской литературы. Свой театр он определил как «театр веры» (*teater fitrah*), рассматривая создание пьесы и ее постановку как религиозный акт. Нурдин ввел в свои пьесы эпизоды, построенные на хоровом пении с участием солиста. В соответствии с канонами *бориа* такой эпизод может предваряться комическим диалогом. Тексты песен могут соотноситься с развитием сюжета. Однако еще чаще они несут мощный религиозный посыл, молитвенный или проповеднический пафос.

В этом состоит самая существенная новация, которую привнес в старую зрелищную форму Нурдин. В «театре веры» он вернул представлениям *бориа* предназначение, которое имела их прародительница *тазие*. Помимо придания своим произведениям ритуального звучания, Нурдин даже вводит в их тексты намеки на шиитскую традицию:

Если спросят тебя:
«Где фимиам?»
Ударь себя в грудь,
Скажи: «Тут!»

Творчество Нурдина оказало огромное влияние на развитие современной драматургии Малайзии. Усилиями писателя и его последователей импульс *тазии* в малайском мире совершил своего рода круг. Поначалу он вызвал к жизни свою противоположность – развлекательное коммерческое действие, но на современной сцене он отозвался в постановках, задуманных автором как обрядово-молитвенный акт, вернувшись к своим истокам.

Основная литература

1. *Putten, Jan van der*. 2013. Woe From Wit: Burlensing Muharam Processions Into Carnavalesque *Boria* // Jelani Harun, Ben Murthag (penyelenggara). Esei Penghargaan kepada Professor Emeritus

- V.I.Braginsky. Mengharungi Laut Sastera Melayu. Kuala Lumpur, DBP. Pp. 569–602.
2. *Rahmah Bujang*. 1987. Boria: A Form of Malay Theatre. Singapore. Institute of Southeast Asian Studies. 165 p.

Невзорова Д.Н.

Особенности метрического строя «непрофессиональной» поэзии на материале плачей из «Жизнеописания посланника Аллаха» Ибн Исхака – Ибн Хишама

Цель настоящего доклада – продемонстрировать метрические особенности «непрофессиональной» арабской поэзии в классический период на материале плачей из «Жизнеописания посланника Аллаха» Ибн Исхака – Ибн Хишама (далее – «Сира»), самого значительного произведения синкретического жанра «жизнеописание Пророка», представляющего собой сочетание прозаических и поэтических элементов (ок. 20% текста).

Для анализа были отобраны образцы плачей или т.н. похоронных элегий – *puca' (rithā')*. Обычно они представляют собой короткие стихотворения (*qit'a*) с простой композицией и происходят от старинных песен-причитаний на похоронах (заплачек).

Материал был поделен на две группы: стихи именитых авторов и опытных плакальщиц (37 образцов) и стихи, сложенные по случаю непоэтами (18 образцов).

В результате анализа были сделаны следующие выводы:

– наиболее частотным размером является тавил, причём частотность данного размера в плачах соответствует общей частотности в арабской поэзии;

– в остальном непоэты преимущественно обращаются к равностопным размерам, обладающим более простым ритмом повторения однотипных сегментов. Широко представлен раджаз на фоне низкой частотности камила и сари';

– в свою очередь, поэты регулярно обращаются к неравностопным размерам, а раджаз, не пользующийся уважением в их среде, оказывается заменён множеством различных форм камила;

– рекомендация, направленная на расподобление близкородственных тавила и мутакариба (в строке с дарбом *махзуф* крайне

желательно использование зихафа *кабд* в предшествующей ему стопе) поэтами выполняется почти беспрекословно (94,1% случаев), а у непоэтов реализуется лишь в половине стоп, т.е., по-видимому, случайно;

– зеркально дублирующая её рекомендация не использовать зихаф *кабд* в аналогичной позиции в мутакарибе, выполняется обеими группами авторов. Это явление, во-первых, может быть объяснено тем, что конфигурация *салим* для неконечных стоп в принципе более частотна в плачах непоэтов (82,5% против 71%); во-вторых, использование зихафа *кабд* сильно размывает границы между стопами строки мутакариба, а непоэты зачастую предпочитали «простые» размеры, ритм которых основан на повторении одного типа базовых элементов;

– представление об особом значении для размеров восходящего ритма первой, открывающей строку стопы сохраняется вне зависимости от типа плачей;

– частотность употребления зихафов в неконечных стопах в стихах любого типа находится примерно на одном уровне и соответствует их средней частотности. Таким образом, представление о допустимости одних трансформаций и нежелательности других не прививается авторам механически, путём введения в систему различных правил и рекомендаций, а естественным образом вытекает из ритма самого языка;

– расхождения между двумя группами образцов наблюдаются в основном в позиции обязательных деформаций, т.е. в конечных стопах. Так, непоэты чаще применяют к ‘арудам и/или дарбам дополнительные зихафы, в т.ч. недопустимые теорией. Таким образом, в позиции, где деформация стоп является результатом исполнения правил ‘аруда, а не естественных ритмических переходов и трансформаций, непоэты не всегда могут выбрать верный с точки зрения учения вариант.

Основная литература

1. *Налич М.С.* Поэзия в «Сире» Ибн Исхака – Ибн Хишама / Ислам: религия, культура, язык. Т.1. М., 2001
2. *Фролов Д.В., Куделин А.Б., Налич М.С.* Ибн Исхак – Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка. Великая битва при Бадре. М., 2009
3. *Ибн Хишам.* Ас-сира ан-набавийа. Т.1-4. Бейрут, 1990

Никольская С.В.

«Молодежная проза» как тематическое и стилевое направление в современной китайской литературе

Тема жизни и быта, настроений и чувств молодого поколения давно стала актуальной в литературах разных стран на Западе и на Востоке. Как жанровая разновидность прежде всего сформировалась детская литература. К настоящему времени уже достаточно четко сформулированы её главные особенности. Это небольшие по объёму произведения, написанные простым языком, с динамичным сюжетом и счастливым концом, где детям отводится главная роль. Детские книги должны соответствовать возрасту (до 12 лет) и призваны играть воспитательную роль.

Литературу подростковую, рассчитанную на читателей старше 13 лет, иногда переводят в разряд «детской», но чаще причисляют к «молодежной», основываясь на критериях, принятых в США, где Young Adult – это люди до 21 года.

Основу «молодежной прозы» могут составить тексты, относящиеся к литературе для взрослых читателей и тексты, написанные специально для молодежной аудитории с воспитательной целью. Особой популярностью пользуются произведения, темы и сюжеты которых интересуют молодежь. В «молодежной прозе» часто используется форма перволичного повествования, основной приметой стиля становится исповедальность и некоторая высокопарность. Главная тема – проблема межличностных отношений, а специфика конфликта – разочарование при столкновении с реалиями жизни.

В современном Китае «молодежная» тема иногда возникает в литературе, специально не ориентированной на конкретную аудиторию, а в контексте изображения глобальных событий в стране и в мире и определения места традиционных ценностей в современной обществе. Такие произведения рассчитаны на зрелого читателя.

По мнению китайских исследователей, «молодежная проза» предназначена для читателей от 13 до 40 лет. Это литература для подростков (*qingshao nian*) и литература для людей молодого и зрелого возраста (*qingzhuang nian*). Основную массу таких произведений, независимо от возраста, составляет фэнтези, где чудеса так

же естественны, как законы природы. Сюда входят романы и с мистико-философской, и с героико-эпической, и с мифологической основой. Действие переносится в разные эпохи – от III вв. до н.э. до 40-х гг XX вв. Основными художественными приемами являются: намеренное создание напряженности, интригующие повороты сюжета, включение необычных персонажей, похожих на героев классических романов.

В число фаворитов «молодежной прозы» входят и любовные романы, которые относятся к категориям «Студенческая проза» (xiaoyuan xiaoshuo) и «Проза юности» (qingchun xiaoshuo). Сюжетные ходы в подобных произведениях в целом предсказуемы. Речь идет о зарождении и развитии любви, дружбе с детских лет, перерастающей в любовь, социальное неравенство как препятствие для любви, случайное знакомство, перешедшее в любовь. Однако, путь к счастью тернист и труден.

На наш взгляд, особый интерес в современной китайской «молодежной литературе» представляют произведения, предназначенные для подготовленного читателя и выходящие за возрастные рамки, установленные для категории «молодежь». Авторы не стремятся упростить язык и поставить перед собой дидактические цели воспитания подрастающего поколения. Через призму молодежной проблематики они хотят детальнее рассмотреть и лучше понять социальные явления современности. Литература, отражающая интересы нынешних молодых читателей, хотя и базируется на сюжетных ходах и мотивах национальной классики, но остается литературой массовой и, скорее всего, окажется временным явлением на китайском книжном рынке, в основном будет распространяться через Интернет.

Оганова Е.А.

Образ М.К. Ататюрка в произведениях современной турецкой драматургии

Жизнь и деятельность Ататюрка как основателя Турецкой Республики и одного из ее величайших политических деятелей неоднократно становилась объектом художественного осмысления как в прозаических, так и драматургических произведениях.

Доклад посвящен рассмотрению драматургических произведений, в которых образ Ататюрка нашел свое прямое или опосредованное выражение.

Устанавливается, что с точки зрения описания образа Ататюрка все драматургические произведения можно отчетливо разделить на две большие группы:

1) пьесы 1920–1950-х гг., в которых Ататюрк не является действующим лицом;

2) пьесы 1960–2010-х гг., в которых Ататюрк является действующим лицом.

Пьесы этих периодов существенно разнятся по своим художественным особенностям, прежде всего, подаче образа Ататюрка и степени его идеализации.

При рассмотрении общественно-политического и культурного фона 1920–1950-х гг. автор доклада уделяет внимание роли т.н. «Народных домов» (Halk Evleri) и «Революционных представлений» (Inkilar Temsilleri) в пропагандировании роли, которую сыграл Ататюрк для Турции. Первоначально эти представления начали ставиться в связи с десятой годовщиной провозглашения Республики (1933), и при поощрении и поддержке государства стали быстро распространяться. Так, в 30-е гг. «Революционные представления» составляли до 80% всех драматургических произведений, исполнявшихся на сцене.

В целом драматургические произведения этого периода оказывались подчиненными, прежде всего, идеологическим задачам, что естественным образом сказывалось и на их художественных особенностях. Обобщая, можно утверждать, что в основе всех этих пьес лежали попытки идеализировать образ Ататюрка, придать ему ореол дестанного героя. Все это вело к декларативности таких пьес, их художественному «выхолащиванию», стилистической однотипности. Многие пьесы писались стихами, или же в стихотворной форме описывался сам Ататюрк и/или его деятельность – такие стихотворные включения инкорпорировались в прозаический текст весьма искусственно.

Это, например, пьесы Хайри Мухиттина «Гази Мустафа Кемаль», Аки Гюндюза «Белый герой», «Деревенский ученый», «Голубая молния», Халита Фахри «Дестан десяти лет», «Дети революции», Рагипа Нуреттина «Сумка школьника» и многие другие – такие пьесы исчисляются десятками.

В период 1960–2010-х гг. Атаюрк уже является действующим лицом пьес (к этому времени снимается негласное «табу» на его введение в текст произведения в качестве персонажа). Степень его идеализации уменьшается, однако восторженно-приподнятый стиль в описании Атаюрка – его внешних, человеческих, профессиональных, лидерских качеств – сохраняется.

Одна из первых удачных пьес этого периода – драма Орхана Асены «Мустафа», приуроченная к 25-летию смерти Атаюрка (1963). Характерно, что драматург адресовал свое произведение в основном детям: именно поэтому основная сюжетная линия строится на эпизодах из детства и юности Атаюрка, а сама пьеса написана простым, понятным детям языком.

Особый интерес представляет пьеса Оздемира Нутку «Речь», написанная к 50-летию провозглашения Республики (1973), – драматургическое переложение известного выступления Атаюрка.

Другая значимая пьеса этого периода – произведение «мэтра» турецкой исторической драмы Турана Офлазоглу «Атаюрк». Это исторически достоверное повествование с большим количеством действующих персонажей, большая часть которых являются реальными историческими лицами. Героизм и стойкость турецкого народа, ведомого Атаюрком, в художественной проекции произведения соотносится с качествами их решительных, готовых сражаться до последнего предков: Огуз Каган, Бильге Каган, Альпарслан, Осман Гази, Мехмет Фатих, Селим Явуз, Сулейман Кануни один за одним появляются на сцене и перечисляют свои достижения для тюркской цивилизации. Завершает этот ряд победителей-триумфаторов Атаюрк.

В большей части пьес Атаюрк представлен, прежде всего, как вершитель судьбы Турции, прогрессивно мыслящий государственный деятель, гениальный тактик и стратег.

На этом фоне выделяется пьеса Реджепа Бильгинера «От войны к миру, от любви к ссоре», в которой акцент делается на семейной жизни Атаюрка, а именно на его взаимоотношениях с женой Латифе Ханым.

Последняя пьеса об Атаюрке, насколько мы можем судить по имеющимся у нас источникам, – драма Тунджера Джюдженоглу «Мой Мустафа, мой Кемаль» (2008), написанная на основе документальных свидетельств о жизни Атаюрка. Пьеса состоит из

небольших эпизодов, каждый из которых создан для того, чтобы проиллюстрировать внимание, которое Атаюрк уделял искусству, спорту, образованию, женскому вопросу и пр.

Многие из пьес второго периода являются значимыми драматургическими произведениями, обладают несомненными художественными достоинствами, однако, на наш взгляд, определенной идеализации образа Атаюрка не удалось избежать ни в одном из них.

Осинова К.Т.

«Спой нам ещё!»: об арабской музыкальной культуре IX–X вв.

Наивысший расцвет музыкальной культуры пришелся на первое столетие правления династии Аббасидов. В данный период активно составлялись трактаты и сборники, фиксировавшие утонченное и ученое искусство музыки. Это были своды лучших песен, классы музыкантов, руководства по правилам вокала (*adab al-ghinā'*) и этикету активного слушания (*adab samā'*), теоретические труды по музыкальной педагогике, проблемам лада, ритма и эстетики. Однако из-за отсутствия нотированной записи прекрасные композиции дошли до нас беззвучными: помимо сообщений об авторе поэтических строк и сочинителе музыки, указывался только лад, ритм и эмоциональное воздействие на аудиторию.

Тем не менее, по колоритным описаниям, например, в выдающемся литературном памятнике «Книга песен» («*Kitāb al-aghani*») Абу-л-Фараджа ал-Исфагани (284/897–363/972) можно составить представление о статусе музыканта, процессе творчества, поиске вдохновения, о передаче знаний и обучении, а также о правилах поведения во время собрания и об организации выступлений. Будучи *надимом* (сотрапезником) и часто доверенным лицом халифа или высокого сановника, музыкант – часто одновременно и певец, и поэт, и исполнитель – был эрудирован, профессионален и по-житейски практичен. Экспрессивность и динамизм сообщениям в «Книге песен» придавал контрастный принцип построения (*ал-фарадж ба'ада шицца* – «облегчение после трудности»).

Труды арабских ученых по теории музыки продолжали пифагорейскую традицию, акцентируя связь между музыкой и космосом

(в частности, соответствие струн 'уда явлениям микро- и макрокосма). В этой связи интересно упомянуть трактат по *адабу* исполнительского мастерства ал-Хасана ибн Ахмад ал-Катиба (V/XI в.) «Совершенство в музыкальном искусстве» («*Kitāb kamāl adab al-ghina*»), в котором указанная традиция соседствует с практическими рассуждениями о вокально-инструментальной технике и об этикете исполнения и слушания.

В данном докладе, не углубляясь в вопросы музыковедческого и инструментоведческого характера, мы реконструируем картину исполнительства при дворе IX–X вв. и отметим, как аббасидские традиции были развиты в мусульманской Испании на примере инициатив музыканта Зирйаба (160/789 – 230/845).

Основная литература

- Abū l-Faraj 'Alī ibn al-Ḥusayn al-Isbahānī, *Kitāb al-Aghānī*, 24 vols., Cairo 1927-74.
 al-Ḥasan ibn Aḥmad ibn 'Alī al-Kātib, *Kamāl adab al-ghina*, ed. Ch. A. Khashaba, Cairo 1975.
 Aḥmad ibn Aḥmad al-Maqqarī, *Nafḥ al-ṭib min ghushn al-Andalus al-raṭīb*, 2 vols., Leiden 1855-61.

Погосян Н.А.

Тема «чужбины» в творчестве турецкого писателя Азиза Несина

Миграция турецких рабочих – гастарбайтеров в страны Западной Европы и, в особенности, в Федеративную Республику Германии, являлась важной составляющей общественного дискурса Турции с середины 1960-ых годов. Неудивительно, что турецкие писатели-прозаики этого периода, которые зачастую и сами были в рядах эмигрантов, неоднократно обращались к этой тематике. Жизнь и проблемы турецких гастарбайтеров нашли свое отражение в произведениях таких крупных турецких романистов, как Факир Байкурт, Бекир Йылдыз, Адалет Агаоглу, Лейла Эрбил и другие.

Немецкая «одиссея» турецких рабочих представлена и в рассказах и путевых заметках известного турецкого писателя-сатирика Азиза Несина. А. Несин, который за свои вольные политические

взгляды долгие годы не имел права выезда из Турции и лишь в 50 лет получил возможность поехать за границу, глазами очевидца представляет будни турецких мигрантов, свойственным ему живым языком описывает различие менталитетов двух народов и проблемы, к которым оно приводит.

Часть рассказов и заметок, написанных в 1965–1986 годах, была опубликована в таких турецких газетах, как «Акшам» и «Миллиет», остальные же долгие годы оставались неизданными. В 2016 году фонд имени Азиза Несина опубликовал сборник «Германия, Германия – глупцов как мы Ненайтимания» (*Alamanya, Alamanya – bizden aptal Bulamanya*), в который вошли путевые заметки и рассказы о поездках в Германию из личного архива писателя.

Исследование «гастарбайтерских» рассказов Азиза Несина не только важно с точки зрения осмысления неизученной части литературного наследия автора, но и в качестве живого свидетельства жизни турецких мигрантов первого поколения.

Основная литература

1. *Nesin A. Alamanya Alamanya bizden aptal bulamanYa*, İstanbul, 2016.
2. *Öztürk, Ali Osman: Alamanya Türküleri. Türk Göçmen Edebiyatının Sözlü / Öncü Kolu*, Ankara, 2001.

Поспелова М.К.

Литература после образования КНР (жанр «саньвэньши»)

Образование КНР открыло новую эру в литературе Китая. Создание различных художественных союзов значительно упростило вопрос консолидации деятелей, контроля над ними и их творческой деятельностью в том числе. Исследователи выделяют два основных «композиционно-стилевых течения» в литературе того времени: с одной стороны, проза, в которой отражение нашли проблемы китайского крестьянства, и в которой наиболее слышны «отголоски» традиционной сказовой литературы и деревенского фольклора; с другой – проза по стилю более европеизированная, отражающая в том числе влияние как западной прозы 20–30-х гг., так и советской литературной традиции [Желуховцев]. Не затерял-

ся в вихре перемен и жанр «саньвэньши» («стихотворения в прозе»), возникновение которого принято связывать с движением 4 мая (1919 г.). «Саньвэньши» находились скорее на периферии складывающейся литературной обстановки, однако, многие процессы и метаморфозы, коснувшиеся художественной прозы и поэзии как в тематическом, так и в стилистическом плане, также нашли свое отражение и в произведениях авторов «стихотворений в прозе».

Наиболее яркой точкой в истории «саньвэньши» многие китайские литературоведы считают сборник миниатюр Лу Синя «Дикие травы», однако элементы лусиневского мироощущения и композиционно-стилистические мотивы, присущие его прозапоэтическому сборнику, уже не прочтываются в творчестве более поздних авторов, создававших произведения как раз в период становления Нового Китая – Кэ Ланя и Го Фэна.

Тематическое своеобразие творчества обоих авторов в первые десятилетия Нового Китая отличают вовлеченность в жизнь и быт простого народа, восхищение трудом во имя высшей цели, процессом созидания и его результатом, воспевание как малой, так и великой родины. Ярко выделяется в творчестве обоих авторов и тема, несомненно непривычная для поэзии прошлых лет, – тема индустриального производства [Admussen], раскрывающаяся у обоих авторов с помощью достаточно неожиданных образов и стилистических приемов. К примеру, у Кэ Ланя мы можем наблюдать поэтическое осмысление метаморфоз привычных субъект-объектных отношений трудящегося и инструмента труда, у Го Фэна – осмысление роли поэта как провозвестника внушительных метаморфоз, происходящих в стране.

Однако, печальное развитие событий в жизни Нового Китая временно поставило точку на развитии жанра, как и на всем литературном процессе в стране в целом: многие авторы «саньвэньши», если говорить о представителях этого жанра в частности, пострадали в результате ловушки «кампании 100 цветов», захлопнувшейся в 1957 году и были объявлены «правыми элементами», в том числе и Кэ Лань, не избежавший наказания уже и в годы Культурной Революции. Однако, именно Кэ Лань и Го Фэн, как считают многие исследователи, заложили основу для дальнейшего развития «стихотворений в прозе», и именно их творчество оказало большее, нежели даже «Дикие травы» Лу Синя, влияние на

формирование тематического, стилистического и композиционного облика «саньвэньши», возродившихся уже после мрачного лихолетья Культурной революции.

Основная литература

1. Admussen N. Recite and Refuse: Contemporary Chinese Prose Poetry. University of Hawai'i Press. 2016.
2. Желуховцев А.Н. Современная литература. [электронный ресурс]. URL:http://www.synologia.ru/a/%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0

Рейснер М.Л.

Чему учит «Книга руководства» («Дастур-нама») Низари Кухистани (XIII в.)?

В 1926 г. Бертельс Е.Э. опубликовал перевод на русский язык небольшой поэмы, написанной в XIII в. Низари Кухистани и носящей название «Книга руководства» (*Дастур-нама*). По меркам истории персидской литературы этого периода Низари – поэт второстепенный и теряется на фоне великих современников – Са'ди Ширази, Амира Хусрава Дихлави, Джалал ад-Дина Руми. Тем не менее, Е.Э. Бертельс обратил внимание на рукопись, поскольку её автор – один из немногих известных исмаилитских поэтов после Насир-и Хусрава (XI в.). Позже творчество Низари изучалось мало, издания его крайне редки, однако в последнее время часть его произведений («Диван» и поэма «Дастур-нама») появилась в онлайн-библиотеке персидской поэзии, что облегчило специалистам знакомство с его наследием.

В предисловии к переводу поэмы Е.Э. Бертельс высказал о ней такое мнение: «Поэма эта представляет собой своего рода пародию на столь излюбленные персидскими поэтами «Книги советов». Это руководство для его сыновей, но руководство относительно того, как вести себя на пирушках и попойках и как приобрести выносливость в употреблении вина». Пародийный характер поэмы можно принять за рабочую гипотезу: Низари избрал объектом подражания дидактическую поэму Са'ди «Бустан». Хотелось бы выяснить,

является ли поэма «Дастур-нама» пародией, понять, какие жанровые компоненты входят в ее состав и как они интерпретируются.

На смеховую природу поэмы внешне указывает ее содержание: вместо широкого спектра морально-этических вопросов бытового и социального плана, присутствующих у Са'ди, Низари предлагает «учебное пособие» для любителей застольных радостей. Налицо явное сужение и снижение предмета назидания. В то же время к XIII в. было известно множество вполне серьезных арабских трактатов, посвященных тонкостям пиршественной культуры. Эта тема входила в репертуар назидательно-развлекательной литературы адаба, имевшей внушительный жанровый диапазон. В персидских адабных сочинениях XI–XII вв. тема пиршественного этикета также присутствовала («Кабус-нама» Кей-Кавуса ибн Вушмгира, «Науруз-нама» Омара Хайяма).

Отличает сочинение Низари от поэмы-образца и наличие сюжетной линии. Повествование автор начинает с того, что в юные годы страдал меланхолией, и лишь вино, употреблять которое стал по мудрому наставлению отца, излечило его от недуга. Советы отца построены по принципу трактата, в котором рассматриваются ситуации, связанные с винопитием. Одна часть советов затрагивает практические стороны темы, другая – социальные, возрастные и морально-этические стороны (нормы гостеприимства, выбор компании, правила поведения в состоянии опьянения – избегать ссор и драк, не наказывать слуг, не проявлять необдуманной щедрости и т.д.).

В тексте имеются главы, которые не вполне вписываются в общую жанровую картину. В первой части поэмы – это глава о выборе наставника, во второй части – четкие терминологические указания на мистический план восприятия текста в названиях глав «Стоянки опьяненных» и «Уединенная обитель мудреца». Во второй половине поэмы, после блока «трактатных» разделов Низари возвращается к рассказу о себе: он повествует о том, как на время отказался от вина и вступил на путь благочестия, а потом вернулся к старой привычке. Эта часть поэмы выглядит наиболее своеобразной: в ней можно усмотреть ряд заимствований из суфийской лирики, причем они построены на «переворачивании» конвенциональных мотивов. Отдельные мотивы поэмы могут быть соотнесены с известными топосами суфийской агиографии. Если поэма

и является пародией, то объектом ее служит не «книга советов», а некоторые расхожие мотивы и ситуации суфийской

Основная литература

1. Дестур-намэ Низари. Пер. с перс. Е.Э. Бертельса // Восточный сборник. – Вып.1. Л.: Гос. публ. библиотека, 1926.
2. *Осипова К.Т. Хамриййат* («винные стихи») в средневековых арабских трактатах (VIII–X вв.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2007. – № 2. – С. 51–64.
3. <https://ganjoor.net/nezari/dasturname/>

Репенкова М.М.

Поэтологические особенности романа Зюльфию Ливанели «Дом Лейлы»

Омер Зюльфию Ливанели (род. 1946) – один из ведущих современных беллетристов Турции. Его романы «Счастье» (Mutluluk, 2002), «Дом Лейлы» (Leyla'nın Evi, 2006), «Последний остров» (Son Ada, 2009), «Серенада» (Serenad, 2011), «История моего брата» (Kardeşimin Hikâyesi, 2013), «Отель «Константинополь»» (Konstantiniyye Oteli, 2015), «Тревожность» (Huzursuzluk, 2017), переведенные на сорок языков мира, не раз входили в списки бестселлеров в Испании, Китае, Южной Корее, Германии. На родине произведения писателя неоднократно удостоивались самых престижных литературных премий (имени Юнуса Нади и Орхана Кемалея), что является показателем высокой оценки его творчества литературными критиками и читателями.

Поэтика романа «Дом Лейлы» определяется характерными для творчества З. Ливанели составляющими: динамично развивающимся, увлекательным сюжетом; разветвленной образной системой; приоритетом нравственной проблематики; повествовательной техникой, включающей в себя рассказ о событиях от третьего лица с историческими, этнографическими, культурологическими вставками, которые разъясняют и дополняют сюжетные коллизии; простым турецким языком с небольшим количеством тропических средств.

События и люди, о которых идет речь в романе, традиционно оцениваются писателем с точки зрения высоких нравственных

ориентиров – кем бы ни был человек в этом мире, господином или слугой, ему нужно оставаться Человеком с большой буквы. Поэтому история старой аристократки, внучки османского паши Лейлы Босналы, незаконно лишившейся дома, оказавшейся на улице без средств к существованию, но не потерявшей гордости и чувства человеческого достоинства, выглядит не просто злободневной и актуальной, но и нравоучительной.

Лейла Босналы или Большая госпожа, как ее называли соседи, была последней представительницей старинного аристократического рода Босналы Абдуллаха Авни-паши, переселившегося в XIX в. из Боснии в Османскую империю. В результате трагических обстоятельств (войны, революции, болезнь и смерть Авни-паши и др.) семья разорилась, ее огромный особняк на берегу Босфора ушел с молотка, а Лейла и ее бабушка Уфтаде-ханым переехали в домик для прислуги, который и остался их единственным имуществом. Особняк неоднократно перепродавался, но никто из его новых хозяев никогда не посягал на собственность Большой госпожи, которая после смерти бабушки осталась совершенно одна.

Жизнь Лейлы изменилась в одночасье после того, как особняк купил богатый банкир и владелец крупного холдинга Омер Джевхероглу. Его жена Неджла с помощью поддельных документов и подкупленных адвокатов захватила домик Лейлы, а старую женщину выдворила за ворота особняка с одним чемоданом. Этим Неджла хотела доказать, что она единственная госпожа в особняке, и компенсировать собственные комплексы: она и ее муж были выходцами из небогатых семей. Дед Омер-бея Халепли Джевхер-ага приехал в столицу Османской империи из Алеппо и служил верой и правдой в особняке богатого семейства Кадызаде в качестве старшего эконома. В этом же особняке тем же занимался и отец банкира Али Йекта-бей, гордящийся своей службой. Однако для сына Али Йекта-бей видел иное будущее. Он сделал все, чтобы дать Омеру прекрасное образование, которое позволило последнему стать «уважаемым господином», а не «господским слугой». Омер-бей, всю жизнь стеснявшийся своего плебейского происхождения, купил на берегу Босфора старинный особняк, чтобы жить как «настоящий господин».

В особняк планировал переехать и Али Йекта-бей, которого хозяева готовы были отпустить на заслуженный отдых. Но жена

Омер-бея не желала видеть старика в новом доме, поскольку он «позорил мужа» и «напоминал ему о том, что он – сын слуги». Однажды отец стал невольным свидетелем разговора сына и невестки, в котором Неджла унижала старика, требовала не пускать в новый дом. Не выдержавший унижения Али Йекта-бей вытащил пистолет и убил невестку. После чего он попал в тюрьму, отказавшись раз и навсегда от общения с сыном. Резонансное преступление вызвало интерес общественности к судьбе Лейлы-ханым, которой в конечном итоге был возвращен ее домик в саду особняка. Лейла вскоре после возвращения домой умерла, оставив все имущество маленькой Лейле – дочери ее молодых друзей (журналиста Юсуфа, его жены Рукийе/Рокси), которые на время скитаний Большой госпожи приютили ее у себя.

Турецкие критики справедливо отмечают, что З. Ливанели, создавая образы героев, играет оппозицией господин-слуга: слуга с душой господина (Али Йекта-бей), господин с душой слуги (Омер Джевхероглу).

Основная литература

1. Поэтика беллетристики Зюльфю Ливанели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. № 12. Ч. 2. С. 248 – 254.
2. *Livaneli Z.Ö. Leyla'nın Evi*. – İstanbul: Doğan Kitap, 2012. – 271 s.

Садокова А.Р.

Исторические предания полуострова Идзу

Полуостров Идзу – это живописное место недалеко от современного Токио. Там много небольших морских бухт и необыкновенно красивая горная природа. Однако таким восприятие полуострова Идзу было далеко не всегда. На протяжении многих веков Идзу был местом ссылки. Именно благодаря горному рельефу, крутым перевалам, ветрам, дующим со всех сторон, полуостров считался идеальным местом для содержания преступников – оттуда ссыльные практически не могли выбраться. Для многих из сосланных в эти места жизнь делилась на «до» и «после», и они возвращались с Идзу больными и потерявшими интерес к жизни

людьми. Японская культура и литература знают тому немало примеров. Однако такое случалось не со всеми. Когда-то одним из самых знаменитых «пленников» полуострова Идзу, еще будучи юношей, был будущий правитель средневековой Японии, выдающийся политический и военный деятель Минамото Ёритомо (1147–1199).

Повествовательный фольклор Идзу, который отличается жанровым разнообразием и представляет сегодня большой корпус текстов, сохранил уникальные исторические предания о деяниях Ёритомо.

На сегодня в фольклоре Идзу известно более пятидесяти текстов подобного рода. Для них характерно глубокое взаимодействие локальных легенд и преданий, повествующих о местных объектах природного и неприродного происхождения, и собственно историй о Ёритомо. Более того, как показало наше изучение этого вопроса, в фольклоре полуострова Идзу образ Ёритомо в большинстве случаев как раз и реализуется в контексте историй о создании им объекта природного характера, реже – неприродного. При этом круг этих предметов и объектов ограничен и не выходит за рамки набора, представляющего в японском фольклоре традиционно сложившийся особый интерес. В этом наборе на первом месте стоят «горы» (холмы, скалы, утесы, пещеры, камни) и «водоемы» (реки, пруды, болота, горячие источники, родники), что представляется совершенно естественным, если учесть рельефные особенности этого полуострова.

Понятно, что речь идет о локальных преданиях, которые в большом количестве представлены во всем японском фольклоре. Однако в случае с полуостровом Идзу на локальные, зачастую топонимические предания, «наложился» исторический аспект, из-за чего многие местные повествования стали связываться с деятельностью реального исторического лица, в данном случае Минамото Ёритомо, который действительно провел в изгнании на Идзу долгие годы своей жизни. Такое «наслоение» добавляло локальным преданиям «достоверности», налицо была «ссылка на авторитет», что, как известно, является обязательным параметром при бытовании несказочной прозы. Достоверность изложенных фактов подкреплялась многочисленными географо-топонимическими указаниями, что еще больше «связывало» рассказ о необычном событии или происшествии с реальными топонимами Идзу и далее – с деяниями Ёритомо.

Сафронов В.В.

Вступление к воспоминаниям магрибинской студентки о годах учебы в Советском Союзе

«Шесть лет – малый срок для истории, но много вмещает в жизни отдельного человека. Но иногда и для истории этот срок может оеазаться наполненным значительными событиями.

Первые три года моего пребывания в Советском Союзе не были для людей свободны от боли и трудностей, но жизнь регулировалась определенными правилами. Однако страдания людей неизмеримо возросли с началом стремительных преобразований.

Каждый народ сам выбирает свою судьбу. Ошибается, а затем страдает, опять ошибается и опять расплачивается за ошибки.

Очевидец преобразований не является посторонним свидетелем, поскольку разделяет чувства народа, оказавшего ему искреннее гостеприимство.

Я пишу эти воспоминания по просьбе моего отца, которому и посвящаю эту книгу.

Я изучала английский язык и литературу в колледже, мне было 19 лет, когда выдалась возможность по линии Союза магрибинских женщин, в котором, кстати, я не состояла, отправиться на учебу в Советский Союз для изучения русского языка и литературы. Я очень мало знала об этой стране, разве что столица – Москва, а глава государства – Горбачев, режим – тоталитарный коммунистический, всем заправляет секретная полиция КГБ, и на улицах очень холодно. Шел февраль 1985 г.»

Семененко И.И.

Поэтика в рамках комментария

«Большое предисловие» *Дасюй* к первой песне «Книги песен» *Шицзин* известно как первая эксплицитная поэтика в Китае. Но, будучи самой ранней и весьма небольшой по размеру, она обычно поражает воображение исследователей своим огромным влиянием на все последующее развитие китайской литературной мысли. Многие ее краткие и внешне обрывистые положения стали осно-

вой большинства более поздних поэтик. В то же время она считается классикой конфуцианской поэтики.

Дасюй относится к жанру комментария, но, в отличие от других комментариев к *Шицзину*, объясняющих конкретные песни и названия, носит гораздо более обобщающий характер как по предмету рассмотрения, так и по формулировкам положений. Для понимания *Дасюй* необходимо с самого начала достаточно четко представлять себе его место в структуре ханьских комментариев к *Шицзину* и особенно к первой песне этой антологии.

Как известно, в эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) были четыре школы в передаче текста *Шицзина* и толкований к нему. Три из них – Лу, Ци и Хань относились к школе «нового письма» *цзинь вэнь* и представляли собой официальную, т.е. придворную, традицию, а одна, так называемая школа Мао, принадлежавшая к школе «старого письма» *гу вэнь*, являлась частной, но с конца I в. до н.э. стала приобретать ортодоксальный характер и ее тексты, в отличие от первых трех, сохранились и дошли до нашего времени. Помимо редакции текста *Шицзина*, в школе Мао были созданы и передавались две экзегетические работы: «Комментарий к «Песням» Мао» (*Маоши чжуань*) и «Предисловия к «Песням» Мао» (*Маоши сюй*). К последним и относится «Большое предисловие». По *Ханьшу* («Истории династии Хань», завершенной в конце I в. н.э.), *Маоши чжуань* был создан эрудитом Господином Мао (под этим именем со II – III вв. подразумевались также «Господин Старший Мао» Да Маогун и «Господин Младший Мао» Сяо Маогун, соответственно: Мао Хэн и Мао Чан) в сер. II в. до н.э. и состоял из подстрочных комментариев к *Шицзину*, а *Маоши сюй*, датировка которых менее очевидна, чем в случае с *Маоши чжуань*, помещались перед песнями и характеризовались двумя видами деления: во-первых, они делились на «Большое предисловие» к первой песне и «Малые предисловия» *Сяосюй* к остальным песням, и, во-вторых, каждое «Малое предисловие» дифференцировалось на «верхнюю» и «нижнюю» части (тоже называвшиеся предисловиями). «Верхние» (вместе с «Большим предисловием») традицией приписывались Конфуцию или его ученику Цзыся – Бу Шуну (507–? до н.э.), а нижние – Маогуну или восточноханьскому эрудиту Вэй Хуну (I в. н.э.). Многие ученые склонны считать именно Вэй Хуна составителем не только нижних частей, но также «Большого предисловия». Что касается «верхних

предисловий», состоящих из одного предложения, то допускается их создание в сер. II в. до н.э. Значительно позднее неоконфуцианский философ, ученый и литератор Чжу Си (1130 – 1200 гг.) сузил рамки «Большого предисловия», выделив в прежнем начальную и заключительную части как «Малое предисловие». Все предисловия к первой песне традиционно также разделяются вставками комментария на 24 отрывка или перикопы: верхнее «Малое предисловие» (1 – 3), «Большое предисловие» (4 – 18), нижнее «Малое предисловие» (19 – 21). Перикопы 19 и 20 тоже выделяются как особое предисловие к двум первым разделам первой части *Шицзина* «Нравы царств» (Об истории формирования «Предисловий» see also [Legge, p. 29–33; Van Zoeren, p. 90–93]).

Издавно сформировались два направления в изучении поэтики *Дасюй*. В одном, следуя Чжу Си, «Большое предисловие» рассматривают отдельно от верхней и нижней частей «Малого предисловия», в другом – в единстве с ними. Второй подход является наиболее конструктивным, хотя, принимая его, надо учитывать различие составляющих такое сводное предисловие компонентов. Их объединяет главная категория всего предисловия – *фэн* (досл. «ветер»). Она встречается здесь 17 раз: 10 – в «Большом предисловии», 7 – в «Малом предисловии». По ее частотности они намного превосходят предисловия к остальным песням *Шицзина*. *Фэн* используется в нескольких пересекающихся между собой значениях: «напев», «нрав», «скрытое увещание», «наставление», «воспитание». На их пересечении песня выступает как выражение нрава, оказывающее воспитательное воздействие на аудиторию. *Фэн* тесно связана с такими терминами, как «отношения между людьми», «этос» (*лунь*) и «порыв», «задатки», «нрав», «настроение», «характер» (*ци*), получившими разработку в «Записках о музыке» *Юэцзи*, которые были одним из непосредственных источников *Дасюй*. Все три термина в разных аспектах определяют понятие этоса, общего для риторики, музыкальной эстетики и поэтики Древнего Китая. Именно это понятие и становится объединяющим стержнем риторического в своей основе «Большого предисловия».

Основная литература

1. Legge J. Appendix I. [i] The great preface // The Shi king, or the Book of Poetry // The Chinese Classics / With a translation, critical and exegetical

- notes, prolegomena, and copius indexes by J. Legge in five volumes. T. IV, pt. 1–2. (1871) Rpt. Taipei.
2. *Van Zoeren St. Poetry and Personality: Reading, Exegesis, and Hermeneutics in Traditional China.* Palo Alto. CA: Stanford University Press, 1991.
 3. Шисаньцзин чжушу (Тринадцатикнижие с комментариями). В 2-х т. / Испр. и изд. Жуань Юаня. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1982.

Семина А.И.

Васф в турецкой поэзии (на материале *кыт'а* XV–XIX вв.)

Жанр описания (*васф*), широко распространенный на всем Ближнем Востоке, в турецкой поэзии, как правило, играл подчиненную роль: описание было обязательным композиционным элементом *касыд* и *тарихов*, нередко встречалось в газелях. Тем не менее, описание отдельных объектов стало центральным мотивом в ряде *кыт'а*, большинство из которых посвящено пробуждению весенней природы от зимнего сна. Множество подобных *кыт'а* мы находим у поэтов XV–XVI вв., например, у Эмри и Неджати, которые, следуя канону, описывали пробуждение природы как воскресение из мертвых. Есть «весенние» *кыт'а* и у поэтов XVII–XVIII вв.: у Наби, Недима, Невизаде Атаи, Шейха Галиба и др. В единичных *кыт'а* поэты, напротив, описывали зимние холода и зиму: такие *кыт'а* мы находим в диванах Ахмед-и Даи, Исы Месиши, Бакы, Османа Невреса и др.

Помимо картин природы в турецких *кыт'а* рассматриваемого периода сохранились описания пиршеств и собраний, на которых поэты пили вино, читали свои стихи, слушали музыкантов и певцов, беседовали с друзьями. Описаний пиршеств в *кыт'а* сравнительно немного. Такие *кыт'а* встречаются, например, у Шейха Галиба и Шейхульислама Яхьи. *Кыт'а*-описания природы и пиршеств, в которых поэты разрабатывали традиционные для этого жанра мотивы, были популярны с XV по XIX в.

В *кыт'а-васфах* также отражались новые тенденции, возникавшие в турецкой поэзии на разных этапах ее развития. Так, с XVI в. турецкие поэты начали создавать *касыды* и *месневи* в честь различ-

ных городов Турции. Некоторые такие описания написаны в форме *кыт'а* и сохранились, например, в диванах Исы Неджати или Лебиба. С XVII века турецкие поэты демонстрировали все больший интерес к жизни современного им города и городских кварталов. Это привело к расширению списка объектов, которые могли становиться предметом описания в *кыт'а*: поэты все чаще воспевали в *кыт'а* здания и архитектурные сооружения. Такие *кыт'а*, сохранившиеся в диванах Наби, Невизаде Атаи, Лебиба и др., как правило, напоминали *кыт'а-тарихи*, которые создавались на завершение строительства, ремонтных работ или закладку зданий, однако не содержали в себе хронограммы.

Начиная с XVII в. внимание поэтов все чаще привлекала повседневная жизнь: они создавали *кыт'а* с описанием праздников и знаменательных событий. Традиционным объектом описания был месяц Рамазан: так, например, описание Рамазана мы видим в *кыт'а* Шейха Галиба, этому же событию посвятил ряд своих *кыт'а* Лебиб.

Наряду с событиями повседневной жизни поэты отражали в своих *кыт'а* чрезвычайные происшествия: в XIX в. Иззет Молла написал несколько *кыт'а* о пожаре в Стамбуле, о землетрясении в Алеппо и др. В диванах турецких поэтов встречаются единичные *кыт'а*, посвященные описанию ценных предметов: известны, в частности, *кыт'а* Наби о ружье и Османа Невреса о коне. В некоторых *кыт'а* поэты описывали необычные природные явления, например, Невизаде Атаи оставил *кыт'а* о тумане, Шейх Галиб о сильном ливне и др.

Стрелкова Г.В.

Особенности прозы поэта Кунвара Нараяна

Выдающийся поэт хинди Кунвар Нараян (1927 – 2017) оставил богатое литературное наследие. Писал преимущественно поэзию, переведенную на многие языки. Испытал влияние Агъеи, основоположника литературных направлений Новая поэзия и *Prayogvaad*. С 1959 г. участвовал в сборниках «Семерица струн», представлявших Новую поэзию. Большое влияние на его творчество оказала поездка 1955 года в страны Европы, СССР и Китай и встречи

с выдающимися поэтами того времени – Хикметом, Нерудой. Он сам стал поэтом мира, сохраняя верность Индии. К. Нараян перевёл поэзию лучших европейских поэтов, открыв их творчество читателям хинди. Его стихи полны раздумий, интереса к истории, культуре и философии, обращены к коренным проблемам жизни и смерти. Вершиной его творчества считаются эпические поэмы «Атмаджаи» (Покорение себя) и «Под предлогом Ваджашравы», основанные на древнеиндийской мифологии. Они объединены стремлением проникнуть в тайны бытия и увидеть их сквозь призму мифологии и истории. Поэта интересовали музыка, живопись и кинематограф. В его родовом доме в Лакхнау обсуждались и велись съемки экранизации рассказа Премчанда «Игроки в шахматы». К. Нараяна называли «созерцателем жизни», и его обращение к визуализации слова неслучайно. Ему принадлежат несколько стихотворений – «словесных картин», литературно-критические статьи и книга о кинематографе. Они, вместе с двумя сборниками рассказов («Вблизи образов», 1976 и «Хор беспокойных листьев», 2018) составляют корпус прозы К. Нараяна.

В первый сборник входит 17 рассказов. Их трудно объединить тематически и стилистически, но есть общая черта: интерес к внутреннему миру и внешнему поведению человека, попытка понять суть человеческих поступков, постичь движения его души. Критики, высоко оценивая рассказы, называют их кафкианскими, афористичными, экспериментальными и эксцентричными. Одни написаны в стилистике литературы абсурда, другие – экзистенциализма, третьи подобны притче. Рассказ «Могольский султан и водонос», основанный на истории Великих Моголов, по мнению специалиста-историка, представляет собой пародию на историческое повествование или же свидетельство того, как историю воспринимают и неверно истолковывают люди XX века. Эти рассказы объединены в единое целое и благодаря их связи с поэзией самого автора, К. Нараяна. В первом же из них («Вблизи образов») развиваются и меняются образы непоседливого ветра и солнечного света, они одухотворяются, приобретают человеческие черты. И в стихах поэта встречается эта пара, её поведение, взаимоотношения передаются сходным образом, но в рассказе звучит трагичная нота, а в стихах умиротворённость. Одухотворение явлений природы, характерное для поэзии К. Нараяна, присутствует и во

многих рассказах его сборника. Есть и другие особенности, объединяющие поэзию и прозу поэта. Эти рассказы писались и были изданы в то время, когда в литературе хинди уже сформировалось направление Новый рассказ. Его создателями и представителями были многие друзья и единомышленники К. Нараяна – его учитель Агья, современники Мохан Ракеш, Р. Сахай, Муктибодх, Камалешвар. И хотя в рассказах Кунвара Нараяна можно найти многие черты, характерные для Нового рассказа, даже сходство некоторых приёмов (гротеск, элементы фантастики) и внимание к городской жизни, его сборник стоит особняком в литературе хинди последней трети XX века. Главная причина этого – особый взгляд поэта, пишущего прозу, на своих героев и окружающую их действительность, своеобразный, парадоксальный в своей простоте и противоречивости, язык, а также неповторимый стиль вглядывающегося в тайны бытия писателя, который одухотворяет всё вокруг.

Строганова Н.А.

Становление эпистолографии в Древнем Китае

Самые ранние свидетельства о дипломатической переписке в Китае датируются 7 в. до н.э., практика обмена личными письмами зарождается в 3 в. до н.э., а как литературный жанр письмо начинает рассматриваться в период правления династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Письма, написанные на закате Хань, а именно в период *Цзяньань* (196 – 220 гг. н.э.), ознаменовавший переход китайской литературы в полосу Средневековья, предвосхищают расцвет эпистолографии в последующие эпохи.

Впервые *шу* 書 (письма) появляются в комментарии *Цзочжуань* к летописи *Чуньцю*, которая включает в себя записи всех важных событий, произошедших в одноименный исторический период (722 – 481 гг. до н.э.). В этот период политической нестабильности составлялось множество письменных соглашений и обращений, направленных на заключение и поддержание союзов между отдельными царствами. Искусные речи гонцов, способные напрямую влиять на судьбы царств, стали заметным явлением в политической жизни того времени. Самым известным посланцем тех лет был сановник Чжэн Цычань 郑子产, который сохранил своё цар-

ство среди более крупных и сильных во многом благодаря своему красноречию. Речи посланцев обыкновенно записывались в виде посланий, или эпистол; *шу* периода *Чуньцю* преимущественно делятся на два вида: на краткие письма, выполняющие практическую коммуникативную функцию, и на тщательно продуманные, исполненные красноречия дипломатические послания. Также в период *Чуньцю* уже бытовали ответные письма – так называемые *фушу* 复书.

Если период *Чуньцю* был отмечен деятельностью посланцев, то период *Чжаньго* – выступлениями сторонников Союзов царств по горизонтали и вертикали (*цзунхэнцзя* 纵横家). Этих странствующих ораторов, самыми известными среди которых были лидеры двух Союзов Су Цинь 苏秦 и Чжан И 张仪, можно назвать древнекитайскими софистами, видевшими в *шу* удобное средство реализации своих планов и замыслов. Политические темы преобладают в *шу* периодов *Чуньцю* и *Чжаньго*. Письма на личные темы появляются только к концу этого времени.

Период правления династии Цинь (246–210 гг. до н.э.), омрачённый подавлением конфуцианской учёности и сожжением классических книг, с литературной точки зрения традиционно оценивается довольно низко.

В период правления династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) эпистолярная практика получила широкое распространение; письмо прочно утвердилось в качестве литературного жанра и стало одной из самых функциональных, утилитарных литературных форм своего времени. Ханьские письма, в отличие от писем предшествующих эпох, были представлены двумя разновидностями – официальными письмами и личными письмами. Официальные письма, будучи политически злободневными по своему содержанию, нередко характеризуются агрессивностью, приказным тоном, предельной ясностью и чёткостью. Личные письма Ханьской эпохи делятся на общественно-личные (письма на общественно-личные темы), которых сохранилось чуть меньше, и на исключительно личные, которых до нас дошло чуть больше.

Несомненно, в период Древности эпистолярная практика получила наибольшее распространение именно в эпоху Хань – этому способствовали доступность писчего материала, развитие образования, расширение деятельности почтовых учреждений. Письмо

как литературная форма, как средство коммуникации не утрачивало популярности и во все последующие эпохи. В отличие от различных жанров и жанровых форм, среди которых одни появлялись, а другие исчезали, письмо как жанр существует до сих пор. О том, что письмо было одним из важнейших литературных жанров (а, главное, почти неизменным жанром) на протяжении всей истории китайской литературы, свидетельствуют многочисленные антологии, и привнесли его в традицию именно ханьцы.

Письма представляют собой исторический источник и кладёз знаний о культуре того времени. Едва ли ещё какой-либо литературный жанр, существовавший до зарождения письма или возникший одновременно с ним, охватывал такой широкий диапазон тем и служил такому множеству целей, выполнял столь разнообразные функции, как письмо. Эпистолярная сокровищница того времени проливает свет на поступки, мысли, чувства, характеры людей того времени. Письма освещают политическую, культурную, интеллектуальную, общественную стороны жизни. Именно письма порой содержат такие сведения об ушедшей эпохе, которые мы ниоткуда, в том числе и из исторических хроник, не почерпнём.

Основная литература

1. A History of Chinese Letters and Epistolary Culture / Ed. by Antje Richter. Leiden; Boston, 2015.
2. *Chung E. Y.-W.* A Study of the 'Shu' (Letters) of the Han Dynasty (206 B.C. – A.D. 220). Ph.D. Diss. University of Washington, 1982.
3. *Richter A.* Letters & Epistolary Culture in Early Medieval China. Seattle, 2013.

Фролова М.В.

«Тайная сила» яванской мистики в одноимённом романе нидерландского писателя Луи Куперуса (1900 г.)

Луи Куперус (*Louis Couperus*, 1863–1923) – известный нидерландский писатель *fin de siècle* (фр. «конца века»). Куперус родился в Гааге в семье судьи из Нидерландской Ост-Индии; жил в Батавии с 1872 по 1878 гг. Его творчество формировалось под влиянием эстетизма, дендизма и натурализма. В художественном «мире мерцающей красоты, отдающей пряным вкусом декаданса» ари-

стократические и рафинированные герои Куперуса испытывают депрессии, безумие, тягу к самоубийству, сексуальные девиации, увлекаются оккультизмом и мистикой. Отражение настроений, характерных для эпохи, снискало писателю славу блестящего автора, и его романы переводились на русский язык с 1902 по 1907 гг. [Михайлова, предисл. к изд., 2014]. Знаменитый роман «Тайная сила» (*De Stille Kracht*) создавался, когда Куперус гостил у родственников в Нидерландской Индии. Это повествование о драматических событиях в семье Отто ван Аудейка, резидента вымышленного восточнояванского города Лабуванги. Декадентские настроения пронизывают основную любовную интригу романа. Основной конфликт происходит между резидентом и регентом (якобы практикующим занятия чёрной магией). Антиколониальный *message* Куперуса инкорпорирован в готический дискурс. Тайны, проклятия, чёрная магия яванцев подрывают колониальную систему изнутри при внешней покорности колонизированных. Зловещая атмосфера создается благодаря ярким описаниям всего, маркированного ужасным: темноте, рою насекомых, летучим лисицам, стонам в ночи. Готическая повесть предполагает, что эпицентр событий – грехи предков и неминуемое возмездие, с которым приходится столкнуться потомкам. Предчувствия гибели дома и семьи передают картины разложения и распада: «Мой сад – болото. Три стула в передней галерее разваливаются от сырости. ... Чтобы немного утешиться, я стала играть на рояле Вагнера. Но рояль расстроен, думаю, между струнами разгуливают тараканы» [Куперус, 111].

Тайная сила лишена какого-либо описания, кроме постоянных предчувствий и нагнетания, она абсолютно аморфна: «Это не было обманом зрения и слуха: мы действительно это видели, слышали, осязали: оно лилось на нас, расплывалось на нас, оно заполнило всё помещение! ... И никто из нас не понимал, что же это такое... И с тех пор я ощущал это всегда. Оно окружало меня, наполняло воздух, растекалось у меня под ногами. Понимаете, вот это самое, и только это, – прошептал ван Аудейк совсем тихо, – сломило меня» [Куперус, 171]. Наказание за совершенное в прошлом зло – ключевой момент повести; тайная сила – это растущее национальное сопротивление, неспособность содержать колонию, распад прежнего мира. Герои всё чаще начинают видеть «белого хаджи» и страшно пугаться его вида. Мерцающий призрак паломника символизиру-

ет исламскую мораль, противопоставленную европейскому декадансу, бурно и бесконтрольно разросшемся в тропиках; возмездие, надвигающееся на высший свет Ост-Индии – главный источник страха и отражение настроений начала XX в. «Тайная сила» в конечном счёте оказывается чем угодно, и даже самым колониализмом, зловещим и разрушающим себя изнутри.

Основная литература

1. *И.М. Михайлова*. Луи Куперус // От лиса Рейнарда до сна богов. История нидерландской литературы. XII–XX век. В 2-х Т. / СПб: Александрия, 2013. Т. I., сс. 402–420.
2. *Куперус, Луи*. Тайная сила / Перевод И. Михайловой. Москва: Геликон Плюс, 2014.

Экология культуры Востока

Ермаков К.В.

Корейский конфуцианец Чон Дасан (1762 – 1836) о территориальных притязаниях на Ляодунский полуостров

Трудно найти область гуманитарного знания, доступного представителю конфуцианской элиты средневековой Кореи, которая бы не была изучена Чон Дасаном (1762 – 1836), энциклопедистом и теоретиком реформ государственного управления. Суждения мыслителя охватывают самые разные отрасли, начиная от трактовок классиков конфуцианства и заканчивая судомпроизводством, музыкой, медициной и даже фортификацией.

Особое место в наследии Чон Дасана занимает изучение истории и её уроков: анализу событий прошлого посвящён целый ряд произведений мыслителя. Некоторые из них уже разбирались в рамках работы подсекции «Экология культуры Востока» ежегодной конференции «Ломоносовские чтения» (см. сборник за 2013 г., с. 220–222). Целью настоящей работы является освещение трактата под названием «Йодоннон» («Рассуждение о [полуострове] Ляодун»).

Своё «Рассуждение» автор начинает с краткого экскурса в историю, в котором знакомит читателя с обстоятельствами утраты Кореей контроля над Ляодунским полуостровом (совр. провинция Ляонин в КНР). Чон Дасан напоминает, что когда-то земли государства Когурё (традиц. датировка: 37 г. до н. э. – 668 г. н. э.) включали в себя территорию Маньчжурии, соприкасаясь с землями племён шивэй на севере и занимая площадь к востоку от Шаньхайгуаньского прохода. Позднее, в эпоху правления династии Корё (918 – 1392 гг.), эти земли были захвачены киданями, и вернуть их

в свой состав корейцы не смогли ни при династии Цзинь, ни при династии Юань. В итоге естественной границей государства стала река Амноккан (кит. Ялуцзян). Правителям Кореи вану Седжону (правил 1418 – 1450 гг.) и вану Седжо (правил 1455 – 1468 гг.) удалось продвинуться на северо-восток Корейского полуострова, однако вернуть Ляодунский полуостров даже им оказалось не под силу.

Тем не менее, в отличие от большинства своих современников, сокрушающихся об утрате земель, Чон Дасан не склонен видеть в этом повод для сожаления: «Я считаю, – пишет автор, – что для [нашей] страны было благом, что [мы] не смогли отвоевать обратно [полуостров] Ляодун». По мнению конфуцианского эрудита, данная местность всегда являлась стратегически важным районом, через который в разные исторические эпохи протаптывали себе дорогу армии китайцев и различного рода «варваров»: сяньбийцев, киданей, чжурчжэней, монголов... Для мягкого, работающего и неагрессивного народа обладание Ляодунским полуостровом было бы сущим бедствием: в мирное время пришлось бы тратить огромные средства на задабривание союзников, в военное – гигантские расходы шли бы на военные нужды. И в том, и в другом случае силы государства были бы истощены до предела.

Даже если бы Ляодунский полуостров не был территорией минского Китая, – полагает Чон Дасан, – государи Седжон и Седжо вряд ли стали бы предпринимать усилия по его завоеванию: «Потому что мудрый правитель не станет удерживать бесплодную, не приносящую никакой пользы землю, увеличивая тем самым количество враждебных государств». Кроме того, по мнению конфуцианского мыслителя, географические условия Кореи, с её двумя пограничными реками (Амноккан и Туманган) на севере и морями с трёх остальных сторон, образуют естественную крепость. И Ляодунский полуостров был бы для страны лишним балластом.

С другой стороны, – рассуждает Чон Дасан, – если когда-нибудь в будущем экономическая и военная мощь страны позволят бросить вызов Китаю, то без освоения Ляодунского полуострова будет не обойтись. Тогда, – заключает автор, – если занять Ляодунский полуостров на востоке, умирить чжурчжэней на востоке, расширить земли на севере, дойдя до истока реки Амур, и выстоять в борьбе с монголами, то страна, действительно, станет большой.

Говоря о стилистике трактата, можно сказать, что, по сути, мы имеем дело с заметкой, написанной в жанре газетной публицистики – и это почти за сто лет до появления в Корее первых многотиражек. Будучи коротким по объёму, текст позволяет сделать несколько выводов и предположений.

Во-первых, рациональный подход, в принципе свойственный мировоззрению Чон Дасана, проявляется и в его взгляде на внешнюю политику. По мысли конфуцианского мыслителя, любое расширение земель должно быть обосновано практической пользой, подкреплено военной мощью и не должно идти вразрез с экономическими интересами государства и его подданных.

Во-вторых, можно предположить, что артикулируемый «пацифизм» может объясняться не только заботой о благосостоянии страны и её жителей, но и скрытым недовольством потомственно-аристократа чересчур сильным укреплением монаршей власти (которое может питаться в том числе территориальными приобретениями).

В-третьих, примечательно, что в своём историческом обзоре Чон Дасан от государства Когурё сразу «перескакивает» к династии Корё, минуя тем самым два с лишним столетия существования государств Объединённое Силла (668 – 935 гг.) и Пархэ (кит. Бохай, 698 – 926 гг.). Указание на то, что своих земель в Маньчжурии Корея лишилась в эпоху Корё, является косвенным подтверждением того, что для автора данного трактата история и территория государства Пархэ являются корейскими.

В-четвёртых, амбивалентность подхода в вопросе о территориальных притязаниях, присутствующая в «Рассуждении», заслуживает особого внимания, поскольку аналогичная система логических построений присуща корейской публицистике вплоть до наших дней.

Бессонова Е.Ю.

Актуальная тема Олимпиады Токио 2020 в традиционной японской новогодней открытке

История традиционной японской новогодней почтовой открытки началась с периода Мэйдзи. С тех пор оформление новогодних

открыток не только соответствует этикетному сезонному поздравлению, основная цель которого поддержание межличностных отношений, но и соотносится с актуальными событиями культурной и социальной жизни страны. После того, как город Токио в 2013 г. был выбран столицей Летних Олимпийских игр 2020 г., тема Олимпиады заняла заметное место среди предстоящих значимых событий. В оформлении новогодних открыток 2019 г., то есть года, предшествующего Олимпиаде, основной акцент сделан на олимпийской тематике. Олимпиада всегда являлась событием мирового значения, выходящим за рамки спорта, это заметное явление в социальной, культурной жизни страны, которое соприкасается с экономическими и политическими интересами государства. В докладе проанализируем пресс-релизы, опубликованные японским почтовым ведомством по случаю выпуска японских новогодних открыток 2019 г. [1]. Почтовым ведомством было выпущено 41.400.000 новогодних открыток, посвященных олимпийской тематике [2]. На новогодних открытках 2019 г. изображены талисманы Олимпиады "Мирайтова" (будущее) и "Сомэйти" (производное от сорта сакуры), которые были официально утверждены 22 июля 2018 г. Всего в олимпийской серии представлено 3 вида открыток: 1) почтовые новогодние открытки для самостоятельного оформления с изображением талисманов на адресной стороне (20.200.000), 2) открытки с изображением талисманов на лицевой стороне (20.200.000) и специальные открытки с объёмной печатью изображений талисманов на лицевой стороне (1.000.000). Открытки актуальной олимпийской тематики поступили в реализацию 1 октября 2018 г., на месяц раньше других видов новогодних открыток. В пресс-релизах подчеркивается пропагандистская функция олимпийской тематики, почтовые новогодние открытки должны играть важную роль в популяризации Олимпиады Токио 2020 и привлечении особого внимания к Олимпийским играм. В пресс-релизах объявлено, что в качестве главного приза при розыгрыше лотерейных новогодних открыток утверждено пакетное предложение "Приглашение на Олимпиаду Токио 2020", при этом подчеркивается, что вырученные от лотереи средства будут направлены на цели подготовки и проведения Олимпийских игр. Можно утверждать, что изучение японских новогодних открыток дает возможность выделить актуальный событийный ряд в социально-культурной жизни обще-

ства. Традиционные японские новогодние открытки относятся не только к категории этикетных поздравительных открыток, но и к категории историко-событийных открыток, играющих роль своеобразного источника информации, которую необходимо быстро распространить среди населения страны.

Основная литература

Интернет-источники

1. Почта Японии. <https://www.post.japanpost.jp> Дата обращения 15.02.2019.
2. Пресс-релиз японского почтового ведомства о выпуске новогодних открыток 2019 г. https://www.post.japanpost.jp/notification/pressrelease/2018/00_honsha/0730_04_01.pdf (Дата обращения 15.02.2019)

Зайцев В.Н.

Памяти Зинаиды Григорьевны Лапиной

Зинаида Григорьевна Лапина была из породы тех учёных, для которых избранная однажды специальность, не остаётся единственным делом жизни, но расширяет горизонт восприятия и осмысления картины мира. Как историк, глубоко изучив характерные особенности системы государственного управления в средневековом Китае, она приблизилась к пониманию ряда устойчивых специфических свойств китайской культуры, а через них обратилась к поискам универсальных закономерностей человеческой культуры в целом и её взаимодействия с природой. Не случайно она много лет возглавляла работу такого научного подразделения ИССА МГУ как лаборатория экологии культуры Востока.

Её глубокий, пылкий интерес к этим проблемам и широкая эрудиция позволяли ей по-новому увидеть те или иные, казалось бы, давно изученные явления культуры. Так, в своём оригинальном разборе стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» она предложила интересную гипотезу об возможном толковании онтологического подтекста этого произведения, зашифрованного в его композиции и образном строе.

Зинаида Григорьевна воспринимала историю и культуру не просто как предмет исследования, а как самое увлекательное и та-

инственное проявление чуда бытия, возможность и способность приобщения к которому стали для неё самым щедрым подарком судьбы.

Она была человеком редкой доброты и отзывчивости. Каждый, с кем ей доводилось общаться, был ей интересен как личность.

Машикина О.А.

Новые ассоциации и смыслы в китайской политической лексике

При изучении китайского языка и культуры нельзя не обратить внимание на любовь китайцев к использованию омофонов – созвучных, но имеющих разное значения слов. Омофония и многозначность в китайском языке тесно вплетены в национальную символику и культуру. Например, слово «рыба» (鱼) звучит так же, как слово «избыток» (余) – [yú], поэтому праздничный стол в китайский новый год традиционно украшает блюдо с приготовленной рыбой. Омофоны присутствуют и в других языках. Они чаще всего используются с неким забавным подтекстом. Вспомним В. Маяковского: «Лет до ста расти/нам без старости». В этой поэтической строчке мы видим лишь игру слов, основанную на применении сходно звучащих слов. Аналогичные примеры каламбуров можно найти и в других языках, но они не играют такую важную роль как в китайском языке. Омофоны в китайской языке могут использоваться для формирования ценностных установок. В опубликованной недавно статье «时代挑战:以教育创新推动中国智造» мы видим вместо привычного для восприятия словосочетания «中国制造» («Сделано в Китае») другое, одинаково звучащее, но с иным контекстом «中国智造» («Производство знаний в Китае») [1:78]. Таким образом, через визуальное восприятие в реальное сознание читателей внедряется новая цель. Если раньше Китай ассоциировался во всем мире с мировой фабрикой, то в соответствии с новыми стратегическими планами руководства страны, в ближайшем будущем Китай должен превратиться в мировой инновационный центр. Для этого требуется много специалистов высокого уровня. В последнее десятилетие в китайских вузах ежегодно обучается около 8 млн студентов. Это означает,

что за прошедшие 10 лет количество выпускников китайских вузов могло бы сравняться с населением ряда развитых европейской страны, а вместе с молодыми китайцами, имеющими полное среднее образование, они составят численность половины населения Западной Европы. На этом основании можно было бы утверждать, что Китай заложил кадровую основу для перехода к экономике знаний, если бы не экспертные оценки китайских ученых, которые признают, что несмотря на большое число людей с достаточно высоким уровнем образования, Китай еще далек от того, чтобы перейти от названия «大国» («Большая страна») к обозначению «强国» («Сильная держава»). Причина – в дефиците инновационных кадров (创新型人才). Как видим, возникающие новые ассоциации и смыслы позволяют продвигать в обществе ценности и взгляды, способствующие реализации государственной стратегии развития.

Основная литература

1. 徐辉。时代挑战:以教育创新推动中国智造 «Вызов времени: через инновации в образовании развивать интеллектуальное производство в Китае». – 中国教育黄皮书 2018 (Yellow Book on Education in China). – Hubei Jiaoyu Chubanshe, 2018. – С. 367.

Никитина Л.В.

Каким способом японцы сохраняют природный вкус продукта

Процесс взаимодействия традиционного и нового в такой области материальной культуры, как пища, и вообще в системе питания Японии весьма интересен. Пища как явление культуры выполняет несколько функций, она бывает повседневной, ритуальной, праздничной, жертвенной и т.д. Есть множество представлений о престижной и непрестижной пище, о ее полезности и вредности для разных категорий людей (детей, беременных женщин, стариков). Без пищевых предписаний не обходится ни одна религиозная система. В быту разных народов национальная специфика пищи сохраняется значительно прочнее, чем большинство других форм материальной культуры, таких как одежда, жилище, утварь, и в системе питания любого народа сегодня происходят большие, порой кардинальные изменения.

В современной японской кухне, которая открыта для новаций, но вместе с тем, остается глубоко традиционной, ценятся такие качества пищи, которые перестали быть значимыми в европейской кухне. Речь идет о сохранении природного вкуса продукта путем приготовления пищи «естественным способом», т.е. путем квашивания, сушки на солнце, ферментации при помощи особых бактерий. Эта сфера японской кулинарии практически неподвластна никаким влияниям извне. Может быть, именно поэтому продукты, прошедшие такую обработку, столь трудны для вкусового восприятия иностранцами. То, что вызывает у японцев радость от пленительного вкуса, рожденного природой, у иностранцев может вызывать откровенное неприятие. Это касается и вкуса, и запаха, и самого знания о составе предлагаемой еды. И в этом случае не могут помочь никакие рассказы японцев о важности для здоровья питательных веществ продукта.

Почти классическим примером такого рода стало блюдо *натто* – перебродившие соевые бобы. Если говорить о полезности, то этому продукту поистине нет равных: в нем много белка и витаминов, оно способствует улучшению циркуляции крови. *Натто* едят, перемешав с мелко нарезанным зеленым луком и соевым соусом, подают с рисом. Чтобы приготовить *натто*, мелкие соевые бобы варят на пару и добавляют в них бактерии, живущие в рисовой соломе. При определенной температуре начинается процесс брожения. В результате получается сильно и неприятно пахнущая клейкая масса, которая растягивается в нити, едва ее возьмешь палочками. Немного найдется среди иностранцев любителей *натто*, несмотря на всю полезность этого блюда. К столь же экзотическим, с нашей точки зрения, продуктам можно отнести и *сиокара* (маринованные рыбные внутренности), *гёсё* (острый соус из квашеной рыбы или моллюсков) и *нарэ-дзуси* (прообраз популярных сегодня во всем мире *суси* \ маринованная смесь рыбы или моллюсков с рисом; рыба солится в течение месяца с икрой, а затем маринуется в рисе около года) и др.

Как видно, современная японская кухня – это сложное многогранное явление, в котором традиции и новации взаимодействуют, ставя и решая самую главную задачу японской кулинарии – сохранение изысканного природного вкуса. Современные технологии и новые ингредиенты вносят свой вклад в изменение облика

японской кухни, равно как и многочисленные кафе и рестораны, ориентированные на иностранную пищу. Японцы с удовольствием едят блюда китайской, корейской, а также европейской, прежде всего итальянской, кухни. Но, как представляется, они делают это весьма дозированно, все равно отдавая предпочтение японской еде. Именно поэтому и сегодня особой популярностью пользуются лавочки и магазины, в которых продается продукция, изготовленная по старинным рецептам, а к чужеродным блюдам, попавшим все-таки на японский стол, предъявляется требование сочетаемости с рисом и традиционными приправами. Новации в еде видны в Японии повсюду, но на поверку они лишь верхняя яркая, красочная часть айсберга, которая покоится на мерно отсчитывающей десятки и сотни лет японской кулинарной традиции.

Семенов И.И.

Концепция нефрита в древнекитайской эстетике

Нефрит (*юй*) как эстетический феномен сопоставим по своему значению в Древнем Китае с «горами и водами» (*шаньшуй*). Китайцев поражала затаенная, но чрезвычайно большая выразительность его формы. В ней они усматривали полное тождество с сущностью этого камня. А его сущность определялась только как «прекрасная» (*мэй*). По этой причине он стал хвалебным и почетным наименованием. Но в нем видели выражение и человеческой добродетели, которая ассоциировалась с его сущностью. Это происходило в том случае, если он входил в поле деятельности человека, например, когда его кто-то находил и высоко оценивал, делал из него музыкальные инструменты и украшения – «нефритовые подвески», «нефритовые била», служившие в то же время атрибутами высшей власти, носителя наибольшего воспитательного воздействия. С одной стороны, по древним представлениям, как предмету природы, ему была присуща музыкальная гармония, а с другой – визуально и в осязании он уподоблялся идеальному нраву, в восприятии на слух – человеческой речи, в качестве же музыкального инструмента относился к музыке. Так, в Древнем Китае сформировался этос нефрита, причем не только музыкальный, но и более общего плана – риторический, включающий наряду

с искусством словесного убеждения «красноречие тела», одежды и украшений.

(Ниже приводятся из древнекитайских памятников некоторые наиболее важные высказывания на эту тему в перев. И.И. Семенова по изд.: Чжунго мэйсюэ ши цзыляо сюаньбянь В 2-х т. Т. 1. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1980).

Ведь нефрит благородный муж сравнивает с добродетелью. По мягкости, гладкости и блеску [он напоминает] человечность; по четкости прожилок – разумность; по твердости и несгибаемости – справедливость; по остроте без колкости – [надлежащие] поступки; по тому, что [может быть] разбит, но не согнут, – храбрость; по заметности всех его изъянов – искренность; по тому, что если ударяют по нему, [от него исходит] чистое звучание, [оно] высоко возносится, слышно далеко, и в конце внезапно прекращается, – речь. ... на нефрите светятся узоры (*Сюньцзы*, 30.4).

Нефрит Хэ не украшался пятью цветами (назван по фамилии чусца Хэ, который нашел этот нефрит в горах и попытался преподнести двум последовательно правившим чуским царям, но те, посчитав его простым камнем, в наказание лишили Хэ обеих ног; и только при следующем царе он получил надлежащую оценку – *И.С.*), жемчуг суйского князя не украшался серебром и золотом (по преданию, был подарен змеей правителю владения Суй в благодарность за то, что он, когда она была ранена, вылечил ее – *И.С.*), [так как] их [природная] материя (*чжи*) была настолько прекрасной (*мэй*), что ничто не могло придать им большей красоты. Ведь если вещи, чтобы стать пригодной, требуется украшение, то ее [природная] материя не является прекрасной (*Хань Фэйцзы*, 20)

В древности благородные мужи непременно носили на себе нефритовые подвески, левые [издавали тоны] *чжи* и *цзюэ*, правые – [тоны] *гун* и *юй* ... нефритовые [подвески] издавали чистый мелодичный звон («Записки о ритуалах», XI).

У нефрита имеются шесть прекрасных [качеств] (*мэй*), [за которые] благородный муж его высоко ценит. Издали он видится мягким и гладким, вблизи в нем [просматриваются] четкие прожилки; [издает] звуки вблизи замедленно, но [они] слышны далеко; [может быть] разбит, но не согнут, с щербинами, но не податлив; остр, но не колок; какие-либо изъяны непременно показывает вовне – поэтому благородный муж его высоко ценит. [За] то, что издали он

видится мягким и гладким, благородный муж сравнивает его с добродетелью; [за] то, что вблизи в нем [просматриваются] четкие прожилки, благородный муж сравнивает его с разумностью; [за] то, что [издает] звуки вблизи замедленно, но [они] слышны далеко, благородный муж сравнивает его со справедливостью; [за] то, что [может быть] разбит, но не согнут, с шербинами, но не податлив, благородный муж сравнивает его с храбростью; [за] то, что остр, но не колок, благородный муж сравнивает его с человечностью; [за] то, что какие-либо изъяны непременно показывает вовне, благородный муж сравнивает его с сущностью (*цин*) (Лю Сян. «Заповедник суждений», 17).

Кто-то спросил о сходстве благородного мужа с нефритом. «[Он] чист, изыскан, тепл и лучезарен; мягок, но тверд; гладок, но с углами; это в [своем] построении неопишимо! (Ян Сюн. «Обязовые речи», 12.7)

Когда тоны звенят, не нефрит ли составляет их [природную] материю? (Там же, 8.17)

Боюсь ударить в глиняный горшок, покрытый пылью:
Не посмеется ли над ним звенящая [подвеска] из нефрита?
(метафора высококлассного литературного произведения –
И.С.) (Лу Цзи. «Ода о литературе»)

Чэнцзы также сказал: «Мэнцзы в небольшой мере обладал напористым порывом (*инци*). Ведь только от напористого порыва и бывают дерзкими. Он весьма мешает делу. Например, Янь Хуэй (лучший ученик Конфуция – *И.С.*), в отличие от [этого], был прост и благороден, и ему совсем немного недоставало до Конфуция. А Мэнцзы был высокостойным [человеком], вторым после Конфуция». Кто-то спросил: «В чем проявляется напористый порыв»? [Чэнцзы] ответил: «Это можно уяснить, если сравнить с тем, что говорил Конфуций. Например, лед и кристалл не могут не блестеть. В сравнении с ними у нефрита мягкое, неявное проявление порыва (*цисян*), немного блеска» (Чжу Си. «Предисловие к *Мэнцзы*»).

Африканистика

Громова Н.В.

Выражение плюральности в языках банту

Языки банту относятся к языкам с именными классами. При этом именные классы получают или определенный классификационный номер или для разграничения классов указывается глагольный субъектный согласователь. При этом классу нечетного ряда приписывается, как правило, значение единственного числа, классам четного ряда – множественное. Такая корреляция классов представляет собой идеальную систему, в которой серии сингулярных и плюральных классов должны быть изоморфны. Так, М. Гасри подобные двухклассные серии предлагает называть родами (*genders*) [1]. Однако языки банту обнаруживают в этом отношении значительное разнообразие по степени дис-пропорции между сингулярными и плюральными классами. Среди именных классов есть классы, индифферентные к категории числа. Кроме того, диспропорция зависит не только от наличия в составе класса имён типа *singularia tantum* и *pluralia tantum*, но и от деформации классной системы, вызванной общим упрощением грамматической системы языка под воздействием контактирующих языков разного социального статуса и разного престижа. Из некоторого числа плюральных классов выбираются классы или класс, которые коррелируют со всем остальным корпусом сингулярных классов.

Так, для всех языков банту корреляция 5-го и 6-го класса (с префиксом *ma-*) является регулярной. В то же время префикс *ma-* берет на себя функцию выражения плюральности и для ряда других классов, например: в языке суахили 6 → 5 (*tunda/matunda* ‘фрукт/фрукты’), 6 → 9 (*babu/mababu* ‘дед/деды’), 6 → 11 (*ugonjwa/magonjwa* ‘болезнь/болезни’); зулу 6 → 5 (*ilanga* → *amalanga* ‘солнце/солн-

ца', 6 → 9 (inkosana/amakosana), руанда 6 → 5 (izuru /amazuru 'нос/носы'), 6 → 9a (ibaruwa/amabaruwa 'письмо/письма'); лингала 6 → 5 (libela/mabela 'колодец/колодцы'), 6 → 9 (mboka/mamboka 'город/города') и др. В целом, 6 класс наряду с регулярной корреляцией образует большое количество (13!) нерегулярных корреляций по числовому и оценочному признакам [2].

Процесс нивелировки плюральности в ряде языков банту значительно продвинулся. Речь идет о западнобантуских языках лингала, китуба (монокутуба), аква и других, которые в качестве плюрализатора выбирают префикс *ba-*. Так, например, в китуба [3] с помощью префикса *ba-* образуется множественное число существительных 1 класса (*muntu/bantu* 'человек/люди'), 1а класса (*mama/bamama* 'мать/матери'), 3 класса (*mwinda/minda/bamwinda* 'свет/'), 5 класса (*dibele/mabele/babele* 'грудь/груды'), 9 класса (*mbulu/bambulu* 'шакал/шакалы'), 11 класса (*lusadis/balusadis* 'помощь/помощи'), 13 класса (*kanifi/bakanifi* 'нож/ножи'), 14 класса (*bwala/babwala* 'деревня/деревни').

Таким образом, в языках банту проявляется заметная тенденция выбора универсальной плюральной граммы (или двух грамм), общей для многих сингулярных классов, что ведет к разрушению стройной согласовательной парадигмы и сокращению согласовательных моделей.

Основная литература

1. Guthrie M. Gender, number and person in Bantu languages // BSOAS, vol. 12, № 3–4. 1948; он же. The classification of the Bantu languages. Oxford, 1948.
2. Аксенова И.С., Топорова И.Н. Введение в бантуистику. Имя. Глагол. «Наука», 1990. С. 56.
3. Stucky S.U. How a noun class system may be lost: evidence from Kituba (Lingua franca Kikongo) // Studies in the linguistic sciences, vol. 8, № 1, 1978. Pp. 216–233.

Грушина О.А.

Лексико-грамматические особенности заголовков экономических медиатекстов на языке суахили

В работе исследуются особенности заголовков экономических медиатекстов на суахили из изданий *Nabari Leo* Новости сегодня (раздел

Biashara Бизнес) и *Mtanzania* Танзаниец (раздел *Biashara na Uchumi* Бизнес и Экономика) за 2017–2018 гг. Функции заголовков определяют их структуру, содержание, выбор лингвистических средств. Заголовки выполняют репрезентативную функцию, формируют первое впечатление о медиатексте, демонстрируют отнесенность текста к медиатопику, вмещают основную идею, привлекают внимание, пробуждают интерес и желание ознакомиться с полным текстом, оказывают влияние на мнение об излагаемых событиях. Заголовки экономических медиатекстов обладают рядом особенностей:

1. Законченные предложения.
 - 1.1. Использование общего афористического настоящего времени *-a-*, не передает однозначно информацию о темпоральной локализации информации.
 - 1.2. Использование форманта *-na-* указывает на отнесенность действия к настоящему моменту.
 - 1.3. Цитирование, представлено структурами с разными вариантами пунктуационного оформления и содержит различные аспектно-темпоральные форманты.
2. Элизия компонентов из-за ограничений в количестве слов, экономии места.
 - 2.1. Элизия глагольного сказуемого нивелирует темпоральную локализацию, которая детерминируется после ознакомления с полным текстом.
 - 2.2. Элизия грамматических элементов.
 - 2.3. Использование глаголов с инфинитивным префиксом *ku-*, выполняющим функцию предиката для передачи информации в настоящем или будущем временах.
3. Глагольные словосочетания с релятивными формантами, согласованными по классу соответствующего существительного, или по 8-му классу для передачи значения образа действия.
4. Оптатив выражает косвенное пожелание, экспрессивно окрашивает заголовок, выражая авторское мнение.
5. Аббревиация и сокращения свидетельствуют о тенденции к компактности и минимизации, означают названия организаций, географических объектов, социальный статус или звание.
6. Синекдоха для изложения информации без ссылки на конкретные лица, что связано с этическими и юридическими ограничениями.

7. Заимствования, встраиваемые в фонетико-грамматическую систему суахили, свидетельствуют о глобальной тенденции экспансии английского языка, помогают достичь более делового стиля.

8. Метафоры для создания более ярких и запоминающихся образов.

Для анализа лексических особенностей был составлен корпус, включающий 294 заголовка. При помощи компьютерной обработки были получены списки частотности употребления слов и n-грамм. Анализ результатов показал, что лидирующие позиции занимают слова, относящиеся к экономической сфере (viwanda 'промышленность', serikali 'правительство', uwekezaji 'инвестирование', uchumi 'экономика', soko 'рынок').

Анализ биграмм позволяет выявить экономические словосочетания, однако они присутствуют в небольшом объеме (kuboghesha huduma 'улучшить обслуживание', uvuvi haramu 'незаконная рыбная ловля', kuendeleza kilimo 'развивать сельское хозяйство').

Среди триграмм выделяются экономические словосочетания, которые характеризуют тематику всего медиатекста (makaа ya mawe 'каменный уголь', uchumi wa viwanda 'промышленная экономика', soko la hisa 'фондовый рынок', bomba la mafuta 'нефтепровод', sekta ya madini 'горнодобывающая отрасль').

Перечисленные выше особенности синтаксической структуры заголовков экономических медиатекстов обусловлены информационной, репрезентативной функцией, а также задачей воздействия на массовую аудиторию.

Косогорова М.А.

Система расстановки ударений в языке пулар

В докладе освещаются результаты исследования системы ударений в языке пулар Фута-Джаллон (2.5 млн. нос., Гвинея, атлантические < Нигер-Конго). Он расположился в ареале, где все соседние языки, кроме некоторых родственных, имеют системы тонов различной степени сложности. Сам же он тоновым не является, а имеет систему вокальных долгот и геминированных согласных. Существуют работы по ударению в пулар Фута-Торо (язык того

же языкового кластера, используемый в Сенегале, Мали и Мавритании (Niang 1997; Wiltshire 2006), а также для некоторых других, но для пулар такие исследования отсутствуют.

Пулар имеет чёткую структуру слога: всегда прикрытый (в некоторых случаях слог прикрывает гортанная смычка, не отображающаяся на письме), он имеет одну из четырёх форм: CV, CVC, CVV и CVVC.

Исследование проводилось на авторском экспедиционном аудиоматериале с привлечением носителей для консультации. В ходе работы были выбраны контрольные списки словоформ, комбинирующие слоги разных категорий, как отдельно, так и в составе повторяющегося тройного стимула. Затем, в результате первичного анализа, были сформированы модели расстановки ударений. Результаты были апробированы с помощью типологической модели Peak-Prominence (Prince & Smolesky 1993) с учётом левонаправленности ударения в пулар.

В результате работы была сформулирована система универсальных правил расстановки ударений для пулар с учётом типа слога:

- Ударение стремится влево (при слогах одинаковой весовой категории ударение падает на левый);
- Просодическая вершина слова не бывает на последнем слоге (кроме односложных слов);
- Весовая категория слогов распределяется следующим образом: CV > CVC > CVV > CVVC. Эта иерархия создана с использованием системы ограничений (de Lacy 1997).
- Вторичное ударение в пулар падает на любой неударный слог типа CVV или CVVC, а также на слог типа CVC, если он анализируется как двуморный.

Основная литература

1. Wiltshire, Caroline R. Pulaar's Stress System: A Challenge for Theories of Weigh Typology // Selected Proceedings of the 35th Annual Conference on African Linguistics. Sommerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2006. Сс. 181-192.
2. Prince, A., Smolensky, P. Optimality Theory: constraint interaction in Generative Grammar. Ms. Rutgers and University of Colorado, Boulder, 1993.
3. Niang, M. O. Constraints on Pulaar Phonology. Lanham, New York: University Press of America, 1997.

4. De Lacy, P. Prosodic Categorization. MA Thesis, University of Auckland, New Zealand, 1997.

Кравченко С.Л.

Образование номинации деятеля в амхарском языке

От каждой основы амхарского глагола как непроемной, так и производной, образуются так называемые имена деятеля. В данной статье рассматривается образование имен деятеля только от непроемной основы глагола.

Отличительным признаком большинства имен деятеля является 3-ий порядок последней буквы, т.е. имя деятеля оканчивается на суффикс -i, например: *tāmarī* ‘учащийся’ (*tāmarā* ‘учиться’); *nwagī* ‘житель’ (*noḡā* ‘жить’). Однако имя деятеля от некоторых глаголов может оканчиваться на среднеязычный согласный, выраженный на письме буквой 6-го порядка, что является результатом палатализации (замены переднеязычного согласного на среднеязычный под влиянием суффикса -i), например: *gāž* ‘правитель; покупатель’ (*gāzza* ‘править; покупать’); *tālawāč* ‘игрок’ (*tālawwätä* ‘играть’).

Имена деятеля выражают действие, проявляемое лицом или предметом: *läflafi* ‘болтун’ (*läfälläfi* ‘болтать, нести чепуху’), либо состояние или качество, присущее лицу или предмету: *tädässāč* ‘радостный, довольный’ (*tädässätä* ‘быть довольным, радоваться’).

Имена деятеля образуются от каждого глагола по специальным моделям с помощью внутренней флексии и суффикса -i.

Модели имен деятеля от простых двухсогласных глаголов следующих структурных типов:

1e2ā → *šāl* «продавец» (*šāṭä* ‘продавать’);

1o2ā → *qwami* ‘постоянный’ (*qomä* ‘стоять, останавливаться’); *rwāl* ‘бегун’ (*roṭä* ‘бежать, бегать’);

1a2ā → *laki* ‘отправитель’ (*lakä* ‘отправлять, посылать’); *say* ‘рисующий’ (*salä* ‘рисовать’); *čay* ‘могущий, умеющий’ (*čälä* ‘мочь, уметь’);

1ä22ā (тип А) → *sāl*, *sāli* ‘дающий’ (*sāṭä* ‘давать’); *fäji* ‘расходующий (деньги), длящийся’ (*fäjjä* ‘расходовать деньги и т.п.; длиться’);

1ä22ä (тип Б) → *läyu* ‘тот, кто откладывает, выделяет’ (*läyuä* ‘выделять, откладывая’);

(У глаголов типа А второй коренной согласный удваивается лишь в перфекте, а у глаголов типа Б во всех грамматических и некоторых лексических формах);

1ä22a (тип А) → *mägi* ‘руководящий, руководитель’ (*mägga* ‘вести, руководить’); *gäbi* ‘входящий; доход’ (*gäbba* ‘входить, поступать’);

1ä22a (тип Б) → *läkki* ‘измеряющий’ (*läkka* ‘измерять’);

1o22a → *koḡi* ‘гордый, высокомерный’ (*koḡga* ‘гордиться’); *moüi* ‘наполняющий’ (*molla* ‘наполняться’);

1a22ä → *waji* ‘выкупающий’ (*wajjä* ‘выкупать’); *wañ* ‘плывущий’ (*wañä* ‘плавать’).

Что касается простых трехсогласных глаголов, то дериваты мотивируются семантикой глаголов следующих структурных типов:

1ä22ä3ä (тип А) → *käsaš* ‘обвинитель, истец’ (*kässäsä* ‘обвинять’); *mäsay* ‘похожий, подобный’ (*mässälä* ‘походить, быть похожим’);

1ä22ä3ä (тип Б) → *fällagi* ‘желающий, ищущий’ (*fällägä* ‘хотеть, искать’); *lämmañ* ‘нищий’ (*lämmänä* ‘просить, умолять’);

a22ä3ä (тип А) → *adari* ‘ночующий’ (*addärä* ‘ночевать’); *araš* ‘пахарь, земледелец’ (*arräsä* ‘пахать’);

a22ä3ä (тип Б) → *arrami* ‘пропалывающий, исправляющий’ (*arrämä* ‘полоть; исправлять’); *addaš* ‘обновляющий, ремонтирующий’ (*addäsä* ‘обновлять, чинить’);

1o22ä3ä (тип А) → *qosay* ‘раненный, получивший ранение’ (*qossälä* ‘быть раненным’); *qoḡaš* ‘режущий’ (*qoḡäsä* ‘резать, разрезать’);

1o22ä3ä (тип Б) → *moggaš* ‘спорщик’ (*moggaṭä* ‘спорить’); *qoffari* ‘землекоп’ (*qoffärä* ‘рыть, копать’).

1ä2ä33ä4ä → *märmarī* ‘исследователь’ (*märämmärä* ‘исследовать, рассматривать’); *tärgwami* ‘переводчик, толкователь’ (*täräggomä* ‘толковать, переводить на другой язык’).

Имя деятеля обладает как именными, так и глагольными свойствами.

Выполняя в предложении функцию существительного имя деятеля имеет категорию числа (*mägi* ‘руководитель’ – *mägiwočč* ‘руководители’), может употребляться с определенным артиклем (*awaqi* ‘знаток’ – *awaqiw* ‘именно знаток’), а в атрибутивной конструкции

принимает относительный показатель уä (uämärmarī sära ‘работа исследователя’).

Подобно глаголу имя деятеля имеет категорию залога (amañ ‘верящий, убежденный; верующий’ (ammänä ‘верить, веровать’) – tamtañ ‘верный, преданный’ (tammänä ‘быть верным, преданным’); сохраняет управление того глагола, от которого оно было образовано (säläbetäsäbu assabi ‘тот, кто заботится о своей семье’); требует показателя прямого дополнения, если образовано от переходного глагола (səgawn awaqī ‘Он знаток своего дела’).

В предложении имя деятеля выполняет функции существительного (yagāru täwällaj ‘уроженец этой страны’; gänzäb laki ‘отправитель денег’) или прилагательного (märi täwanau ‘ведущий артист’; qwami mänogīya ‘постоянное местожительства’).

Милюкова О.Э.

Социолингвистическая ситуация в Танзании: язык кереве

Социолингвистическая ситуация в Танзании представляет собой довольно непростую картину в силу этнической пестроты ее населения, говорящего на множестве языков и диалектов.

Официальным языком Танзании является суахили, который, будучи одним из местных языков, со временем эволюционировал от статуса лингва франка в качестве языка межэтнического общения до статуса государственного. Суахили не только занимает доминирующее положение на этнолингвистической карте Танзании, но и является крупнейшим из бантуских языков во всей Африке, на котором говорят более 100 миллионов человек.

На фоне мощной экспансии языка суахили, которая наблюдается по всей стране, другие, более «мелкие» языки Танзании постепенно вытесняются, переходя в ранг узкого внутриэтнического общения с ограниченной сферой использования, или же вовсе обречены на исчезновение.

К языкам, существующим в пределах одного этноса, относятся и язык озерного народа кереве, населяющего остров Укереве у юго-восточного побережья озера Виктории. Несмотря на выигрышное положение в силу определенной географической изоля-

ции, язык кереве все же подвергается ощутимому натиску со стороны суахили. Во время полевого исследования на острове Укереве в 2013 году удалось выяснить, что язык кереве удерживает свои прочные позиции лишь в отдаленных уголках острова, где население деревень не владеет суахили и разговаривает исключительно на своём родном языке. Однако, по мере приближения к столице острова Нансио языковая картина меняется в пользу преобладания суахили. Тем не менее, язык кереве остаётся жизнеспособным и используется прежде всего в быту, на уровне внутрисемейного общения и исключительно в устной форме. Лишь немногим из респондентов посчастливилось увидеть печатные издания на своём родном языке и то лишь в виде словаря, книги Нового Завета, молитвенника и катехизиса. На службе в церкви и дома Библию читают на суахили, однако, церковные песнопения идут не только на суахили, но и на кереве. Как и во всей Танзании обучение в начальной школе ведется на языке суахили, но благодаря общению на исконном языке дома, что поддерживается в каждой семье, дети прекрасно владеют языком своих предков.

По данным Атласа языков Танзании, в 2009 году общая численность носителей языка кереве составляла 200941 человек, что соответствует 36 месту по числу говорящих из 150 языков, насчитываемых в Танзании. Язык кереве принадлежит к нигеро-конголезской макросемье, по классификации языков банту М.Гасри язык кереве занимает позицию в зоне J и входит в группу J20 хайя-джита.

В соответствии с данными, приводимыми в справочнике по языкам мира «Этнолог», язык кереве имеет лексическое сходство с соседними языками в следующем процентном соотношении: 76% с зинза, (южный берег оз. Виктория); 75% с хайя, (южный и юго-западный берег оз. Виктория); 69% с ньямбо (район Кагера); 68% с ньянкорре (юго-запад Уганды).

В основном язык кереве распространен на острове Укереве, также на нем говорят немногие жители округа Мванза и на небольших островах: о. Бвиру (или Виру) на юго-востоке и о. Иругва на северо-западе от Укереве.

Носители языка кереве выделяют три диалекта: основной, на котором говорят на главном острове Укереве и два других, на которых общаются на его сателлитах: Бвиру и Иругва. Кереве могут легко на слух, по произношению говорящего, определить из какой

части острова он происходит и, соответственно, на каком диалекте говорит.

Язык кереве мало описан и прежде всего в силу отсутствия письменных источников на нем. Практически единственным способом его исследования остаются экспедиции на остров для сбора информации из первых уст, а именно проведения опросов местного населения. Уникальным материалом для изучения языка кереве может служить роман-хроника известного танзанийского писателя родом с Укереве Анисети Кетерезы (1896–1981) «Господин Мьомбекере, его жена Бугонока, Нтуланалво и Булихвали». Роман представляет собой особую ценность для изучения языка кереве, так как насыщен лексикой и паремиями на родном языке писателя. Книга написана в 1945 году на кереве и в последующем автор перевел ее на язык суахили. Роман является ярчайшим образцом бытописательной прозы и имеет огромное значение в частности благодаря составленному рукой автора глоссарию, в который вошли слова из текста произведения. Анисети Кетереза дает подробнейшее толкование представленных лексем, что служит прекрасной почвой для анализа и реконструкции структуры языка кереве.

Порхомовский В.Я.

Переводы Библии и формирование литературной нормы в языках Нигерии: типологический аспект

В процессах складывания письменной традиции и развития литературной нормы в младописьменных языках существенная роль может принадлежать переводам канонических текстов прозелитических религий. В нашем случае рассматриваются переводы Библии на африканские языки и роль этих переводов в процессах формирования письменной языковой нормы в соответствующих языках.

Здесь можно выделить три типа ситуаций соотношения языка переводов Библии и эволюции языковой нормы в младописьменном языке. Первый тип такого соотношения можно охарактеризовать как позитивный, когда перевод Библии на младописьменный язык оказывает существенное, иногда определяющее воздействие на формирование в этом языке литературной нормы. Второй тип

мы определяем как нейтральный. В ситуациях этого типа перевод Библии не оказывает заметного влияния на языковую норму в данном конкретном языке. Наконец, третий тип определяется как негативный. Здесь перевод канонических текстов Библии препятствует формированию в соответствующем языке собственной литературной нормы или существенно замедляет этот процесс.

В настоящем докладе данная проблематика будет рассмотрена на материале языков Нигерии. Языковая ситуация Нигерии характеризуется исключительно высокой степенью разнообразия. В фокусе нашего внимания находятся три крупнейших языка Нигерии, распространенные соответственно в трех основных регионах этой страны, а именно язык хауса в северном регионе, йоруба на юго-западе и игбо (ибо) на юго-востоке. Парадоксальным образом именно эти три языка представляют указанные выше основные типы соотношения языка переводов Библии и языковой нормы.

Позитивный тип соотношения языка перевода канонического текста и письменной языковой нормы отмечается в случае версии Библии на языке йоруба. Сэмюэль Аджай Кроутер (1809 – 1891), первый англиканский епископ Нигерии (с 1864 года), был автором первого перевода Библии на язык йоруба, а также первой грамматики и первого словаря йоруба. Версия Библии на языке йоруба стала своеобразным эталоном для последующего развития письменной словесности на этом языке.

Нейтральный тип подобного соотношения засвидетельствован в языке хауса, где имеются три независимые версии перевода Библии на этот язык. Первая версия была опубликована в начале тридцатых годов прошлого века, что соответствует начальному периоду формирования современной литературной нормы хауса. Вторая версия относится к семидесятым годам, а третья к первому десятилетию нынешнего века, т.е. они относятся к разным этапам эволюции письменной нормы хауса. Литературная норма хауса развивалась независимо от этих переводов. В результате эти три версии перевода представляют большой филологический интерес, поскольку позволяют проследить эволюцию письменного стандарта хауса за десятилетия его интенсивного развития.

Негативный тип этого соотношения представлен в языке игбо, где ко времени начала работы над переводом Библии отсутство-

вали сколько-нибудь значимые наддиалектные формы языка при очень высокой степени его диалектной раздробленности. Авторы перевода, в число которых входил и Самуэль Кроутер, попытались искусственным образом создать для этого перевода наддиалектное койне, известное как Union Igbo. Этот перевод не был принят носителями языка, но серьезно замедлил естественный процесс складывания наддиалектной нормы и создания нового общедоступного перевода Библии на этом языке.

В докладе будут рассмотрены характерные черты всех трех ситуаций, определившие указанные выше типологические различия.

Суетина Ю.Г.

Опыт деятельности издательства «Прогресс» по переводу на язык хауса

Во времена Советского Союза в Москве существовало издательство «Прогресс», в задачи которого входило издание книг российских и советских авторов на языках народов мира, в том числе на хауса. В первую очередь издавались труды В.И. Ленина, как отдельные произведения (на хауса, суахили, амхарском), так и полное собрание сочинений (например, на вьетнамском языке). Но также издавались книги для детей – «Фантазеры» Н. Носова, «Рассказы в картинках», «Сорока-белобока» и другие, и произведения художественной литературы, принадлежавшие перу советских писателей – М. Шолохова, Ю. Рытхей, Ф. Алиевой, Ч. Айтматова и других.

Нужно особо отметить, что, когда издательство «Прогресс» начало выпуск литературы на хауса, литературный язык хауса еще только складывался. Переводчики – хаусанцы из Нигерии, приглашенные для работы в издательство, не имели должного опыта работы над переводами, особенно общественно-политическими, были плохо образованы. В лучшем случае они имели диплом об окончании педагогического колледжа, так как в первые годы независимости Нигерии в ней существовал только один университет, находившийся за пределами хаусаленда. Добавим еще и тот факт, что советский редактор, работавший в «Прогрессе» до 1975 года, хауса учил при помощи этих же переводчиков самостоятельно.

Одной из работ В.И. Ленина, переведенных на язык хауса, была работа «О государстве». Переводчик Адо Гвадабе и редактор Е.С. Арутюнова столкнулись с большими трудностями ввиду отсутствия в языке хауса большинства политических и философских терминов и необычайно строгих требований к соответствию перевода оригиналу. Уже само название вызвало споры. Первоначальное значение слова *kaša* в языке хауса ‘земля’, производное ‘страна’. В русском языке существует различие между понятиями ‘страна’ и ‘земля’. В хауса, даже сейчас для обозначения этих понятий употребляется одно и то же слово *kaša*.

Для обозначения многих других понятий создавались семантические неологизмы или использовался описательный перевод. Так, для обозначения понятия ‘класс’ использовалось слово *jinsi* ‘сорт, вид’, причем слово это относилось к числу архаичных и в данном значении оно не использовалось и не используется. Для рабовладельцев был использован дословный перевод – *masu mallakar bayi* ‘владеющие рабами’.

Весьма интересно был обозначен в этой работе феодализм – *poman bauta* ‘земледелие рабства’; средние века – калька *shekarun tsakiya*. Это очень искусственный термин, поскольку слово *tsakiya* ‘середина’ имеет локативный характер, а не темпоральный.

Понятно, что переводчик и редактор стремились как можно точнее перевести труд В.И. Ленина, но когда читаешь этот перевод, невольно на ум приходят слова Н. Федорова: «Переводят не слова, а мысли». В данном случае переводились именно слова. Ничем иначе нельзя объяснить словосочетание *ma’abocin fili* ‘друг площади’ используемый для обозначения землевладельца.

Некоторым словам переводчик и редактор так и не смогли найти эквиваленты в хауса, поэтому либо использовался описательный перевод – *wakilan jari* ‘представители капитала’, либо заимствование *burjuwazi* ‘буржуазия’. При этом, используя заимствования, они не имели права прибегать к объяснениям. Вряд ли кто-то из хауса знал в то время, да и сейчас, кто такой Спартак.

Сложности были и с синтаксисом хауса. У В.И. Ленина очень длинные и громоздкие предложения. В газетах хауса также можно было встретить длинные предложения, но их длина объяснялась большим количеством придаточных предложений, к которым хауса питают явную слабость, а не сложными именными конструкци-

ям, трудными для понимания даже людям, знакомыми с работами Ленина.

Вместе с тем следует отметить, что довольно большое число политических терминов, например, тот же *jinsi*, использовались потом в течение длительного времени в материалах АПН и передач Московского радио.

За прошедшие полвека значительно обогатился словарный состав языка хауса, возникли и прочно вошли в язык политические и экономические термины. Многие слова изменили коннотацию, например, широко использованное слово *matsala* ‘проблема’ имеет теперь отрицательный оттенок – *matsalar talauci* ‘проблема бедности’, а для слова ‘проблема’ с нейтральным оттенком широко используется слово *batu*.

Вместе с тем нельзя не отметить, что деятельность издательства «Прогресс» оказала влияние на становление политической лексики советского периода.

Урб М.Р.

Цветовозначения в языке зулу

В цветовом спектре языка зулу можно выделить группу ядерных обозначений цвета, наиболее распространенных и употребительных в данном языке, а также периферийную группу цветовозначений. Все термины цвета в зулу представляют собой релятивные основы, некоторые из которых происходят от существительных разных именных классов (*uhlaza* ‘зеленое растение’ > *-luhlaza* ‘зеленый’). Семантический диапазон цветовозначений зулу включает как положительные, так и отрицательные коннотации. Многие цветовые термины имеют не только общепринятые значения собственно цвета, но и включают в себя также значения качественных характеристик, многообразия свойств человека и его жизни (например, цветовозначение *mhlophe* ‘белый’ имеет также значение ‘честный, добрый’: *inhliziyu emhlophe* ‘доброе/чистое сердце’). Ядерные термины не исчерпывают цветовую лексику языка, являясь в определенной степени ее центром, тогда как обширную периферию ее занимают названия, которые обозначают различные оттенки (например, производные от других цветовоз-

значений *-bomvu* ‘красный’ > *-bomvana* ‘красноватый’, ‘розовый’), либо употребляются с узким классом объектов (например, масть скота). Эти слова являются неотъемлемой частью лингвоцветовой картины мира зулусов, поэтому декодировка языковой картины мира представляется возможной только с привлечением всех цветообозначений, составляющих активную цветовую лексику языка зулу.

К ядерным цветовым терминам относятся: *-mhlophe* ‘белый’, который, как правило, имеет только положительную коннотацию в зулу и символизирует чистоту, невинность, верность, честность, доброту и удачу (*amehlo amhlophe* ‘доброе пути!’ или ‘удачи!’ (букв.) ‘чистые, белые глаза’); *-mnyama* ‘черный’ имеет также значение ‘глубокий’ (*umgodini omnyama* ‘глубокая яма’), ассоциируется чаще всего со злом, несчастьем, печалью, отчаянием, смертью (*usuku olumnyama* ‘черный/несчастливый день’); *-bomvu* означает цвет ‘красный’ и его оттенки ‘алый’, ‘багровый’, ‘рыжий’, ‘темно-коричневый’, также имеет значение ‘спелый’ (*izithelo ezibomvu* ‘спелые фрукты’), отождествляется с кровью (*kubomvu klébu* ‘красный как кровь’), выражает сильные эмоции, страсть (*lindela ngabomvu* ‘ждать с нетерпением’), тревогу, гнев, злость (*ukubanenhliziyu ebomvu* ‘быть вспыльчивым’); *-luhlaza* передает два цвета ‘зеленый’ и ‘синий’, которые ассоциируются с надеждой, верностью и постоянством, также означает ‘зеленый/незрелый’ (*ikhabe eliluhlaza* ‘незрелый арбуз’), ‘сырой’ (*inyama eluhlaza* ‘сырое мясо’), употребляется в отрицательном значении (*abantu abaluhlaza* ‘невоспитанные люди’, *amanga alihlaza* ‘грубая ложь’); *-phuzi* ‘желтый’ воспринимается как цвет богатства и плодородия, с другой стороны, это символ ревности, потери, болезни; *-nsundu* ‘коричневый’ (*abantu abansundu* ‘чернокожие люди/африканцы’), *-mpunga* ‘серый’ символизирует увядание, старость, имеет также значение ‘седой’ (*indoda enekhanda elimpunga* ‘человек с седой головой’).

Многообразие цветовой гаммы передается цветолексикой с менее высокой частотой употребления и значимостью (*-mtshezi* ‘красно-коричневый’, *-mtoto* ‘ярко-красный, темно-коричневый’, *-mpofu* ‘серовато-коричневый’), производными терминами (*-mhlophe* ‘белый’ > *-mhloshana* ‘белесый, светлый, прозрачный’, *phuzi ngokubomvana* ‘желтовато-розовый’), описательными выра-

жениями (luhlaza njengesibhakabhaka ‘голубой’, (букв.) ‘голубой как небо’, luhlaza njengotshani ‘зеленый’, (букв.) ‘зеленый как трава’), цветообозначения могут быть заимствованы в зулу из других языков (ogenji ‘оранжевый’ < oganje (афр.), phinki ‘розовый’ < pink (англ.), rherphulu ‘фиолетовый’ < purple (англ.)). В этнокультурном словаре языка зулу содержится большое количество названий коров и быков, учитывающих их масть, форму рогов или их отсутствие, особые приметы. Например: isigedla корова или бык с рогами, направленными вниз; urhenge корова с широко раскинутыми рогами; intisi красно-бурая корова с белыми пятнами; umbhunu корова бурской породы, крупное животное бурой масти с длинными рогами. Ряд релятивных основ, которые встречаются в словаре, употребляются только для обозначения масти скота: -luthuthuva масть цвета сливок (кремовая); – lunga в черную и белую крапину; – zibadu крапчатая, пестрая.

Экономика стран Азии и Африки

Бойцов В.В.

Юго-Восточная Азия и крупные регионы развивающихся стран: динамика, структура и факторы роста

Юго-Восточная Азия (ЮВА) относится к числу наиболее динамичных крупных регионов развивающихся стран (КРПС). Так, среднегодовые темпы прироста ВВП с 1970 по 2016 гг. в ценах 2010 г. составили там 5,6% и превзошли соответствующие индикаторы большинства других КРПС – Латинской Америки (3,2%), Африки (3,5%), Западной Азии (4,2%), а также Южной Азии (4,6%) и оказались ниже, чем только в одном регионе – Восточной Азии (8,3%). Следствием высоких темпов роста экономики стран ЮВА стало значительное увеличение объема их ВВП и укрепление позиций этого региона в мировом хозяйстве. Если в 1970 г. по вкладу в мировое хозяйство ЮВА (1,1%) уступала всем КРПС, то в 2016 г. по этому показателю (3,4%) она превзошла Африку (2,8%) и Западную Азию (3,3%), но все еще отставала от Южной Азии (4,4%), Латинской Америки (6,8%) и в особенности от Восточной Азии (17,9%). Несмотря на опережающие, по сравнению с большинством КРПС, темпы роста производства в расчете на душу населения, их объем в ЮВА (в 2016 г. 3987 долл. США) по-прежнему уступает достигнутому в Восточной Азии (8 951 долл.), в Латинской Америке (8 100 долл.) и в особенности в Западной Азии (10 634 долл.), превышая соответствующие показатели только в Африке (1 752 долл.) и в Южной Азии (1 797 долл.).

Высокие темпы экономического роста в ЮВА сопровождались и одновременно стимулировались перестройкой отраслевой струк-

туры ее хозяйства. Если в 1970 г. отраслевая структура этого региона, также как и других КРПС, кроме Латинской Америки, носила ярко выраженный аграрный характер, то к 2016 г. вклад аграрного сектора в ВВП в ЮВА уменьшился в 2,9 раза. Аналогичные процессы происходили и в других КРПС. В некоторых из них они развивались еще более быстрыми темпами, как в Западной и в Восточной Азии, где вклад аграрного сектора в ВВП сократился соответственно в 5,4 раза и в 4,2 раза. В других – относительно сопоставимыми, как в Южной Азии (в 2,2 раза) и в Южной Америке (в 2,0 раза). И, в третьих, – более медленными, как в Африке, где он снизился в 1,3 раза. С уменьшением роли аграрного сектора в общественном производстве КРПС возросло значение индустриальных отраслей в их хозяйстве. Вклад этих отраслей в ВВП в ЮВА (36,2%) вследствие различающейся по темпам и разнонаправленности динамики превзошел в 2016 г. его уровень, сложившийся в большинстве других КРПС (в Южной Америке – 27,6%, в Африке – 27,9% и в Южной Азии – 29,0%) и в то же время уступил достигнутому в Восточной Азии – 38,9% и в Западной Азии – 39,0%. И, наконец, несмотря на наметившуюся в конце XX – начале XXI вв. в ЮВА тенденцию к постепенной сервисизации хозяйства, последняя развивается в регионе все еще относительно низкими темпами. Так, за период с 1960 по 2016 гг., удельный вес сферы услуг в ВВП увеличился в ЮВА всего на 9,4 п.п., тогда как в Латинской Америке – на 13,5 п.п., в Западной Азии – на 16,8 п.п., в Южной Азии – на 17,0 п.п., в Восточной Азии – на 24,8 п.п., и только в Африке – еще более медленными темпами, чем в ЮВА – на 6,9 п.п.

Основными факторами экономического роста ЮВА и других КРПС в рассматриваемый период, с 1970 по 2016 гг., были его экстенсивные составляющие. Более того, вклад реальных капиталовложений в рост ВВП в регионе ЮВА с 1970–1975 гг. по 2010–2015 гг. не только не уменьшился, но, напротив, даже возрос: с 60% до 69%. Однако, вследствие заметного сокращения доли примененного труда (с 21% до 8%) общий вклад экстенсивных факторов в рост ВВП в ЮВА уменьшился, хотя и незначительно – с 81% до 77%. Общее снижение значения экстенсивных факторов роста было характерно и для других развивающихся регионов. Вместе с тем, для соседей ЮВА – Южной и Восточной Азии, общее, еще более значительное, чем в ЮВА, ослабление роли экстен-

сивных факторов в росте ВВП, сопровождалось: в Южной Азии небольшим сокращением вклада реальных капиталовложений (на 9 п.п.) и значительным уменьшением доли примененного труда (на 47 п.п.), а в Восточной Азии, напротив, сочетанием весьма заметного снижения удельного веса реальных капиталовложений (на те же 47 п.п.) и не столь значительным, но достаточно внушительным сокращением вклада примененного труда (на 21 п.п.). Таким образом, ЮВА отличается от соседних КРПС Азии не только несопадением в масштабах вклада экстенсивных факторов в рост ВВП (в Южной Азии он несколько выше – 82%, а в Восточной Азии заметно ниже – 63%), но и различия как в динамике этих факторов в целом, так и отдельных их компонентов. Соответственно во всех этих регионах по мере уменьшения роли экстенсивных факторов увеличивается, хотя и медленно, вклад совокупной производительности: в ЮВА в 1970 – 2016 гг. в среднем в год на 0,4%, тогда как в Южной Азии, также как и в Восточной Азии, – на 1,6%. В результате общий вклад совокупной производительности в рост ВВП составил в ЮВА в 2010 – 2015 гг. 23%, тогда как в Восточной Азии – намного больше (37%), а в Южной Азии, несмотря на относительно высокие темпы его роста – всего 17%. Таким образом, переход к интенсивной модели роста таких КРПС азиатского континента как ЮВА и тем более Южная Азия все еще остается делом отдаленного будущего.

Бочарова Л.С.

Тенденции развития инновационного сектора в ОАЭ

В настоящее время в ОАЭ реализуется стратегическая инициатива по выведению страны в разряд наиболее инновационных экономик мира. В рамках национальной программы «Экономика конкурентных знаний» поставлена задача к 2021 году войти в число первых десяти стран в Глобальном индексе инноваций (ГИИ). В 2018 году в этом рейтинге эмираты заняли 38 место и 1 место в арабском регионе. По вкладу в инновации ОАЭ на протяжении последних пяти лет устойчиво сохраняют свою позицию: 24 место в рейтинге 2018 года. Непрерывное увеличение выпуска инновационной продукции позволило им подняться с 71 места в 2015 г. до

53 места в настоящее время. Подчеркивая рост капитала и объема высокотехнологичной составляющей, во многом определяющих сегодня экономическую мощь страны, профессор бизнес-школы INSEAD Сумитра Датта поставил ОАЭ по показателю «инновационности» на 14-е место в мире.

Кроме того, в рамках реализации стратегии столетия страны на 2071 год – долгосрочного государственного плана, рассчитанного на 100 лет со дня создания ОАЭ – был создан новый проект «Зона – 2071» (2071 Zone), призванная стать платформой для глобальных смарт-компаний и лабораторий. Она будет объединять усилия всех государственных акселераторов и Всемирного центра молодежи, направленные на поиск инновационных решений и инструментов.

Чтобы вывести страну на позицию одной из лучших в мире к 2071 году, в стране разработана государственная стратегия по искусственному интеллекту и переходу к четвертой промышленной революции. В рамках ее реализации было принято решение о создании Совета по искусственному интеллекту. В его задачи входит определение государственных секторов, где в первую очередь возможно использование искусственного интеллекта, а также подготовка рекомендаций по разработке и внедрению необходимой инфраструктуры. Это должно способствовать развитию таких сфер экономики, как транспорт, здравоохранение, космос, возобновляемая энергетика, водоснабжение, технологии, образование, окружающая среда и сектор дорожного движения. В ОАЭ уже открыты 4 «умные аптеки», где работают роботы-фармацевты. В базе данных каждого из них находится до 35 000 лекарств. Менее чем за минуту «электронный фармацевт» способен обрабатывать 9 рецептов и, считывая штрих-код, выдавать выписанное лекарство. Это минимизирует риск ошибки и сокращает время ожидания клиентов.

В рамках реализации амбициозной инновационной программы осуществляются краткосрочные и среднесрочные инициативы. В 2000 году открылся бизнес-парк для ИТ-компаний «Дубай Интернет Сити», где осуществляют свою деятельность свыше 700 компаний, среди которых IBM, Microsoft, Sony Ericsson. Еще более успешным оказался проект парка передовых технологий «Силиконовый оазис», ставший полноценным центром инновационного развития. Основные усилия и инвестиции направлены на развитие микроэлектроники и полупроводниковой промышленности. Здесь

создан аэрокосмический конгломерат «Дубай Аэропейс Энтерпрайз», который производит компьютерные чипы. В технопарке расположены престижные научно-образовательные учреждения, такие как GEMS International School и AMA University.

Одним из важнейших аспектов раскрытия инновационного потенциала является разработка политики финансирования. Центральный банк обеспечивает надежную и стабильную систему в таких сферах, как цифровые платежи и новая национальная стратегия выплат. Эти меры дополнены усилиями Управления по ценным бумагам и товарам для стимулирования экосистемы венчурного капитала в ОАЭ.

В настоящее время в реализации амбициозных инновационных целей используется потенциал малых и средних предприятий путем поощрения инициативы «Молодые инновационные компании». Она помогает объединить всех ключевых участников инноваций и создать единый универсальный центр регистрации IP, облегчив доступ к финансированию предприятий с высоким потенциалом. При этом следует учитывать, что

проекты в сфере уникальных новаторских технологий и строительства принципиально новых производств, связаны с проектными и финансовыми рисками. Возникает проблема привлечения профессиональных экспертов и независимых консультантов. Не всегда удается найти надежных учредителей, подрядчиков и операторов. Но самой важной задачей на сегодня остается финансирование инноваций.

Карамурзов Р.Б.

Динамика некоторых показателей экономического и социального развития Киргизии (1991–2017 гг.)

По суммарным показателям численности населения, площади территории и величине ВВП Евразийский экономический союз (далее, ЕАЭС) является одним из крупнейших межгосударственных объединений мира.

Анализ показателей экономического и социального развития стран-участниц столь важных наднациональных объединений, как представляется, имеет немалый научный и практический интерес

(в том числе и потому, что позволяет делать выводы относительно перспектив подобных союзов в ближайшем будущем).

Ниже рассмотрены изменения нескольких макроэкономических индикаторов Киргизии (являющейся участницей ЕАЭС с июня 2015 г.) на протяжении новейшей истории страны с 1991 по 2017 гг.

Валовой внутренний продукт

В общих чертах динамика ВВП Киргизии может быть охарактеризована так: существенное снижение до середины 1990-х, затем восстановительный рост до конца 2000-х гг. и, наконец, поствосстановительный рост с начала 2010-х гг. Данное описание изменений ВВП является довольно обобщенным: на каждом из этапов темпы роста/снижения не были однородными. Так, с 1990 по 1994 ВВП Киргизии снижался с возрастающим темпом. В 1995 г., относительно 1994 г., снижение было меньшим. В итоге, к 1995 г. ВВП страны снизился ровно в два раза относительно уровня 1990 г. На восстановительном этапе (с 1996 по 2009 гг.) средний темп роста ВВП составлял 5% в год. Впрочем, на протяжении этого периода наблюдался и спад производства ВВП, но значения этих сокращений не были существенными: 0,02% в 2002 г. и 0,18% в 2005 г. Начиная с 2011 г. ВВП страны уверенно превысил уровень 1990 г. и к 2017 г. достиг 138% от уровня 1990 г.

Динамика подушевого ВВП Киргизии, в целом, совпадала с динамикой ВВП, однако снижение здесь оказалось глубже, а восстановление – более медленным. Кроме того, даже к 2017 г. стране не удалось достигнуть уровня 1990 г. Основной причиной подобных результатов является то, что темпы роста населения превосходили темпы роста ВВП.

Структура ВВП

Наиболее очевидным изменением в структуре ВВП Киргизии было сокращение доли сельского хозяйства с 33% в начале 1990-х гг. до 12% в 2017 г. Необходимо заметить, что это сокращение не было последовательным и в середине 1990-х вклад сельского хозяйства в ВВП достигал 40–45%.

Доля промышленности за прошедшие 27 лет также снизилась: с 34% в 1990 г. до 26,5% в 2017 г. В отдельные годы значения пока-

зателя колебались, но в меньших масштабах, чем в случае с сельским хозяйством.

Доля сферы услуг изменялась наиболее последовательно и за рассматриваемый период выросла на 20 процентных пунктов: с 30% в 1990 г. до 50% в 2017 г.

Отраслевая структура занятости

Изменение числа занятых в трёх основных отраслях экономики обнаруживало определенное сходство с изменениями структуры ВВП. Так, в Киргизии с начала 1990-х по 2017 гг. существенно сократилась доля занятых в сельском хозяйстве (с 40 до 27%) и, напротив, возросла доля занятых в сфере услуг (с 43 до 51%). Однако, в отличие от аналогичных сдвигов в производстве ВВП, доля занятых в промышленности не сократилась, а возросла: с 18% в 1991 г. до 22% в 2017 г.

Трудовая миграция

Отдельно нужно отметить важнейшую черту народного хозяйства Киргизии на протяжении 2010-х гг.: значительная часть трудоспособного населения (около 30%) находилась за пределами страны. При этом суммарное значение переводов этих трудовых мигрантов в Киргизию составляло от 25 до 33% от величины ВВП.

Касимовская Е.Н.

Загадка Фельдштейна-Хориоки в контексте африканских стран

Загадка Фельдштейна-Хориоки (Feldstein-Horioka Puzzle) впервые была сформулирована авторами в 1980 году по результатам исследования 21 страны ОЭСР за период с 1960 по 1974 годы. Суть загадки связана с мобильностью капитала в масштабах мировой экономики. Среди экономистов существовало и продолжает существовать убеждение, что финансовые рынки способны быстро и легко перемещать капитал из одной страны в другую или, другими словами, трансформировать сбережения в инвестиции независимо от места формирования первых и реализации последних. Предполагается, основным фактором, определяющим эти пере-

мещения, является отдача на вложения (с учетом рисков). Но это означало, что нет оснований ожидать высокой корреляции между национальными сбережениями и инвестициями, коль скоро существуют более привлекательные варианты, а финансовые рынки в условиях современных технологий способны без особых затрат осуществить такую трансформацию национальных сбережений в зарубежные инвестиции. Тем не менее, исследование Фельдштейна-Хориоки эту гипотезу не подтвердило.

В 2000 году М. Обстфельд и К. Рогофф сформулировали шесть фундаментальных макроэкономических «головоломок», среди которых фигурировал и парадокс Фельдштейна-Хориоки. Это свидетельствует о том, что за прошедшее время экономистам так и не удалось окончательно разобраться в механизмах взаимодействия финансовых и товарных рынков различных стран в условиях глобализации мирохозяйственных связей.

В отечественной экономической литературе данная проблематика представлена всего несколькими работами. В частности, сравнительно недавно опубликованы исследования по странам евразийского пространства, включая Россию. Что касается стран Африки южнее Сахары, равно как и стран Магриба, то отечественных исследований по вопросам мобильности капитала в контексте проверки парадокса Фельдштейна-Хориоки, не обнаружено. Зарубежные исследователи предприняли несколько попыток проверить наличие парадокса в условиях стран Азии и Африки и получили довольно противоречивые результаты. Однако данные работы позволили исследователям сформулировать ряд гипотез относительно факторов, влияющих на потоки сбережений инвестиций, мобильность капитала и взаимодействие национальных и мирового финансовых рынков. В частности, отмечается значимость развития институциональной среды, режим валютного курса, динамика процентной ставки, так называемый «нефтяной фактор», размер ВВП на душу населения, численность населения и некоторые другие.

Учитывая серьезные различия африканских стран по перечисленным выше факторам, равно как и по общему уровню социально-экономического развития, представляется интересным попробовать проверить парадокс Фельдштейна-Хориоки феноменологически. Для трех стран Западной Африки – Нигерии, Камеруна и Га-

бона – был проведен корреляционный анализ таких показателей, как уровень внутренних сбережений и инвестиций в абсолютном и относительном выражении (нормы сбережения и инвестирования), ПИИ, сальдо счета текущих операций и финансового счета ПБ, ВВП (ППС) за период с 1970г по 2016г, построены постранные регрессионные модели «инвестиции-сбережения». Во всех странах выявлена высокая положительная корреляция внутренних сбережений и инвестиций (коэффициент корреляции Пирсона 0,9 и выше), что формально подтверждает загадку Фельдштейна-Хориоки. Однако упрощенный регрессионный анализ дал противоречивые результаты: коэффициент при регрессоре (уровень внутренних сбережений) для Нигерии составил 0,56, для Габона – 0,43 (при уровне значимости $p=0,05$). Для Камеруна значение коэффициента превысило 1: на протяжении рассматриваемого периода инвестиции превышали внутренние сбережения. Но особенно важно обратить внимание на тот факт, что и доля сбережений в ВВП, и доля инвестиций в рассматриваемых странах чрезвычайно низка: в Нигерии и Камеруне оба показателя не превысили 1%, в Габоне – 2–3%. В этих условиях говорить о коррелированности инвестиций и внутренних сбережений как об индикаторе мобильности/немобильности капитала представляется недостаточно правомерным.

Основная литература

1. Cyrille S.M. Saving-Investment Correlation and Capital Mobility in Sub-Saharan African Countries: a Reappraisal through Inward and Outward Capital Flows' Correlation//International Journal of Economics and Finance, Vol.2 №2, May 2010
2. Ford N., Horioka C.Y. The «real» explanation of the Feldstein-Horioka puzzle. NBER Working Papers 22081, National Bureau of Economic Research, Inc., 2016

Матюнина Л.Х.

Глобальная ликвидность и проблема устойчивости финансовых рынков развивающихся стран (2009–2018 гг.)

1. В посткризисный период вопросы финансовой стабильности как на международном, так и национальном уровне остаются

в центре внимания экономистов и политиков. В работах, посвященных проблемам, связанным с обеспечением стабильности мировой финансовой системы, особое значение приобрела концепция глобальной ликвидности (ГЛ). Эта концепция возникла как результат исследований серьезных изменений, произошедших на финансовых рынках развитых государств (РГ) в период после 90-х годов, осознания важной роли устойчивого состояния финансовых рынков для обеспечения макроэкономической стабильности, поддержания среднесрочных темпов экономического роста.

2. При анализе состояния мировых финансовых рынков под (ГЛ) понимают доступность финансовых ресурсов и условия их предоставления. ГЛ включает в себя официальную ликвидности и ликвидность, создаваемую частным сектором. Основная часть ГЛ создается частным сектором в процессе трансграничных операций банков и других финансовых институтов. Наряду с термином ГЛ используется более привычный термин – потоки капитала. Потоки капитала, таким образом, являются источником и составляющей глобальной ликвидности. Однако, важно отметить, что в рамках данной концепции ГЛ может рассматриваться и как запас и как поток, при этом частная ликвидность в форме потока больше связана с динамикой валовых, а не только чистых потоков капитала. Именно валовые потоки, как показал глобальный финансовый кризис, могут маскировать «избыточную эластичность» кредитования, выступать источником финансовой нестабильности как на мировом, так и национальных уровнях. Важнейшую часть ГЛ составляют кредитные ресурсы, средства, привлекаемые в форме международных банковских кредитов и международных облигаций.

3. Результаты исследований факторов, влияющих на ГЛ в период с 2003–2017 гг., неоднозначны. Однако, большинство из них говорит о том, что в рассматриваемый период преимущественное влияние на международную ликвидность имели глобальные факторы. Эти факторы воздействуют на ГЛ не независимо от макроэкономических и валютно-финансовых особенностей принимающих стран. Среди глобальных факторов (VIX, процентные ставки в РГ, политика количественного смягчения) особое значение приобрела монетарная политика США. Все изменения в политике ФРС, даже

неопределенность вокруг нее приводили к сдвигам в потоках капитала в РС. Среди РС выделились несколько государств, валютные и финансовые рынки которых особенно остро реагировали в посткризисный период на оттоки/притоки ГЛ – Бразилия, Индия, ЮАР, Турция и Индонезия, Аргентина.

4. Возрастание роли глобальных факторов в формировании условий на международных финансовых рынках сопровождалось заметными структурными сдвигами в ГЛ. Это нашло отражение в выделении двух (иногда трех) «фаз глобальной ликвидности». Для первой фазы (до 2010 г.) было характерно быстрое расширение международного кредитования особенно в отношении РС при ведущей роли банков. С 2010 года большее влияние на формирование ГЛ стали оказывать рынки облигаций (доля средств, привлеченных в форме облигаций, в общем объеме международного кредитования поднялась с 48% в 2008 г. до 57% в 2018 г.) Именно сдвиг в структуре ГЛ в сторону долговых бумаг получил название второй фазы ГЛ. Произошло снижение роли банков и возросло значение рынков капитала в формировании общих условий на международных рынках. РС не остались в стороне: те из них, которые имеют достаточно диверсифицированную финансовую структуру, перешли к активному размещению международных облигаций, денонмированных преимущественно в долларах. Особенно привлекательной эта форма заимствования, в том числе оффшорно, стала для корпоративного и небанковского финансового сектора ряда стран Азии и Африки. Во время второй фазы ГЛ заметно вырос интерес иностранных инвесторов к облигациям РС в национальных валютах. Произошедший сдвиг в ГЛ способствовал усилению и усложнению взаимозависимости между финансовыми рынками РС и глобальными рынками, повысил уязвимость РС к разворотам в потоках капитала.

5. Складывается впечатление, что в современных условиях РС мало, что могут сделать для того, чтобы контролировать потоки капитала, если они выбрали стратегию интеграции в глобальные рынки капитала. Но что можно предпринять для того, чтобы снизить уязвимость национальных экономик к волатильности ГЛ? Стандартные, уже отработанные меры политики в ответ на развороты капитала, связанные с движением банковского капитала, могут оказаться не эффективными для регулирования потоков ка-

питала в форме облигаций. Как РС будут подходить к решению проблемы трилеммы в сложившихся обстоятельствах? Останется ли приоритетом значительная открытость финансовых рынков? Некоторые авторы считают, что страны-заемщики могут все-таки смягчить воздействие волатильной глобальной ликвидности, расширяя арсенал инструментов для контроля капитала и поддержания стабильности национальных финансовых рынков.

Основная литература

1. A Huang and N. K. Kishor The Rise of Dollar Credit in Emerging Market Economies and US Monetary Policy. MPRA Paper No. 83474, 2017
2. E Cerutti, S.Claessens, and D.Puy Push Factors and Capital Flows to Emerging Markets: Why Knowing Your Lender Matters More Than Fundamentals, IMF, wp/15/127, 2015.

Мельянцева В.А.

Основные параметры экономической модернизации арабских стран (1980–2018 гг.)

1. Экономическая модернизация – процесс противоречивый. Оценим ее основные параметры по арабским странам (АС), на долю которых, по нашим подсчетам, ныне приходится свыше $\frac{1}{4}$ стоимости учтенных природных ресурсов и $\frac{1}{3}$ извлекаемой в мире природной ренты, 5–6% численности населения и ВВП мира, 3–4% стоимости его человеческого и физического капитала, но всего 0.2–0.3% его высокотехнологичного экспорта.

2. Несмотря на острые проблемы, переживаемые рядом АС, из которых не менее $\frac{1}{4}$ – т.н. несостоявшиеся, в целом по АС в 1980–2018 гг. улучшилась легкость ведения бизнеса, выросло распространение ИКТ, а среднегодовой темп прироста (СГТП) индекса человеческого развития (ИЧР, 1.1%) оказался выше, чем по группе развивающихся стран (РС). Страны, входящие в ССАГПЗ, достигли по ИЧР 62–67%, среднедоходные и бедные АС – соответственно 52–59 и 23–41% от уровня развитых государств (РГ).

3. В отличие от более успешных РС, в среднем по АС обнаружилось в тенденции существенное сокращение СГТП подушевого ВВП, а также совокупной производительности (с 2.1% в 1950–80 гг. до 0.3% в 2000–18 гг.). Это связано в т.ч. с ухудшением динамики

бартерных условий внешней торговли, более чем двукратным снижением индекса политической стабильности.

4. По рассчитанной нами модели, в целом отставание АС от РС Восточной и Южной Азии по СГТП подушевого ВВП в 2000–2017 гг. вызвано соответственно на $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{6}$ более низкими у них показателями нормы капвложений в физический и человеческий капитал, СГТП экспорта товаров и услуг, эффективности госуправления.

5. По уровню сложности производства и экспорта, оцененного нами как среднее из относительных показателей доли средне- и высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности в стоимости ВВП и индекса Р. Хаусмана, даже относительно быстро модернизирующиеся АС (Тунис, Ливан, КСА, Иордания, Катар, ОАЭ) отставали в 2015–17 гг. от Индии в целом на четверть (опережая ее в среднем по подушевому ВВП в 6 раз), от Китая – вдвое (имея средний доход в 2.5 раза выше, чем он) и от Республики Корея – почти втрое.

6. В целом по АС доля работников с высшей с средней квалификацией не превышает соответственно 13–15% и 30–32%. Только треть выпускников колледжей и университетов имеет адекватную подготовку.

7. По нашим подсчетам, в целом по АС в 2000–2017 гг. качество общественных институтов снизилось на 15%, в т.ч. по ССАГПЗ на 7%, а по другим АС – на 21%. Средний рейтинг АС по индексу глобальной конкурентоспособности в 2010–2018 гг. уменьшился на $\frac{1}{5}$. По индексам развития инноваций, предпринимательства и процветания в целом АС в 2018 г. можно расположить в начале последней трети обследованных стран мира.

8. В последние десятилетия уровень неравенства распределения доходов в арабском мире сильно вырос. Отношение доходов топовой децили населения и его низшей половины (на сер. 2010-х годов – 6.7:1) стало выше, чем в большинстве других регионов мира. Доля бедных и нищих в АС (без ССАГПЗ) – $\frac{1}{2}$. Высоки инфляция и (особенно молодежная) безработица.

9. Если в ближайшее время в АС не интенсифицируется процесс бизнес- и одновременно социально-ориентированных реформ, направленных на комплексное и значительное улучшение инвестиционного климата, диверсификацию производства и экспорта

и инклюзивное развитие человеческого фактора, в этом регионе не исключена дальнейшая эскалация социально-политической нестабильности и повторение в той или иной форме событий начала десятилетия.

Расчеты выполнены по материалам международной статистики.

Сучкова А.А.

Развитие международного туризма в странах Африки и проблема нелегальной торговли дикими животными и растениями

Туризм в странах Африки вносит значительный вклад в их экономику, обеспечивая рабочим местом каждого 14 занятого. Темпы роста индустрии в 2018 г. по данным Международной туристской организации составили 7%. В ЮАР доходы от туризма в этом же году обеспечили по предварительным расчетам около 14 % ВВП. Ожидается, что к 2018 г. их доля превысит 30%. Привлекательность для туристов стран Африки, прежде всего Южной и Восточной, связана с исключительным биоразнообразием этих регионов и развитием эко-туризма. Последний генерирует 80% всех туристических доходов.

Нелегальная торговля дикими растениями и животными, а также их частями наносит колоссальный ущерб африканским странам, их природе и жителям и ставит под угрозу достижение целей устойчивого развития. Оценки ежегодных объемов нелегальной торговли, сделанные специалистами программы ООН по окружающей среде и Интерпола, варьируют от 7 до 23 млрд. долл.

Социальные, экономические и политические потери подсчитать сложнее. За 10 лет было убито 1000 рейнджеров, охраняющих национальные парки от браконьеров. Жители местных сообществ испытывают давление криминальных групп, вовлекающих их в нелегальный бизнес. Военизированная охрана, направляемая правительствами для защиты территорий от браконьеров, ощущается жителями как угроза их нормальному образу жизни и создает напряженность, чреватую конфликтами в местах присутствия вооруженных групп. Браконьерство и нелегальная торговля ди-

кими животными разрушительно действует на государственные институты – полицию, таможенную, суды – через коррупционные механизмы.

Существуют разные оценки экономических потерь от браконьерства и незаконной торговли дикими животными для туризма, хотя туризмом эти потери не ограничиваются. Исключение из «большой пятерки» (слон, носорог, лев, леопард и буйвол) хотя бы одного животного уменьшает доходы от эко-туризма на 20%. Исследование 216 африканских охраняемых территорий показало устойчивую обратную связь между сокращающейся численностью слонов и числом туристов и их расходами на указанных территориях. Истребление слонов стоит Африке 25 млн. долл. ежегодно. По данным Европейского экологического института потери туристических отраслей ЮАР, Намибии, Кении и Зимбабве за период 2006–2014 от браконьеров, убивающих носорогов, превысили 300 млн. долл. Тем же институтом была сделана попытка оценить влияние истребления слонов и носорогов на стоимость естественного капитала африканских стран. За 2010–2012 гг. из-за браконьерской охоты на слонов он сократился на 19–29 млрд. долл., потери в стоимости естественного капитала из-за истребления носорогов в период 2006–2012 гг. были оценены в диапазоне от 587 млн. долл. до 899 млн. долл. (пересчитано по среднему курсу фунта стерлингов к доллару за указанный период)

Борьба с нелегальной торговлей дикими растениями и животными ведется по нескольким направлениям. Во-первых, это создание охраняемых территорий и вовлечение местных сообществ в использование этих земель и доходов от них. Предоставление местным общинам права на устойчивую эксплуатацию их природных ресурсов смягчает проблему браконьерства с целью получения пропитания. За последние 20 лет 200 общинных природоохранных предприятий Намибии принесли своим членам более 81 млн. долл., при этом численность диких животных значительно возросла. В Замбии организация "Комако" сотрудничает со 179 тыс. фермеров, оказывая им помощь в разработке продуктов и содействуя их сбыту. Второе направление – это правоохранительная деятельность. Во многих африканских странах принято достаточно жесткое законодательство относительно браконьеров и людей, вовлеченных в незаконную торговлю. Однако на практике оно не

приносит значительных результатов, так как правоохранительным органам противостоят международные преступные группы, оснащенные вертолетами, приборами ночного видения, бесшумным оружием и другими техническими средствами. Огромные доходы, получаемые этими группами, позволяют направлять значительную часть средств на подкуп офицеров полиции, служащих национальных парков и рейнджеров.

Оба эти направления воздействуют на предложения объектов дикой природы на нелегальные рынки. Третье направление – это меры по сокращению спроса. Основные рынки продуктов дикой природы находятся в Китае и Вьетнаме. Несмотря на законодательный запрет на торговлю слоновой костью и рогом носорога, изделия из них и необработанные их части легко купить в антикварных лавках и через Интернет. Опросы китайских потребителей показали, что почти половина из них покупает рог носорога с медицинской целью, 12 % как предмет роскоши (в том числе и как средство защиты от инфляции, цена килограмма рога в 2012–13 г. составила 60 тыс. долл.) и более 20% преследуют обе цели. При этом четверть покупателей не знала о запрете торговли рогом и большинство из них при совершении покупки не считали важной информацию о сокращении численности носорогов, которая приобрела катастрофические масштабы: начиная с 2013 г. африканские страны теряют ежегодно более тысячи носорогов. Международное сообщество считает, что власти КНР и Вьетнама должны более активно вести борьбу с нелегальной торговлей и проводить разъяснительные кампании (в частности, об отсутствии лечебного эффекта при употреблении частей диких животных) среди своего населения.

Основная литература

1. C.Vandome, A.Vines. Tackling Illegal Wildlife Trade in Africa. Economic Incentives and Approaches: <https://www.chathamhouse.org>
2. <https://www.independent.co.uk/voices/campaigns/elephant-campaign/londons-illegal-wildlife-conference-highlights-the-economic-benefits-of-conservation>
3. An Undercover Investigation on Rhino Horn Trafficking in China and Vietnam: <https://elephantleague.org>
4. Save the Rhino: <https://www.savetherhino.org/rhino-info/poaching-stats/>

Тимошина И.Л.

Инновационная политика Японии: университетские венчуры и стартапы

В условиях четвертой промышленной революции, транснационализации бизнеса, перемещения фокуса конкурентной борьбы в инновационную сферу научно-техническая и инновационная стратегия Японии претерпевают существенные изменения. В контексте решения амбициозной задачи построения Общества 5.0 – «супер смарт-общества», «где новые ценности и услуги будут создаваться путем активного использования киберпространства, которое принесет процветание людям», приоритетными становятся такие направления научно-технической и инновационной политики как дальнейшая консолидация усилий бизнеса, правительства и академических кругов, более активное использование потенциала университетской науки на принципах «открытых инноваций», содействие коммерциализации результатов исследований, проводимых университетами и развитие в них инновационного предпринимательства в форме стартапов и венчуров (в японских планах и программах эти понятия используются как синонимы. – *И.Т.*)

Государственная политика поддержки университетских венчурных компаний, которая реализуется уже в течение 20 лет, в настоящее время представлена тремя основными направлениями: содействие созданию новых стартапов, поддержка существующих, укрепление их финансовой базы. В 2015 г. Министерством образования Японии была сформулирована стратегия управления национальными университетами, в которой упор делался на «максимизацию научно-исследовательских функций университетов», превращение университетов в организации, не только предоставляющие передовые образовательные услуги, но и генерирующие инновации. В 2017 г. в Японии насчитывалось 2093 университетских стартапа. Безусловным лидером по венчурной активности среди университетов Японии остается Токийский университет, где действует 245 стартапов.

Наиболее актуальным направлением современной политики поддержки университетских стартапов является создание «экосистемы стартапов» – механизма, в рамках которого предприниматели, действующие компании, университеты, научно-исследовательские институты, финансовые учреждения и государственные

учреждения могут взаимодействовать как участники циклического процесса основания компании, ее роста, зрелости и обновления. Такая «экосистема» должна обеспечить механизм перелива результатов исследований (в том числе фундаментальных), проводимых в университетах, в реальную экономику.

Среди проблем развития и распространения университетских стартапов в Японии – обеспечение прав интеллектуальной собственности на результаты исследований, осуществляемых в университетах. Закон о содействии трансфертам технологий, полученных в университетах (1998), предусматривает создание в их структуре институциональных структур технологического трансферта (Technology Licensing Organizations – TLO). TLO созданы практически во всех ведущих университетах Японии, где они выполняют роль посредников между университетами и компаниями, занимаясь патентованием результатов университетских исследований и затем продавая лицензии компаниям.

Общей проблемой университетских венчуров и стартапов является недостаток финансовых ресурсов, поэтому в Стратегии возрождения Японии 2016 г. была поставлена задача удвоения венчурного финансирования стартапов (в том числе университетских) в пропорции к ВВП к 2022 г. Для решения этой проблемы предполагается укреплять систему финансирования дефицита денежных ресурсов компаний на ранних стадиях их развития (GAR Fund system), стимулировать университеты к приобретению акций университетских венчуров, содействовать сотрудничеству между компаниями венчурного капитала и университетами, расширять эндаумент-системы.

Основная литература

1. Escoffier, L. Japan's Technology Transfer System: Challenges and Opportunities for European SMEs EU-Japan Centre for European SMEs. April 2015 https://www.eu-japan.eu/sites/eu-japan.eu/files/TechnologyTransfer_final.pdf (accessed: 2 August 2018)
2. Looking forward to research cooperation with industries by the University of Tokyo, <http://www.ducr.u-tokyo.ac.jp/en/mission/greeting.html> (accessed: 27 September 2018)
3. METI Releases Report by Study Group on Ideal Approaches to University-Oriented Venture Businesses, http://www.meti.go.jp/english/press/2018/0619_002.html (accessed: 9 October 2018)

Ульченко Н.Ю.

Вопросы методологии и практики оценки социально-экономического развития Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2017 гг.)

Понимание рисков, связанных с высоким уровнем социально-экономического неравенства, с консервацией бедности и отсутствием механизмов социальной мобильности привело к расширению масштабов использования в ряде стран Востока различных механизмов и инструментов социальной политики. В связи с ростом внимания властей и расширением государственных затрат на социальную политику встает вопрос об оценке ее эффективности. Видимо, речь должна идти об использовании неких комплексных подходов, опирающихся на систему показателей. Такой сложный комплексный подход в последний период времени в научной литературе реализуется через понятие инклюзивного роста. Инклюзивный рост – такой способ развития, преимуществами которого способны воспользоваться все члены общества через равный доступ к обеспечиваемым им возможностям.

Пытаясь решить задачу создания методики оценки инклюзивного роста, в 2011 г. Азиатский банк развития разработал систему показателей, выделив общую группу базовых показателей бедности и неравенства, группу показателей, характеризующих уровень управления в стране и состояния институтов, и 3 группы специализированных тематических показателей: показателей экономического роста и расширения экономических возможностей, показателей социальной включенности (инклюзивности), обеспечивающих равный доступ к экономическим возможностям и, наконец, группу показателей социальной защищенности.

Вопрос о том, насколько инклюзивный характер носит развитие Турции в последние годы, представляется весьма важным, поскольку период правления находящейся у власти в стране с 2002 г. Партии справедливости и развития стал периодом небывалой активизации государственной социальной политики. Таким образом, правомерно оценивать уровень успешности усилий властей в социальной сфере посредством изучения динамики критериев инклюзивного развития.

Что касается показателей бедности и неравенства, то Турция с 2002 г. продемонстрировала довольно убедительное сокращение удельного веса бедных, что ожидаемо сопровождалось некоторым сокращением разрыва в уровне дохода между верхним и нижним квинтилями с 9,4 до 7,6 раз.

Показатели экономического роста и расширения экономических возможностей также практически без исключения продемонстрировали заметную повышательную динамику. И хотя в Турции по-прежнему сохраняются проблемы, связанные с низким

уровнем трудового участия женщин, и как следствие, – с довольно низкими общими показателями трудового участия – чуть выше 50%, практически в два раза сократилось число самозанятых и семейных работников, что считается положительной тенденцией, связанной с сокращением незащищенной (в социальном отношении) занятости.

По показателям социальной включенности достигнут заметный прогресс, а именно возросла численность учителей и медицинского персонала, что, очевидно, следует связывать с чуть ли не двукратным увеличением расходов правительства на образование и здравоохранение. Турция имеет высокие показатели доступа к основной инфраструктуре – практически все население пользуется электричеством, качественной питьевой водой и проживает в достойных санитарных условиях.

Весьма существенны подвижки в сфере обеспечения гендерного равенства: в настоящий момент число девочек, обучающихся в системе начального и среднего образования, превышает число мальчиков, а гендерный разрыв в системе высшего образования стремится к нулю.

Заметно возросло число женщин-парламентариев. Но следует иметь в виду специфические подходы правящей партии к гендерной проблематике и политизацию женщин посредством формирования отдельной женской фракции в рядах Партии справедливости и развития.

Уровень управления и состояния институтов, пожалуй, единственное, что с точки зрения Всемирного банка претерпело довольно противоречивую динамику в годы правления ПСР. Усиление авторитарных тенденций в Турции, очевидно, нашло отражение в снижении оценок выборности и отчетности и эффективности

правительства. Индекс восприятия коррупции изменился несущественно.

Среди показателей социальной защищенности динамику удалось проследить лишь по одному – доле расходов на социальное страхование и социальную помощь в общем объеме расходов правительства. Рост этого показателя более, чем на 10 процентных пунктов свидетельствует о превращении социальной помощи в важное направление социальной политики ПСР.

Далее, достижения Турции в следовании пути инклюзивного роста оценены посредством проведения некоторых международных сравнений. В число стран для сравнения вошли Республика Корея, Филиппины, Таиланд и Малайзия.

Проведенное сопоставление до некоторой степени нивелирует значение успехов, достигнутых Турцией в социально-экономическом развитии, указывая на то, что предпринимаемые меры, скорее, направлены на то, чтобы не допустить глобального отставания Турции среди наиболее динамично развивающихся стран с растущими рынками по инклюзивному росту, нежели на то, чтобы обеспечить ей выход на лидирующие позиции.

Основная литература

1. Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York, Crown Publishers, 2012. 570 p.
2. Framework of Inclusive Growth Indicators 2014. 4th Edition. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. Mandaluyong, Asian Development Bank, 2014. 117 p.

Цветкова Н. Н.

К вопросу об оценке уровня развития цифровой экономики в странах Азии и Африки

Сегодня многие страны Азии и Африки провозглашают стратегии развития цифровой экономики. В связи с этим представляется интересным изучить различные критерии определения цифровой экономики. Хотя само понятие «цифровая экономика» возникло недавно, в последнее время появилось достаточно большое число аналитических публикаций по этой проблематике, среди них можно выделить работы таких отечественных авторов, как Г.Г. Малинец-

кий и В.В. Иванов, таких зарубежных авторов, как Э. Бринолфссон и Э. Макафи, доклады международных организаций – Мирового банка, ЮНКТАД, МВФ, ОЭСР. Даются различные определения цифровой экономики – от «узкого» определения МВФ, в котором цифровая экономика практически сводится к производству товаров ИКТ и ИКТ-услуг, с добавлением небольшого числа цифровых сервисов, включая онлайн-платформы, например, платформы совместного пользования (sharing platforms) и обеспечиваемые онлайн платформами сервисы, Gig Economy (платформы, которые связывают потенциальных клиентов и производителей разовых работ), до «широкого» определения ЮНКТАД. Согласно последнему, выделяются четыре уровня цифровой экономики. Первый уровень – производство товаров ИКТ и ИКТ-услуг; второй, собственно «цифровая экономика», – цифровые услуги, экономика платформ; третий, «оцифрованная экономика», – электронный бизнес, электронная торговля и т.д. Четвертый уровень, то, что обеспечивает цифровую экономику, включает робототехнику и автоматизацию, искусственный интеллект, Интернет вещей, облачные вычисления, Индустрию-4, 3D-печать, электронные платежные системы.

Сложность оценки уровня развития цифровой экономики, ее доли в ВВП связана и с тем, что целый ряд цифровых сервисов (например, пользование поисковыми системами, скачивание информации) потребители получают бесплатно или по заниженной цене. Оценка уровня развития цифровой экономики связана с такими понятиями economics, как «чистое экономическое благосостояние», или «выигрыш потребителя» (consumer surplus). При этом цифровые компании, например, «Гугл», получают колоссальные доходы, но не от пользователей, а от размещения рекламы.

Существуют различные оценки, рейтинги уровня развития цифровой экономики, и по этим оценкам лидеры существенно различаются. Согласно оценкам МВФ, лидер в развитии цифровой экономики по ее доле в ВВП – Республика Корея. Китайскими экспертами разработан свой Глобальный индекс развития Интернета в мире. Другая расстановка стран по уровню развития цифровой экономики имеет место по индексу, разработанному экспертами Harvard Business Review.

Если трудно подсчитать долю цифровой экономики в ВВП (что, однако, делают китайские эксперты), то возможно оценить разви-

тие отдельных элементов цифровой экономики. И если в число лидеров среди афро-азиатских стран входят такие страны, как Япония, Республика Корея, Китай, Сингапур, то отдельные элементы цифровой экономики (электронная торговля, электронные платежи, ИКТ-услуги, облачные вычисления) получают развитие даже в странах Тропической Африки, что можно проследить на примерах Сенегала, Ганы, Кении.

Основная литература

1. Information Economy Report 2017. Digitalization: Trade and Development. UNCTAD, Geneva, 2017. 129 p.
2. Measuring the Digital Economy. IMF. February 28, 2018. 47 p.

Религии, философия и культура на Востоке

Башелеишвили Л.О.

«Чужие» молитвенники за картли – трансформация доктрины прозелитизма

Арабское завоевание грузинских земель, продолжавшееся с начала 40-х годов до конца VII столетия, проходило не только под знаком всеобщего обнищания народа, разорения деревни и истребления значительной части населения, но и сопровождалось огромным всплеском духовной энергии картвелов в защиту собственного культурного и религиозного пространства.

У грузинской церковной и светской элит к этому времени уже была выработана определённая модель преодоления своего травматического прошлого и вступления в новый мир. Пришло осознание бесповоротной утраты прежнего мира. Показать силу через немощь и «изошрённо» ударить по сильнейшим супостатам, напр. по Иранской империи или Арабскому халифату. Как это было возможно теперь?!

Иранцы, упразднившие в конце VI века царство Восточной Грузии, а век спустя и арабы стали требовать от грузинских правителей одного и того же: первые – допустить к населению адептов зороастризма и дать народу право выбора; вторые – открыть односторонний режим прозелитизма в сторону ислама, как это предлагал жителям Тбилиси в 654 году в своей охранной грамоте Хабиб ибн Маслама. Естественно, «перебежчикам» сулили «серебро» и всевозможные земные блага, ибо испытание оным выдерживали далеко не все. Поскольку борьба шла за каждое сердце картвелов, надо было собраться духом, справиться

с травмой путём частичного забвения, утешить «своих людей» и дать ответ противнику когда оружием, а когда прославлением подвига святых-прозелитов, которое ранило супостатов не хуже острия меча.

Для первопастырей грузинской церкви демонстрация своей миссионерской «силы без сил» и трансляция идеи прозелитизма через литургию, агиографию или гомилетическую литературу считалось делом чести. Предполагаемыми адресатами агиографов, с одной стороны, были супостаты, которым как бы говорили: «Вот вам ваши соплеменники, выбравшие и полюбившие грузинский мир и отдавшие жизнь за Христа». С другой стороны, кровавая кончина и подвиг прозелитов ставился в пример своим же соотечественникам. Общество, возвеличивало подвиги «исхо», т.е. чужого, за проявленную им веру и любовь к новой родине больше, чем аналогичное самопожертвование своих же соплеменников, пострадавших за христианскую веру. Именно прозелиты наносят точный удар по своим же, поднимая дух присных христиан.

Грузинские христианские мыслители того времени покрывали голову пеплом, выражая тем самым своё отношение к происходящему: «Смешались с народом чуждым в свирепое время господства исмаильтян». А подвиги «неприсных», совершаемые ими под знаком религиозной духовности, имели огромную силу двустороннего воздействия, поскольку представители пришедших с «мечом» и «насилием» завоевателей, становились добровольными (ибо человек наделён разумом и свободной волей, возможностью самому определять свой жизненный путь и своё будущее) защитниками ценностей «завоеванных и поработанных» картвелов. Они понимали боль и чаяния друг друга, а это уже выходило за рамки религиозного.

Если Самоел католикос (780–790) считал, что св. прозелит Або пострадал «в качестве молитвенника за нас и за нашу страну Картли», то в глазах другой стороны, напр. персов, арабов и др., подобного рода подвиги переживались как поражения, которые обесценивали доблесть их меча и победу, а такие подвижники карались смертной казнью. Так «чужие» выражали свое нежелание сообитания, а присные – перерождения.

Бочковская А.В.

**Показывать нельзя отменить:
фильм «Нанак-шах-факир» и конструирование
запретов в современном сикхизме**

Весной 2018 г. Комитет по управлению гурдварами (высший сикхский духовный авторитет, далее – КУГ) объявил о категорическом запрете на демонстрацию фильма *Nanak Shah Fakir* (режиссер – Хариндер Сингх Сикка) в кинотеатрах штата Пенджаб. Показ должен был начаться 13 апреля – накануне важного для сикхов и индусов весеннего праздника *байсакхи*. Художественный фильм, повествующий о жизни, путешествиях и деяниях первого сикхского гуру Нанак (1469–1539), которого мусульмане уважительно именовали шахом, а индусы – факиром, создатели пытались пустить в общеиндийский прокат еще в 2015 г., поскольку располагали всеми лицензиями и разрешениями, включая заключение КУГ о соответствии фильма сикхскому канону и традициям. Более того, в 2015 г. фильм получил несколько престижных наград Министерства информации и телерадиовещания Индии, победив в номинации «Лучший художественный фильм о национальной интеграции», и его уже начали показывать за пределами Индии. Все доходы от проката режиссер фильма планировал направлять на нужды сикхских трапезных-лангаров.

Тем не менее, в 2015 г., также накануне *байсакхи*, разрешение КУГ было внезапно отозвано под предлогом того, что роль Нанак, т.е. божественной сущности, в фильме исполнял актер – живой человек, в то время как сикхизм якобы запрещает это в отношении сикхских гуру и членов их семей. Режиссер отменил показы фильма и внес изменения: в новой версии фильма изображение Нанак было полностью смоделировано на компьютере и представляло собой светящийся контур человеческой фигуры без прорисовки деталей. Однако в начале апреля 2018 г. КУГ вновь потребовал отозвать лицензию на прокат и объявил об отлучении Хариндера С. Сикки от сикхизма за «богохульство». После обращения режиссера в высшие судебные инстанции страны Верховный суд Индии вынес вердикт о том, что разрешение на показ остается в силе. Несмотря на это, пенджабское правительство постановило не демонстрировать фильм

в Пенджабе; аналогичные решения были приняты в некоторых других индийских штатах. Однако дискуссия в сикхской среде по поводу (не)правомерности действий КУГ и правительства штата в отношении фильма «Нанак-шах-факир» далека от завершения.

Протесты по поводу выхода фильмов, «оскорблявших», по мнению КУГ, религиозные чувства сикхов, в Пенджабе проходили и раньше (*Gurbānī Ishq Dā Kalmā, Jo Bole So Nihāl, MSG, Chār Sāhibzāde* и др.). С появлением в последние десятилетия большого количества видеопроизведений, а также различных литературных произведений, касающихся религиозно-исторической тематики, КУГ настойчиво требует включения своих экспертов в центральный Совет по сертификации фильмов и создания пенджабского цензурного комитета для обязательной проверки сценариев фильмов и пьес, а также рукописей выходящих в Пенджабе книг на соответствие их содержания нормам сикхского кодекса «Рахит / Рех(а)т Марьяда» [1].

Участившиеся запреты на создание «неправильных» художественных произведений следует рассматривать в контексте «конструирования религиозных рамок» [2], начавшегося в сикхской среде в последние десятилетия XIX в. и продолжающегося по сей день. Отсутствие жестких перегородок и границ в определении собственной религиозной идентичности было исторически свойственно жителям Пенджаба, где со времен Средневековья индусы, мусульмане и сикхи жили рядом. На протяжении веков они «проводили свои ритуалы, совершали паломничества и выказывали пиетет божествам, не объективируя религию в качестве некоего эксклюзива» [2]. Ситуация стала меняться с развитием движения Сингх сабха в 1870-х годах, когда разные группы сикхов стали определять критерии, в том числе визуальные, для выявления «своих» и «чужих». Этот процесс в его нынешних проявлениях демонстрирует сложность и многогранность сикхского вероучения, по-прежнему провоцируя появление новых конфликтных очагов Пенджабе и за его пределами.

Основная литература

1. Sikh rahit maryādā. – Amritsar: Dharam Parchar Committee, s.a. URL: <http://new.sgpc.net/sikh-rehat-maryada-in-punjabi/>

2. Oberoi H. *The Construction of Religious Boundaries: Culture, Identity, and Diversity in the Sikh Tradition*. – Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Войтенко А.А.

Базовые элементы религиозной самоидентификации этноконфессиональных общин Христианского Востока

Важным вопросом истории и современной жизни христианских общин Ближнего Востока и Северо-Восточной Африки является проблема определения тех базовых элементов, с помощью которых сохраняется и транслируется их религиозная идентичность даже в тех случаях, когда они оказываются в ситуации значимого религиозного меньшинства. Часто при ответе на это вопрос на первый план выдвигают «национальных» святых и «национальные» святые, которые «цементируют» идентичность этих групп. Но этот ответ нам представляется умозрительным. Он не находит своего подтверждения при серьезном рассмотрении вопроса. Наша аргументация будет строиться на примерах из истории коптской общины Египта, а также на уникальном примере религиозной практики осетин с XIII–XIV в. по середину XVIII в.

Сам термин «национальный» святой не слишком удачен: понятие «нации» складывается только в Новое время, а основную часть святых в Копто-арабском Синаксаре составляют «общевизантийские» святые, что, скорее всего, является общим правилом для всех восточных Церквей. Нельзя сказать, что культ местных святых не является важным: относительно недавняя, 1990-е гг., история с «фаюмскими мучениками» тому подтверждение. Но как раз из нее наглядно видно, что культ святых не является базовым, а «конструируется» как один из сегментов некоей системы, существенными элементами которой является местная иерархическая структура (клир), богослужение, богословие (в случае с общинами Христианского Востока – особенности христологии) и т.д. Но все эти элементы в свою очередь покоятся на ином основании. Основание это – приходской храм и монастырь, которые после превращения христианской общины в неполноправное меньшин-

ство выполняют функции одновременно и коммуникативного пространства и основного средства религиозной «социализации», которые обеспечивают сохранение и трансляцию конфессиональной идентичности. Автор этих строк, будучи участником археологической экспедиции ЦЕИ РАН, уже более 10 лет имеет возможность наблюдать быт монастыря Дейр эль-Азаб в Фаюме. Каждые выходные сюда прибывает множество мирян: здесь общаются, посещают службы, играют свадьбы и отмечают другие торжества, здесь существуют специальные программы для детей и т. д. Т. е. на примере одного монастыря как в капле воды можно наблюдать как «работает» это пространство коммуникации и социализации.

Другой, уникальный пример связан с историей осетин: с XIII–XIV в., когда под ударами монголов перестает существовать государство алан, и по середину XVIII в., когда в горные районы переселения осетин (современные Южную и Северную Осетию) проникают из России и Грузии христианские миссионеры и начинается как бы их «второе крещение». Почти 400 лет осетины существуют в ситуации религиозной «барокамеры», лишенной каких бы то ни было внешних влияний, способных реактуализировать их христианскую традицию. Постепенно, подобно археологическим слоям, начинают «счищаться» важные сегменты христианской традиции: лишившись епископата, они через какое-то время лишаются священства и т. д. То, что возникает в результате (ритуальная трапеза вокруг «дзуара»), сегодня принято описывать в категориях «народного православия», т. е. синкретического феномена, где христианский и языческий субстраты плотно прилегают друг к другу. И именно христианский субстрат в данном случае можно рассматривать как базовый элемент, лежащий в основе религиозной идентичности осетин как одного из народов Христианского Востока. Помимо литургической и богословской редукции (сакральная трапеза, отсылающая помимо язычества к архетипу Тайной Вечери, благодарственные молитвы Богу, троичные символы и т. д.) весь ритуал совершается вокруг развалин христианского храма, рассматриваемого как сакральное пространство. Этот пример «чистого эксперимента» в ситуации почти полной редукции литургических, богословских и церковно-исторических сегментов религиозной системы обнажает ее

базовый элемент: сакральное пространство христианского храма, способное (в данном случае на архетипическом уровне) формировать и воспроизводить особую религиозную идентичность целого народа.

Жантиев Д.Р.

Попытки распространения суннитского ислама среди сирийских алавитов (вторая половина XIX в.)

В эпоху Танзимата община сирийских алавитов (нусайритов), компактно проживавшая в горах на северо-западе Сирии, практически не была затронута процессом модернизации в Османской империи и сохраняла свою этно-конфессиональную замкнутость. Попытки османских властей провести переписи среди алавитов в северных районах Бейрутского вилайета – санджаках Латакия и Триполи, с целью упорядочения налогообложения и проведения воинских наборов, как правило, встречали сопротивление. В 70-е гг. XIX в., благодаря деятельности американских протестантских миссионеров, некоторые алавиты из числа преподавателей и учащихся миссионерских школ официально объявили себя христианами, рассчитывая получить консульскую протекцию и освобождение от военной службы. В ответ османские власти начали кампанию репрессий против протестантских миссионерских школ в Латакии и ее окрестностях, подвергая алавитов арестам и призыву в армию.

Неопределенность и спорность конфессионального статуса алавитов в сочетании с активностью иностранных миссионеров в их среде стали в глазах Порты недопустимым явлением. В качестве ответных действий провинциальная османская администрация получила из Стамбула указания о строительстве мечетей и государственных школ в населенных алавитами местностях в целях распространения среди местного населения суннитского ислама ханафитского мазхаба. Восприятие алавитов как «невежественных» мусульман, а не отдельной самобытной общины с тех пор становится доминантой в деятельности османских властей в отношении алавитов. В правление султана Абдул-Хамида II (1876–1909) распространение суннизма среди сирийских

алавитов приняло характер последовательной государственной политики. Строительство на государственные средства десятков мечетей и османских школ, в которых алавитов воспринимали как мусульман, сопровождалось рапортами провинциальной администрации о массовом переходе алавитов в суннитский ислам. Данный процесс затронул не только санджаки Латакия и Триполи, но также северные районы Горного Ливана и соседний санджак Хама.

Однако, дальнейший ход событий позволяет сделать вывод о формальном (или даже фиктивном) характере обращения алавитов в суннизм и о сохранении алавитской общиной своей идентичности. Получение османских удостоверений личности в качестве мусульман позволяло алавитам легально совершать сделки с недвижимостью и выступать свидетелями в османских судах, но не меняло их традиционной самоидентификации. В числе важных последствий попыток османских властей распространить среди алавитов суннитский ислам следует назвать рост грамотности и социальных возможностей. Но при этом, по всей вероятности, как алавитская элита, так и простые члены общины, подчиняясь османским властям во избежание дальнейших репрессий и для виду соглашаясь признавать себя последователями ханафитского мазхаба в контактах с властями, в тайне сохраняли приверженность своим традиционным верованиям и обрядовой практике.

Основная литература

1. *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* Идея халифата в мусульманском мире (конец XIX – начало XX в.): вызовы и региональные отклики // *Ислам в современном мире: внутрисоциальный и международно-политический аспекты.* 2018. том 14, № 3, С. 133–149.
2. *Кобищанов Т.Ю.* Между кануном и шариатом: религиозная политика османских властей в сирийских провинциях в XVI – начале XIX в. // *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение,* издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), 2005. № 4, с. 52–68
3. *Friedman, Yaron.* The Nusayri-Alawis: An Introduction to the Religion, History, and Identity of the Leading Minority in Syria. Leiden; Boston, 2010.

Заболотный Е.А.

Чины святости в церкви Востока

Актуальной задачей в рамках исследования восточнохристианской агиографической традиции представляется рассмотрение феномена святости в Церкви Востока. Эта христианская община, объединявшая главным образом восточных сирийцев и традиционно именуемая несторианской, на протяжении Поздней античности и большей части Средних веков существовала в чуждом с религиозной точки зрения окружении. Указанная ситуация, характерная и для Сасанидского Ирана, и для арабского Халифата, не означала, разумеется, постоянных гонений. При Сасанидах, в частности, волны гонений нередко чередовались со временем весьма благоприятного отношения к различным христианским Церквам, одной из которых и была Церковь Востока. Несмотря на то что тема сирийской агиографии не может пожаловаться на отсутствие внимания со стороны исследователей (см., в частности: *Fiey*. 2004), можно отметить несколько аспектов данной темы, несомненно нуждающихся в дополнительном изучении и систематизации:

1) *Основные чины святости в восточносирийской традиции, доля каждого из них общем числе подвижников.* Особое внимание планируется уделить соотношению греческой и сирийской терминологии, которая использовалась для обозначения этих чинов. Например, соотношение сирийских понятий *sāhdā* (свидетель / мученик) и *mawdyānā* (исповедник), с одной стороны, и аналогичных терминов на греческом языке — *μάρτυς* и *ὁμολογητής*, с другой, является не таким однозначным, как может показаться на первый взгляд. Важным источником, отражающим раннюю сирийскую традицию именованых святых, пострадавших за Христа, является Сирийский мартиролог (между 360 и 411), который планируется рассмотреть в рамках доклада (изд.: *Nau*. 1915). Нельзя обойти вниманием и другой важный чин святости — учителя (*malpānē*). Особую роль среди них играли т. н. греческие учителя (*malpānē uawpāyē*), центральное место среди которых занимал Несторий. Почитание последнего должно было ознаменовать конфессиональное обособление Церкви Востока от византийского имперского христианства.

2) *Периоды, которые характеризовались всплеском святости.* Речь в данном случае идет не только о волнах гонений против христианской религии, сменявших довольно продолжительные периоды мирного существования последних на территории державы Сасанидов, но и об обострении межконфессиональных отношений, одна из причин которого — борьба за расположение шаха. Такая борьба имела место не только между разными общинами (как правило, «несторианами» и антихалкидонитами), но и между представителями одной общины. В ряде случаев даже мученическая кончина церковного деятеля могла быть вызвана меж- или внутриконфессиональным противостоянием.

3) *Святость и этническое самосознание.* Культ восточносирийских святых действительно может рассматриваться в качестве одной из основ идентичности, однако не «национальной», а религиозной (или конфессиональной в узком смысле), поскольку часть святых Церкви Востока имели не арамейское, а персидское происхождение. Это соотношение этнического и религиозного автор планирует показать на примере жизнеописаний некоторых восточносирийских святых, в том числе католикоса Востока Мар Авы Великого (VI в.).

Основная литература

1. Un martyrologe et douze ménologes syriaques / Éd., trad. F. Nau. P., 1915. (Patrologia Orientalis; T. 10; Fasc.
2. *Fiey J. M. Saints syriaques.* Princeton (N. J.), 2004.

Захарьин Б.А.

Зачатки феминистской идеологии в трудах джайнского схоласта Харибхадра-Сури (VIII в.)

Харибхадра-Сури, ориентировочные даты жизни которого 700 – 770 гг., является одним из самых почитаемых джайнских схоластов. Согласно поздним и достаточно противоречивым мифологическим источникам, он родился в Читторе (Раджастхан) в брахманской семье и с детства демонстрировал исключительные способности к изучению языков (ведийского, санскрита, ардхамагадхи, махараштри) и к чтению и толкованию текстов на них.

Благодаря своим познаниям, он уже в юности был приближен ко двору и стал духовным наставником (*гуру*) правителя Читтора. Однако его влекла к себе не Веданта или какая-либо иная из брахманистских *даршан*, но религиозно-философское учение джайнов. Поэтому, достигши зрелости, он принял монашеский сан и стал членом джайнской общины. В дальнейшем он целиком сосредоточился на изучении и комментировании разнообразных трудов предшественников и современников, создав, согласно традиции, более 1400 сочинений. Правда, по Абхйанкару, количество безусловно принадлежащих Харибхадра-Сури работ не превышало 50, остальное – плод джайнского мифотворчества [Abhyankar 1932]. С наступлением старости Харибхадра-Сури, как это было в обычае джайнов, полностью отказался от приема пищи и уморил себя голодом.

Примечательно, что при обращении в монашество молодого Харибхадра-Сури главным его наставником стал известный джайнский философ Джинадатта-Сури, а помощницей последнего выступила *yakṣī/yakṣinī* (на ардхамагадхи *yākinī*) Махаттара. Это обстоятельство, повидимому, сыграло определенную роль в дальнейшем, при формировании прафеминистских концепций у взрослого Харибхадры.

Теоретическое обоснование темы «женщина и Спасение» Харибхадра-Сури представил в ряде своих сочинений, в частности, в комментарии (*tīkā*) на буддийский текст '*Lalita-vistara*', представлявший собой мифологизированное описание жизненного пути Будды. Отношение обеих неортодоксальных религий – и буддизма, и джайнизма – к женщинам-мирянам или к женщинам-членам соответствующих общин было в целом сходным: для мирян нормой считалось законное супружество партнеров, но монахи обоих полов были обязаны придерживаться целибата. Женщины-адепты могли образовывать соответствующие монашеские общины и даже создавать свои монастыри, но достижение ими Спасения (*nirvaṇa*) считалось задачей практически невыполнимой. Особо жесткой в этом плане была позиция джайнов-дигамбаров, которые, причисляя женщину к категории «бездушных» (*ajīva*) материальных объектов, полагали, что по своим физическим, интеллектуальным и нравственным качествам монахини, даже безупречно соблюдающие все религиозные предписания и запреты, в принципе неспо-

собны когда-либо обрести нирвану. Харибхадра-Сури выступил против подобных концепций. Его аргументация в основном сводилась к тому, что Спасение – это плод религиозных усилий индивида, но не целого гендера и что женщины, как и мужчины, обладают «душой» и способны к возвращению в себе исключительно позитивных свойств, ведущих к нирване.

В том же сочинении Харибхадра указывает на высокий статус *yakṣī* по имени '*Ambā-kuṣmāṇḍī*', которая воплощает собой высшее женское начало и которую следует почитать листьями манго. Возможно, миф о связи *yakṣī* с манго возник на базе сходства звучаний имен *āmba/ambā* 'богиня, госпожа' и *āmra* 'манго'. Но допустимы и иные трактовки: *Ambā* была известна также под именами '*Koṭṭavyā*' и '*Koṭṭavī*', что позволяет связывать ее с дравидийской демоницей *Koṭṭavai*, позднее (в текстах тамильской Санги) отождествлявшейся с богиней победы *Koṭṭavai* [Shah 2014: 63]. Подробнее феминистская символика у джайнов в общем и у Харибхадра-Сури в частности будет проанализирована в моем докладе.

Основная литература

1. K.V. Abhyankar (editor), *Viṃśati-viṃśatikā* by Haribhadrasūri, Pune, 1932.
2. U.P. Shah, Two interesting references by Haribhadrasūri to *Ambā-kuṣmāṇḍī-vidyā* // *Studies in Haribhadrasūri. Papers presented at a Seminar in the B.L. Institute of Indology, Delhi*. Edited by N.M. Kansara and G.C. Tripathi, Delhi: B.L. Institute of Indology, 2014.

Кобищанов Т.Ю.

Современная социальная психология о влиянии идей святости и мученичества на самоидентификацию меньшинств

В механизме самосохранения меньшинств, – подразумевая под ними не меньшие по численности, а низкостатусные группы, – ключевую роль играет поддержание позитивной идентичности, этнической или религиозной. Социальная психология выделяет несколько стратегий сохранения или восстановления положительного восприятия своей группы, даже если она потерпела поражение в межгрупповом соревновании и подвергается дискриминации.

Одной из таких «стратегий социального творчества», используя формулировку А. Тэшфела и Дж. Тернера, является поиск новых оснований для сравнения. В этом случае группа ориентируется не на нынешний более низкий общественный или экономический статус, а на некие присущие ей особые личностные качества. Эти качества являются прототипами, образцами для подражания. Реально члены этнических или религиозных меньшинств им не следуют, что не мешает им декларировать, что они на них ориентируются. Самыми сильными подобными установками являются идеалы святого образа жизни, либо юдоли мученичества.

Подобная стратегия непосредственно отражается на психологии как данной группы в целом, так и ее отдельных членов, подчас приводя к расстройствам и патологиям. Впрочем, поскольку понятие «норма» меняется в зависимости от конкретного исторического и культурного контекста, то и отнесение ряда общепринятых проявлений заболеваний (например, способности слышать «голоса» при шизофрении) к патологиям личности в период Средневековья весьма спорно.

Отдельно стоит вопрос намеренных изменений состояния сознания. К числу принятых в христианской аскезе практик относится так называемая сенсорная депривация, в частности, в виде строгого поста либо других самоограничений. Она ведет к недостатку глюкозы в крови и вызывает видения.

Обращенность коллективных переживаний этнической или религиозной группы в прошлое, которое меньшинствам обычно представляется героическим и славным мифом, также придает особое значение святости и мученичеству как штифтам позитивной идентичности.

Кириллина С.А.

Ал-Харам аш-Шариф – третья по значимости мусульманская святыня: визуальная репрезентация

Расположенное в Иерусалиме «благородное святилище» – ал-Харам аш-Шариф именуется в исламе «первой из двух *кибл* (первая *кибла* – Иерусалим, вторая – Мекка) и третьей после двух благородных святынь (Мекки и Медины)». Это почетное опреде-

ление применяется как ко всей территории ал-Харам аш-Шариф, покрывающей вершину древней горы Мориа, так и только к мечети ал-Акса. Историю главных исламских памятников Иерусалима невозможно понять и осмыслить без обращения к одному из ключевых сюжетов исламского священного предания, известного как «чудесное ночное путешествие пророка Мухаммада из Мекки в Иерусалим и его вознесение к небесному престолу Аллаха». Согласно легенде, кульминацией этого события, произошедшего в 621 г., в канун хиджры, стало вознесение Пророка в небесное пространство со священной скалы – *сахры* и его общение с Аллахом.

Гигантская искусственная платформа ал-Харам аш-Шариф считается в основном сооружением I века до н.э., хотя Омейяды, крестоносцы и последующие мусульманские династии проводили работы по его укреплению и обновлению. Наглядное представление о его грандиозных масштабах дает фрагмент западной опорной стены ал-Харам аш-Шариф, известной как Стена плача. Южный край монументальной платформы занимает мечеть ал-Акса, которую обычно отождествляют с упомянутой в Коране «отдаленнейшей мечетью» / *ал-масджид ал-акса*, куда Аллах перенес Пророка во время его ночного путешествия. Поскольку в то время Иерусалим находился под властью Византии, кораническую «отдаленнейшую мечеть» интерпретируют в символическом ключе как «небесный храм». Первая мечеть на Храмовой горе была заложена вторым «праведным халифом» Умаром в 637 г. Будучи изначально небольшим молитвенным домом, при Омейядах мечеть была расширена и перестроена. Капитальное здание мечети ал-Акса появилось только в начале VIII в. Впоследствии мечеть неоднократно страдала от разрушительных землетрясений, но каждый раз отстраивалась заново, а также прошла через череду реконструкций.

Центральное место в архитектурном ансамбле ал-Харам аш-Шариф занимает «мечеть купола скалы» / *масджид куббат ас-сахра*. Это сооружение представляет собой мемориально-культовое строение, служащее архитектурным обрамлением окруженной благоговейным почитанием скалы, которая, согласно мусульманскому преданию, повиновалась воле пророка Мухаммада. Храм над священной скалой, представляющий собой самый ранний дошедший до нас мусульманский монументальный архитектурный памятник,

был воздвигнут в 688/689–691/692 гг., раньше, чем появилось фундаментальное здание мечети ал-Акса. *Масджид куббат ас-сахра* как произведение зодчества является свидетельством неуклонной трансформации сиро-палестинского христианского искусства в исламское. Облик и декор этого архитектурного памятника подвергался модификациям в связи с многочисленными ремонтами. Во 2-ой половине XX в. была проведена его кардинальная реставрация с целью максимального восстановления первоначального вида. На территории ал-Харам аш-Шариф также располагается ряд небольших мемориальных сооружений – «Купол вознесения», «Купол Пророка», «Купол цепи» и др.

В задачи данного выступления входит определение места главных исламских памятников Иерусалима в истории и культуре арабо-мусульманского мира. Оно сопровождается демонстрацией выполненной с помощью многофункциональной графической программы Microsoft PowerPoint презентации, которая призвана визуализировать данную тему путем привнесения в композиции слайдов репрезентативного историко-культурного и художественного материала.

Основная литература

1. *Жантиев Д.Р.* Традиционная исламская мысль в османской Сирии в конце XIX – начале XX в. (на примере творчества шейха Йусуфа ан-Набхани) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение, № 1, 2015. С. 21–29.
2. *Орлов В.В.* Самоотождествление в арабском мире: этническое, профессиональное, национальное // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. № 9, 2015. С. 147–158.

Краюшкин Н.Р.

Каир глазами мусульманских паломников XVII в.

После османского завоевания Египта жизнь каирских интеллектуалов стала протекать в новых исторических условиях, связанных с активизацией культурного взаимодействия между основными духовными центрами мусульманского мира – Меккой, Мединой, Иерусалимом и Дамаском. При этом номинально главным городом ислама был объявлен Стамбул, который турки-османы позициони-

ровали как несокрушимый оплот суннитского правоверия. Особое положение в интеллектуальной жизни Османской империи занял также Каир, на территории которого располагался ал-Азхар – один из древнейших университетов на арабском Востоке. Среди тех, кто стремился в нем поучиться, было много пилигримов, желавших совершить *хадж* в священные города Аравии в составе каирского паломнического каравана.

В XVII в. для знакомства с египетской столицей Каир посетили дамаский мистик и поэт ‘Абд ал-Гани ан-Наблуси (ум. в 1741 г.) и богослов из Медины Мухаммад Кибрит (ум. в 1659 г.). В их произведениях, написанных в жанре *рихла* (путевые заметки), Каиру отводилось место одного из интеллектуальных центров передачи религиозного знания. Зачастую интеллектуальные дебаты сопровождались *зийарат* – паломничествами для получения *бараки* – «божественной благодати» – к усыпальницам местных мусульманских «святых», из которых самыми известными были духовная покровительница Египта сейида Нафиса (ум. в 824 г.), основатель шафиитской правовой школы в исламе Мухаммад аш-Шафи‘и (ум. в 820 г.) и арабский поэт-мистик Ибн ал-Фарид (ум. в 1235 г.). Для получения «благодати» периодически проводились совместные мистические обряды поминания и прославления имени Бога (*зикр*) и коллективные радения с распеванием суфийской поэзии под музыку (*сама*).

Выявленный в процессе изучения рассматриваемых трактатов высокий уровень интенсивности внутрикультурных контактов между различными уголками арабо-мусульманского мира позволяет говорить об устойчивости интеллектуальных связей между представителями духовных элит различных частей арабского мира. Идентифицирована также определенная идейная конкуренция между мусульманскими мыслителями, заставлявшая их углубляться в изучение вопросов религиозного знания. Так, и ан-Наблуси, и Кибрит относились настороженно к шейхам ал-Азхара, положительно отзываясь только об отдельных персонажах из культурной элиты Каира. В целом, главной причиной, подвигнувшей ‘Абд ал-Гани посетить Каир, стали его опасения подвергнуться нападению со стороны бедуинов Аравии. Согласно полученной им ранее информации, номады Западной Аравии отчасти контролировались из Египта, что, по его мысли, могло гарантировать ему

безопасность на паломническом пути. В свою очередь, Мухаммад Кибрит направился в Каир в том числе для того, чтобы затем отбыть в Александрию, из которой было удобнее доплыть по морю до Стамбула – главной цели его пути. После совершенного путешествия для Кибрита большее значение в получении *бараки* продолжили занимать Мекка и Медина, а для ‘Абд ал-Гани – Великая Сирия. Таким образом каждый автор выстраивал свою иерархию культурных столиц мусульманского мира, определяя для себя идейный центр ислама и его периферию.

Основная литература

1. Кириллина С.А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press Lewiston, 2000.
2. *Кибрит, Мухаммад*. Рихату-ш-шита’ ва-с-сайф (Путешествие зимой и летом). Бейрут, 1965.
3. *Ан-Наблуси, ‘Абд аль-Гани*. Ал-хакика ва-л-маджаз фи-р-рихла ила билад аш-Шам ва-Миср ва-л-Хиджаз (Достоверное и образное описание путешествия по Великой Сирии, Египту и Хиджазу). Каир, 1986.

Львова Э.С.

«Африканские религии» Нового Света

За четыре столетия работорговли множество африканцев оказались на территории стран Нового Света – в США, странах Карибского бассейна, Бразилии и др. Они принесли с собой и память о родных местах, и свою культуру. В последние годы в этих странах появляются серьезные работы, анализирующие вклад, который внесли рабы, а затем и их потомки в развитие этих регионов – в экономику, освоение новых земель, сельское хозяйство, горнорудное дело, и, конечно, в культуру. Всем хорошо знакомы «Сказки дядюшки Римуса» о братце Кролике, его друзьях и недругах. А ведь их рассказал Харрису раб-нянька из теперешней Анголы. На Ямайке и других островах Карибского моря популярны рассказы о приключениях плутоватого Ананси, превращающегося в паука – а Ананси-паук является духом-трикстеров народа ашанти в Гане. Музыкальные ритмы и танцы Латинской Америки,

как и джаз и спиричуэлс тоже имеют африканское происхождение. В этом ряду немалое место занимают и религиозные представления.

На их основе выросли новые синкретические культы, в которые вошли и христианские элементы, и некоторые особенности верований местных индейцев. Это вуду на Гаити, кандомбе и другие в Бразилии, сантерия на Кубе, растафари на Ямайке и множество разновидностей. Хотя каждый из них имеет свою специфику, есть и общие черты. Они выросли из симбиоза традиционных африканских верований и христианства, в которое были обращены все рабы обеих Америк. В некоторых странах (особенно Бразилии, Колумбии и др.) в этот сплав вошли и верования индейцев. Надо отметить, что нередко именно здесь, вдали от Африки, в изолированных обществах рабов, в лучшем виде сохранились древние элементы мировосприятия их предков. Еще одна общая их черта – большая роль женщин – как правило, именно они являются жрицами или важными служителями этих культов. Это также связано с местом происхождения рабов – Верхней и Нижней Гвинеи, где до наших дней многие народы сохранили матрилинейный счет родства и правил наследования.

Память о старых верованиях была памятью о родных местах. Если в самой Африке вся жизнь в колониях модернизировалась, традиционные верования претерпевали изменения, а то и исчезали совсем, то в Новом Свете они как бы застывали.

Особенно многочисленные последователи таких культов в Бразилии. Потомки африканских рабов создали в этой стране довольно много направлений афро-бразильских культов: **кандомбле, умбанда, шанго, батуке, культ Ифа, энкантария, ксангё** и другие.

Крупнейшей из них и самой распространенной является **Кандомбле** и ее варианты. Каждое направление имеет и множество более мелких в разных городах и местностях Бразилии. В основе ее лежат традиционные верования народов йоруба и фон с Невольничьего Берега (южные районы современных Бенина и Нигерии). Этот культ предполагает существование множества духов, которые объединяют черты как африканских (ориша у йоруба, именно так называют всех бразильских духов) персонажей, так и католических святых. Эти духи, изначально символизирующие природные явления и силы, отождествляются с христианскими святыми и получа-

ют новые «обязанности». Есть определенные дни, посвященные тому или иному ориша, каждому из которых соответствует цветовая гамма, свои гимны и танцевальные па. В культах используются искаженная лексика африканских языков.

Изначально Кандомбле возникло как противовес официальному христианству и имело типичные черты идеологии сопротивления. Как результат, последователи преследовались, дома молений разрушались, имущество конфисковывалось. В наши дни последователи Кандомбле есть не только в Бразилии (около 2 млн. человек), но и других странах Латинской Америки и Европы (Португалии, Испании и др.).

В бразильской глубинке сложился **Кабокло** – вариант системы верований, близкий к описанному выше, но дополненный отдельными верованиями индейских племен. На севере страны индейское влияние особенно значительно. Пантеон наряду с народными католическими святыми включает и духов африканских народов, как и индейских духов животных, растений и природных стихий. Африканское влияние опирается на наследие народа фон, важную роль медиумов, использование ритуалах одержимости и т. п.

На северо-востоке страны возникло направление **Катимбо**, в котором важную и значительную роль играют белая и черная магия, дополненная индейскими и европейскими представлениями о колдовстве. Среди духов, вера в которых составляет существо этих религиозных представлений, большое место занимают Шанго и Огун. Пожалуй, самая существенная черта – хилерство (целительство) с применением обращения в транс, окуривания, галлюциногенных трав и листьев (в частности кока), табака, лекарственных растений.

К середине XX века оформился отпочковавшийся от него еще в 1907 г. в Рио-де-Жанейро «городской» культ **Умбанда**. Он был создан представителями образованных слоев и включал в себя не только элементы африканских, индейских верований и христианства, но и философские разработки спиритуалистов.

Можно отметить новые черты существования афробразильских культов. Прежде всего, это уже не полулегальные организации унетенных слоев, но признанная государством религия. Ее культура, догматика, ритуалы признаны важной составляющей традиционного культурного наследия. Заметные направления раз-

вития – широкое распространение далеко за пределы районов возникновения; коммерциализация; своеобразная мода на артефакты культов; стремление использовать ее как туристический продукт. Во многих странах как Нового, так и Старого Света началось активное изучение ее.

Низамутдинова О.В.

Революция в исламе: быть или не быть?

В данном выступлении анализируются события религиозной жизни Египта, начиная с прихода к власти Абд ал-Фаттаха ас-Сиси после военного переворота 3 июля 2013 г. Их суть заключается в том, что президент (с 2014 г.) ал-Сиси 1 января 2015 г. выступил в университете ал-Азхар с призывом к обновлению ислама. Это обновление (или, согласно его формулировке, «революция») нацелено на пересмотр устоявшейся религиозной традиции. Подобное решение президента полностью отвечает ходу избранной им внутренней и внешней политики. Ас-Сиси считают подчеркнuto набожным человеком: его лоб украшает *забиба* – особая мозоль, образовавшаяся в результате частных молитвенных поклонов. Учитывая его позицию в отношении ислама, бывший президент Мухаммад Мурси (2012–2013 гг.) в 2012 г. доверил ему пост командующего вооруженными силами. При этом ас-Сиси позиционирует себя как борец с экстремизмом и терроризмом. Он делает регулярные заявления на внутриегипетских и международных конференциях о недопустимости применения насилия против иноверцев, осуждает террористические атаки на коптов, обвиняет исламистов в искажении исламского вероучения. Отмечая наличие в Сунне и в трудах средневековых толкователей Корана – муфассиров множество прецедентов, одобряющих насилие против власти и иноверцев, ас-Сиси предлагает сделать единственным бесспорным источником права только Коран. Однако президент не имеет весомого духовного авторитета и безусловной народной поддержки для претворения своих планов в жизнь. Подконтрольное ему Министерство вакфов и полунезависимый университет ал-Азхар делают на этот счет весьма осторожные заявления. Анализ соответствующих высказываний верховного имама университета

ал-Азхар и министра вакфов Мухаммада Мухтара Гомаа позволяет сделать вывод о том, что эти лидеры не поддерживают инициативу президента, но при этом всеми силами стараются избежать конфликтной ситуации и конфронтации.

Основная литература

1. Ahram Online. El-Sisi says Al-Azhar has failed to renew Islamic discourse. 14.07.2015. URL: <http://english.ahram.org.eg/News/135369.aspx>, (дата обращения 11.02.2019).
2. OASIS. The Revolution of Islam According to President al-Sisi. 20.01.2015. URL: <https://www.oasiscenter.eu/en/revolution-islam-according-president-al-sisi>, (дата обращение 11.02.2019).
3. Ahram Online. Egypt: Wrangles over religious discourse. 29.12.2018. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/48/0/320872/--/Egypt-Wrangles-over-religious-discourse.aspx>, (дата обращения 11.02.2019).

Орлов В.В.

Ислам в колониальной политике Л.-Ю. Лиотэ: опыт становления французского протектората в Марокко (1912–1925 гг.)

Генерал, впоследствии маршал Франции Л.-Ю. Лиотэ (1854–1934) – опытный военачальник и колониальный администратор, прошедший колониальные войны в Тонкине и Алжире, участвовавший в покорении Мадагаскара, – по праву считается основателем французского протектората в Марокко. Он был назначен первым генеральным резидентом Франции в этой стране и его многогранная деятельность в 1912–1925 гг. неоднократно анализировалась историографами в качестве образца колониального управления.

На протяжении своей службы в Марокко генеральный резидент ставил своими целями «политику ассоциации» – воспитание союзников из местных элит, а также модернизацию «сверху», не разрушающую традиционные институты. По условиям Фесского договора 1912 г. держава-протектор обязалась не затрагивать духовно-религиозную сферу марокканской жизни, уважать султана-шерифа как главу общины и сохранять исламские учреждения и обычаи. Поэтому Л.-Ю. Лиотэ вел нейтральную политику по отношению к суфийским обителям (*завийам*) и признавал их са-

мостоятельность. Сознвая невозможность удержаться в стране «со свирепым культом независимости» за счет военных решений, Л.-Ю. Лиотэ писал о потребности «экономического и цивилизующего проникновения», способного удвоить воздействие военной силы.

Исламская политика французских властей проводилась также в сфере управления благочестивыми пожертвованиями (*вакф, хабус*). В 1913 г. хабусные земли и недвижимость были обследованы, относящиеся к ним юридические предписания стандартизованы, а управление их делами поставлено под контроль Министерства общественных хабусов (*Визарат ал-ахбас ал-'амма*). Содействие реформам хабусов объяснимо желанием Л.-Ю. Лиотэ учредить косвенный надзор за доходами завий, могущими послужить в качестве «черной кассы» для вооруженных выступлений племен. В то же время юридическое оформление статуса хабусов объективно содействовало их введению в рыночный оборот.

Энергичные усилия Генеральной резиденции по реорганизации богоугодных учреждений Марокко сочетались с попытками Франции регламентировать сферу традиционного мусульманского образования. Л.-Ю. Лиотэ, – аристократ и эстет, ценитель «старого Марокко», – дружественно относился к мусульманской учености, признавал права и привилегии богословов-*улама*, восхищался арабской поэзией, умело носил арабскую одежду и восхвалял самобытность «марокканского гения». В то же время генеральный резидент признавал, что школьное образование – это решающий фактор французского господства, и видел в марокканской школе инструмент колонизации умов.

«Совместный суверенитет» (*co-souveraineté*) династии Алауитов и колониальной администрации неминуемо вел их к идейному, культурному и юридическому конфликту. Однако генеральный резидент, глубоко знавший реалии Магриба, всемерно стремился реставрировать религиозный престиж шерифского государя и даже усилить его по сравнению с традиционной эпохой. Симпатии Лиотэ к марокканской монархии во многом объясняются его происхождением и мировоззрением. Аристократ по рождению и вельможа по духу, боевой генерал и убежденный монархист-католик, Л.-Ю. Лиотэ отнюдь не восторгался порядками Третьей республики и свои консервативные ценности реализовал в обустройстве ма-

рокканского протектората. Абсолютная власть шерифского султана, основанная на традиции и вере, представляла для него образец государственного строя.

Многие аспекты исламской политики Л.-Ю. Лиотэ (манипулирование ценностями мусульман, многовекторная поддержка местных элит, сопряжение военных и дипломатических методов) находят параллели в истории вторжений и вмешательств Франции в жизнь Египта, Сирии, Ливана и других арабских провинций Османской империи.

Основная литература

1. Rivet D. Lyautey et l'institution du Protectorat français au Maroc (1912–1925). Vol. 1–3. P.: L'Harmattan, 1988.
2. Жантиев Д.Р. Межкультурные контакты в ходе французской интервенции в Ливане 1860–1861 гг. // Французский ежегодник, 2018. С. 240–256.
3. Кириллина С.А. Бунабарди-паша и «воинство шайтана»: ислам в политике восточной экспедиции Бонапарта (1798–1801 гг.) // Французский ежегодник, 2017. С. 219–239.

Попов И.Н.

Первые шаги развития христианской Святой земли в начале IV века глазами Евсевия Памфила и паломника из Бурдигалы

В нашем докладе мы постараемся освятить сведения о начальном этапе развития христианской традиции паломничества в Святой земле, которые содержатся в своде библейских географических названий «Ономастикон» Евсевия Памфила (ок. 313 г.), а также в анонимном «Бурдигальском итинерарии» (333 г.). В освящении истории Святой земли эпохи имп. Константина, как правило, принято говорить только о тех святынях, у которых Константин строил базилики. Но в действительности святых мест уже в то время было гораздо больше. Можем ли мы охарактеризовать эти святыни в их совокупности? Что мы можем сказать о работе «исследователей» сакральной топографии и гидов, водивших паломников в ту эпоху?

Поскольку оба наших источника представляют собой справочники – длинные перечни, состоящие из однотипных и кратких

позиций, – то анализировать их необходимо с помощью классификации. Все святыни, упоминаемые в обоих источниках, можно распределить по их религиозной принадлежности. Мы довольно легко можем определять, какая именно община преимущественно участвовала в почитании той или иной достопримечательности. Хорошо выделяются святыни 4 религиозных групп – язычников, иудеев, самаритян и христиан. Общие или смешанные святыни встречаются редко.

Собранные в источниках данные рисуют довольно сложную картину сочетания присутствия и интересов нескольких религиозных общин. Они позволяют нам сделать следующие выводы.

1. Развитие христианской культуры Святой земли изначально происходило в атмосфере острой конкуренции с другими религиозными общинами. Конкуренция эта приобретала в основном вид «информационной войны», когда каждая религиозная община стремилась выстраивать свою картину культурной памяти и логику связей между святыми местами, вытесняя при этом конкурентов.

2. Среди паломников в Палестине к нач. IV в. абсолютно преобладали иудеи. Тем не менее, и в трудах Евсевия, и у Бурдигальского анонима мы видим постепенный, – но довольно стремительный, – рост числа христианских достопримечательностей, основанных на различных эпизодах из Нового завета.

3. Суть начавшегося развития христианской культуры Святой земли заключалась в первую очередь в том, чтобы превратить Палестину из места паломничества иудеев, в место паломничества христиан – т. е. любыми способами (юридическими, пропагандистскими и насильственными) отобрать святыни у иудеев и передать их в руки представителей новой религии. Разумеется, в ходе развития Святой земли у христиан появлялись в большом числе новые святыни, происходили открытия, обнаружения мощей и т. п.

4. Стремясь укрепить свои позиции, христиане создавали и «открывали» довольно много новых мест и объектов. Однако значительная часть этих новооткрытых святынь впоследствии более никогда не упоминались в источниках. Они появились на краткое время, а потом, уже во 2-й пол. IV или в V вв. были забыты. Среди таковых заметно выделяется группа святынь, которые позднее явно были оценены христианами как ошибочные. Т. о., важной

проблемой для исследователей сакральной археологии той эпохи было качество их поисков. Их выводы во многих отношениях можно назвать скороспелыми и спорными, знания неуверенными. Как именно происходила «работа над ошибками», пересмотр тех или иных «открытий», – мы сказать не можем. Однако сам факт подобных изменений представляется нам важным, поскольку он характеризует внутреннее содержание самого процесса развития Святой земли.

Прусская Е.А.

Религиозная политика французских властей в Алжире в 1830-х гг.

Начальный этап французского покорения Алжира: оккупация 1830–1834 гг. и ранняя колония до 1840-х гг. получила заметно меньшее освещение в историографии, чем более поздние эпохи в истории французского Алжира. Лишь в последнее десятилетие внушительные работы Дженифер Сэйнс, Уильяма Галлуа и Осамы Аби-Мершида обозначили подъем интереса к этой проблеме.

Полный неопределенности турбулентный период 1830-х гг. в истории Алжира носил на себе отпечаток политических потрясений и изменений во Франции. Несмотря на отсутствие четких планов относительно покоренной территории вплоть до 1834 г., французы продолжили завоевание этой страны. Нестабильность политической ситуации и противоречивость действий главнокомандующих Африканской армии не способствовала продуманной политики французов в отношении мусульманского большинства в период оккупации и ранней колонии. Несмотря на заявления генерала Бурмона, руководившего взятием столица Алжира, об уважении ислама и прав местных жителей, на практике эти слова остались лишь лозунгами. Более того, миссионерская деятельность христиан в Алжире поощрялась, и все это лишь усугубляло социо-культурный конфликт в Алжире.

В моем докладе будет рассмотрена религиозная политика французских властей в Алжире по отношению к мусульманам и представителям других религий, факторы, влиявшие на ее изме-

нение в течение 1830-х гг. и взаимоотношения французов с местной элитой.

Основная литература

1. *Gallois W.* A History of Violence in the Early Algerian Colony. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
2. *Sessions J.E.* By Sword and Plow: France and the Conquest of Algeria. Ithaca (N.-Y.): Cornell University press, 2011.
3. Кириллина С. А. Бунабарди-паша и «воинство шайтана»: ислам в политике Восточной экспедиции Бонапарта 1798–1801 гг. // Французский ежегодник 2017: Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время. М. С. 35–54.

Соловьева Д.В.

Легенда о Дар Ибн Маш'ал: неканоническое истолкование джихада в Алауитском Марокко

Ахл аз-зимма, или *зиммии* («покровительствуемые») – христиане и иудеи, проживавшие на территории земель ислама (*дар ал-ислам*). Обязанностью мусульманских правителей было брать представителей этих религиозных групп под свое покровительство и защищать их интересы. Однако в истории арабо-мусульманских земель известны случаи нестандартного поведения лидеров общины в отношении *зиммиев*.

Так, марокканские хроники, повествуя о приходе к власти династии Алауитских султанов (с 1631 г. по наст. время), приводят историю, известную как «легенда о Дар Ибн Маш'ал». Согласно этой легенде, будущий султан Марокко Мулай Рашид (1664–1672 гг.) прибыл в поселение Дар Ибн Маш'ал, где убил местного богатого и очень влиятельного еврейского коммерсанта. Как повествуют придворные или близкие к алауитскому двору хронисты Абу-л-Касим аз-Заййани и Ахмад ибн Халид ан-Насири, этот купец притеснял местных мусульман, а жителей Феса обязал каждый год присылать к нему в гарем самую красивую девушку города. Мулай Рашид, переодевшись в женщину, проник в дом к этому коммерсанту и убил его, а все принадлежавшие иудею богатства забрал, распределив добычу между своими ополчениями. После

этого события, согласно марокканским летописям, число сторонников Рашида среди местных арабских племен возросло, и многие из них пополнили ряды его воинства.

Подобная акция Мулай Рашида расходится с нормами поведения, подобающими благородному *султану-шерифу* (потомку Пророка). Насилие в отношении представителя категории *ахл аз-зимма* является нарушением с точки зрения мусульманского права. Тем не менее, эта история упоминается не в официальных городских летописях или частных документах, а подробно излагается официальными историками династии XVIII и XIX вв. Придворные летописцы преподносят этот случай как благородный акт защиты мусульман от притеснений со стороны еврейского купца. Фактически, это означает, что нападение на Дар Ибн Маш'ал рассматривается хронистами как акт джихада, что, несомненно, идет вразрез с нормативными представлениями о нем, поскольку священная война против единобожников-*зиммиев* в теории не допускается.

В связи с этим, данный случай можно назвать уникальным не только потому, что в отношении представителя категории *ахл аз-зимма* совершено открытое насилие со стороны будущего султана и халифа. Еще более удивительно то, что придворные летописцы не замалчивают этот нелюбимый для династии эпизод, который, однако, приблизил Мулай Рашида к завоеванию марокканского престола. Напротив, они представляют этот случай как пример героического поведения повелителя правоверных. Столь нетипичный подход официальных историков Алауитской династии является важным для понимания взаимоотношения властей и иноверцев на территории мусульманской ойкумены, а, кроме того, расширяет представления о возможных трактовках джихада в периферийных мусульманских обществах. Возможно, что такая позиция хронистов объясняется тем, что подобным актом разбоя султан выполнял свой долг перед мусульманами, которые подвергались притеснению со стороны иноверного купца и ростовщика, хотя бы и из числа людей Писания (*ахл ал-китаб*). Произвол иудея в отношении мусульман выводил его из-под статуса «покровительствуемого», что не только развязывало руки Мулай Рашиду, но и делало его поступок актом восстановления справедливости.

Солодовник Д.М.

К вопросу о развитии современного российского исламского образования и его международной составляющей

Развитие современного исламского образования в стране конкретно связано с воссозданием богословской исламской отечественной школы. Эту задачу напрямую поставил Президент перед научно-академическим сообществом еще в 2000 г., а в январе 2018 года на встрече с Муфтиями централизованных религиозных организаций мусульман России и руководством Болгарской исламской академии в Казани он подчеркнул, что «ислам – часть российского кода, и мы будем его развивать».

Стратегия развития исламского образования сегодня в большей степени формируется вокруг направления подготовки «Теология». Это направление подготовки имеет свою долгую и непростую историю. Институционализация теологического образования («исламский модуль») началась в 90-х годах, оформилась на уровне бакалавриата и магистратуры в начале 2000-х годов, а 25 сентября 2015 г. ВАК утвердил паспорт специальности Теология (26.00.01) и, наконец, в 2016 г. были созданы Экспертный и Диссертационный Советы по Теологии при ВАК РФ.

Теология («исламский модуль») представляет собой своеобразное «диалоговое окно» между исламским духовным образованием и научным исламоведением. В работе по ФГОС 3++ «Теология» («исламский модуль») принимают самое активное участие и духовные образовательные исламские учреждения, и светские вузы, занимающиеся исламоведческой тематикой. ИСАА МГУ уже 5 лет участвует в правительственной программе, главной целью которой является светская подготовка на национальной почве конкурентоспособных молодых мусульманских религиозных деятелей, изучающих во всех тонкостях особенности российского традиционного и зарубежного ислама. Сегодня теологическое исламское образование не может развиваться без научного исламоведения, которое обеспечивается востоковедными светскими вузами с соответствующим целенаправленным учебно-методическим обеспечением.

К сожалению, в стране на сегодняшний момент только 3 высших духовных образовательных учреждения (Москва, Казань,

Дагестан) работают по специальности «Теология», и только два покрывают уровни (бакалавратуры и магистратуры). Работают по государственным образовательным стандартам «Теология (исламский модуль)» и светские вузы, которых тоже пока только 3: КФУ, ПГУ, БГУ, в них уже открываются соответствующие программы на уровне аспирантуры.

Таким образом, системное теологическое образование («исламский модуль») находится лишь на начальной стадии своего развития. Хотя именно с этим направлением подготовки связаны надежды государства на высокий уровень образования служителей исламского культа, поскольку большая часть высших исламских образовательных учреждений работает на основании закона «О свободе совести и религиозных объединений», то есть самостоятельно разрабатывают учебные программы и наполнения к ним.

Преимущества государственного диплома известны, именно они обеспечивают необходимую социализацию и трудоустройство молодым людям, оберегая их от житейской неустроенности, и как следствие, определенной радикализации. Эксперты едины во мнении о том, что молодежная радикализация прежде всего связана с плохим образованием и отсутствием должной социализации. Радикализация исламской молодежи имеет определенную специфику, которая связана, прежде всего, со спецификой исламской религии, которая представляет собой определенную форму идеологии, догматическую базу, которой «как известно», используют деструктивные политические силы как на национальных, так и на межнациональных уровнях.

Теология представляет собой научное богословие, и именно такое определение нацелено на совместную научно-исследовательскую работу, как исламских богословских деятелей, так и ученых исламоведов академического сообщества.

Подобная совместная работа представляется крайне необходимой в связи с усилением «исламского фактора» в международной политике, в развязывании межэтнических и межконфессиональных конфликтов, локальных войн под лозунгами ислама.

Известно, что кульминационной формой радикального «политического ислама» является террористическая организация ИГ (ДАИШ), запрещенная в РФ, идеи которой представляют транснациональные угрозы межэтнического и межгосударственного

характера, основывающиеся на определенной манипуляции догматическо-правовой базы исламской религии. Именно поэтому главной задачей, которая должна объединить все мусульманские государства – это всемирная, научно-интеллектуальная работа по поиску аргументов в классических исламских дисциплинах («илм ат-Тафсир, хадисоведение»), способных избавить ислам от радикальных религиозных наслоений.

Поскольку Россия представляет собой евроазиатскую страну, где мусульманское население является коренным и многочисленным, подобная научно-исследовательская работа представляется крайне актуальным целеполаганием.

Известно, что мусульманское Священное Писание (Коран, Сунна) целенаправленно интерпретировалось на протяжении веков, эта интерпретация менялась в зависимости от множества исторических объективных и субъективных факторов в каждой конкретной стране. В мусульманской экзегетике (тафсир) находили отражения новые течения и богословские школы мусульманского мира, их историко-культурные традиции, а также их региональная специфика. Развитию исламской богословной мысли посвящен уникальный труд в трех томах патриарха российского исламоведения профессора А.А. Игнатенко (выпускник ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Член Президентского Совета по взаимодействию с религиозными объединениями), где четко прослеживается мысль о том, что история ислама – это в то же время история толкования Корана и хадисов.

Научно-исследовательская работа в рамках современного теологического российского исламского образования, таким образом, должна, на наш взгляд, быть сосредоточена не только на соответствие формы современного бытования исламской религии в России тем задачам, которые стоят сегодня перед страной (безопасность, суверенитет, развитие), но и на формирование восприятия этой мировой религии, объединяющей более полутора миллиарда человек, как духовного учения о самосовершенствовании личности.

Здесь к месту необходимо упомянуть, что ислам, как никакая другая религиозная система приспособлена для развития научной богословской мысли. В исламе есть огромное поле для дискуссий, он вобрал в себя большое количество школ, течений, сект.

Мусульманская экзегетика (‘илм ат-Тафсир) существует более 13 веков, в ходе которых мусульманскими учеными и богословами были написаны тысячи томов по толкованию текста Священного писания.

Более того, для научно-исследовательской работы есть и специальные исламские инструменты познания:

1. Таклид – подражание чему-то ценному (заимствование лучшего);
2. Иджтахад – необходимость собственного осмысления, анализа и суждения;
3. Каяз – сравнение, синтез, выводы.

Недаром в Коране есть известное изречение: « Один год занятий наукой равняется 70 годам занятий молитвой».

А для того, чтобы собственная национальная экзегетическая школа соответствовала национальным традициям, истории, уровню социально– экономического развития и государственно-политической организации каждой конкретной стране в исламском вероучении есть:

1. Иджма – т.е. религиозное освящение новых традиций в догматически-правовых установках через согласованное решение улемов, а также
2. Бида – «нововведения», которые раньше не практиковались, но которые необходимо было вводить в практику, чтобы соответствовать окружающей действительности.

И сегодня, как никогда, российской богословской школе через современное исламское теологическое образование, осуществляемое совместно с академическим, научным исламоведением, необходимо использовать все доступные инструменты познания для опровержения тезисов радикалов-манипуляторов, ложно интерпретирующих доктринальную базу исламской религии (таухид, такфир, джихад).

Научное богословие в современной России, в том числе мусульманское, сегодня приобрело статус светской науки, именно для того, чтобы современная богословская отечественная мусульманская мысль коррелировалась с современным развитием страны, была актуальной в диалоге со светскими науками, в том числе с российской востоковедной академической школой.

Развиваясь в данном направлении, создавая научно-методологическую школу аргументации против экстремистских насло-

ний, российская богословская исламская мысль способна внести существенный вклад в урегулирование этнических и религиозных конфликтов во всем мире, активно работая на международных образовательных площадках ЮНЕСКО и ИСЕСКО.

Характерно, что в пункте 38 новой концепции внешней политики РФ, подписанной Президентом РФ в декабре 2016 года, указано, что российское государство, осуществляя свою внешнюю политику, активно собирается взаимодействовать с религиозными конфессиями страны, а также транслировать свой исторический опыт многоконфессионального государственного устройства для урегулирования этнических и религиозных конфликтов во всем мире.

Основная литература

1. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" [Электронный ресурс]. – URL: [http:// www. garant.ru/](http://www.garant.ru/).
2. Игнатенко А.А. Зенит исламской мысли: в 3 т. / Александр Игнатенко; Ин-т религии и политики. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2016.
3. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система: в 2 т. / Т. I / С. М. Прозоров ; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук, С.-Петерб. фил., Группа исламоведения. – М.: Восточная литература РАН, 2004. – 412 с. Т. II / С.М. Прозоров ; Ин-т восточных рукописей РАН. – М. : Наука – Восточная литература , 2016. – 365 с.
4. Интернет-газета «Ридус». – Режим доступа: [http:// www.ridus.ru/](http://www.ridus.ru/).

Старикова М.Н.

Мусульманские традиции vs светское законодательство: дискуссия о легитимности ранних браков (на примере штата Керала)

В XX в. правительство Индии приняло ряд законодательных актов, касавшихся сферы гражданского права, но не затрагивавших семейные традиции религиозных меньшинств. Общегражданские законы могут оспариваться благодаря законодательным актам, гарантирующим независимость общин в решении религиозных вопросов. Поскольку брачные отношения подпадают под эту категорию, индийские мусульмане периодически поднимают вопрос

о своем праве заключать браки согласно предписаниям шариата, а не на основе общегражданского закона, запрещающего браки до 18 лет для девушек, и до 21 года для юношей.

Всеиндийская перепись населения 2011 г. показала, что средний возраст девушек, вступивших в брак в возрасте до 18 лет, составил 16,5 лет. По данным социологических исследований, проводившихся в начале 2000-х годов, средний возраст вступления в брак мусульманок составил 15,5 лет, что чуть ниже среднеиндийского показателя. Несмотря на строгие нормы индийского законодательства и проведение различных государственных программ, нацеленных на минимизацию случаев заключения ранних браков, некоторые мусульманские партии и организации настаивают на реализации мусульманами своих «законных», т.е. религиозных прав. Подобные инициативы встречают жёсткую критику со стороны разных слоёв общества.

Показательными в этом отношении являются недавние события в южноиндийской Керале, отличающейся самым высоким уровнем грамотности в стране (94% при среднеиндийском показателе 74%). В штате проживает 8,8 млн мусульман (26.6% от 33,4 млн жителей Кералы). Многие мусульмане штата – в основном выходцы из неимущих слоёв и нижнего среднего класса – выдают своих дочерей замуж во время учёбы в выпускном (12-м) классе либо сразу после окончания школы. Из 3404 детских браков, заключенных в Керале в 2012 г., 2827 приходилось на мусульманскую общину.

В 2013 г. влиятельная керальская партия Индийская объединённая мусульманская лига (ИОМЛ) выступила с инициативой легитимировать браки в мусульманской общине, заключенные между лицами, не достигшими законодательно разрешенного брачного возраста. Правительство штата выпустило директиву, разрешающую регистрацию браков мусульманок в возрасте 16–18 лет и мусульман моложе 21 года. Большинство прогрессивно настроенных партий и организаций не поддержали инициативу ИОМЛ; в их числе оказались структуры самой ИОМЛ – Федерация мусульманских студентов, Мусульманская юношеская лига, а также подразделение «Харитха», работающее с девочками.

Однако некоторые мусульманские организации Кералы выступили против норм действующего законодательства: они заявили, что Закон о запрете детских браков (2006 г.) нарушает фундамен-

тальное право мусульман на свободу вероисповедания. В 2013 г. была проведена встреча мусульманских организаций и партий, на которой присутствовали представители Индийской объединённой мусульманской лиги, Самастха Керала джамиат-ул-улама, Джамаат-и-ислами хинд и других. Они приняли решение обратиться в Верховный суд Индии с целью пересмотра соответствующих законов для исключения мусульман из их правового поля.

Получившая широкий общественный резонанс и вызвавшая мощную волну протестов директива керальского правительства в итоге была отменена. Несмотря на то, что события в Керале так и не привели к пересмотру закона, определяющего возраст совершеннолетия, они продемонстрировали высокую степень зависимости ОИМЛ от позиции консервативных организаций. Попытка Индийской объединённой мусульманской лиги разыграть карту детских браков на выборах в законодательное собрание Кералы провалилась, т.к. столкнулась с серьёзным сопротивлением как набирающих силу мусульманских женских объединений, так и большинства партий и организаций штата.

Основная литература

1. Chaudhuri M. Indian women's movement. Reform and Revival. New Delhi: Radiant Publisher, 1993.
2. Hasan Z., Menon R. Unequal Citizens. A Study of Muslim Women in India. New Delhi: Oxford University Press, 2004.

Стрелкова Г.В.

Ритуальная еда в культе Виттхала и поэзии общины маратхских варкари

Община варкари (*варкари сампрадай*), распространённая преимущественно в индийских штатах Махараштра и Карнатака, исповедует одну из разновидностей индуизма, которая возникла и сформировалась в эпоху *бхакти* – в 13–14 веках. Её последователи, преимущественно земледельцы и ремесленники, поклоняются богу Виттхалу, почитаемому как одна из ипостасей Вишну. Считается, что главное изображение Виттхала находится в храме города Пандхарпура, на берегу реки Чандрабхаги. Варкари совер-

шают туда паломничества, обычно в месяце *ашарх* (июнь-июль) и *картик* (октябрь-ноябрь). Во время паломничества и богослужения в храме распеваются песнопения – *абханги*, созданные легендарными святыми варкари – Днянешваром, Намдевом, Цокхамелой, Тукарамом и другими. Исполняются они и на всём протяжении пути, которым следуют *варкари*, добираясь из родных мест до Пандхарпура.

В этих религиозных песнопениях часто встречаются упоминания или же описания еды и напитков, преимущественно *амриты* и воды. Амрита – мифологический напиток бессмертия – в древнеиндийском эпосе и пуранах был взаимозаменяем с сомой. Мотив пахтанья мирового океана – жидкости, превратившейся в молоко, затем масло, – для получения чудесных даров, говорит об огромной – и сакральной, и материальной – важности молока для индийцев с эпохи Древности до наших дней. В традиции *варкари* святость такого напитка выражается через соединение будничного и священного, что иллюстрирует один из падов Намдева (1270 – 1350): «Молока *катору* – чашу, кувшин воды,/Бурую корову подоив, Нама принёс./ Молока выпей, Говинд – раджа!/ Молока выпей, моя душа успокоится./ Не (выпьешь) – дома отец рассердится./Золотая чаша полна *амритой*./Взяв (её), Нама перед Хари поставил./ – Лишь бхакт в моём сердце пребывает», –/ Увидев Наму, Нараян рассмеялся./Молоком напоив, бхакт домой отправился./Перед Намой Хари предстал (или Нама даршан Хари узрел)».

Как и во всех религиях, в индуизме существует большое количество и разнообразие пищевых ограничений, относящихся и к повседневной жизни, и к ритуалу. Индусы употребляют только вегетарианскую пищу и молочные продукты, которые готовятся в соответствии с определёнными правилами. Организация подготовки еды и её употребление в будничной жизни или же во время многолюдных, продолжающихся не один день паломничеств, требует определённых правил, которые строго регламентируются. В религиозных песнопениях отражается круг пищевых продуктов, которые используются ежедневно или в праздничном ритуале. Некоторые песнопения Тукарама – поэта *варкари* 17 века – характеризуются символизмом, связанным именно с едой. Она наполняется особым смыслом и имеет определённые особенности, если даётся

родителями ребёнку; вкушается как часть религиозной трапезы; подносится в качестве жертвы или подаяния; вкушается во время паломничества. Специфично отношение Тукарама к остаткам еды (объедкам – *ucchishta*), которые считаются нечистыми, поэтому представители высоких *варн* их никогда, ни при каких обстоятельствах не будут есть. Для Тукарама, воспринимавшего себя скромным служителем бога Витхала, возможно такое самоуничужение. Как и Намдев, он видел в еде и символ вечной жизни – амриту, дарующую бессмертие, и воспевал её, как последний дар Бога своим почитателям.

Некоторые христианские проповедники, жившие в Махаращре, находят в поэзии Тукарама символизм, который имеет много общего с христианским отношением к еде и её восприятием как тайны божественной любви и человеческого единения.

Основная литература

1. Голоса индийского средневековья. М. Эдиториал УРСС. 2002
2. T. Dabre. The God-experience of Tukaram. Pune. 1987

Хохлова Л.В.

История взаимодействия этнической и профессиональной составляющей в самосознании панджабцев в 17–20 вв.

В данной работе предлагается критический анализ идей американского социолога П.Р. Браса, утверждавшего, что для прибрежных районов Северной Индии (Бенгалии, Гуджарата), где раньше других развились капиталистические отношения, а вместе с ними началось развитие наций, характерен приоритет этнического сознания над религиозным, в то время как в таких центральных районах Индии, как Раджастхан и Бихар, религиозное самосознание всегда довлело над этническим. *Теория Браса объясняет отделение Бангла Деш от Пакистана, так как для бенгальцев этническое самосознание оказалось важнее религиозного. Та же теория помогает понять, с одной стороны, успех движения за создание штата Панджаб, опиравшегося на религиозное самосознание сикхской общины, и с другой стороны – поражение движения за*

официальное признание раджастхани и майтхили в штатах Раджастан и Бихар, так как последние не опирались на религиозную основу (носители раджастхани и майтхили в основном принадлежат к общине хинду). Очевидно, этими же причинами можно объяснить неуспех движения за признание языка сирайки в Пакистане. Однако историческое взаимодействие этно-культурной и конфессиональной составляющей в самоидентификации членов панджабской общины представляется сложнее бинарной схемы Б.Р. Браса.

В работе анализируется формирование сикхской самоидентификации на фоне противостояния Могольскому двору, завершившееся созданием сикхской хальсы при десятом гуру Гобинде Сингхе (1666 – 1708). При моголах и в империи, созданной Махараджей Ранджитом Сингхом (1780 – 1839), язык панджаби не был фактором самоидентификации какой-либо религиозной общины. Произведения, создаваемые преимущественно мусульманскими авторами: Варис Шахом (1706–1798), Хафизом Бархударом (1658–1707), Хашимом Шахом (1735?–1843?), Кадарьяром (1802–1892) и др. были общим культурным достоянием хинду, сикхов и мусульман, говоривших на языке панджаби.

В 1849 г. Панджаб перешел под управление Ост-Индской Компании, а позже стал частью Британской Индии. Англичане проводили в Индии коммуналистскую политику, поддерживая в разное время разные религиозные общины. В Панджабе, начиная с 1887 они уделяли преимущественное внимание экономическому развитию западных районов с преобладавшим мусульманским населением и мало заботились о подверженном засухам и неурожаям восточном Панджабе, где большинство населения составляли хинду и сикхи. В армии, напротив, англичане опирались преимущественно на сикхскую общину. Реформа Минто-Морли (1909 г.), расширившая представительство индийцев в органах исполнительной власти, способствовала сплочению религиозных общин для борьбы за увеличение своих квот в местных и центральных органах власти.

Большинство политических движений в Британском Панджабе носило ярко выраженный конфессиональный характер. Так, «Арья Самадж» проводила кампании за возвращение ранее конвертированных мусульман в лоно индуизма, запрет на убийство коров и т.д.

мусульманская община активно поддерживала Мусульманскую Лигу, сикхи инициировали движение «Сингх сабха», радикальное крыло которого настаивало на отдельности сикхской общины от индуизма. Такие известные писатели и общественные деятели, как Бхаи Вир Сингх, Бхаи Джодх Сингх и др. в начале 20 в. говорили о сикхской нации (qaum).

Язык играл существенную роль не в этнической, но в конфессиональной самоидентификации панджабцев. Благодаря европейскому образованию в панджабской литературе появились новые жанры, представленные преимущественно индусскими и сикхскими авторами. В отличие от предшествующих жанров, например, qissa, любимых всеми панджабцами, независимо от их вероисповедания, новая панджабская литература находила читателей преимущественно в сикхской, меньше в индусской общине. Постепенно в обществе развивалась идея о том, что хинди, записываемый шрифтом деванагари, является языком хинду, урду, использующий модифицированный арабский шрифт – языком мусульман, панджаби, ассоциируемый со шрифтом гурмукхи – языком сикхов. Логическим развитием приоритетно конфессионального сознания панджабцев было создание Пакистана, где язык панджабского большинства населения практически не имеет никаких общественных функций, а также борьба за создания «сикхского» штата Панджаби Суба в Индии, когда во время индийской переписи населения 1961 сикхи заявляли себя носителями панджаби, хинду – носителями хинди, вне зависимости от того, каким реально был их родной язык.

Однако опросы мусульман-панджабцев, проведенные автором в Лахоре, а также панджабцев-хинду в Дели продемонстрировали, что на современном этапе при всей важности конфессионального фактора язык панджаби является важным символом самоидентификации для обеих общин. *Представляется, что внутри ситуаций, описываемых бинарной оппозицией Браса: преобладание этнического либо конфессионального самосознания, существует множество вариантов, например, приоритет конфессиональной самоидентификации может сочетаться с присутствием или отсутствием ясного этнического самосознания: пример первого – панджабцы, второго – население хиндиязычного ареала (Бихар, Уттар Прадеш, Мадхья Прадеш).*

Якушев М.М.

Османская хлеботорговля в описаниях русских паломников и дипломатов XVIII в.

Хлеб играл важную роль во внешней торговле Османской империи, был значимым атрибутом османской гастрономической культуры и одним из главных продуктов питания османских подданных, российских дипломатов и паломников, прибывавших в Константинополь. Российская империя, в свою очередь, была основным поставщиком хлеба в османскую столицу, именуемую «хлебной корзиной мира». В период русско-турецких войн, снабжение османской столицы хлебом прекращалось, что приводило к серьезным социально-экономическим и политическим последствиям: голодным и янычарским бунтам, сменам правительства и т.д. Константинопольские власти строго регламентировали процесс снабжения столицы мукой и хлебом, что, по свидетельству российского дипломата К.М.Базили, «искони составляло одну из первых забот оттоманского правительства и сделалось делом государственным», а «попечительность правительства о прокормлении столицы сделалась язвою для земледелия и обратила хлеб в монополию».

В Константинополе существовала сеть государственных («казённых») и частных («вольных») хлебопекарен, магазины и амбары для хранения пшеницы, а также «канцелярия хлебной монополии» (*Ун-капан*). Во главе булочников и хлебников стоял «начальник хлебных цехов» (*экмекджи-баши*). Важное место в системе хлебоснабжения отводилось «начальнику пекарни казённых сухарей» (*пексимеджи-баши*) и «заведующему съестными припасами и живностями» (*хубабат-назири*), посылавшим во все области «хлебных комиссаров» (*истираджди*, или *мубаяджи*), которые нередко шли на различные злоупотребления и ухищрения для увеличения веса хлеба: «подмешивали к хлебу соли, песку и крошеной соломы», «мешали в хлеб всякого рода зёрна и набавляли чрез меру соли, чтобы придать более весу, и даже песка и золы», «обмакивали хлеб на кораблях морской водою, чтобы он распух, и тем утаивали в мере значительное количество», «прикладывали для прибавки тяжести разные посторонние и негодные вещи». В результате хлеб «содержал в себе вредные для здоровья примеси».

В Константинополе имелись случаи продажи плесневого, гнилого, чёрствого, сырого, подгоревшего и неполновесного хлеба, а также использования для его производства испорченной и просроченной муки.

О последствиях выпечки и продажи низкокачественного и неполновесного хлеба рассказывали российские посланники в Константинополе А.С.Стахийев (1775–1781 гг.) и Я.И. Булгаков (1781–1789 гг.), отмечая, что спектр наказаний варьировался от избиения палками и плетьюми до публичной казни через повешение. Каймакам (заместитель великого визиря, «местоблюститель» – М.Я.) объезжал скрытно городские улицы «для наблюдения порядка в продаваемых съестных вещах», а садразам (великий, или «верховный» визирь – М.Я.), обходя инкогнито город, «наблюдал со строгостью в цене и весах продающих съестные припасы» и нередко «присылал к Порте нарочитое число мясников, хлебников и прочих званий людей, продающих съестные вещи и примеченных им в недовесах». По мнению Я.И. Булгакова, нередко в хлебе был «великий подмес и недовес... из за взяток, чинимых сменным визирем: доходило до того, что каждая пекарня и каждой лавки мясник, обязаны ему были ежемесячно оброк платить».

В 1785 г. садразам отдал распоряжение, чтобы хлебники «в будущей рамазан пекли хлебы, сколь можно будет, побелее и в свой вес». В том же году каймакам наказал хлебникам, что если он «дня через два приметит в муке подмес и найдет хлеб не в определенный вес, то преступников без пощады будет вешать». В 1795 г. в греческих и армянских церквях было обнародовано постановление, чтобы подданные не толпились при хлебопекарнях и «получали печеный хлеб для продовольствия своего точно нужное число на пищу, а те, кто изобличатся в покупке излишнего количества строго наказаны будут».

Для предотвращения голодных бунтов в столице османские власти рассылали по хлебным лавкам и пекарням визирских чегодарей «для наблюдения, чтобы обвесу не было», в свою очередь, хлебникам под страхом смертной казни было предписано «скорее хлеб печь и продавать, не удерживая народ при лавках», а янычарам – «не допускать народ собираться кучами при пекарнях», это привело к тому, что «печёный хлеб везде появился изобильно» и «повсюду оказалось довольство в печёном хлебе, который даже

и по маркитанским лавкам появился, от чего драки при пекарнях почти прекратились».

В дипломатической переписке встречается информация о цене на хлеб. Так, по сведениям Я.И. Булгакова, в 1784 г. вышедшие из Яффы в Иерусалим поклонники писали, что «там свежий хлеб продается по 25 драм за пару, следовательно, за око /3 фунта/ по 16 пар или по 24 копейки».

Русский паломник В. Баранщикова, посетивший Константинополь в 1780-х гг., отметил, что по османским законам «ежели нет против положенного весу хотя бы в одном хлебе 10 драхм», то следует строгое наказание посланными для наблюдения приставами, «с коими ходит и палач», а местные чиновники в разных частях города «ходят или подсылают потаенных людей покупать или хлеба...и лишь продавец кого-нибудь обвесил десятью драхмами, то пришедши, сии чиновники, изблачив его совершенно, велят палачу отрезать палец, а буде меньше, то бьют по пятам палками».

Находившаяся под жестким государственным контролем отлаженная система регулярного продовольственного обеспечения Османской империи, прежде всего, бесперебойное и непрерывное снабжение хлебом, давала возможность избегать народных волнений, бунтов и мятежей, гарантировала спокойствие, безопасность и порядок в Константинополе и других османских городах.

Круглый стол «Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа»

Акинина О.Г.

Заемствованная лексика хаджжа

1. Ислам в России исповедуют около 20 млн. мусульман, что составляет примерно 14% всего населения нашей страны. Это – вторая по распространенности религия после христианства. Мусульмане составляют подавляющее большинство населения в таких субъектах РФ, как Ингушетия (98%), Чечня (96%), Дагестан (94%), Кабардино-Балкария (70%), Карачаево-Черкессия (54,6%), Башкортостан (54,5%), Татарстан (54%).

2. Совершение хаджжа, как одного из пяти столпов ислама, является священной обязанностью мусульман. Несмотря на то, что исповедовать ислам в России начали примерно с VII в., первый официальный документ – указ о возможности совершения хаджжа – вышел только в 1803 г. Он распространялся не на всех мусульман, а на уроженцев Бухары, которые оказались в России. С 1894 г. российское консульство в Джидде начало вести статистический учет числа паломников, которое в 1901 г. достигло 6000 человек, а на следующий год увеличилось почти в два с половиной раза. [3] В советское время по идеологическим причинам совершение хаджжа не разрешалось. Мекку и Медину смогли посетить лишь несколько сотен человек. Однако после распада Советского Союза ситуация кардинально изменилась. Сейчас в хаджж ежегодно отправляются порядка 25 тыс. паломников, и число желающих неуклонно растет.

3. Неслучайно, что арабская лексика, связанная с хаджжем, постепенно переходит в русский язык и уже не нуждается в переводе для тех людей, кто готовится отправиться в паломничество,

и, конечно, для совершивших это благое дело. Издаются памятки и другая справочная литература для паломников на русском языке, где арабские слова пишутся в русской транскрипции и получают разъяснение. Прежде всего, само слово «хаджж» арабского происхождения. Это именная форма, образованная от глагола ḥajja «отправляться к святым местам (с целью паломничества)». Этого же корня и слово ḥijjatun «паломничество, посещение святых мест» в названии месяца мусульманского лунного календаря «зу-л-хиджжа», когда совершается хаджж. Слово «‘умра» «малый хаджж» является однокоренным с глаголом i‘tamaḡa «совершать малое паломничество в Мекку в любое время, кроме 8-го, 9-го и 10-го числа месяца зу-л-хиджжа».

4. Каждый паломник, прибывая в Благословенную Мекку, проходит туда через «микат» – специальную территорию, на которую можно попасть, только войдя в состояние «ихрама». Арабское слово mīqāt «срок, определенное, назначенное время» происходит от глагола waqata «определять, назначать время». Что же касается слова «ихрам» (араб. ihām рел. «вступление во время хаджжа на священную территорию и надевание специальной ритуальной одежды»), то оно является производным от глагола aḡama «отрешать, отлучать» и символизирует «временный отказ от дел «этой жизни» ради предстояния перед Аллахом в том виде, в котором верующие предстанут перед ним в День воскресения. В обряде принятия ихрама нашла отражение идея всеобщего равенства мусульман независимо от их имущественного и социального положения в обществе». [1; 118]

5. Ихрам является одним из основных ритуалов («манасик») хаджжа, наряду с «таваф», «са‘й» и «вукуф». Слово manāsik в арабском языке – это форма множественного числа существительного mansik «место отправления религиозных обрядов; церемония, обряд». Это слово является производным от глагола nasaka «быть богомольным, заниматься делами благочестия». Применительно к хаджжу термин «манасик» обозначает конкретные действия или предписания, связанные с этим столпом ислама, которые содержатся, в частности, в мединских сурах Корана. Согласно этой священной Книге, «каждая религиозная община (умма) имеет свои, отличные от других, религиозные ритуалы – манасик, которые были даны ей Аллахом». [1; 157] К ним, как отмечалось выше, от-

носится «таваф», т.е. «обход вокруг Каабы» (ṭawāf – отглагольное имя, образованное от ṭāfa «обходить кругом; совершать обход»); «са‘й» – ритуальный бег между холмами ас-Сафа и ал-Марва, который выполняется после тавафа (sa‘u – имя действия от глагола sa‘ā «быстро устремляться, бежать»); «вукуф» – молитвенное стояние на горе Арафат – центральный обряд хаджжа (wuqūf – производное имя действия от глагола waqafa «останавливаться»).

6. Вот – лишь небольшая часть лексики хаджжа, заимствованная русским языком, и этот список можно продолжать. Для того, чтобы паломникам из России было проще ориентироваться и понимать смысл обрядов и ритуалов хаджжа, для них за два месяца до отъезда в благословенную Мекку муфтиятом организуются ознакомительные курсы. Кроме того, ежегодно проводятся конференции, где обсуждаются вопросы и планы, связанные с хаджжем, чтобы избежать возможных трудностей в совершении этого обряда.

Основная литература

1. Ислам. Энциклопедический словарь. – М., «Наука», 1991.
2. Хаджж и умра. Памятка паломнику. – Министерство по делам Саудовской Аравии. 2012.
3. Muhammad Nasr al-Jibali. Ta’rikh al-hajj min Rusiya. 2014
<https://www.alfikre.com/articles.php?id=8074>

Гаджиева А.А.

Первые миссионерские книги на казахском языке

В связи с вхождением Казахстана в состав Российской империи, были предприняты миссионерские попытки христианизации коренного населения. Для обучения детей в русско-киргизских («русско-туземных») школах и распространения богослужбной, назидательной литературы православными миссионерами была разработана казахская миссионерская азбука на кириллице.

С целью претворения в жизнь просветительских и образовательных задач в 1876 году при Братстве святителя Гурия была учреждена Переводческая Комиссия Православного Миссионерского Общества, которая занималась издательской и переводческой деятельностью. Так, только с 1883 по 1898 гг. были переведены

на киргизский (казахский) язык и изданы: Святое Евангелие от Луки (Казань, 1883), Первоначальные сведения о святой Христианской вере готовящимся ко Святому крещению (Казань, б.г.), Жизнь и страдания Св. Великомученика Евстафия Плакиды съ семействомъ (Казань, 1886), Из премудрости Иисуса сына Сирахова (1890), Священная история Ветхаго завета (Казань, 1890), Благочестивый князь Владимир (1892), Училище благочестия (Казань, 1892), Крещение Руси (Казань, 1892), Священная история Ветхаго и Новаго завета (Казань, 1893), Притчи Иисуса Христа (Казань, 1893), Практические уроки русскаго языка для киргизовъ (Оренбург, 1893), Букварь для киргизовъ (Казань, 1892, 1894; 3-е изд. Оренбург, 1908), Киргизско-русский словарь (Оренбургъ, 1897), Грамматика киргизскаго языка (Оренбург, 1898) и другие. По сведениям библиографа А.Каримуллина на протяжении 1860–1917 гг. на казахский язык было переведено 72 книги вероучительного содержания.

Ценность этих изданий заключается в том, что по истечении ста с лишним лет у нас появилась возможность получить некоторые представления о состоянии казахского языка того времени, изучить историю территориальных особенностей письменного памятника и понять процесс формирования казахского литературного языка.

По мнению русского востоковеда и педагога-миссионера Н.И.Ильминского переводы Священного Писания, литургических текстов и назидательной литературы должны были быть качественными и понятными. Исходя из этих принципов переводчики старались использовать повседневную лексику, не нарушая назидательный характер текстов. Тексты перевода представлены понятным и простым языком. Например: Кудайдан корккан ксинин кӧнлу тныш, ол куанып турады, жерде ӧмүри узак болады ‘Страх Господень усладит сердце и даст веселие и радость и долгоденствие’.

Что касается фонетических и орфографических особенностей этих книг, то необходимо отметить, что перевод текстов осуществлялся в условиях отсутствия норм правописания на кириллице. Известно, что научно-обоснованная орфография казахского литературного языка была принята в 1940 году и дополнена в 1957 г. Соответственно переводчики как слышали так и писали. Это от-

четливо указывает на нормы произношения в казахском языке того времени.

Таким образом, первые кириллические книги на казахском языке являются бесценным источником для изучения истории казахских диалектов и становления казахского литературного языка.

Основная литература

1. Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алматы: Санат. 1997. 608 с.
2. Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. Казань: Татарское книжное издательство, 1971. 158 с.
3. Лысенко Ю.А. Структура, цели и задачи деятельности Киргизских православных миссий Оренбургской и Омской епархий (сравнительный анализ) // Известия Алтайского государственного университета. История. 2009. С. 150–156.

Громатикополо Д.С.

Языковая ситуация в странах СНГ

В современном мире, по мнению, ряда экспертов только 3 процента языков имеют более миллиона носителей и на этих языках в качестве родных говорит 95 процентов населения планеты. Подавляющее большинство, около 85 процентов (25 языков) имеют небольшое число говорящих на этих языках, всего около 100 тысяч человек. Между тем, мы понимаем, что решающим фактором для того, чтобы языки сохранились необходимо не только количество носителей данного языка, но и его статус, как в обществе, так и в государстве, а также его применение в международном масштабе. Какие права обеспечивают использование того или иного языка, ведется ли на нем образовательный процесс (на всех уровнях), количество и качество средств массовой информации и т.д.

В настоящее время, можно констатировать, что судьба языкового культурного наследия в руках небольшой группы людей, от которых и зависит будущее языковой культуры и собственно сохранение самих языков.

В международной коммуникации в широком пользовании сегодня находятся только лишь около десятка языков. Безусловно, что языком глобального масштаба является английский язык, люди

по всему миру стараются его знать, на сегодня им владеть не менее трети населения земного шара. Причина такого положения английского языка связано с тем, что этот язык ассоциируется растущим уровнем образования в англоязычных странах, показателями экономического характера. А тем временем, носители менее распространенных языков вынуждены переходить на другие языки, то есть быть многоязычными. И со временем, многие из них активно используют тот язык, на котором говорят окружающие. Обучение детей языку, на котором говорит большинство, обычно родители мотивируют желанием дать свои детям достойное образование с тем, чтобы обеспечить им успех в обществе.

Если говорить о положении языков в Российской Федерации, стоит отметить, что положение языков находится на совершенно разных уровнях. Ряд языков в скором времени могут исчезнуть, если положение останется таковым, каково оно сейчас. Но, и имеются такие сообщества, которые всеми силами укрепить свой язык и передать его следующему поколению. Среди языков России, которым грозит исчезновение ряд угро-финских языков, а также языки тюркской группы, при том необязательно, что в первую очередь исчезнут те где мало носителей. К примеру, возьмем мордовский язык, он находится в числе тех языков, которые под угрозой исчезновения, так как большинство кто им владеет относятся к старшему поколению, а среди молодежи количество знающих родной язык все меньше и меньше.

Как известно, в марте 2018 г. министр иностранных дел Украины Павел Климкин предложил подумать о переходе украинского языка с кириллицы на латиницу. Ради справедливости заметим, что эта тема и ранее возникала на Украине. Сторонники этой идеи говорят, что «латинизация» быстрее приведет их в Европу.

Такие страны как Азербайджан, Узбекистан, Туркмения, Молдавия отказались от кириллицы. В Азербайджане переход практически завершился, а в Узбекистане переход носил в большей степени номинальный характер, так как и по сегодняшний день кириллица сохраняет свои позиции.

Президент Казахстана заявил о намерении перевести алфавит казахского языка с кириллицы на латиницу. С такой же предложением выступили и в соседнем государстве, в Кыргызстане, в частности, на заседании Жогорку Кенеш(парламент) депутат от партии

«Ата Мекен» Каныбек Иманалиев высказал такую идею. И объясняют они свой шаг тем, что усвоения современной технологии и средств коммуникации необходима латинизация.

Приведут ли эти шаги к увеличению дистанции в культурной и языковой среде русскоязычного населения? Приведет ли это к изменению менталитета? Как это скажется на будущем подрастающего поколения? И как все и процессы скажутся на процессах интеграции на Евразийском континенте? Эти вопросы требуют пристального внимания не только лингвистов, здесь необходим комплексный подход к изучению данной проблемы, опираясь на исторический опыт.

Основные литература

1. Сыздыкова Ж.С. Медиакоммуникации и проблемы поиска новой идентичности в условиях глобализации. // в журнале Коммуникология, том 8, № 6, с. 29–45
2. https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.gazeta.ru%2Fpolitics%2F2018%2F02%2F20_a_11657323.shtml&d=1
3. https://www.vb.kg/doc/358224_v_jogorky_keneshe_predlagaut_pereyti_kyrgyzstany_na_latini

Зайцев И.В.

Киевская рукопись «Истории и родословной черкесов»

В собрании Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского в Киеве (ф. V (Одесское общество истории и древностей), № 3780) хранится сборная рукопись, в которой представлено несколько произведений или отрывков (из «Дербенд-наме», родословной Едигея, Абу-л-Гази). На л.101об.-102 в рукописи имеются разрозненные заметки хронологического характера. Так, рассказывается об арабских племенах времени Пророка и праведных халифов; кратко изложена генеалогия византийских «падишахов» (императоров): Константин, его сын Илья, сын Ильи Херкил (т. е. Иракий). Именно во время его царствования в мир явился Пророк Мухаммад. Далее приводится короткая заметка о городе Куфа в Ираке, генеалогия османских султанов и зачеркнутая запись о долге (в 32 сома «черной моне-

той»). На л.102об. – начало сочинения религиозного характера. Далее в рукописи явно отсутствует несколько листов. Именно на одном из них начиналось интересующее нас сочинение. Однако, к сожалению, начало списка утрачено. На листах 103 – 105 в рукописи представлен текст на турецком языке, посвященный истории происхождения и родословиям черкесов.

В сочинении сказано, что некий Араб-хан – из потомства Сама сына Нуха оказался в окрестностях горы Эльбурз. Он приходит на реку Кубань и Кызыл-таш, а оттуда в местность под названием Алты-саат. После его смерти халифом стал его сын Кенес, а затем эмиром стал Инал. Далее подробно рассказывается о потомках Инала. Это основная часть сочинения. В завершении сказано, что упомянутый Араб-хан соединил весь черкесский народ, то есть коптов (кыбтийун), выведя его из благословенного Египта и придя в город Кустантинийа и став там гостем Кесаря Рума, оттуда пришел к горе Эльбурз. Это случилось в 1150 году [1737/8 гг.]. Далее рассказывается о причинах и обстоятельствах написания сочинения в 1171/1757–58 гг.

Текст написан черными чернилами разборчивым почерком насх. Владелец рукописи (вероятнее всего, один из владельцев) указан на л.106 сверху листа. Это некий Мехмед-эфенди сын Хута. На полях этой страницы имеется несколько записей. Первая – краткий комментарий на суру Йа-Син. Вторая зачеркнутая запись с датой 29 Джумада II 1241 г.х. (ниже, черными чернилами) о долге в 48 сомов (акче) некоего Алла-берди-оглу Ибрахима автору записи. Ниже подписано, что от этого долга осталось 12 сомов. Дата соответствует 6 февраля 1826 г. Ниже этих записей два одинаковые записи также о долге, которые замазаны. Почерк рукописи, бумага и сопроводительные надписи говорят о том, что текст был переписан в XVIII в., и продолжал читаться в XIX столетии.

Установить авторство рукописи непросто. В рукописи оно не указано. На л.104об.-105 автор, называющий себя просто «мы-бедняк», подробно пишет о том, когда и почему он написал данное сочинение. Это произошло в 1171 г.х. (т. е. 1757–58 гг.) для Иль-мирзы сына Бек-мирзы, т. е. для видного представителя кашкатовской партии Эльмурза Бекмурзина (ок. 1700 – 1765), кабардинского князя из рода Бийарслановых. Он был шестым (самым младшим) сыном кабардинского князя Бекмурзы Джамбулатова, а также млад-

шим братом двух верховных князей Кабарды – Татархана и Батоко Бекмурзиных.

Источниками своей истории автор далее называет некие «краткие истории», «Кысас ал-анбия» (вероятно, Рабгузи) и другие «истории» (кысса).

Думается, можно достаточно уверенно отождествить киевскую рукопись с текстом, упомянутым у Якоба Рейнегса, где автор назван муллой Феррах эд-дином. «История происхождения современных черкесов, – писал Я.Рейнегс, – которые также называются кабардинцами, не менее легендарна. Она написана муллой Феррах эд-Дином в X веке хиджры, и поскольку они не имеют другой версии, она признается истинной всеми образованными черкесами. Она проявляется также в некоторых свидетельствах древних географов, которых мулла, несомненно, не читал.

«Предки этого народа, – говорится в истории, – произошли, согласно устной традиции, от расы зинджей (цыган), которая раньше проживала в провинции Купт, или Копт, в Египте, откуда она была позже изгнана. Причина, которая вынудила зинджей покинуть Египет, заключалась в том, что князь этой области, которого звали Сер-Акус, выбил передние зубы некоему арабскому князю во время словесного состязания. Арабы по этому случаю потребовали удовлетворения и, согласно их требованию, Сер-Акусу должны были выбить столько же зубов. Но Сер-Акуса не устраивал такой способ примирения. Тогда арабы прибегли к праву оружия и объявили войну зинджам, которые спаслись бегством и затем некоторое время бесчинствовали в областях Средиземноморья, особенно на островах, удобных для пиратства, до тех пор пока Константин Великий не принял их и не поселил в различных странах.

Вся раса зинджей состояла из 4 орд. Ату, Адон и Гарезет поселились во Фракии и Болгарии, но Сер-Акус со своей частью народа отправился на Кубань, и там его народ распространился под названием зинджей до Меотийского озера; отсюда они проникли во внутренние области и, наконец, овладели всей страной от моря до Маньча на протяжении многих сотен верст». В 1797 г. рукопись этого сочинения удалось обнаружить Яну Потоцкому, который составил его подробный пересказ. Через книгу Я. Потоцкого либо через устные пересказы с содержанием этого сочинения вскоре ознакомились П.С. Паллас, Г.Ю. Клапрот и Ф.Д. де

Монпере. Скорее всего, именно сочинение муллы Феррах ад-Дина стало одним из основных источников «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова. Адыгский историк упомянул его как «родословной книгу, написанную на турецком языке», и как «сохранившиеся в Кабарде родословные списки фамилий нынешних князей на турецком языке».

Десятый век хиджры, когда писал Феррах ад-дин, соответствует 16 веку христианского летосчисления. К сожалению, известные нам османские и крымские историки и писатели с таким именем не могут быть авторами «Истории черкесов» по хронологическим соображениям.

Вместе с тем, очевидно, что сведения киевской рукописи встречаются и в более ранних текстах, например, в кабардинских родословных, записанных в XVII в. в Москве, а также у Эвлии Челеби. Неизвестно откуда Эвлия черпал сведения, так как в качестве своих источников по истории черкесов он указал сочинения неких Тотиса ибн Натиса (копта) и латинянина Михаила.

Таким образом, киевская рукопись – уникальный источник по истории черкесов, который заслуживает скорейшей публикации и дальнейшего изучения.

Жигульская Д.В.

Научная и общественно-политическая деятельность Ахмет-Заки Валиди Тогана в Турции в 1925–1932 гг.

В докладе рассматривается первый период жизни в Турции (1925–1932 гг.) выдающегося историка и общественно-политического деятеля башкирского происхождения Ахмет-Заки Валиди Тогана (родился в 1890 г. в Российской империи – умер в 1970 г. в Турецкой Республике).

Ахмет-Заки Валиди Тоган покинул страну в 1923 г., побывав в Иране, Афганистане и Индии, он прибыл в Европу, где провел полтора года. В марте 1925 г. в Берлине у него состоялась встреча с бывшим министром образования Турции Рызой Нуром, который передал Ахмет-Заки Валиди Тогану рабочее приглашение турецких ученых. Вскоре предложение было принято, Ахмет-Заки Валиди Тоган получил работу в Министерстве образования Турции. Он

прибыл в Стамбул 20 мая 1925 г. Гражданство получил несколько позже – 3 июня 1925 г., и оставался гражданином Турции до своей смерти 26 июля 1970 г. При этом в период с 1932 по 1939 гг. Ахмет-Заки Валиди Тоган находился преимущественно за границей (в Австрии и Германии).

В докладе уделяется внимание описанию личных контактов Ахмет-Заки Валиди Тогана с Мустафой Кемалем Пашой (первая встреча произошла 31 июля 1925 г.), а также знакомству с выдающимися учеными В.В. Бартольд и М.Ф. Кёпрюлюзаде.

С первых дней жизни в Турции Ахмет-Заки Валиди Тоган стал свидетелем и непосредственным участником формирования нового национального государства. Он активно вступал в актуальные споры по истории, языку, культуре, религии, праву, науке, внутренней и внешней политике.

В 1926 г. в журнале «Тюрк Йурду» (тур. «Türk Yurdu») вышла его статья, посвященная кризису культуры среди тюрков (тур. «Türklerde Hars Buhranı»). Подробный анализ статьи и её влияние на развитие общественной мысли в Турции приводится в докладе.

После полутора лет, проведенных в Анкаре, в январе 1927 г. Ахмет-Заки Валиди Тоган приступил к новой должности преподавателя истории в Стамбульском университете.

Поворотным в жизни и научной карьере историка стал 1932 год: Ахмет-Заки Валиди Тоган принял участие в первом Турецком историческом конгрессе в Анкаре, где выступил с критикой «Турецкого исторического тезиса» (тур. «Türk Tarih Tezi»). Вследствие этого в июле 1932 г. он был вынужден уволиться из Университета и уехать из Турции. После увольнения Ахмет-Заки Валиди Тоган направился в Вену, где защитил докторскую диссертацию, затем работал в университетах Бонна и Гёттингена в Германии.

Находясь в Вене, Ахмет-Заки Валиди Тоган с целью оправдать себя от клеветы и лжи, которые обрушились на него после Конгресса, написал письмо Мустафе Кемалю Ататюрку. Содержание этого письма подробно рассматривается в ходе доклада.

После смерти Мустафы Кемала Ататюрка в 1938 г. пост президента занял Исмет Инёню. В сменившихся условиях Ахмет-Заки Валиди Тоган направил заявление в Министерство образования, в котором выразил желание вернуться в страну и продолжить преподавание. 1 сентября 1939 г. Ахмет-Заки Валиди Тоган за-

нял должность заведующего кафедрой истории тюркских народов в Стамбульском университете.

В заключении доклада приводится оценка вклада ученого в развитие исторической науки и общественно-политической обстановки в Турции в указанный период.

Исмайлова Л.Г.

Элементы этнокультуры в бытовом дискурсе (на примерах азербайджанских эмотивных фразеологических единиц)

Элементами этнокультуры являются: традиции, обычаи, обряды, ритуалы. Все эти элементы являются национальными ценностями народа.

Любой человек относится к определенной этнической группе, у которой свой национальный язык со своей интонацией, своя определенная материальная и духовная культура, свои традиции и обряды. Язык народа всегда теснейшим образом связан с национальным духом.

Проблема взаимосвязи языка и культуры нашла свое всестороннее обоснование в трудах И Бодуэна де Куртене, В. фон Гумбольта, Э.Косериу, А. Потебни, Ф де Соссюра, Г.Штейнталя, В.Н Телия и других ученых.

Язык отражает не только социальную историю народа, но и все важнейшие этапы его культурного развития. Более того, уровень культуры народа определяется степенью развитости языка [Культурные коды в сознании и языке, 2015, с. 16]. Источники, воспроизводимые из поколения в поколение, представляющие собой семиотические системы, моделирующие результаты собственно человеческого самосознания – не составляют «ребуса» для носителей языка при расшифровке их смысла благодаря традиционной их преемственности в самосознании народа – носителя языка [Телия, 1996, с. 239].

Фразеологизмы, как утверждает Телия, возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который, безус-

ловно, связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры [Телия, 1981, с. 13].

ФЕ находят свои истоки в народных обрядах, традициях, берущих свое начало из глубокой старины, в суевериях, заклинаниях, страстных мольбах, которые находят свое отражение в письменных памятниках.

Например, в Азербайджане до 40 дней новорожденного ребенка не показывают никому, а после сорока дней, тот, кто посмотрит на ребенка, обязательно, употребит выражение: «Göz dəyməsin» / [букв.: пусть глаза не трогают], чтобы «не сглазить» ребенка. Есть такое суеверие, что существуют невидимые силы, которые могут навредить ребенку.

В азербайджанских семьях с особым трепетом относятся к старившимся родителям. Стараются быть образцовой семьей. Про них говорят «Qusağından yerə qoymataq» [букв.: не кладут на землю, держат в объятиях] – «носить на руках», любить, проявлять особое внимание. «Nazını çəkmək» [букв.: цацкаться] – «нянчиться». Приезжают братья, сестры и приглашают часто мать или отца в гости «ayağını yerə dəyməyə qoymurlar» [букв.: не позволяют, чтобы нога коснулась земли] – «носить на руках». Сыновья приглашают мать на неделю, на две к себе в гости, поухаживать за ней. Но у дочери родители или братья никогда не задержатся, могут заглянуть на часок, но не останутся надолго, скажут «gözü üstündə saxlayırlar» [букв.: держат на руках] или синоним этой ФЕ əlindən yerə qoymurlar [букв.: из рук не выпускают]. У азербайджанцев пожилые никогда одни не живут: они живут с сыновьями, а если нет сына, то будут жить у дочери, а если нет детей, то у родственников. Если старик или старуха остались в одиночестве, то их обязательно часто навещают родные и соседи. В таком случае одинокий человек, обрадованный визитом, скажет: «eynim açıldı» [букв.: открылось настроение] – «просиял от радости».

У азербайджанцев принято обязательно каждый день навещать заболевшего родственника или соседа. В первый день посетитель принесет больному фрукты, варенье или конфеты. Переживая за больного, он поделится с близкими: «Ürəyim qana döbür» [букв.: сердце превращается в кровь] «сердце кровью обливается». Расскажет о том, что не может без боли смотреть на детей: «hamısı bir-

birindən balaca» [букв.: один другого меньше] «мал мала меньше». Ответом ему может служить сочувственное: «Allah qüvvət versin!» [букв.: пусть Бог даст (им) силы] – «да поможет вам Бог» Когда больному желают быстрого выздоровления, ему могут сказать: «Allah kömək olsun» [букв.: Бог помощь] // Бог поможет; «Döşəyiniz yüngül olsun» / [букв.: пусть ваш матрац будет легким]. Например:

«– Salam, Hüseyin dayı, necəsiniz?

– Sağ ol, ay bala, istəməzdim ki, məni bu vəziyyətdə görəşən.

– Şükür Allaha, həg şey yaxşı olacaq. Döşəyiniz yüngül olsun.

– Здравствуйте, дядя Гусейн, как вы ?

– Спасибо, сынок, не хотел бы, чтоб ты меня вот в таком виде видел.

– Слава Богу, все будет хорошо. Оправитесь от болезни.»

Выражения «Allah şəfasını versin» [букв.: Пусть бог исцелит] или «Yastığınız yüngül olsun» / [букв.: пусть подушка будет легкой] употребляют, желая больному быстрого выздоровления.

Новость о выздоровлении больного близкие встретят восклицанием: «qanımız duruldu» [букв.: кровь разжижается у нас] – «развеселиться, воспрянуть духом». Могут сказать и по-другому: «qanım suşa gəldi» – «от радости закипела кровь». Больной, которого посетили, скажет: «eupim açıldı» [букв.:открывать настроение]». Это выражением он выразит свою радость. Близкие могут повезти выздоровевшего родственника на природу, чтобы после белых стен больницы он увидел высокие горы, зелень лесов. Выражение «eləbil dünyaya təzədən gəldin» [букв.: как будто заново родился] – «воспрянул духом»– поможет ему выразить свое счастье. Синонимом этой ФЕ является «elə bil dünyanı bağışladılar» [букв.: как будто мир подарили] – «чувствовать бесконечную радость».

Основная литература

1. Культурные коды в сознании и языке: международный сборник научных трудов по лингвокультурологии / под ред. Е.Е.Стефанского. – Самара: Самар.гуманит. акад., 2015. – 232 с.
2. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
3. Телия В.Н. Типы языковых значений. 1981. – 269 С.

Кадырбаев А.Ш.

«Тибетская» проблема в международных отношениях в Центральной Азии

I. Тибетский автономный район (ТАР) является нестабильной территорией Китайской Народной Республики, географически он также, как и Восточный Туркестан, – составная часть Центральной Азии. Хотя в Тибете нет городской партизанской войны против властей КНР, как в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), события последних лет показали, что обострение «тибетского» вопроса не менее опасно для китайского государства, чем акции антиправительственного подполья в Восточном Туркестане, поскольку имеют гораздо больший внешнеполитический резонанс, как это было в преддверии Олимпийских игр в Пекине, и обладают поддержкой, как моральной и материальной, не только международных правозащитных организаций, но и ведущих стран Запада, и, что особенно важно, Индии, а также буддийских стран – Непала, Мьянмы, Таиланда, Шри Ланки, Камбоджи, Вьетнама, которой нет у уйгурских борцов за самоопределение Восточного Туркестана от КНР, не имеющих такого харизматического лидера как тибетский далай-лама – духовный глава тибетского буддизма. Общины тибетских эмигрантов, насчитывающие десятки, если не сотни тысяч людей, представлены почти во всех ведущих странах мира, к голося которых прислушиваются правительства этих стран.

II. В отличие от уйгурских сторонников самоопределения от КНР, тибетские действуют внутри страны в основном ненасильственными методами, хотя, как показали последние события в Тибете, иногда и здесь дело доходит до массовых волнений и беспорядков на этнической почве. Волнения в Лхасе – столице Тибетского автономного района в марте 2008 года, поддержанные в Индии, Непале, США, странах Евросоюза тибетскими диаспорами во главе с далай-ламой, духовным лидером Тибета, уже 50 лет живущим в эмиграции, наглядное тому свидетельство. Но, ненасильственные методы борьбы тибетцев не менее опасны для единства китайского государства, чем действия уйгурских боевиков. Невозможно решить проблему Тибета путем китайской демографической экспансии, как власти КНР, например, делают в СУАР, поскольку в высокогорной стране надо родиться, а жители равнин – китайцы

физически трудно адаптируются в суровом тибетском климате, поэтому политика переселения их в Тибет не дает такого эффекта как в других национальных районах, когда таким путем достигалось изменение этнического баланса в пользу государствообразующего этноса. Для Центральной Азии проблема Тибета важна и в связи с заметным нарастающим проникновением в регион Индии, на глазах превращающейся в мировую державу и конкурента КНР, на территории которой обрели убежище далай-лама и 100 тыс. тибетцев, пользующиеся покровительством индийских властей. Истоки стремления тибетцев к расширению их прав в составе КНР, отчасти питаются воспоминаниями об утраченной ими государственности, когда в начале 1950-х годов в прежде независимый Тибет вошли войска НОАК КНР и присоединили эту страну к Китаю. Восстания в конце 50-х годов прошлого века были подавлены властями КНР, а далай-лама и многие тибетцы бежали в другие страны. Если США и страны Запада поддерживают далай-ламу, принимают его в своих столицах, выражают солидарность с тибетцами, то современная Россия, не желая портить отношения с великим соседом, де-факто на стороне КНР. Так, далай-ламе было отказано в визите в Россию, куда его приглашали буддийские организации, представляющие такие народы России, как буряты, тувинцы, калмыки, что вызвало с их стороны акции протеста, пресеченные российскими властями.

III. Проблема для КНР усугубляется сочувствием тибетцам в странах Запада, Индии и буддийского мира, где их лидер далай-лама получает не только духовную поддержку. Кроме того, тибетцы не одиноки в своих антикитайских настроениях внутри КНР, когда их союзниками выступают уйгурские «сепаратисты». Тибетцы становятся главными союзниками уйгуров внутри КНР, хотя их лидеры не выдвигают требование о предоставлении Тибету государственной независимости. Но, как пойдет дальнейшее историческое развитие Тибета, при всей значимости внешних факторов, зависит, в первую очередь, от политики нынешнего руководства КНР в области национальных отношений, от успеха проводимых им не только социально-экономических, но и политических реформ, от того насколько они будут предпочтительнее для народов Тибета, прежде всего, для приверженцев ламистского направления в буддизме, каковыми являются тибетцы, чем идея их самоопределения.

Основная литература

1. Богословский В. А. Политика XIII Далай-ламы в Тибете. – М.: ИВ РАН, 2002 Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/tibetskii-vopros-internationalnaya-politika-krn-v-tibete#ixzz5gTLNjiXp>
2. Syzdykova Zh., Suleymenjva Sh., Nazarova E., Mikhaylova N. One belt one road initiative: a difficult way to the Chinese dream // Opción, Año 34, Especial No.15 (2018): 440-460 ISSN 1012-1587/ISSNe: 2477-9385

Караев Т.М.

Университетская философия и наука России и «кавказский культурный мир»

Определение предмета русской философии, данное в словаре Брокгауза и Эфрона, оказалось настолько внедренным в общественное сознание, что и в наше время, даже среди специалистов в области истории философии, звучат нотки и громкие утверждения о том, что у нас не было философии, не было своих "Кантов и Спиноз". В реальности же исследованиями, в особенности последних десятилетий, доказано, что русская философия является уникальной частью мировой философии, претендующей на оригинальность и неповторимость многих ее составляющих.

Естественно, что философия как самостоятельная область знания активно стала развиваться в университетах, центрах образования и научных исследований. Благодаря университетским курсам, включая и философию, был вызван широкий познавательный интерес к знаниям и философским их обобщениям у представителей кавказских народов, впрочем, как и у других народов России. Судьбоносным фактором для культуры кавказских народов стало принятое в середине XIX века правительством царской России в 1849 г. специальное «Положение об уроженцах Кавказа, отправляемых в учебные заведения России». Согласно этому документу ежегодно более семисот представителей разных народов Кавказа направлялись на учебу в высшие учебные заведения России. Во многом благодаря данному «Положению» и появилось образованное поколение кавказцев, которое, вернувшись на родину, продвигало просвещение и образование малых и больших кавказских народов. Среди этой молодежи можно выделить К. Хетагурова,

обучавшегося в Санкт-Петербурге, Ш. Ногмова, впоследствии оказавшего огромную помощь в филологических изысканиях. Среди кавказцев, получивших образование в России, особо следует отметить Мирзу Казембека, который впоследствии стал одним из выдающихся ориенталистов России. Он долгое время возглавлял кафедру восточных языков, сначала в Казанском университете, затем в Санкт-Петербургском. Его труды по истории восточных движений, филологии и философии истории представляют интерес и в наше время. Безусловно, талант и научное творчество Казембека – следствие его фундаментального образования, полученного в России. Восхитительным примером итогов университетского образования, включая философское, является пример грузинских «тергдалеули» (побывавшие за Тереком). Это грузинская молодежь во главе с И. Чавчавадзе, получавшая образование в Московском и Санкт-Петербургском университетах, вернувшись потом в Грузию и успешно применявшая полученные знания в социальной жизни. И. Чавчавадзе работал судьей в Кутаиси. Н. Николадзе писал работы, связанные с проблемами социального прогресса, а А. Пурциладзе переводил на грузинский Канта и Гегеля. Нет ни одного аспекта в философии XIX в., над которым не размышляли бы представители этой школы, выдвигая на первый план проблему философского обоснования социального идеала, достижению которого можно было бы способствовать, преобразовывая общество, его сознание и уровень образованности. Поражает обилие газет и журналов, в том числе на русском и грузинском языках, которые выходили в Тифлисе и которые распространялись в самых дальних уголках Кавказа.

Кавказ XIX в. назван академиком Н.Я. Марром «кавказским культурным миром» и в действительности: сотни языков, многие из них в устном варианте, многоверье, разнообразие устного народного творчества. Весь этот культурный ареал нуждался в исследованиях и обобщениях. И это было возможно благодаря людям, получившим университетское образование в России, в том числе и в области философии. Годы учебы в Московском университете предопределили деятельность и талант армянского шестидесятника М. Налбандяна.

Обучаясь на медицинском факультете, впоследствии он написал трактат «Земледелие как верный путь», являющийся обоб-

щенным произведением по социальной философии того времени. Его перу принадлежат и другие произведения: «Гегель и его время, «Речь об армянской словесности» и др. Он одним из первых среди кавказских мыслителей XIX в. поднимает вопрос о теоретическом истолковании проблемы национального, философского аспекта этого понятия. В итоге разрешение национального вопроса, данное Налбандяном, не утратило своего значения и в наше время. Благодаря университетскому образованию в кавказском культурном мире появляется имя азербайджанского просветителя Г. Зардаби. Наследие этого азербайджанского мыслителя напрямую связано с тем, какое он получил университетское образование в России. По кругу научных интересов этого мыслителя можно реконструировать обучающие программы университета, науки, которые там преподавались. Материалы организованной им в Баку первой азербайджанской газеты «Экинчи» настолько разнообразны, что охватывают такие отрасли знания, как астрономия, биология, медицина, педагогика, философия, экономика. В газете дана дискуссия вокруг «Происхождения видов» Ч. Дарвина. Даются переводы статей не только с русского, но и с грузинского и армянского языков. Подводя итог, следует подчеркнуть, что философствующие ведущие мыслители разных народов Кавказа появляются во многом благодаря российской университетской философии. Все, что было актуально для философии в России XIX в. (а она была сосредоточена на гуманитарных кафедрах университетов), было актуально и для мыслителей кавказский народов. Это вопросы онтологии и границ познания, это вопросы о прогрессе и субъекте истории, это вопросы этики и гуманизма, это вопросы этносоциального развития, вопросы веры и светской науки, вопросы образования и педагогики, это историко-философские вопросы и вопросы философии истории.

Университетская философия и наука в России послужили стимулом и для развития кавказоведения как части ориенталистики. Кавказоведение начинается с деятельности уроженца Кавказа Н. Я. Марра, впоследствии академика, впервые применившего словосочетания «кавказский культурный мир», «яфетический язык», понимаемого скорее как «яфетическая культура». Обращение кавказской интеллигенции к европейской и русской философии было мотивировано познавательным интересом. Особенно этот

интерес проявлялся в области социальной философии, социального идеала, субъекта истории, социального и исторического прогресса.

Кореев Т.К.

Центральная Азия в ранней ирано-мусульманской географической традиции: проблема исторической методологии

Ирано-мусульманскую географическую традицию составляет совокупность письменных памятников нарративного типа, которые появились как результат широкого синтеза методов и мировоззренческих установок нескольких школ арабской географии эпохи поздних 'Аббасидов и повествовательных элементов и языковой среды, связанной с южноиранским культурно-лингвистическим пространством. Ее инструментом стал новоперсидский язык (фарси-йи дари), вышедший на протяжении VIII – IX вв. в условиях административного и престижного доминирования арабского на землях бывшей державы Сасанидов в Иране и согдийских и эфталитских княжеств в Центральной Азии, которые пребывали в составе сначала Халифата, затем его эмиратов-преемников – Тахиридского, Саффаридского и Саманидского. В X – XI вв., не в последнюю очередь благодаря патронажу со стороны правящих династий, обращавшихся к своим доисламским корням, новоперсидский превратился из преимущественно поэтического койне в средство интеллектуального общения, распространив свое присутствие на большую часть как «традиционных» (накли), так и «рациональных» ('акли) наук.

Центральноазиатский макрорегион, и в первую очередь его исламизированное ядро – «среднеазиатское Двуречье» (Сырдарья – Амударья) – был уже в конце I тысячелетия одновременно важным центром этой синкретической арабо-персидской цивилизации и объектом пристального внимания со стороны арабоязычных интеллектуалов (зачастую иранского же происхождения). Достаточно общего обзора тех материалов, которые приводят в связи с характеристикой Мавераннахра, Хорезма и Ферганы, географы школы ал-Балхи (1-я половина X в.), чтобы понять, что речь идет

не просто о пограничье с Великой степью, а об одной из наиболее значимых с культурно-экономической точки зрения частей дар ал-ислам. Т.о., те мусульманские ученые и эрудиты, что задумывались здесь над описанием своей родины и окружающих стран, а также прилегающей к ним пустынной и степной Евразией, обращались в значительной мере к самоописанию.

Не стоит, вместе с тем, преувеличивать этот, безусловно интересный и даже интригующий, аспект их интеллектуальной продукции. Важно не забывать о канонической, зачастую даже близкой к формульности, методике географических штудий в понимании арабоязычных авторов, которая особенно укрепилась по истечении креативного периода (2-й половины IX – 1-й половины XI в.), своего рода «золотого века» арабского землеописания. В случае с ирано-мусульманской географической традицией дополнительным фактором служит в большой мере ее переводной, адаптивный характер и объясняющаяся им зависимость от классических текстов на арабском языке. Надо, в то же время, отметить, что произведения данного типа отличаются в целом меньшей нормативностью, нежели, например, хроникальные, и отсутствие жестко установленных критериев способствует порой проникновению в них оригинального, не имеющего аналогов и прецедентов материала, особенно когда речь заходит о личном опыте или впечатлениях автора.

В задачу данного сообщения входит последовательное обозрение главных образцов рассматриваемой традиции, появившихся начиная с саманидской и кончая сельджукской эпохами, т.е. на протяжении 2-й половины X – 1-й половины XIII в., в их содержательном и жанровом разнообразии. Это трактат «Границы мира с востока на запад» (Худуд ал-'алам мин ал-машрик илал-магриб, 970-е – 980-е годы), составленный по заказу одного из мелких владетелей Хорасана эпохи Саманидов, сборник «Чудеса земного мира» ('Аджаиб ад-дунья, 1210-е – 1220-е годы), пример сравнительно редкого в персидской литературе домонгольского периода жанра мирабилей (занимательных и поучительных сведений о диковинках мироздания), и краткая энциклопедия «Книга о мире» (Джахан-нама, 1200-е – 1210-е годы), задуманная как разъяснение к большой карте, не сохранившейся до настоящего времени.

Основная литература

1. 'Аджа'иб ад-дунйа (Чудеса мира). Издание оригинала и пер. с персидского Л.П. Смирновой. М.: Восточная литература, 1993.
2. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893 – 1894 гг.» // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. М.: Наука, 1973.
3. Мухаммад ибн Наджиб Бакран. Джахан-наме. М.: Издание АН СССР, 1960.
4. Hudud al-'Alam, The Regions of the World. A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D. Translated and explained by V. Minorsky. London: Oxford UP, 1937.

Махаматов Т.М.

Просвещение как эволюция национального самосознания

Каждый народ в своем историческом развитии не единожды проходит через просвещение. На каждом поворотном этапе своего исторического бытия перед обществом возникает необходимость общенационального осознания особенностей и коренных задач данного периода. Эпоха европейского просвещения 18 века не была первой и не является последней. История мировой цивилизации показывает, что многие народы мира в истории своего развития не однократно прошли через процесс просвещения. Исторически первой эпохой просвещения можно назвать период становления древнегреческой культуры, которое сопровождается открытием все более широкому кругу людей и в конце концов всему демосу доступа в духовный мир, бывшей ранее привилегией немногих. Этому процессу послужило превращение письменности в средство общей культуры. Ж.-П.Вернан пишет, что «письменность в собственно интеллектуальном плане начинает служить средством общей культуры и позволяет в полной мере распространять знания, которые ранее были уделом немногих или находились под запретом... Письменность стала удовлетворять потребности распространения знаний почти так же, как и разговорная речь... Начиная с VIII в. до н.э. письменность не предполагает больше специального умения, доступного только писцам, но получает ши-

рокое и свободное распространение среди народа». Однако, как свидетельствует философия истории, после античности в каждую историческую эпоху народы заново осознают, открывают или находят себя. Это происходит в единстве возрождения и просвещения. Так, например, вновь образовавшийся арабо-мусульманский мир с VIII по XI вв. приобретает свое самосознание на основе просвещения и возрождения древнегреческой философии. Далее, под воздействием просвещающегося мусульманского мира, который требовал поставок товаров для огромного городского населения Дамаска, Туниса, Багдада, Кордовы с варварского Запада, – леса, мехов, рабов – стали появляться эмбрионы городов, порты. Феномен образования городов, согласно исследованиям Ж. Ле Гоффа, к XII веку основательно изменит экономическую, социальную и политическую структуру Запада. «К этим революциям добавится еще одна – культурная. А к рождениям и возрождениям присоединяется еще одно – возрождение интеллектуальное». Интеллектуальное возрождение происходит в форме теологическо-философской схоластики. Схоласты как и софисты, просвещали народ, способствовали формированию духа любознательности, наблюдений, исследований, который расцвел, питаемый соками греко-арабской науки. «Жажда познания получила такое распространение, что знаменитейший из популяризаторов века Гонорий Отенский резюмировал ее удивительной формулой: «Невежество – изгнание человека, его отечество – наука». Одним из величайших достижений и творений средневекового просвещения Западной Европы были университеты, своеобразная корпорация преподавателей и студентов; другим же – формирование европейского самосознания, менталитета и идентичности.

Третья волна просвещения в Европе происходила в Новое время. Новая эпоха – эпоха географических открытий, развертывания товарно-денежных отношений, усилившего с переходом к денежной ренте, образования национальных государств и других веяний – породила необходимость нового – национального самосознания. Эту волну просвещения возглавила дворянская интеллигенция, недовольная абсолютной монархией и ее союзницей – церковью.

Родоначальники европейского просвещения французские философы XVIII века, как отмечает Гегель, «разбили все предрассудки и одержали победу над лишенными понятия предпосылками

и признанными положениями положительно существующего в области религии, находящегося в связи с привычками, нравами, мнениями, правовыми и моральными определениями и гражданским устройством». Все должно быть перестроено согласно рациональному мышлению, научному самосознанию «верхов», просвещенных правителей. Вольтер, Гольбах, Робинс, Дидро и другие представители просвещения, критикуя суеверие, косность мышления представителей церкви, пытались рационально вновь осознать сущность религии и бога. Поэтому их можно назвать непоследовательными атеистами. Гегель, Виндельбанд и другие считают, что воззрение просветителей о боге нельзя назвать атеизмом. В конце XIX в. и в начале XX в. начинается новый исторический этап просвещения. Одной из его особенностей является то, что просветителями выступают выходцы из народа (у узбеков – З.Фуркат, Хамза Х. Ниязи, у башкиров – Акмулла, у азербайджан Ширвани С.А., Сабир Мирза-Алекпер и т.д.). Вторая особенность – наряду с формированием нового национального рационального самосознания происходит осознание интернационального единства с другими народами. Это особенно ярко проявляется в просветительском движении малых народов Российской империи. Так, например, Фуркат и Хамза (узбеки), Акмулла (башкир), Шигабутдин Марджани (татарин), Ибрай Алтынсарин (казах), М.Ф.Ахундов и Кудей (азербайджанцы) и другие, просвещение своих народов видели не только в приобретении грамотности и приобщении к достижениям науки, но и в приобщении к культуре русского народа, в понимании своих народов единства своей исторической судьбы с судьбой всей России. С вступлением современных стран – бывших республик СССР в период стабильного социально-политического и экономического развития начинается новый этап просвещения. Нынешнее Просвещение выполняет задачу формирования национального самосознания, идентичности нового времени, возрождения национального самоуважения и принципа диалектического равенства всех наций и народов России. Здесь немаловажную роль играет возрождение исторической памяти, превращение прошлого в фундамент настоящего и движения в будущее. Недаром О.Шпенглер отмечал: «У животного есть только будущее, человек знает и прошлое». Сущностью национального самосознания каждого народа является его прошлое, забыв которое народ становится «манкур-

том». Теряя свое прошлое народ все меньше остается народом, теряет свою идентичность, превращается в население, в массу. Актуальной задачей современного этапа Просвещения является демократизация общества. Но, если новоевропейское Просвещение занималось демократизацией государственного устройства и науку, то современное Просвещение демократизирует образ жизни народа. Его острие направлено на систематизацию имеющихся в традициях и обычаях демократические элементы, соединение их с политической демократией и создание демократического образа жизни народа. Огромный позитивный и негативный политический опыт народов стран постсоветского пространства, формирование политической элиты нового поколения и глубокие демократические начала в образе жизни народов молодых субъектов международной политики позволяют надеяться на успешное решение задач современного Просвещения.

Основная литература

1. Вернан Ж.– П. Происхождение древнегреческой мысли. – М., 1988.
2. Гофф, Жак Ле. Интеллектуалы в Средние века. – СПб., 2003.
3. Виндельбанд В. История новой философии. В 2-х т. Т.1. – М., 2000.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. третья. – СПб., 2006.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. – М., 1993. С.328.

Нурулла-Ходжаева Н.Т.

Эстетика восстания 1916 г. в Центральной Азии

Колониальное общество России конца 19-нач.20 вв. представляется уникальной социокультурной системой, и ее история демонстрирует способность человека создавать систему в особых часто драматических условиях. Это хорошо описано в книге А. Эткина «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России». Автор данного исследования цитирует В.Г. Белинского, считавшего, что самовестренизация России была ответом на страх ее колонизации Западом. С другой стороны, такого рода подход позволяет напомнить, что российский вариант колониализма также как и британский, французский и т.д. имеет такие же европоцентристские

рамки. Даная призма оформляет, точнее влияет как колонизируемого, так и колонизатора. В среде отечественных исследователей, данный сложный комплекс, и отношения внутри него до сих пор невероятно упрощены.

Я пытаюсь отойти от сложившихся стереотипов, стать «парламентером» и попытаться развернуть восстание 1916 г., которое вспыхнуло в Центральной Азии (с его социо-политической составляющей) к «эстетике», и сделать это с акцентом на зависимого, или субалтерна. Эта концепция, была выдвинута итальянским марксистом Антонио Грамши. По его мнению «современные субалтерны» (от лат. Sub – под и Alter – другой) это те, которые исключены из установленной обществом структуры политического представительства, и их соответственно не слышно, потому, что они в подчинении (или иначе в зависимости) от сильных мира сего. Эксперты по колониальным учениям трансформировали «современный» в «колониальный субалтерн». Подход позволяет предложить две противоположные тенденции, внутри почти «эмбрионного» теоретического осознания такого феномена как «субалтерн»:

- с одной стороны консервативная тенденция, возникшая на основе наследуемых, некритически воспринимаемых аспектов доминирующей имперской культуры, а также,
- радикального, ориентированного на практическую трансформацию условий жизни субалтерных групп при царском режиме.

В таком ключе, цель предлагаемого доклада представить/исследовать борьбу двух вышеуказанных течений, которые на протяжении истории изображались спаянными, и одновременно соперничающими сторонами антагонистического сознания. Признание такого рода сознания может состояться на основе многочисленных вариантов, и один из них это сегодняшнее обоснования синтеза: политики и эстетики в рассматриваемый период.

Основная литература

1. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
2. Фитрат А. Давраи хукмронии амир Олимхон. Душанбе: Палатаи давлатии китобхо, 1991. 64 с.
3. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. 640 с.

4. Beyond Neoliberal Governance: The World Social Forum as Subaltern Cosmopolitan Politics and Legality // Boaventura de Sousa Santos and Cesar A. Rodriguez-Garavito (eds.) Law and Globalization from Below: Towards a Cosmopolitan Legality. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 29–63.
5. Gilroy P. Postcolonial Melancholia. New York: Columbia University Press, 2005. 192.

Рахаев Д.Я.

И.Г. Чавчавадзе и грузинское национальное движение второй половины XIX – начало XX веков

И.Г. Чавчавадзе, грузинский писатель и публицист, выдающийся общественный деятель, родился 27 октября 1837 г. в семье князя Григория Паатовича Чавчавадзе и княжны Мариам Христофоровны Бебуришвили.

В 1848–1851 гг. И. Чавчавадзе учился в тифлисском частном пансионе немецкого педагога Л. Хакке, где, по его словам, заботились не только об умственном развитии, но и о нравственном воспитании молодых людей; в 1852–1856 гг. – в Тифлисской дворянской гимназии, в 1857–1861 гг. – на камеральном отделении юридического факультета С.-Петербургского университета. В российской столице грузинская студенческая молодежь под его началом занималась собиранием грузинских книг и рукописей, изучением культурного и духовного наследия Грузии, активно обсуждала проекты развития Грузии. Осенью 1861 г. И. Чавчавадзе, студент 4-го курса университета, вынужден был оставить учебу из-за участия в студенческих волнениях и вернулся в Грузию.

И. Чавчавадзе принял активное участие в грузинской общественной жизни, возглавив национальное движение середины XIX в. В 60-х гг. XIX в. среди грузинских интеллектуалов, получивших образование в России, возникло движение «тергдалеулеби» (испившие воды Терека). Название движению дал обычай: уезжая учиться на север и пересекая Кавказский хребет, студенты символически прощались с родиной – пили воду из Терека. И. Чавчавадзе возглавил «Тергдалеулеби», охватившее широкие круги грузинского общества, его членами были талантливые интеллектуалы (Н. Николадзе, А. Казбеги, Важа Пшавела, А. Церетели, Д.

Гогебашвили, С. Месхи и др.). Чавчавадзе и его сторонники активно публиковались в журнале «Дискари» (Заря), на страницах которого, началась реформа грузинского языка и литературы. Здесь впервые были напечатаны произведения грузинских писателей и поэтов: Д. Гурамишвили, А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, А. Церетели и др. В 1863 г. под началом И. Чавчавадзе издавался периодический орган «Тергдалеулеби» – журнал «Сакартвелос Моамбе» (Вестник Грузии), просветительско-демократического направления, оказавший влияние на развитие грузинской прессы. Преемником издания стал основанный И. Чавчавадзе в 1877 г. ежемесячный демократический журнал «Иверия» (в 1886–1906 г. – ежедневная газета). Чавчавадзе стал первым главным редактором журнала (до 1902), с изданием сотрудничали почти все деятели национального движения Грузии.

21 апреля 1863 г. в И.Г. Чавчавадзе обвенчался с княжной Ольгой Фаддеевной Гурамишвили. После женитьбы он поступил на государственную службу. В начале 1864 г. в связи с планирующейся в Кутаисской губернии крестьянской реформой И.Г. Чавчавадзе был направлен в Кутаис чиновником особых поручений при кутаисском генерал-губернаторе «для определения взаимных отношений помещиков и крестьян». В 1864–1868 гг. был мировым посредником, затем до 1874 г. – мировым судьей Душетского уезда Тифлисской губернии. Чавчавадзе внес значительный вклад в усовершенствование проекта крестьянской реформы, принимал активное участие в ее осуществлении, подготовил представленный в Закавказский центральный крестьянский комитет документ «Критические замечания по параграфам предварительного проекта местного положения о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в Тифлисской губернии». И.Г. Чавчавадзе считал заботы о просвещении грузинского общества своим наиболее важным делом. В 1871 г. он занялся разработкой проекта национального университета: в преддверии визита императора Александра II в Тифлис на грузинском дворянском собрании с подачи Чавчавадзе было решено ходатайствовать перед императором об учреждении в Тифлисе университета. Однако присутствовавшие на собрании попросили Александра II открыть военное учебное заведение для детей дворян. В ноябре 1871 г. была основана Тифлисская военная прогимназия.

Оставив государственную службу, И.Г. Чавчавадзе в 1874 г. вернулся в Тифлис и участвовал в создании и работе практически всех появившихся в то время национальных культурных и экономических учреждений. Так, в 1875 г. под его началом было основано 1-е в Грузии кредитное учреждение – Дворянский поземельный банк Тифлисской губернии, что позволило создать необходимую материальную базу для поддержки национальных культурных учреждений: театров, издательств, учебных заведений, а также развития духовной жизни Грузии. Банк субсидировал Общество распространения грамотности, проекты грузинской прессы, театр, оказывал финансовую поддержку частным лицам, в основном студентам. В 1875 г. по инициативе И. Чавчавадзе и С. Месхи в Тифлисе было основано Товарищество издателей грузинских книг, выпускавшее современную грузинскую литературу, книги исторического содержания и учебники, что способствовало повышению уровня образования и популяризации национальной культуры в Грузии. В 1879 г. И.Г. Чавчавадзе призвал грузин поддержать грузин-мусульман, проживавших на территориях, присоединенных к России по Берлинскому трактату 1878 г.

Чавчавадзе выступал за введение местного самоуправления в Грузии, участвовал в обсуждении вопроса о введении земства на заседаниях Дворянского собрания Тифлисской губернии. В 1905–1906 гг. он являлся членом Государственной Думы, где отстаивал демократическую программу и защищал проект отмены смертной казни. В те же годы И.Г. Чавчавадзе возглавил движение за восстановление автокефалии Грузинской Православной Церкви, куда вошли многие представители грузинского духовенства и общественные деятели.

И.Г. Чавчавадзе имел огромный авторитет среди грузин; его называли «отцом нации». До конца жизни он оставался наиболее влиятельной фигурой в общественной жизни Грузии. 30 августа 1907 г. был убит в с. Цицамури группой молодых людей (Г. Бербичашвили, Г. Модзгвришвили, Т. Лабаури и др.). Гибель Чавчавадзе вызвала значительный резонанс в грузинском обществе. Похоронен в пантеоне Мтацминда. В 1987 г. И.Г. Чавчавадзе был канонизирован Грузинской православной церковью под именем Илия Праведный.

Сыздыкова Ж.С.

Великий Шелковый путь– путь взаимодействия культур

С приобретением независимости перед странами Центрально-Азиатского региона (ЦАР) стояли задачи, схожие между собой, они прежде всего, были связаны с государственным строительством, формированием национальной идентичности, вхождением в мировое сообщество. При строительстве нового государства важнейшее значение имеет исторический опыт, не стоит исключать и опыт взаимодействия на Великом Шелковом пути (ВШП). История Великого Шелкового пути – это история широкого культурного взаимодействия и взаимообмена между народами Востока и Запада, является доказательством того, что только через практику тесного сотрудничества и взаимообогащения культур разных народов можно добиться развития торговли и взаимовыгодного сотрудничества стран и стабильного развития внутри самих стран.

Значительна роль ВШП в распространении мировых религий. Стоит отметить, что наиболее успешной была экспансия буддизма, которое началось в первые века новой эры. Буддийские монахи вместе с купеческими караванами шли из Индии в Среднюю Азию и в Китай. В государства Средней Азии и Восточного Туркестана буддизм проник в II и III вв. и далее в IV и VII вв. буддизм получает распространение на территории Китая и далее до Японии.

В распространении буддизма важная роль принадлежала согдийцам, парфянам, кангюйцам. Особенно активно этот процесс происходил во II–III вв.н.э., вероятно, это было связано с политическими целями Кушанского государства на Востоке. В период раннего средневековья роль основных миссионеров буддизма выполняли именно согдийцы. Анализ терминов из тюркских буддийских текстов Восточного Туркестана свидетельствует о том, что они были заимствованы при посредничестве согдийцев. В храме Хорюдзи японской столицы того времени Нара была обнаружена согдийская надпись. На протяжении различных ответвлений ВШП обнаружены буддийские памятники, к ним можно отнести культовые сооружения в Согде в долине Санзара. Открыты также буддий-

ские памятники в городище Гяур-кала в Мерве, а также в долине Вахша на юге Таджикистана, ведутся раскопки в Термезе несколько лет ведутся раскопки монастыря I–III вв.

По Шелковому пути наряду с буддизмом из территории Сирии шло распространение и христианства, тому имеются письменные свидетельства. В итоге, согдийцы познакомились с сирийским письмом, а от согдийцев, принявших христианство, сирийское письмо пришло к тюркам.

Получили распространение изделия несторианских ремесленников (два серебряных блюда), получившие известность под следующими названиями: Анаковское и Григорьевское. К произведениям «религиозного искусства и религиозной символики» специалисты относят христиан-тюрков кайраки (надгробные камни с несторианскими надписями и символикой).

Получило распространение и манихейство, которое возникло на территории Ирана в III веке от Италии до Китая. Резиденция верховного представителя в VIII веке была расположена в Самарканде.

На территории Центральной Азии были также и приверженцы зороастризма, появившегося в VII–VI вв. до н.э. на территории древнего Ирана и почитавших – огонь, воду, землю и воздух. Обнаруженные находки представлены захоронениями в оссуариях.

Безусловно, эпохальным в плане воздействия на последующее развитие региона представляется период второй половины VII в., когда на границах Средней Азии появляются войска арабского халифата. Поставив главную цель – перевести все местное население в ислам, арабы быстро насильственными мерами вызвали вполне закономерное недовольство местного населения, в среде которой были глубокие корни различных верований. В итоге, начале X в. ислам принял основатель династии Караханидов Сатук, а его сын Богра хан Харун Мусса в 960 г. объявил ислам государственной религией. Согласно археологическим сведениям в VIII–XIII вв. идет формирование городской мусульманской культуры.

Несмотря на различия в уровне общественной жизни, традиции и исторических судеб народов, втянутых в орбиту ислама, в результате их сложного взаимовлияния, а в конечном итоге и синтеза их культур, создавалось во многом общая для народов Центральной Азии мусульманская культура.

Можно констатировать, что историческое наследие – один из наиболее влиятельных факторов становления и развития массового национального самосознания, которое способствует консолидации всего общества в деле утверждения и развития государственности. Знания о прошлом служат современным личностям средством их идентификации. Кардинальные изменения в представлениях о прошлом влияют напрямую на убеждения и мнения, а также действия личности и общества в настоящем.

Основная литература

1. Байпаков К.М. Великий Шелковый путь в Центральной Азии.// Шелковый путь и Казахстан-Алматы.1999. С. 25.
2. Сыздыкова Ж.С. Центральная Азия – перекресток цивилизации на Великом Шелковом пути// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки», № 3/2, с. 45–48.

Хушкадамова Х.О.

Женское движение Таджикистана в годы Великой Отечественной войны

Первое десятилетие после революции, особенно это относится к периоду 1920–1930 гг. в Средней Азии характеризуется как начало раскрепощения женщин. Главными задачами считались: открытие клубов и организация их деятельности на местных языках; усиление работы в союзе молодежи и среди женщин в республиках и областях. Активно начал реализовываться специальный проект в борьбе за гендерное равноправие – движение «Худжум ба фаранчи» (Наступление на паранджу).

В годы Великой Отечественной войны женщины Таджикистана наряду с другими народами великой державы встали на защиту своего Отечества. И документы–публикации средств массовой информации, письма женщин, многочисленные научные работы показывают, что женщины не только трудились в тылу, делали всё для фронта, для победы, но и сражались на поле боя. В это сложное для страны время, все другие вопросы и проблемы, в том числе пережитки в отношении женщин сами по себе ушли на второй план. Несмотря на то, что в 1934 году специальная дифференциро-

ванная работа среди женщин в стране советов была прекращена, в Таджикистане и в других республиках Средней Азии в силу актуальности проблематики женское движение действовало всегда. И в годы Великой Отечественной войны в том числе, этот механизм содействовал организованной мобилизации женщин на защиту Родины. Как показывает анализ публикаций СМИ Таджикистана, обзор научных исследований, проведенных в стране, проявилась она в специфических формах объединения фронта и тыла со стороны женщин и девушек.

Исследование участия женщин Таджикистана, как и женщин других стран постсоветского пространства в объединении тыла и фронта в годы Великой Отечественной войны сегодня, когда нарастает угроза новых вызовов, приобретает особую актуальность. То высокое состояние духа патриотизма, дружбы народов, которое было тогда, нужно возродить и привить всем, особенно нынешнему и будущему подрастающему поколению стран Содружества Независимых Государств.

Шестаков Н.Р.

Место и роль партии турецкого меньшинства в Болгарии

Турки являются второй по величине этнической группой в Болгарии. По данным переписи 2011 г. они составляют 8,8 % населения страны, общая численность которого более 7,3 млн чел., на турецкую диаспору приходится около 640 тыс. чел. и они активно участвуют в политической жизни.

Крупнейшая и влиятельная из политических партий, представляющих интересы болгарских турок, – Движение за права и свободы (Hak ve Özgürlükler Hareketi) является третьей по величине болгарской партией, и с 1991 г. её члены входят в число депутатов Народного собрания Болгарии. После вступления Болгарии в Евросоюз Движение за права и свободы (ДПС) принимает участие в выборах в Европейский парламент. С 1990 г. турецкая партия ДПС на выборах набирала более 7% голосов, а с 2005 г. она заметно увеличила свой результат, уже более 10 лет получая от 12 до почти 15% голосов, являясь третьей политической силой страны

после правящей ГЕРБ ("Граждане за европейское развитие Болгарии") и Болгарской социалистической партии (БСП).

В 1997–2009 гг. турецкая партия входила в правительство, а затем поддерживала правительство ГЕРБ в парламенте. При этом с самого основания она поддерживала прочные связи с соседней Турцией и являлась благодаря этому монопольным представителем турецкой общины страны. Отличительной чертой развития ДПС являлось то, что она, довольно скоро приобрела стабильный избирательный потенциал (15–17%) и войдя в парламент, стала решающей политической силой при формировании коалиционных правительств. При этом руководство ДПС явно тяготело к левым из Болгарской социалистической партии (БСП).

На парламентских выборах 2014 г. партия получила 36 мест из 240 в Народном собрании Болгарии. В 2014 г. ДПС получила 14 % голосов избирателей и четыре депутатских кресла из 17 мест, выделенных Болгарии в Европарламенте. Стоит отметить, что около 15 % голосов избирателей, которые получает ДПС на выборах, принадлежат гражданам Болгарии турецкого происхождения, проживающим в Турции. Разрешение голосовать на территории Турции болгарские граждане получили в 2001 г. Такая практика позволяет ДПС увеличивать число своих депутатских мандатов.

Политику ДПС нельзя было назвать протурецкой партией. Ситуация изменилась в 2013 г., когда во главе ДПС встал Лютви Ахмед Местан, не скрывавший своих симпатий к политике Эрдогана. Раскол турецкой партии в Болгарии стал неожиданным следствием российско-турецкого кризиса 2015 г. Тогдашний лидер ДПС Местан безоговорочно поддержал турецкую позицию, когда был сбит российский Су-24. Элите ДПС во главе с её основателем Ахмедом Доганом такой подход показался слишком радикальным, и 24 декабря 2015 г. Местан был смещён и исключён из партии. Политик не сдался и вскоре сформировал партию. Так, в апреле 2016 г. бывшие члены ДПС создали новую политическую партию, которая получила название ДОСТ (Демократы за ответственность, свободу и терпимость – Sorumluluk Özgürlük ve Hoşgörü İçin Demokratlar). Свойственная туркам пассионарность регулярно приводит к появлению новых организаций, не все из которых отличаются долговечностью, что определяет изменчивость политического ландшафта.

Лоббируемая Турцией партия ДОСТ, не прошла в парламент. Снизился и результат ДПС до 9,24% – самый низкий результат партии за последние лет (в Турции за ДПС проголосовали в пять раз меньше избирателей, чем в 2016 г. – около 12 тыс. человек). При этом очевидна поддержка партии ДОСТ из Турции – примерно 19% от всех голосовавших. Экс-председатель ДПС А.Доган будучи опытным политиком Болгарии сохранил за собой лидерский пост и сумел балансировать ведущими политическими силами и внес весомый вклад в построение существующей в Болгарии межэтнической модели.

ДПС постоянно расширяет представительство связанных с Движением людей в среднем эшелоне власти, которых будет крайне трудно убрать в случае смены "караула" в правительстве. ДПС фактически обеспечило себе прочное присутствие во власти на будущее и при формировании последующих правительств, с этим будут вынуждены считаться.

Основная литература

1. <http://censusresults.nsi.bg/Census/Reports/2/2/R7.aspx> (дата обращения – 18.02.2019)
2. <http://results.cik.bg/pi2014/rezultati/32.html> (дата обращения – 12.02.2019)
3. https://www.capital.bg/politika_i_ekonomika/bulgaria/2017/03/27/2942858_zh_kogo_glasuvaha_bulgarite_v_chujbina/ (дата обращения – 12.02.2019)

Научное издание

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ.
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
И АФРИКАНИСТИКА

Подписано в печать 04.04.2019.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 22,5.
Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство «Ключ-С»
119180, Москва, ул. Большая Полянка, д. 7/10, стр. 3
Тел./факс: (495) 640-87-93
www.kluch-s.ru